

Чарльз Де Линт
Призраки в Сети

- laliluleo. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>

«Чарльз Де Линт "Призраки в Сети"»: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-389-01590-6

Аннотация

В Интернете часто происходят необычные вещи: появляются и исчезают сайты, привычные ссылки заводят в самые неожиданные уголки сетевого пространства, виртуальные собеседники меняют голоса и лица. Что за призраки блуждают в Сети? И каково это — в один прекрасный день превратиться в такого призрака?

Движимый мстью, редактор популярного журнала просит знакомого хакера уничтожить книжный сетевой ресурс «Вордвуд». Но когда «Вордвуд» обрушивается, таинственным образом исчезают все интернет-пользователи, находившиеся в тот момент на сайте, и в их числе невеста известного писателя. Несчастных людей словно засасывает в виртуальное пространство прямо из кресел перед мониторами. Служба спасения бросает

все силы на поиски пропавших, в то время как ведущие программисты пытаются восстановить загадочный сайт и раскрыть его тайну. Но только писателю, стремящемуся во что бы то ни стало вернуть свою возлюбленную, удастся найти по-настоящему действенное средство борьбы с призраками в Сети.

Чарльз де Линт «Призраки в Сети»

Эта книга посвящается моему давнему другу Роджеру Тернеру

Разбить кувшин — без сожалений,
попасть обратно в руки гончара и возродиться вновь.

**Саския Мэддинг.
Падение («Духи и призраки», 2000)**

От автора

Желание написать эту книгу и даже ее название возникли у меня после фразы моего друга Ричарда Кунца, что, мол, при нынешнем засилье технологий некоторые призраки из сказок и прочих фольклорных источников, возможно, уже покинули дремучие леса и другие подобные пасторальные декорации и обосновались в пространстве, которое мы ежедневно преодолеваем, пользуясь телефоном, телеграфом, электросетью. Без сомнения, они обитают также и на спутниковых станциях.

Я уже касался этой темы в более ранних рассказах, таких как «Саския» («Saskia») в сборнике «Лунный свет и лоза» («Moonlight and Vines») и «Пиксельные пикси» («Pixel Pixies») — в более позднем сборнике «Древо Мечтаний» («Tapping the Dream Tree»). Но чем больше я размышлял, тем больше мне хотелось поговорить об этом еще. В результате я отложил роман, который уже начал было писать, и радостно окунулся в этот, где знакомая компания персонажей из Ньюфорда снова выйдет на авансцену, вместо того чтобы ютиться где-то на заднем плане, как это заведено в других моих книгах.

Вспоминая, как создавались «Призраки в Сети», я прежде всего должен поблагодарить Ричарда за наши беседы, не забыв при этом сказать спасибо и его жене Марделл: она не только мой друг, но и корректор нескольких моих книг — вот почему в них нет опечаток и досадных ляпов. Еще хотелось бы сказать спасибо: Роджеру Тёрнеру за технические консультации (поэтому все возможные накладки в этой области — исключительно на моей совести); всем друзьям, родственникам и доброжелателям (слишком многочисленным, чтобы их называть поименно) — без них мне было бы очень одиноко писать мои книги; моим издателям Гордону ван Гелдеру, Джо Флетчеру, Патрику Нильсену Хейдену, Шерин Новембер, Терри Уиндлинг, ибо они скорее мои друзья, нежели деловые партнеры;

Кэту Элдриджу, Дэвиду Тамулевичу и читателям, которые продолжают присылать мне прекрасные компакт-диски, а также музыкантам, которые на протяжении всех этих лет вдохновляют меня своим творчеством.

И наконец, последней по порядку, но не по важности вклада я хотел бы поблагодарить Мэри Энн за любовь, утешение, поддержку; за прекрасную мелодию, звучащую в ее сердце; за ее поэтичную душу; за зоркий читательский глаз; за пометки, сделанные красной шариковой ручкой; за исключительные деловые способности. А вообще-то, знаете что? Ее фантазия — гораздо необузданнее моей.

Будете в Интернете — загляните на мою страничку: www.charlesdelint.com.

Чарльз де Линт

Оттава, осень 2002

Из дневника Кристи Риделла

Если верить Юнгу, где-то в шесть-семь лет мы отделяем от себя и прячем те качества нашей личности, которые кажутся нам неприемлемыми, которые не вписываются в окружающий нас мир. И они, эти тайные стороны нашего «я», становятся нашими тенями.

Мне случалось читать, что полезно иногда представить себе человека, в которого могла бы превратиться твоя тень, если бы вышла на свет. И я попробовал. Сразу не получилось. Я очень долго просто разговаривал сам с собой. И когда наконец получил ответ, это был всего лишь призрачный голос, звучащий у меня в голове. Это мог быть и мой собственный голос. Но со временем моя тень обрела определенные физические свойства, так рассказ становится яснее и понятнее, когда вы то прибавляете к нему что-то новое, то убираете лишнее, постепенно придавая ему законченную форму.

Не приходится удивляться, что моя тень оказалась противоположностью мне во многих смыслах. Она смелее меня, умнее, у нее лучше память, и еще она имеет склонность надевать маскарадные костюмы, маски и наряжаться. Малиновое платье для коктейля, например. Или маска зрителя площадки для гольфа в зимний период. Она маленькая, в то время как я довольно высокого роста. Она смуглая, а у меня белая кожа. Она рыжая, а у меня темные волосы. Она была девочкой, пока я был мальчиком, и стала женщиной теперь, когда я стал мужчиной.

Если ее как-нибудь и зовут, то мне она никогда не называла своего имени. Если она существует и тогда, когда мы с ней не вместе, то ей еще только предстоит мне об этом рассказать. Естественно, меня интересует, как она живет, но она не любит, когда ей задают вопросы, и мне пришлось научиться не давить на нее, потому что, едва я начинаю это делать, она просто уходит.

Иногда меня тревожит сам факт ее существования. Я думаю: а не болен ли я шизофренией, и начинаю искать у себя симптомы. Но даже если она и галлюцинация, то единственная у меня, в остальном я такой же нормальный человек, как и все, то есть так же, как все, пребываю в растерянности перед современным миром. Кто-то говорил: «Я изо всех сил пытаюсь вникнуть в большое живописное полотно, но беда в том, что оно становится все больше и больше». Кажется, это была Ани ди Франко.

В общем-то, я не слишком все это анализирую. Хотя кое-чего полученного от нее в дополнение к моим собственным ресурсам мне хватит обдумывать до самой смерти.

Мы подолгу беседуем, обычно поздно ночью, когда на небо наползают облака и звезды пропадают, а темнота становится особенно глубокой. Большую часть разговора я ее не вижу — слышу лишь ее голос. Мне нравится думать, что мы друзья. Пусть мы иногда расходимся в мелочах, но обычно все же приходим к общему взгляду на то, как все должно быть.

Первая встреча

Мы не больше того,
что мы есть,
сказала она.
Мы не скрываем страшных тайн...

Саския Мэддинг.
Арабески («Бабочки и ось», 1997)

Кристиана Три

— Мне кажется, я вас знаю, — говорит Саския Мэддинг, подходя к моему стулу.

Она добрых пятнадцать минут бросала на меня взгляды через все кафе, и я устала ждать, когда же она наконец подойдет.

Я увидела ее сразу, как вошла; она сидела направо от двери, за столиком у окна, и прихлебывала чай из высокой кружки. Она что-то писала перьевой ручкой в блокноте с кожаной обложкой, а другой рукой придерживала прядь светлых волос, которая все падала ей на глаза. Когда я вошла, она подняла голову, и хотя никак не показала, что узнала меня, но с того мгновения следила за мной, как ей казалось, незаметно для меня.

— Да, вы меня знаете, — отвечаю я. — Я — это ваш друг, вернее, та часть его личности, от которой он отказался еще в детстве.

Она смотрит на меня озадаченно, хотя в ее красивых, цвета морской волны, глазах я вижу искру понимания.

— Вы... вы — женщина из его дневников? — спрашивает она. — Та, кого он зовет Тайной?

Я улыбаюсь:

— Да, это я. Я его тень.

— А я и не знала...

— Не знали, что я действительно существую? — договариваю за нее, когда ее голос замирает.

Она качает головой:

— Нет, просто не ожидала увидеть вас здесь.

— Люблю кофе.

— Я имею в виду — в таком обыкновенном месте.

— А, так вы читались этих его дневников. Полеты фантазии... — Я прикрываю глаза и мысленно перелистываю страницы в поисках нужной. — Вот: «Вижу ее в зеленом платье стоящей в зарослях куманики, среди колючек заброшенной живой изгороди. Ее рыжие волосы горят в лучах заходящего солнца, ее глаза темны от всего таинственного, что они видели, в опущенной руке — деревянная маска зайца. Я всегда вижу ее такой. В самых укромных, никому неведомых уголках. Что она там делает, непонятно, но это вполне соответствует ее странному, вечно ускользающему нраву».

Саския улыбается, и я не знаю, вызвана ли эта улыбка пассажем, который я процитировала, или моим умелым подражанием голосу Кристи.

— Это что-то новое, — говорит она. — Он мне этого еще не читал.

— А вы ждете, когда он сам вам прочитает?

— Разумеется. Я бы никогда не стала читать чужие... — Она замолкает и испытующе смотрит на меня. — А вы... когда это читаете?

Я пожимаю плечами:

— Да когда угодно. Я ведь не сплю, так что, когда становится скучно ночью, я просто прихожу в его кабинет — прочесть, о чем он в последнее время думал.

— Вы любопытны, как сорока.

— Буду считать это комплиментом.

— Э-э-э... — Она несколько секунд изучает меня, прежде чем спросить. — А мои дневники вы, случайно, не читаете, а?

Я изо всех сил изображаю оскорбленный вид, хотя на самом деле не отказалась бы почитать. Но действительно не читала. Пока.

— Извините, — говорит она, — разумеется, вы не стали бы этого делать. Между нами нет ведь такого родства, как у вас с Кристи.

— Вас раздражает наше родство?

Она качает головой:

— Это все равно как если бы меня раздражало, что Джорди — брат Кристи. А вы с Кристи еще ближе, вы — его сестра-близнец. К тому же появляетесь только по ночам, когда мы спим.

Я пожимаю плечами, но извиняться не нахожу нужным.

— Я всего лишь его тень.

Она снова внимательно изучает меня, вглядываясь в меня своими голубыми, как море, глазами.

— Не думаю, что всего лишь тень. Сейчас, например, вы вполне реальны.

Эта реплика вызывает у меня улыбку.

— Не менее реальны, чем я, — прибавляет она.

Улыбка сползает с моего лица, когда я вижу ее встревоженный взгляд. Я все забываю, что ее собственное экзотическое происхождение для нее самой не более чем греза, причем греза, в которой ей неуютно, от которой у нее мурашки бегут по коже. Не надо было мне напоминать ей об этом. Но она справляется сама и вновь переводит разговор на меня.

— Почему вы не назовете Кристи свое имя? — спрашивает она.

— Потому что тогда он поместит меня в коробочку и приклеит ярлычок «Кристиана», а я не хочу оказаться запертой даже в его представлении обо мне. Мне не нравится, как он обо мне пишет. Будь у него еще и мое имя, он бы так все устроил, что я больше никогда не смогла бы измениться.

— Он любит свои привычки, — говорит она.

Я киваю:

— Да, все то, что в словарях неизменно стоит сразу же после самого слова.

Мы обе молчим некоторое время, потом она слегка наклоняет голову и говорит:

— Так, значит, вас зовут Кристиана?

— Я называю себя Кристиана Три.¹

Она простодушно улыбается:

— Одним словом — мисс Дерево?

Я протягиваю ей руку.

— Дерево во плоти, — говорю я. — Очень рада знакомству.

— Но это только вам самой позволено так себя называть, — замечает она, пожимая мою руку.

— У каждого из нас есть свои секреты.

— Иначе мы не были бы так таинственны.

— Это верно.

Она сидит на корточках около плетеного кресла, которое я оккупировала, взяв себе кофе и свежееиспеченную булочку с прилавка. Локтями она опирается на подлокотник кресла. Рядом стоит еще одно кресло, занятое мальчиком лет двадцати, с голубыми волосами и тонким, резким, как бритва, лицом. Его плеер включен на достаточную громкость, чтобы я опознала в музыке рэп, хотя слов и не разобрать. Он листает одну из бесплатных газет, имеющих в кафе, и прихлебывает кофе. Вот он встает, и я делаю движение рукой в сторону освободившегося кресла.

— Почему бы вам не устроиться поудобнее? — предлагаю я Саскии.

Она кивает:

— Сейчас, только соберу свои манатки.

Какой-то бездельник, в офисном костюме, со сбившимся галстуком и расстегнутой верхней пуговицей на рубашке, подходит к креслу, пока Саския собирает вещи. Я помещаю на сиденье свои коричневые кожаные ботинки и одариваю этого субъекта улыбочкой, похожей на сладкую сосульку, — ну, вы понимаете, улыбка вполне любезная, но есть в ней некий холодок. Субъект, как побитый кот, бродит между столиками и в конце концов садится где-то сзади, возле стойки. Все это он проделывает с таким видом, как будто именно туда и стремился с самого начала.

Возвращается Саския. Она бросает жакет на спинку кресла, рюкзачок — на пол и

¹ Трее — дерево (англ.).

усаживается со своей чашкой чая.

— Итак, что вы сейчас писали? — спрашиваю я.

— Да так, разное. — Она пожимает плечами. — Мне нравится играть со словами. Иногда из этого что-то получается — статья для журнала, стишок. Иногда я просто следую за словом, куда оно выведет.

— И куда они выводят?

— Куда угодно.

Она замолкает на секунду, чтобы отхлебнуть чаю, потом ставит чашку на низенький столик между нами. Чуть позже я пойму, что в этот момент она решала для себя, продолжать ли ей этот разговор и рассказать ли мне, чем, собственно, она занимается.

— Понимаете, мы ведь тоже как слова, — говорит она. — Вы и я. Мы — слова-привидения.

Не могу удержаться от улыбки. Я начинаю понимать, почему Кристи так заботится о ней, так беспокоится за нее. Она милая, симпатичная блондинка, но она не вписывается ни в одну из аккуратных дескриптивных программ. Ее мысли, иногда серьезные, иногда капризные, иногда — смесь того и другого, свободно странствуют, занимая все окружающее пространство. Надо бы мне все-таки заглянуть в ее записи в следующий раз, как окажусь у них в спальне ночью. Мне хотелось бы знать о ней больше — не только то, что она говорит, но и то, что думает, когда уверена, что никто не подслушивает и не подглядывает.

— Ладно, — говорю я. — Пожалуй, спрошу. Что это за слова-привидения?

— Это слова, которые на самом деле не существуют. Они возникают из-за ошибок редакторов, наборщиков, плохих корректоров, и хотя иной раз кажется, что они что-то значат, на самом деле они не значат ничего. Как, например, «кабинла» — вместо «кабина».

Я понимаю, что она имеет в виду.

— Мне нравится это слово, — говорю я. — Кабинла. Пожалуй, я возьму его себе и дам ему значение.

Саския задумчиво кивает:

— Вот видите? Этим мы и напоминаем слова-привидения. Люди могут присваивать нас и придавать нам значения.

Я понимаю, что она говорит сейчас о нашем аномальном происхождении — о том, что из-за него с нами может происходить нечто подобное, — но я, пожалуй, с ней не согласна.

— Это со всеми случается, — отвечаю я. — Это случается всякий раз, когда кто-то решит, что люди не такие, какие они есть, а такие, какими он их себе придумал.

— Наверное.

— Вы слишком много думаете обо всем этом.

— Я не могу об этом не думать.

Я долго смотрю на нее. Этот вопрос действительно сильно занимает ее: что есть реальность, а что — нет, и для нее гораздо важнее, как ты пришел в этот мир, чем что ты в нем делаешь, придя.

— А какое ваше первое воспоминание?

Как мы появились на свет

Слова подобны коридору;
Поставь побольше слов в ряд,
И кто знает,
Куда они тебя приведут.

Саския Мэддинг.
Коридор («Зеркала», 1995)

Саския Мэдинг

Я помню, как открыла глаза и...

Знаете, вот если слишком сильно увеличить компьютерное изображение, то собственно картинка пропадет. Останется лишь некий фасетчатый туман, экран, полный размытых цветных квадратиков, — никаких узнаваемых очертаний, не то что целостной картины.

Вот это я и увидела.

Я открыла глаза и не смогла сфокусировать взгляд. Сотни тысяч миллионов цветных точек. Я очень старалась, и они постепенно стали складываться в узнаваемые предметы. Платяной шкаф. Гардероб из кедра. Кресло, одежда на спинке и подлокотниках. Закрытая деревянная дверь. Постер из Ньюфордского музея искусств, извещающий о ретроспективе работ Винсента Рашкина. Совсем рядом со мной, на тумбочке справа, — свеча в медном подсвечнике и книга в кожаной обложке с тиснением — плакучие ивы. На книге — перьевая ручка.

Все это казалось знакомым, но я знала, что никогда раньше этого не видела. И сама себе я казалась знакомой, но при этом совершенно не понимала, кто же я такая на самом деле. Имя свое я знала. Еще я знала, что существует компьютер и что за мной тянется некий шлейф — родилась, росла, ходила в школу... Но ничего этого я не помнила. Не помнила подробностей. Звуков, запахов, тактильных ощущений. Все, что у меня было, — голый костяк холодных фактов.

Изучая вспорхнувших голубей — картину, которую они использовали для постера Рашкина, — я попыталась объяснить себе, как это могло случиться, что я в своей комнате, но понятия не имею о том, где она находится, и как я в нее попала, и что со мной происходило до того, как я открыла глаза.

И при этом я была странно спокойна.

Я понимала, что так не должно быть. Какая-то часть меня отметила, что все это очень неправильно — и то, что я оказалась именно здесь, и то, как я здесь оказалась, и моя реакция на это.

У меня было отчетливое ощущение своей... временности. Что-то вроде тени, отбрасываемой источником, который вот-вот передвинут или погасят. Что-то вроде кадра, на котором камера чуть задержалась, прежде чем снимать дальше.

Я поднесла к глазам сначала одну руку, потом другую. Я села и посмотрела на отражение в зеркальной стенке гардероба.

Это я.

Совершенно незнакомая особа.

Но я знала каждый дюйм этого лица — голубые глаза, форму носа, очертания губ и светлые волосы, сонно свисающие по бокам.

Я спустила ноги на пол и встала. Стянула через голову ночную рубашку, в которой была, и снова посмотрела в зеркало.

И это тело мне было тоже знакомо.

Это я.

Совершенно незнакомая.

Я присела на край кровати. Подняв упавшую рубашку с пола, я прижала ее к груди.

Вдруг у меня в голове всплыла какая-то другая местность, нечто размытое, лежащее где-то в киберпространстве — там, где бьется пульс электронов и баз данных, — в пространстве, существующем между всеми компьютерами, которые формируют Всемирную сеть. Я почти увидела этот дремучий лес фраз и слов, представила себе некое огромное набухшее целое, этакого левиафана невероятных размеров, физически не существующего, но обладающего обширной и непостижимой душой.

И еще мне подумалось, что я часть этой общности. Что, родившись там, в дремучем лесу, я просто откололась от монолита, была выслана наружу. Что я, будучи отдельным

существом, одновременно являюсь и частью того, другого, единого целого. Что оно, это другое, создало меня при помощи какого-то странного техноязыческого обряда, наделило меня плотью и выпустило в самостоятельную жизнь, в мир, лежащий за пределами киберпространства.

Я понимаю: все это похоже на научную фантастику. Может, ею и является. Но это было еще и волшебство. Иначе как вы объясните, что компьютерная программа обладает самосознанием? Прямо какой-то дух вуду, состоящий лишь из нулей и единиц, но способный создать живое существо из нейронов, электричества и воздуха и отправить его во внешний мир — пусть выживает.

Но тут островок спокойствия, который я с самого начала ощутила в своем сознании, зашептал мне сквозь гул беспокойных мыслей.

«У нормальных людей, — сказал он, — то, что ты сейчас испытываешь, считалось бы сумасшествием».

Но я уже знала, что не могу считаться нормальным человеком. Я даже не была уверена, что я вообще человек.

Наконец я легла на кровать и закрыла глаза.

Может быть, все это только сон. Может быть, проснувшись утром, я вспомню свою жизнь, и буду собой, и только тряхну головой, отделяваясь от странного сновидения.

Но утром ничего не изменилось. Кроме интенсивности ощущений.

Открыв глаза, я сразу начала видеть все четко и ясно. Дезориентацию и некоторое замешательство я по-прежнему испытывала, как и ночью, но с гораздо меньшей силой.

На этот раз я сумела встать и дойти до двери ванной. Я обозревала эту знакомую-незнакомую местность. Мне, то есть моему телу, хотелось *пи* сать, но я поняла это только по давлению в области мочевого пузыря. Я знала всю механику процесса, то есть как это делается. Я знала, куда надо пойти, знала, что нужно поднять крышку унитаза, а потом сесть. Но вспомнить, как я хоть один раз в жизни это делала, не получалось. Единственные воспоминания, которыми я обладала, — опыт ночного пробуждения.

Меня охватила паника, сердце учащенно забилося, я взмокла и вообще перестала что-либо понимать.

«Пусть все идет, как идет, — сказал тогда уголок спокойствия в моем сознании, не думай об этом. Доверься своему телу, оно знает, что надо делать».

Что мне было терять?

Я глубоко вдохнула, собираясь с духом. Еще один глубокий вдох. Сама не знаю как, но мне удалось-таки избавиться от паники и смятения и последовать совету внутреннего голоса.

Двигаясь как заведенная, я сходила в туалет и приняла душ. Вернувшись в спальню, я заглянула в шкаф и была потрясена богатством выбора. Не то чтобы одежды было чересчур много — совсем нет. И все-таки выбор казался слишком широким для меня. К тому же меня несколько смущало, что я знаю, из какого что материала, но совершенно не помню, чтобы когда-нибудь трогала или носила одежду из этих тканей, не представляю себе, какая она на ощупь, легкая или тяжелая, как она сидит.

Сделав еще один глубокий вдох, я решила выбрать хлопчатобумажную футболку и джинсы. Я с удовольствием ощутила, как ткань облегает мое тело. Потом натянула мокасины и пошевелила в них пальцами.

Только когда я поджарила себе тост и сварила кофе и села за кухонный стол позавтракать, мне стало несколько легче. Ощущение чуждости окружающему миру в течение дня то накатывало, подобно приливу, то отступало, подобно отливу, но впадины и вершины постепенно сглаживались.

Самое странное, что, как только у меня возникал какой-нибудь вопрос, со мной мгновенно заговаривал тот самый спокойный голос из глубины моего сознания. Вот, например, я достаю из холодильника кофе, с некоторым сомнением зачерпываю ложкой зерна и засыпаю их в кофемолку.

«Кофе, — произносит голос у меня в голове, — это такой напиток из отвара

поджаренных, молотых или дробленых семян (кофейных зерен) или плодов с двумя семенами (кофейные ягоды, растущие на кофейных деревьях). Это могут быть также семена или сами плоды тропических деревьев семейства мареновых. Из них тоже делают кофе, например арабика или канефора».

Как будто у меня в голове помещалась целая энциклопедия, в которой имелся ответ на любой вопрос.

В тот день я не выходила из дому. Не осмелилась. Я обследовала все четыре помещения своей квартиры — спальню, кухню, ванную и, наконец, комнату на все случаи жизни, одновременно являющуюся кабинетом, библиотекой, офисом и гостиной. Я открыла дверь на балкон, которая имела в этой последней комнате, но не вышла, а просто постояла у порога, глядя на улицу и дома на другой стороне улицы.

В основном я занималась тем, что перелистывала книги и журналы, на которые наткнулась. Исследовала содержимое своего кошелька и бумажника. Потом включила компьютер и просмотрела файлы.

Оказалось, я пишу стихи. Их было навалом. Три опубликованных сборника, а в компьютере набралось бы еще на парочку, хотя некоторые из стихов явно были еще в работе.

Еще я писала иногда для кое-каких сетевых журналов, а также статейки для «Стрит таймс» — газетенки, выпускаемой бомжами для бомжей, чтобы дать им возможность что-то продавать, а не просто клянчить мелочь.

Я нашла в компьютере папку с финансовыми документами и поняла, что хотя богатой меня не назовешь, но у меня достаточно денег в банке, чтобы продержаться несколько месяцев. Стоило мне подумать о том, откуда эти деньги взялись, как открылась «папка» в моей собственной голове: даты, места работы, обязанности, зарплата, поощрения. Но настоящих, живых воспоминаний об этих самых учреждениях у меня не было.

Я закрыла все файлы и выключила компьютер.

Полужинав спаржей, помидорами и брынзой с мелко нарезанным базиликом, я наконец-то заставила себя выйти и посидеть в кресле-качалке, которое нашла на балконе. Мое небо еще хранило вкус съеденной пищи, а сама она приятно согревала желудок. Стемнело, город засверкал огнями, но я была в полной безопасности и недосыгаемости, невидимая в своем оазисе тени, ведь я погасила свет в комнате у себя за спиной.

Я рассматривала людей, проходивших внизу. У каждого из них своя история, и она — часть еще чьей-нибудь истории. Насколько я поняла, люди не были отдельными, не походили на острова. Как можно быть островом, если история твоей жизни настолько тесно примыкает к другим жизням?

Но все равно именно тогда я поняла, что такое одиночество. Нет, не теоретически, не идею одиночества — я ощутила боль пустоты у себя внутри. Как это возможно — жить в большом городе и сознавать, что нет ни одного человека, которому было бы не все равно, жива ты или умерла. Я обыскала свое сознание, но среди аккуратных, расположенных в идеальном порядке фактов и рабочих версий не обнаружила воспоминания ни о ком, кого могла бы назвать возлюбленным, другом или хотя бы просто знакомым.

«Это все изменится», — заверил меня тот спокойный голос у меня внутри.

Но я не знала, как моя жизнь пришла к той точке, в которой я сейчас нахожусь, и не была уверена, что ей суждено когда-нибудь измениться. Либо я настолько неприятна и неинтересна, что не подружилась ни с кем за... я подсчитала количество лет, в которые уместились содержащиеся в моей голове фактические данные... за четыре года, с тех пор как переехала сюда из Нью-Мексико, либо я какая-то ненормальная. Ни в том ни в другом случае друзей я действительно не заслуживала.

Ночью мне снилось, что я лечу, парю, но не над улицами города, а над электронными

схемами, реками электричества...

На следующее утро, второе утро, которое я могла бы уже вспомнить, мне полегчало. Все еще не хватало воспоминаний, и спокойный голос охотно брал на себя обязанности энциклопедии, но опыт, накопленный за день полноценного существования, очень укрепил меня. Пусть даже я всего лишь слонялась целый день по квартире, а вечером сидела на балконе, одинокая и подавленная, этот день, подобно якорю, удерживал меня в реальном мире.

При утреннем свете окружающее не казалось таким блеклым, таким отчаянно черно-белым — спектр расширился. Я смогла себе представить, что можно быть какой-то другой, непохожей на остальных, не являясь при этом уродом и калеккой. Вчерашнее вечернее отчаяние утром уже не имело надо мной такой власти. Я еще не поняла куда, но куда-то я должна была вписаться, на что-то сгодиться.

Сегодня я решила выйти.

Я допила кофе, помыла посуду после завтрака, надела кроссовки. Взяла кошелек. Проверила, на месте ли ключи от квартиры. Вышла.

В это время мой сосед по площадке тоже открыл свою дверь и улыбнулся мне.

— Значит, в квартире все-таки кто-то живет, — сказал он. — Меня зовут Брэд. — Он энергично указал большим пальцем назад через плечо. — Я живу в квартире три эф, как видите.

— А я — Саския, — ответила я, и мы подали друг другу руки.

Он был симпатичный парень, темноволосый, подтянутый, одетый в стиле casual. Еще я поняла, что, взглянув на меня, он остался доволен увиденным, и мне это было приятно. Но, поговорив с ним немного, я уловила в его взгляде какую-то перемену. Ну, как будто у меня между зубами застрял кусочек яйца вкрутую или что-то в этом роде. Что-то мешало ему разговаривать. Как-то ему было неуютно со мной. К тому времени, как мы спустились на два лестничных марша, я поняла, что он уже только и думает, как бы поскорее избавиться от меня.

Едва мы вышли на улицу, он поспешно бросил: «Пока» — и рванул в ту же сторону, куда я и сама собиралась идти. Мне пришлось некоторое время стоять у выхода, выжидая, пока он не отойдет достаточно далеко, чтобы тоже наконец тронуться с места. Я мысленно отматывала назад наш с ним разговор, стараясь уловить, что же могла сказать или сделать такого, что его изначальная приязнь ко мне так быстро улетучилась. Ничего не приходило мне в голову. Видимо, все произошло у него чисто инстинктивно — некий химический дисбаланс. И чем дольше он оставался в моем обществе, тем мучительнее ощущал его.

Не скажу, что меня это не встревожило. Еще как встревожило. Но на данном этапе я ничего не могла с этим поделать. Он наконец дошел до угла, и я наконец смогла двинуться с места — к китайской бакалейной лавке на противоположной стороне улицы. Она была как раз напротив того места, где он в данный момент находился. Но к тому времени, как я добралась до лавки, его уже и след простыл.

У двери лавки была привязана лохматая собачонка — одна из бесчисленных помесей, в которой, однако, явно преобладали черты терьера. Песик, вывалив язык и дружелюбно глядя мне в глаза, наблюдал, как я подходила.

— Привет, псина, — сказала я, нагнувшись, чтобы потрепать его по загривку.

Он окрысился на меня, и я едва успела отдернуть руку. Он все еще злобно урчал, когда подлетела выскочившая из магазина хозяйка.

— Руфи! — закричала она. — Фу! — Она виновато посмотрела на меня. — Прямо не знаю, что это на него нашло. Руфус обычно такой добродушный.

И у нее во взгляде появился тот же инстинктивный дискомфорт, какой я заметила в глазах собаки и, чуть раньше, во взгляде своего соседа. Не дожидаясь, когда этот дискомфорт станет слишком ощутимым, я нырнула в магазин, схватила пакет молока, упаковку риса и немного овощей, чтобы приготовить себе рагу. Я как можно быстрее расплатилась, стараясь не смотреть на пожилого китайца за кассой. Когда я вышла из

магазина, женщины с собакой уже не было.

Довольно долго я стояла на месте, наблюдая за движением на перекрестке, и просто не знала, что делать дальше.

Я была готова ретироваться в свою квартиру, и оставаться там, и упрямо ждать, пока они объявятся — люди, которые поработали над моими мозгами и стерли всю мою память, или те, которые создали меня такой и бросили тут одну, предоставив выкручиваться самой. Я не знала, какой вариант выбрать.

На секунду у меня в голове мелькнул смутный призрак вуду, выловленный из киберпространства, но тут я поставила своему мозгу жесткий заслон. Нет, чем бы ни объяснялось мое теперешнее состояние, все не могло быть настолько невероятно.

Возможно, со мной произошел несчастный случай. Может, меня ударили по голове или что-то в этом роде.

Я ощупала голову под волосами, пытаюсь обнаружить шишку, шрам, засохшую болячку, но ничего подобного не нашла. Это еще, впрочем, ничего не доказывало. Все могло произойти довольно давно. А может быть, я представляю собой сложный медицинский случай и кто-нибудь наблюдает за моим состоянием и еще придет меня навестить — я только не помню, кто и когда должен явиться.

Или, может быть, я сумасшедшая.

Я пошла домой длинной дорогой, обходя квартал, в котором был китайский магазин. Увидев бездомного, сидящего на ступенях неработающего магазина, я полезла в карман за долларом. Я бросила доллар ему в шляпу и улыбнулась, ожидая той же реакции, какую наблюдала у других людей сегодня.

Но он только улыбнулся в ответ.

— Спасибо, леди, — сказал он. — Хорошего вам дня.

Я не смогла бы определить его возраст — что-то от тридцати до шестидесяти, но глаза у него были добрые. Они были густо-синие, чистые и внимательные, что как-то не вязалось с потрепанной одеждой и обветренным лицом. Это были глаза человека, живущего в мире с действительностью, а не жалкого бродяги, у которого сил хватает только на то, чтобы кое-как перебиться.

— Постараюсь, — сказала я ему. — Пока, честно говоря, сплошная непруха.

Он кивнул, взглянув на меня так, что это почему-то вызвало у меня раздражение.

— Знаете, может, вам стоит немножко притушить это ваше сияние, убавить накал на ватт-другой, — сказал он. — По-моему, именно от этого людям вокруг вас не слишком уютно.

Я уставилась на него, прикидывая, не ослышалась ли.

— Что вы сказали?

— Да ладно, — ответил он. — Только не говорите, что вы не знали. Вы чем-то отмечены — называйте это как хотите: тайна, дух — в общем, что-то иное. И от этого вы светитесь, люди в большинстве своем этого света не видят, но инстинктивно чувствуют раздражение и усталость в вашем присутствии. Как будто у них уходит почва из-под ног, а это ведь никому не понравится.

— А вам это не мешает?

Он пожал плечами:

— Я просто знаю, что это такое. И еще я знаю, что мне это не повредит. Так что чего мне бояться?

— И откуда вы все это знаете? — спросила я.

— Ха, — ответил он, — я же не всегда бродяжничал, знаете ли. Я управлял головным магазином «Новый век», и мы много чего сто ящего продавали, и клиенты у нас были тоже сто ящие, так что я кое-чему у них научился. Распознавать ауру — это же азы.

— А что с вами случилось потом?

— Просто я не делал выводов. Это один из главных уроков, который дает тебе жизнь: ты должен делать выводы. Твой брак рухнул? А ты не сделал выводов. Твой партнер по

бизнесу обчищает твой банковский счет и продает твою долю акций, оставив тебя банкротом?..

Он выжидательно посмотрел на меня.

— А ты опять не сделал выводов, — подсказала я.

Он одобрительно кивнул:

— Вот именно. Я потерял все, когда явились кредиторы.

Я присела рядом с ним на корточки, так что наши головы теперь были на одном уровне.

— Мне очень жаль.

— Ага, мне тоже. Но все это утекло как вода. Жизнь продолжается, а мы все — так, погулять вышли.

Мимо проехал автобус, на миг сделав разговор невозможным.

— И как же мне поубавить этого самого... сияния? — спросила я, когда грохот стих.

— Тут я пас. Но, по крайней мере, хорошо, что чем больше вы удаляетесь от источника, который вам его сообщил, тем оно слабее.

— А если оно так и не пройдет?

— Тогда вы будете чувствовать себя хорошо только с такими, как я, — с теми, кто уже верит. Кто уже понял, что существует что-то еще и это что-то — такая же часть жизни, как вы и я. Дело в том, что оно сокрыто там, куда большинству людей не добраться, поэтому они не могут это увидеть. Черт, да просто не хотят они этого видеть!

— Потому им и неуютно со мной?

Он кивнул.

— А что с вами произошло?

— Понятия не имею, — ответила я.

Мне вовсе не хотелось распространяться о том, какими утомительными были для меня последние два дня — не первому же встречному, каким бы приветливым он ни показался.

— Могу я чем-нибудь помочь вам? — спросила я.

— Послушайте, — сказал он, — вы дали мне доллар и обошлись со мной как с человеком — это больше, чем то, на что способны девяносто девять процентов людей, которые мне попадают. Так что больше ничего не надо. Я в порядке.

— Но...

— Просто поздоровайтесь в следующий раз, как увидите меня, — перебил он. — И дайте мне знать, как у вас дела.

— Обязательно. Как вас зовут?

— Марк.

— А меня — Саския, — сказала я, протягивая ему руку.

Он наклонил голову набок:

— Саския Мэддинг?

Я кивнула:

— А откуда вы могли это узнать?

— Я читал ваши статьи в «Стрит таймс». Неудивительно, что вы потратили время, чтобы поговорить со мной.

— Почему... — начала я, но тут же осеклась.

Да, он рассказал мне, как оказался на улице. Не мое дело, почему он предпочел на улице остаться.

— Почему я так живу? — закончил он за меня.

Я пожала плечами:

— Я понимаю, что иногда выбирать не приходится.

— Пожалуй. Но, по правде говоря, я и сам не знаю почему. Наверное, я просто сдался. Устал от поисков работы. Мне сорок восемь лет, и у меня позвоночник не в порядке, так что тяжелую работу я делать не могу. А кому охота нанимать старика, когда можно нанять энергичного молодого парня, у которого вдвое больше энергии и который чувствует себя в этом офисном бульоне как рыба в воде.

— Сорок восемь — это не так уж много.

— Для работодателей это уже ходячее ископаемое. И пристрастие к выпивке тоже, знаете, не способствует.

Помолчав немного, я спросила:

— Вам есть где жить?

Он улыбнулся:

— Перестаньте, Саския. Не ведите себя со мной как социальный работник. Давайте просто будем друзьями.

— Я и не собиралась...

— Я знаю. Просто у вас слишком доброе сердце. Это я уже понял по вашим текстам. Но вы не можете приводить домой бродяг, разве что у вас особняк на холме и куча денег, которую вы не знаете, на что потратить. Будьте осторожнее, а не то кончится тем, что вашим гостеприимством воспользуется целая толпа бомжей, и... — он улыбнулся, показав зубы, — и вряд ли все они будут такие симпатичные, как я.

— Но...

— Все в порядке. У нас комната с одним парнем на двоих в меблированных комнатах на Пальм-стрит. И кто знает, может, я как-нибудь соберусь и все-таки изменю свою жизнь. Так что в следующий раз, как увидимся, попьем кофе и я поделюсь с вами своими грандиозными планами насчет того, как переделать мир, и прежде всего вашу жизнь.

— Ладно, — сказала я, — ловлю вас на слове.

— Спасибо, что остановились поболтать, — сказал он.

Я улыбнулась и встала:

— Нет, это вам спасибо, что помогли мне сформулировать мои проблемы. Может быть, вам стоит подумать о профессии консультанта.

Он рассмеялся:

— Да уж, я просто набит полезными советами, даром что сам им никогда не следую.

— Пока, Марк, — сказала я.

— А знаете что? — вдруг сказал он, уже мне вдогонку.

Я остановилась и оглянулась.

— Я бы на вашем месте, пожалуй, не стал торопиться избавляться от этого вашего сияния.

— Почему?

— Ну, в общем... Мне кажется, что во всем есть душа, некая тайна, которая большинству из нас не видна. Но видна она или нет, именно она является сердцем этого мира, тем, что заставляет биться его пульс. Пока согласны?

Я кивнула.

— Тогда скажите мне вот что: почему вам так хочется быть своей среди людей, которые пугаются этого или, по крайней мере, чувствуют себя от этого неуютно?

— Может, чтобы чувствовать себя нормальной, — ответила я.

— Свет клином не сошелся на этой самой нормальности, — засмеялся он.

— Думаете?

— Черт! Да я просто знаю.

Не знаю, смогла бы я последовать совету Марка или нет, даже если бы захотела. Пока, насколько я могла судить, все, чем я отличалась от остальных, шло откуда-то из глубины моего существа. Как же можно обойти и обмануть саму себя?

Но его слова о том, что не обязательно быть нормальной, показались мне разумными. Правда, дело было не в том, что я так уж хотела быть нормальной. Просто никому не понравится вызывать неприязнь у других, особенно если ты ее ничем не заслужил.

Пожалуй, задача номер один — узнать, кто я такая, ибо даже спокойный голос, обитающий где-то в глубине моего сознания, не мог подсказать мне ответа.

В последующие недели я старалась побольше общаться с людьми. Это было трудно. В основном я сталкивалась с той же самой реакцией, которую наблюдала у соседа по площадке и женщины с собакой у китайского магазина. Я ходила на концерты, выставки, поэтические вечера — в любые места, куда человек может пойти один, чтобы встретиться с другими людьми. Обычно сначала кто-нибудь ко мне клеился, но очень скоро принимался вести себя так, как будто обнаружил, что у меня три глаза, раздвоенный язык и еще бог знает что. Некоторое время я терпела, но в конце концов уровень общей враждебности, направленной на меня и выражающейся иной раз в подколах и едких замечаниях, становился непереносимо высоким, так что приходилось сматываться.

Позже, познакомившись с Джилли и ее компанией, я поняла, что ходила не на те мероприятия — или на те, но только их посещали не те люди. Но в то время я этого не знала, и бывали вечера, когда мне едва удавалось сдержать слезы, пока не доберусь до дому, где никто не мог видеть моего отчаяния.

Пока люди не вступали со мной в непосредственный контакт, то есть пока не было эффекта присутствия, все шло хорошо. Я спокойно общалась со «Стрит-таймс», «В большом городе», «Кроуси-таймс» и другими газетами, мне заказывали материал по телефону, а готовые статьи я отсылала электронной почтой. Таким образом, я завязала несколько дружб, но при этом очень старалась соблюдать дистанцию. Единственный раз, когда я этого не сделала, обернулся катастрофой.

Аарон Гольдштейн работал тогда редактором «Дейли джорнал», да, вообще-то, и сейчас работает. Я сделала для них несколько обзоров, и нам с ним случалось болтать по телефону. Однажды он предложил мне встретиться и выпить перед презентацией новой книги. Что называется, не подумав, я согласилась.

Мы договорились встретиться в баре «У Хаксли». Впрочем, сама я вряд ли выбрала бы это заведение. Это тот бар на Стентон, напротив парка Фитцгенри, где собираются клерки, дела у которых идут в гору. Металл и темное стекло. Огромные экзотические растения и техно-музыка. Куча людей, которые знать не знают и знать не хотят ни о каких тайнах и мифах, ни о какой магии, — можно себе представить, как они должны на меня реагировать.

Я начала было объяснять Аарону по телефону, какие у меня волосы, какого я роста и так далее, но он прервал меня и заверил, что мы без труда узнаем друг друга.

— Все эти описания — для примитивных деревенщин, — сказал он. — А мы с вами... Сама судьба заботится о том, чтобы мы встретились.

Самое противное, что он оказался прав. Не насчет судьбы, а насчет того, что никакие описания нам не нужны. Я открыла дверь в бар «У Хаксли» в семь с небольшим тем же вечером и, едва шагнув за порог, тут же увидела его у стойки. Понятия не имею, как я его узнала. Вероятно, он просто соответствовал своему голосу.

Он поднял голову, повернулся ко мне, улыбнулся и пошел навстречу.

— Вот видите? — сказал он, потом взял меня за руку и повел обратно к стойке, где нас уже ожидали два бокала martini.

Мы чокнулись.

— За сияние, — провозгласил он, — то есть за вас.

Аарон был симпатичный, уверенный в себе мужчина, немного за тридцать, очень стильный, с темными волосами, коротко подстриженными сверху и с боков, а сзади схваченными тесемкой. Одну из мочек украшали сразу две серьги, вторая осталась нетронутой. По розовой нитке на каждом запястье. Он был в джинсах от Армани, белой футболке и спортивного покроя куртке. Ботинки — итальянские.

И еще он обладал одним замечательным свойством, которое и позволило мне пристально и долго наблюдать его излишне изящные манеры. Для меня оно значило гораздо больше, чем его чувство стиля и внешность. Дело в том, что он, говоря с тобой, не смотрел тебе в глаза.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать.

Похоже, он совсем не страдал в моем присутствии. Мы просто разговаривали, по крайней мере он разговаривал. Я-то сидела, опершись локтем на стойку, и в основном слушала. Слушать его было нетрудно: говорил складно и на любой случай у него имелась история, иногда смешная, а иногда серьезная.

Мы еще выпили и пошли на презентацию в «Саммер Брукс». Книга называлась «Итак, я сучка» — сборник еженедельных колонок в газете «В большом городе» — и была весьма занимательна, если читать по порядку. Потом мы чудно пообедали в маленьком итальянском ресторанчике «У Антонио», около рынка. Потом просто пошли по улице, надеясь еще где-нибудь выпить по пути, потом немного потанцевали. И наконец, оказались у меня.

Нам было так хорошо друг с другом, что я ничуть не сомневалась в том, что все кончится постелью. Я помню, успела подумать, как хорошо, что я сегодня надела черное кружевное белье вместо хлопчатобумажных трусиков и простого лифчика, как сначала собиралась.

Секс вовсе не принадлежал к числу тех ощущений, которые мне хотелось испытать в первую очередь. Мои собственные воспоминания об этом казались мне почерпнутыми из книг, как и все остальное в моей жизни. У меня не было ни одного настоящего, чувственного воспоминания. Судя по тому, что я о нем знала, секс представлялся мне довольно забавным занятием, и я была немного разочарована тем, что приходится так скоро, без всякой подготовки испытать это.

Позже я поняла, что такое ощущение возникло у меня потому, что Аарон оказался не особенно хорошим любовником, но в тот момент я почувствовала себя обманутой. Не столько им, сколько вообще всей этой ерундой, которую нагородили вокруг полового акта.

— И это все? — не удержалась я, когда он перекатился на спину.

Вообще-то, я не хотела говорить этого вслух, у меня просто вырвалось, но, увидев, как помрачнело его лицо, я пожалела о сказанном.

Он сел в постели:

— Что ты имеешь в виду?

— Нет, ничего.

— Тебе не было хорошо?

— Конечно, было. Просто... я думала...

Я предпочла остановиться, пока не сделала хуже, потому что мне очень хотелось сказать: «Да, я разочарована. Я думала, что это будет нежнее и в то же время самозабвеннее. Что это будет гораздо дольше. Что мне покажется, что весь мир перевернулся. Что время станет одним сплошным долгим мгновением блаженства, которое в конце концов разрешится качанием на медленных теплых волнах, что все это заставит меня задохнуться от счастья. А такого я могла бы достичь и пустив в ход собственные пальцы».

Я удержалась и не сказала ничего этого, но все равно было уже поздно.

— Господи, я не могу поверить. — Он спустил ноги на пол и встал. — Нет, не то чтобы я не чувствовал, что в тебе есть нечто странное, — добавил он, натягивая трусы. — Но мне хотелось присмотреться, понаблюдать, понять, что в тебе такого неправильного, что отталкивает людей.

Я воззрилась на него, лишившись дара речи. Он отыскал свою футболку и натянул ее, а потом пригладил волосы.

— Ведь не я один это чувствую, — продолжал он. — Да, конечно, ты выглядишь классно, но все, кто провел с тобой хоть немного времени, упоминают об этом... о какой-то неправильности в тебе.

— Ты говорил обо мне с другими?

— Ну разумеется. Мир тесен. Когда такая привлекательная женщина, как ты, ведет себя как замороженная рыбина, конечно, об этом будут говорить. А ты как думала? Но я решил: сделаю доброе дело, доставлю ей удовольствие, научу ее расслабляться и наслаждаться жизнью.

— Убирайся, — сказала я.

— Да. Таких, как ты, надо отшивать сразу.

Я выскочила из постели и толкнула его к двери.

— Вот погоди, я еще... — начал было он, и я толкнула его еще раз.

Так как он еще после первого толчка не успел восстановить равновесие, то вылетел спиной в гостиную. Я собрала его оставшуюся одежду и швырнула ему вслед. Был момент, когда мне показалось, что он сейчас ударит меня или, по крайней мере, попытается ударить, но я как раз сунула ему в руки одежду и ботинки, и он инстинктивно схватил свое имущество. Это дало мне время проскользнуть мимо и распахнуть дверь на лестничную площадку.

— Вон! — крикнула я.

— Боже, мне что, в трусах идти?..

— Вон! — повторила я.

Я взяла зонтик, который стоял у двери, и замахнулась им как бейсбольной битой. Ему хватило одного взгляда на мое лицо, чтобы воздержаться от дальнейших препирательств и вылететь на площадку. Боже, как жаль, что у меня не оказалось под рукой фотоаппарата, чтобы заснять, как он там стоит все равно что голый, как его тощие ноги торчат из-под футболки, как он прижимает к груди ком одежды.

— Это еще не конец, — пообещал он.

— Для меня — конец.

Он покачал головой, лицо его побагровело от гнева.

— Со мной так никто не обращался, — сказал он. — Ты еще пожалеешь...

— Уже жалею, — перебила я, захлопнула дверь перед его носом и заперла ее на замок.

После его ухода я долго плакала. Не из-за того, что у меня произошло с ним, или, по крайней мере, не только из-за этого. Я плакала потому, что чувствовала себя одинокой и потерянной, брошенной в этот несправедливый мир. И когда я наконец кому-то позволила к себе приблизиться, этот кто-то оказался неудачником. Теперь, когда благодарность за то, что тебя хотя бы сразу не оттолкнули, исчезла, я поняла, что он — махровый эгоист, заикленный на самом себе. Слов у него было много, но они ничего не значили. Весь наш совместный вечер был для него, а не для меня, и на моем месте мог бы оказаться кто угодно, ему было все равно.

Если Аарон Гольдштейн — типичный нормальный человек, то не уверена, что я так уж хочу быть нормальной.

Той ночью я опять летала во сне, парила над бесконечным ландшафтом из микросхем, над обширными полями, пересеченными реками жестокого электричества...

Кое-какой полезный опыт из этого вечера с Аароном я извлекла, но в общем изменилось немного. Весь мир был еще очень новым. В основном я знала, что есть что, а если нет, то голос у меня в голове с готовностью излагал мне историю той или иной вещи — факты, сведения, но не их сущность. Каково это на вкус, на ощупь, как это звучит — этого голос мне объяснить не мог.

После того случая я не перестала ходить на вечера и презентации — не желала дать Аарону возможность одержать эту маленькую победу. Но теперь у меня не было надежды встретить там приветливый прием, и я его не встречала. Отношения, хотя бы отчасти напоминающие дружбу, я заводила только на улице.

Конечно, был Марк. Время от времени я натыкалась на него, обычно у каких-нибудь дверей, всякий раз новых. То он торчал на перекрестке, то дремал на скамейке в парке. В его манере общаться подспудно ощущалась некая горечь — досада на свои неудачи и на весь этот равнодушный мир, в котором нет места для выпавших из обоймы.

Но чаще всего он прятал горечь за жизнерадостным фасадом. Я думаю, ему больше всего нравилось во мне то, что я готова была принимать его любым, каким бы он ни

предстал передо мной, и не осуждала его ни за что. Я не донимала его советами, не пыталась его переделать — просто угощала иной раз чашкой кофе. Мы дружески болтали, и нам было хорошо в обществе друг друга.

Это не имело ничего общего с благотворительностью. Он прекрасно знал, что я приютила бы его и дала бы ему денег, если бы он попросил. Но он никогда этого не делал. А сама я такое больше не предлагала.

Потом еще была женщина, которую все называли Маликорн и с которой я познакомилась однажды на окраине Катакомб — части города, которую покинули все жители, оставив огромные пространства свободной земли, вымощенные булыжником улицы и полуразвалившиеся здания. Единственной обитаемой постройкой там была старая тюрьма — импозантное каменное строение, выходящее на реку Кикаха, к северу от пересечения Листрит и Макнейл-стрит. Правда, то, чем занимались заключенные, трудно было назвать словом «жили». Они отбывали срок.

Маликорн была высокая, с лошадиным лицом и такими темными глазами, что казалось, они состоят из одних зрачков. Ее длинные каштановые волосы, густые и вечно спутанные, висели космами до плеч. Но самым странным, то есть по-настоящему странным, в ней был... белый рог, росший из середины лба. Он и сам по себе удивлял, но еще удивительнее было то, что его как будто никто не замечал.

— Люди не обращают внимания на то, чего не могут понять, — сказала она, когда я как-то спросила ее об этом.

Может, я и не без странностей: мои сны и этот голос у меня в голове. Но уж она-то точно была странная! Так почему же люди не реагировали на нее так, как на меня?

Она в ответ только рассмеялась.

— Посмотри на меня, — сказала она. — Я живу в Катакомбах, ем и пью с безработными и бездомными. Нормальные граждане меня даже не видят. Я для них просто бродяжка. А раз они вообще меня не замечают, то есть их радары не улавливают моего присутствия, то как они могут заметить мою странность?

— А почему ты живешь на улице? — спросила я.

— Ты хочешь спросить, почему я не становлюсь нормальной законопослушной гражданкой?

— Пожалуй.

— Потому что все, что мне интересно, можно услышать только здесь: на перекрестках, в подземных переходах, греясь у костерка, который развели из промасленной бумаги в урне. Для кого-то, может, все иначе, но я не кто-то, а кто-то — не я.

Мне нравилось с ней разговаривать. Она не только собирала чужие истории — у нее было бесчисленное число своих собственных. Истории о странных местах и еще более странных людях, о божествах, живущих как люди, и людях, живущих как боги. Я даже как-то задумалась, как прозвучала бы из ее уст моя собственная история.

Маликорн исчезла из города прежде, чем кто-нибудь успел это осознать. В один прекрасный день она брела-брела и вышла из нашей жизни, как это часто случается с бродягами, но до этого успела познакомить меня с Уильямом.

Он тогда тоже жил на улице. Их была целая семья. Они собирались по ночам вокруг урн с горящей бумагой. Джек, Кейси, Уильям, и перед самым исчезновением Маликорн появилась еще девочка-фитюлька, по имени Стейли Кросс, которая играла на голубой скрипочке.

Уильяму было за пятьдесят, гениальный алкоголик — полная противоположность пошлому пьянице, — с обветренным лицом и слезящимися глазами. Исчезновение Маликорн произвело на них всех большое впечатление, подтолкнув к уходу с улицы. Уильям, например, начал посещать собрания анонимных алкоголиков и устроился сторожем в многоквартирный дом на Келли-стрит. Он и до сих пор там.

Я иногда хожу с ним за компанию на собрания анонимных алкоголиков. Он уже несколько лет как завязал, но от одного своего пристрастия так и не избавился: это страсть к

волшебству. Я не имею в виду, что он сам волшебник, или испытывает потребность в волшебном, или обладает особым чутьем к сверхъестественному и странному. Просто у него много знакомых, которых сам он называет «особые люди».

— Меня тянет к таким, — сказал он мне как-то раз, когда мы сидели на ступеньках Публичной библиотеки Кроуси. — Не спрашивай почему. Когда о них думаешь, слушаешь их разговоры, просто находишься рядом с ними, мир кажется лучше. Словно не весь он состоит из бетона, стали, стекла и людей, которые вписываются только в такой пейзаж.

— Ты говоришь о таких, как Маликорн? — спросила я.

Он кивнул:

— И как ты. У вас есть это сияние. И у тебя, и у Маликорн, и у Стейли с этой ее призрачной скрипочкой. Вас довольно много, если посмотреть вокруг и приглядеться. Помнишь Бумажного Джека?

Я кивнула.

— У него тоже это было. Он мог показать тебе кусочек, отблеск будущего, а требовалась ему для этого всего лишь сложенная особым образом бумага, из которой он вырезал своих китайских прорицателей. Он был парень что надо — как Боунс и Кэсси.

— Значит, у нас всех есть это сияние, — сказала я.

Уильям улыбнулся:

— Некоторым от него не по себе, но не мне. Не знаю, ждет ли меня еще в жизни хоть что-нибудь стоящее, но по крайней мере этого у меня уже не отнимешь. Я знаю, что в жизни есть еще что-то, кроме того, что мы видим.

— Наверное, — ответила я. — И все же я бы не возражала научиться приглушать это сияние на пару делений.

— Зачем?

— Даже не знаю. Наверное, чтобы лучше вписываться куда-нибудь, когда я хочу вписаться. Не очень-то приятно, когдаходишь в комнату и уже через пять минут понимаешь, что всем было бы гораздо приятнее, если бы ты вышла.

— Это важно для тебя? — спросил он. — Уметь вписываться?

— Иногда. Лучше сказать, для меня важно уметь вписываться на моих условиях.

— Кажется, я знаю одного парня, который мог бы помочь тебе.

Роберта Лонни мы нашли в закусочной «Дорогая мышка», сразу за углом. Он сидел в глубине зала, красивый чернокожий молодой человек, в костюме в узкую полоску, с волнистыми волосами, зачесанными со лба назад. Перед ним стояла чашка кофе, на диванчике рядом с ним лежала миниатюрная старинная гибсоновская гитара.

— Привет, Роберт, — поздоровался Уильям и опустился на сиденье напротив Роберта.

Я села рядом с Уильямом.

— Привет и тебе, Кроткий Уильям, — ответил Роберт. — Все еще держишь своего беса в узде?

— Стараюсь. День и ночь — сутки прочь. А ты как?

— А я просто стараюсь не попадаться своему бесу на узкой дорожке.

— Это моя подруга Саския, — представил меня Уильям.

Роберт встретился со мной глазами, и я тотчас поняла, что он из этих «особых людей» Уильяма. У него были темные, древние глаза. Когда он смотрел на меня, мне казалось, что взгляд проникает прямо под кожу, внутрь, где в клетке из костей живет душа.

— Саския, — повторил он с улыбкой, а потом снова взглянул на Уильяма. — Это ли не лучшее доказательство того, что мы живем в современном мире?

Я тупо посмотрела в его темные глаза.

— Понимаете, — объяснил он, — то, что в машинах обитают духи, мне известно, но, взглянув на вас, я понял, что они еще и детей рожают.

Наверное, можно было и так сказать.

— Вот потому мы и здесь, — вступил в разговор Уильям. — Мы пришли за советом.

Как бы несколько приглушить ее сияние?

Роберт потянул к себе на колени гитару и принялся наигрывать мелодию так тихо, что приходилось напрягаться, чтобы расслышать. Удивительно было то, что, едва слыша, я ощущала эти звуки, они раздавались как будто внутри меня.

— Приглушить сияние, — повторил Роберт.

Я кивнула:

— А то мне трудно соответствовать...

— Вам бы стать черной, — сказал он.

Он тихо симпровизировал на минорной струне, и у меня где-то в области затылка возникло ощущение ужасной жути.

— Я понимаю... — начала было я, но он с улыбкой остановил меня:

— Мы все это понимаем. Не волнуйтесь: я не собираюсь натравливать на вас Черную Пантеру.²

Его пальцы по-крабьи засеменили вверх по грифу гитары, и жуть исчезла.

— Так ты можешь ей помочь? — спросил Уильям.

Роберт улыбнулся:

— Приглушить сияние? Конечно. — Он внимательно посмотрел на меня. — Есть один очень простой способ. Вам просто надо перестать постоянно чувствовать его самой, вот и все. Еще какие-нибудь проблемы?

— Это и есть самая большая проблема, разве нет?

— Тоже мне проблема! Нет, конечно, это не произойдет за один вечер, но если вам удастся удержаться от воспоминаний, размышлений, или чем вы там еще занимаетесь у себя в голове, то очень скоро остальные начнут смотреть на это так же, как вы. Всем придется примириться с тем, что есть. Или должно быть.

— Договориться, что считать реальностью, — подхватил Уильям, — как обычно говорят ученые.

Роберт кивнул:

— Конечно, вам бы следовало прежде спросить себя, зачем вы хотите приглушить это сияние.

Теперь была моя очередь улыбаться.

— Мы уже говорили об этом с Уильямом, — сказала я. — И я объяснила ему, что хотела бы все-таки иметь выбор — вписаться или не вписаться.

— Не правда ли, забавно? — сказал Роберт. — Все люди, отмеченные волшебством, хотят быть нормальными, а все нормальные — волшебниками. Никого не устраивает то, что есть, — так устроен мир.

Он стал наигрывать двенадцатитактный блюз, тихо подпевая болезненной музыке, которую его пальцы извлекали из гитары.

Мы с Уильямом еще долго сидели в закуской и слушали, как он играет.

Не знаю, случается ли с вами такое, но это очень забавная штука. Я об одном свойстве всех бродяг, будь они сколь угодно странными и нелепыми, как, например, Энни Фольга, которая делает фигурки из фольги и просто оставляет их на улице, или изящными и воспитанными, как Роберт Лонни, который так классно играет на гитаре. Стоит увидеть их однажды — и ты начинаешь видеть их все время и только удивляешься, как это раньше их не замечал.

После того раза в закуской я стала повсюду встречать Роберта, наигрывающего на своей старой гибсоновской гитаре. Он играл так хорошо, что как-то раз я спросила Уильяма, почему Роберт не играет по-настоящему, не выступает в настоящих концертах, вместо того чтобы ошиваться с гитарой по закуским, перекресткам, переходам метро.

² Черная Пантера — супергерой, персонаж комиксов.

— Дело в том, — сказал Уильям, — что он продал душу дьяволу за то, что играет такую музыку. Но сделка была нечестная. Оказалось, что у Роберта эта музыка и так сидела внутри, — у него просто не хватало терпения извлечь ее, вытащить наружу. И теперь, чтобы позлить дьявола, он, кажется, придумал способ жить вечно, говорит, это несложно, надо только не слишком высовываться. Похоже, дьявол на многое склонен смотреть сквозь пальцы, если не лезешь к нему на глаза.

— И ты в это веришь?

Уильям пожал плечами:

— Я видел столько удивительного, что готов поверить во что угодно. И к тому же мне нравится сама мысль, что кто-нибудь натянет нос старому черту. — Он улыбнулся. — Конечно, есть и такие, кто считает, что Роберт просто очень талантливый и хорошо выглядит для своего возраста.

Не все те, с кем я познакомилась на улице, и жили на улице, даже если на первый взгляд могло показаться, что это так. Наверное, некоторым, как и мне, просто было удобнее существовать на маргинальной территории.

Когда я увидела, как Джорди играет на скрипочке за мелочь, то сперва приняла его за бездомного. Его занятие было немногим лучше, чем стоять с протянутой рукой. Но, познакомившись поближе, поняла, что ему просто нравится играть на улице. В клубах он тоже играл, и у него была квартира на Ли-стрит и все такое, но петь на улицах, говорил он, — честное, хорошее дело. Он одним из первых появлялся весной на улице со своим инструментом — стоял на каком-нибудь углу весь закутанный, в перчатках с отрезанными пальцами. И осенью покидал свой пост одним из последних.

Мы с Джорди отлично ладили. Думаю, мы могли бы стать и больше чем друзьями, но мне все казалось, что у него на уме кто-то другой, а такие вещи всегда мешают завязать серьезные отношения. В конце концов, человек может даже примириться с тем, что рядом, под рукой, но все равно всегда помнит о чем-то, что могло бы быть, да не случилось.

Сначала я подумала, что Джорди сохнет по Сэм, его бывшей девушке, которая так таинственно исчезла из его жизни. Но потом я поняла, что у него что-то с ее подругой, Джилли. У меня создалось впечатление, что ни он, ни она не признались бы в этом даже самим себе, хотя все вокруг были уже в курсе.

Странно, что при его душевном родстве с Джилли прошло добрых полгода, прежде чем я вдруг стремительно влетела в круг ее друзей. Джорди часто, говоря о Джилли, вспоминал о Софи, Венди и остальных, но наши пути как-то не пересекались. Я понимаю, город большой, но, когда мы с Джилли наконец встретились, оказалось, у нас столько общих знакомых, что просто удивительно, как это мы не столкнулись гораздо раньше.

Кристи я несколько раз видела издали. Просто не знала, кто он такой.

А познакомились мы так. Я шла по Ли-стрит и увидела Джорди за столиком кафе «Рыжий Лев». Он был с каким-то парнем, чье лицо я не могла разглядеть, потому что он сидел ко мне спиной. Когда я сообразила, кто это, бежать было уже поздно, потому что Джорди меня заметил. Так что пришлось подойти и поздороваться.

Дело в том, что я уже давно заметила Кристи и меня к нему очень тянуло. Впервые я увидела его на одном поэтическом вечере. Я стала наблюдать за ним и увидела в нем нечто такое, что почти заставило меня отказаться от данного себе зарок не знакомиться с людьми на таких мероприятиях. Но потом я заметила, что он разговаривает с Аароном и еще одной женщиной, тоже журналисткой, только из другой газеты. Если они его друзья, решила я, то я с ним дружить не желаю.

После этого я время от времени замечала его где-нибудь поблизости. Обычно он был один. Но мне никогда не приходило в голову, что брат Джорди, о котором тот часто упоминал, и этот привлекательный незнакомец, не умеющий выбирать себе друзей, — одно и то же лицо.

Насчет друзей я ошиблась. У Кристи был безупречный вкус в этом смысле, Аарона он

на дух не переносил, так же как и я, правда по другим причинам.

Словом, когда это препятствие отпало, все кончилось тем, что теперь мы с Кристи живем вместе.

Я научилась слегка приглушать свое сияние на людях, когда надо. За это пришлось заплатить дорогую цену — я лишилась голоса у себя в голове. Потеряв его, я, вероятно, потеряла и связь с наставлявшим меня духом из киберпространства, или что там это такое было. Мне больше не снятся полеты над микросхемами, провода с текущим по ним электрическим током, ячейки, в которые превращается сильно увеличенное на экране изображение, и вообще ничего такого. Сейчас все это кажется мне каким-то бредом, одолевавшим меня в прошлом.

Но той плоти, в которую одета моя душа, я тоже не доверяю.

Я не доверяю и опыту, которым теперь обладаю, потому что прекрасно знаю, что начала приобретать его только с того момента, как однажды проснулась в этом мире. Я могу отследить свою историю по компьютеру — где родилась, как росла, как ходила в школу, но вспомнить ничего этого не могу.

Так что порой мне все еще кажется, что когда-то у меня в голове был целый огромный мир, полный информации, и я могла поддерживать связь с неким призраком, к которому могли бы найти доступ разве что люди, которые шарят в Интернете. А может, все это и сейчас существует в моем мозгу, но только каким-то образом заблокировано.

Я ни в чем не уверена. Единственное, что известно наверняка, — что сейчас я здесь, в этом мире. И у меня есть Кристи, который готов за меня постоять.

Большую часть времени мне этого хватает.

Кристиана

У меня все было не так.

Впервые открыв глаза, я уже точно знала, кто я такая: я — тот избыток багажа, который Кристи не хотелось таскать с собой. Как там у него в дневнике?

«...где-то в шесть-семь лет мы отделяем от себя и прячем те качества нашей личности, которые кажутся нам неприемлемыми, которые не вписываются в окружающий нас мир. И они, эти тайные стороны нашего „я“, становятся нашей тенью».

Я знаю: это звучит довольно мрачно. Но на самом деле все не так ужасно. Потому что люди не всегда стремятся избавиться только от плохого. Не надо забывать: они пока всего лишь дети. Их личности еще только начинают формироваться. И все это происходит на инстинктивном, почти клеточном уровне. Они не обдумывают этого.

Хотя в моем случае...

Уже маленьким мальчиком Кристи стремился отгородиться от людей. Именно поэтому я такая открытая.

Он всегда был ужасно серьезный, потому что не доверял людям и не чувствовал себя с ними свободно. Должно быть, поэтому я такая жизнерадостная.

Он трудно сходилась с людьми. А я легко.

Но и темное есть у меня в багаже. Вспыльчивость, потому что он всегда стремился сдерживаться. Бесшабашность, так как он осмотрителен...

Ну, в общем, вы понимаете. Я — его противоположность. В дневнике он пишет и о нашем физическом несхождении:

«Она маленькая, в то время как я довольно высокого роста. Она смуглая, а у меня белая кожа. Она рыжая, а у меня темные волосы. Она была девочкой, пока я был мальчиком, и стала женщиной теперь, когда я стал мужчиной».

В общем, открыв глаза, я оказалась семилетней девочкой, которая знала все о том, как это — быть семилетним мальчиком, и не знала ничего о том, как быть собой.

Наверное, это было бы даже опасно — в столь нежном возрасте пускаться в путь в этом страшном и большом мире, но... Во-первых, когда рождается тень... да, конечно, она

состоит из всего, что счел ненужным ее хозяин, но она забирает себе половину... ну, не знаю... души, что ли, или, по крайней мере, опыта. Конечно, с периферии его сознания. Да, я, безусловно, была нежелательным багажом, балластом, но и еще чем-то.

Однако что значит — с периферии? Где эта граница?

Когда мы начали общаться, Кристи часто спрашивал:

— А где ты находишься, когда ты не здесь, не в этом мире?

Я долго не хотела ему говорить, скорее потому, что не желала терять имидж «таинственной женщины», который сложился у него, нежели по какой-то более разумной причине. Но однажды вечером, когда с ним случился очередной приступ любопытства к самому себе, я сдалась.

— Когда я не здесь, я в тех полях, которые за всеми полями, — сказала я и объяснила ему, как они располагаются и вокруг нас, и внутри.

Правда, я не стала объяснять ему, что они принадлежат уже Пограничным Мирам. Это поля, лежащие между этим миром, который так хорошо ему известен, и другим — Волшебной Страной, Миром Духов, или Страной Сновидений, или как хочешь ее назови. Этот «другой мир» — то, к чему вечно стремятся мистики и поэты. Лишь немногие из них понимают, что Пограничные Миры — отдельное государство и тоже волшебны. В некоторых местах они лежат тончайшей газовой пленкой, именно там особенно легко невзначай проскользнуть из одного мира в другой, а в других — обширны, как целый континент.

Существ, населяющих эти земли, иногда называют Идар. Большинство из них создано воображением, они существуют, только пока кто-нибудь в них верит. Именно в Пограничные Миры обычно отправляются тени, такие как я. Идар называют их Мидхон. Кикаха зовут их *абитавеги-аки* — мир на полпути.

Но этого я Кристи объяснять не стала. Не объяснила и того, о чем только что начала говорить вам, — что тень только наполовину состоит из того, что берет в Пограничных Мирах, а другую половину берет у того, кто ее отбрасывает. Я сама точно не знаю, что это значит. Может быть, мы что-то получаем просто из воздуха. Возможно, человек отбрасывает еще и другую тень — туда, в Пограничные Миры, и существа, подобные мне, рождаются в момент слияния этих двух теней. Единственное, в чем я уверена, — это в том, что у меня сразу установилась связь с этим миром, и, как только я выскользнула туда, меня тут же встретила наставница.

Я сказала «наставница», как будто это обычное дело и таковые есть у всех, но это вовсе не обязательно. Просто я сразу почувствовала, что меня кто-то ждет.

Поскольку все для меня было внове, я просто приняла Мамбо как должное. Только годы спустя, когда я стала задумываться об опыте, ценностях, истории, я задала себе вопрос: а типично ли то, что со мной произошло? У других, если уж они и обзаводятся наставниками, тотемами, это обычно таинственные могущественные животные либо старые мудрые мужчины или женщины, похожие на бабушек и дедушек, которых у них никогда не было.

А у меня — Мамбо.

Она напоминала коричневый, ноздреватый, как гриб, мяч, снабженный тщедушными маленькими ручками, которые были плотно прижаты к туловищу, когда она не использовала их для передвижения. Что-то похожее на тех людей-шаров, о которых Кристи написал в своей первой книге «Как заставить ветер дуть», — кажется, так она называется. Сейчас я понимаю, что ничего более странного, чем Мамбо, и представить себе нельзя, а тогда я обратила внимание лишь на то, что лицо у нее доброе. Ведь я была всего лишь семилетней новорожденной тенью. Неудивительно, что у нее была такая необычная внешность: только такое и могло привлечь внимание подобного мне ребенка, и глубокая привязанность, которую я сразу начала к ней испытывать, сохраняется и по сей день, несмотря на ее нелепый облик.

Но, кажется, я забегаю вперед.

Я открыла глаза — маленькая нечесаная девочка в драном черном платице. Кожа у меня была цвета кофе с молоком, глаза голубые, как васильки, рыжие волосы спутанными кудряшками падали мне на плечи. Я очнулась на лужайке, за домом Риделлов. Села и посмотрела на окно спальни Кристи и Джорди. У Пэдди, их старшего брата, была уже отдельная комната.

Я знала, кто они такие. Я знала все, что знал Кристи до того момента, как меня отбросил. После этого наши жизни разделились, и каждый из нас стал накапливать свой собственный опыт, хотя я по-прежнему знала о нем гораздо больше, чем он обо мне.

Он даже не запомнил, что отбросил меня. Он понял это годы спустя, когда в какой-то книжке прочитал о тенях и решил попробовать призвать собственную тень обратно.

Но я-то помнила. И хорошо его знала. Сначала я пристально следила за ним, следовала за ним повсюду. Потом мне это надоело, но, куда бы я ни отлучалась, я всегда возвращалась к нему, меня тянуло к нему, к этому мальчику, который когда-то был мной. Или я была им. Все равно.

Когда он начал вести дневник, я проглотила несколько «томов», сидя за стареньким письменным столом у его кровати, читая и перечитывая написанное им, стараясь понять, какой он, чем отличается от меня.

Однажды он проснулся и увидел меня. Я посмотрела на него в упор, не говоря ни слова, потом закрыла тетрадку, положила ее обратно в ящик, выключила настольную лампу и растворилась, улетучилась в Пограничные Миры. Позже я прочитала в его дневнике запись об этом: он решил, что я ему приснилась.

Но в ту, первую, ночь я не пошла в его дом. Я была слишком зла на него за то, что он выбросил меня из нашей общей жизни.

Да как он посмел! Как посмел он бросить меня? Как тряпку, как мусор какой-нибудь. Меня — как мусор! Я ему покажу!

Сжав маленькие кулачки, я шагнула было к дому, сама не зная, что собираюсь делать — может, запустить камнем в окно, может... — но тут оступилась и выскользнула в Пограничные Миры.

Где меня и поджидала Мамбо.

Вы помните, как вас легко было отвлечь в детстве? Ах, извините, скорее всего, не помните. Ну так можете поверить мне на слово. Вы только что были вне себя от злости — и вот уже хохочете как ненормальная.

Итак, значит, я стояла, моргая в непривычных сумерках, настолько удивленная, что забыла даже злиться. Не могу сказать вам, как именно я поняла, что оказалась в другом мире, — просто поняла, и все. Воздух был другой. И свет тоже. И самое главное, тот дом на другом конце поля, куда я направлялась, — его больше не было.

Наверное, я испугалась тогда, хотя, вообще-то, меня не так легко испугать. Разве что Мамбо выйдет из себя.

Итак, я увидела коричневый шарик, который скакал по лужайке и явно направлялся ко мне. Когда он остановился, притормозив с помощью маленьких ручек, и я увидела лицо с большими светящимися глазами и приветливой улыбкой, то захлопала в ладоши и широко улыбнулась в ответ.

— Здравствуй, девочка, — сказал шарик.

— Ты умеешь говорить!

— Конечно умею.

— Я никогда раньше не слышала, чтобы мячики говорили.

— Ты много чего еще никогда не испытывала, — сказала она. — И если ты научишься тратить меньше времени на удивление, то у тебя останется больше времени на то, чтобы оценить то, что тебе предстоит испытать.

— Будем с тобой дружить? — спросила я.

— Надеюсь. Еще я буду тебя учить, если не возражаешь. Меня зовут Мамбо.

— А меня — Кристи, — сказала я, но, сообразив, что это уже не так, быстро назвала

первое имя, которое пришло мне в голову, — Анна.

Анной звали одну девочку из класса Кристи. Она мне тогда очень нравилась. Вообще-то, Кристи все время нравилась какая-нибудь девочка, он ведь влюбчивый, наш мальчик. Или, по крайней мере, был до того, как встретил вас. Но он никогда ничего не предпринимал. Только бросал на них томные взгляды да писал стихи, которые тщательно скрывал от них.

— Очень приятно познакомиться, Кристиана, — сказала Мамбо.

Я хотела было поправить ее, но мне понравилось, как это звучит. С одной стороны, это было совершенно новое имя, а с другой — в нем чувствовались мои корни...

— И чему ты собираешься учить меня? — спросила я.

Я немного нервничала. Семь лет, прожитых вместе с Кристи, научили меня не слишком доверять взрослым. Я, конечно, понимала, что Мамбо всего лишь шарик и вообще все это похоже на сказку, но в ее интонациях было что-то такое, что позволяло подозревать в ней взрослое существо.

— Тому, чему ты захочешь научиться, — сказала она. — Могу для начала показать тебе, как переходить из одного мира в другой. Очень полезный навык для тени.

— А что такое тень? — спросила я.

Она произнесла это слово так, что я не поняла, что, собственно, она имеет в виду. Но как только она начала объяснять мне, сразу сообразила — меня. Тень — это я. Тень, отбрасываемая Кристи.

Не всякий человек обладает тенью — в том смысле, в каком это описывает Кристи в своих дневниках.

Нет, погодите. Так будет не совсем точно. Я хотела сказать, что у каждого есть тень, но не каждому доступно общение с личностью, в которую эта тень может превратиться.

Сначала вы должны призвать свою тень.

У некоторых детей это происходит так естественно, что они даже не узнают в этих невидимых приятелях тех, кто является частью их самих. В основном такие люди оставляют свои тени, когда вырастают, так что несчастные создания оказываются отброшенными дважды. Другие — те, которые помнят о нас или каким-то образом о нас узнают, часто удивляются тому, что обнаруживают. Кристи, например, был очень удивлен.

Сначала он подумал, что сходит с ума, потому что я к нему явилась только в виде голоса. Даже не знаю, почему я так поступила. Может, потому, что нервничала. Мне хотелось понравиться ему, ведь, в конце концов, я в каком-то смысле его близнец; я уже давно не злилась на него за то, что он когда-то меня отбросил, но вовсе не была уверена, что он на меня не злится, — ведь я и правда состою из всего того, что ему не нравится.

Ничего страшного нет в том, чтобы быть созданным из обрывков и ошметков чьей-то личности. Потому что после обособления мы, как и те, чьим эхом мы являемся, продолжаем развиваться. Мы, как и они, способны расти и меняться. Мы можем начать нашу жизнь злыми, неуклюжими, нахальными, а со временем стать хорошими, ловкими, застенчивыми.

И мне, пожалуй, нечего было волноваться перед встречей с Кристи. Я ему очень понравилась, он даже почти влюбился, хотя я уже давно знаю: в подобных случаях это вполне естественно. И сами тени всегда тянутся к тем, кто их отбросил, как бы велика ни была разница между ними: просто вы стремитесь к своей второй, недостающей половине. После тех изменений, которые претерпевает тень, ведя самостоятельное существование, она становится еще более похожей на своего бывшего хозяина.

Когда прошла краткая влюбленность, между мной и Кристи установились братско-сестринские отношения. Он обращается со мной как со старшей и более умной, поскольку я причастна Тайне и мое происхождение столь необычно. Я смотрю на все это несколько иначе. Я тоже многому учусь у него, но предпочитаю оставить его при всех его заблуждениях. Давайте смотреть правде в глаза: девушкам, люди они или тени, всегда нравится быть таинственными.

Какая она — жизнь тени? Я могу вообще не есть и не пить, но люблю вкусную еду и хорошее вино. Спать мне тоже не нужно, но я люблю понежиться в постели, просто поваляться, зная при этом, что все остальные уже встали и занимаются делом.

Иногда, когда я закрываю глаза и притворяюсь, что сплю, мне даже случается задремать.

У меня не очень-то хорошо получается рассказывать. Надо было бы излагать все стройно и по порядку, как это делали вы, но мой мозг работает иначе. Вот и еще одно различие между мной и Кристи. Он очень логичен, он все просчитывает от начала до предполагаемого конца, а я, как мотылек, просто лечу на свет, если тот достаточно силен.

Так на чем я остановилась?

Да. На том, как растет и развивается тень.

Я росла быстрее, чем Кристи. И дело было даже не в том, что девочки вообще развиваются раньше. Тени могут сами выбирать себе возраст. Мы не в силах радикально изменить свою внешность, то есть мне не удалось бы появиться перед вами в обличье кошки или собаки, но мы можем выглядеть на столько лет, на сколько хотим, и это очень удобно.

Но в интеллектуальном и эмоциональном плане я развивалась гораздо быстрее, чем он.

Это неизбежно, если проводишь большую часть времени в Пограничных Мирах, где всегда есть чему поучиться. Не говоря уже о том, что сразу за Пограничными Мирами лежит Мир Духов, где способны воплотиться в жизнь даже самые невообразимые фантазии.

И еще, помните, я говорила, что тень берет часть своей сущности в Пограничных Мирах? Я думаю, оттуда же — наша способность быстрее усваивать информацию. Не то чтобы мы были умнее. Нет, просто мы с большей готовностью все в себя впитываем. И нам требуется гораздо больше информации, чем тем, кто нас отбрасывает, потому что нам надо освоить целых три мира, а не один.

Кроме того, кое-где в Мире Духов время движется иначе, чем здесь.

Думаю, я в любом случае старше Кристи, потому что живу в одной из Рип-ван-Винклевых складок Мира Духов, где год равен здешнему дню.

И разумеется, я гораздо раньше его начала сексуальную жизнь. По правде говоря, к тому, что можно было бы назвать подростковым возрастом, я уже была неисправимой распутницей. Мне хотелось попробовать все.

Теперь я стала гораздо разборчивее.

— Почему тогда ты ждала меня? — спросила я Мамбо как-то, когда мы были уже знакомы несколько лет.

Она как раз показывала мне, как плести из травы прочную, со сладким запахом косичку. Не знаю зачем. Она вечно учила меня всякой ерунде, которая в момент обучения казалась совершенно бесполезной, но потом, как правило, очень пригождалась. Так что, может быть, в будущем я еще порадуюсь тому, что умею плести косички из травы.

— Ну, тогда, помнишь, когда я только появилась? — напомнила я.

— Это моя работа, — сказала она, — обучать теней.

Как будто это была самая обычная вещь на свете. Но вы же меня знаете. То есть нет, конечно, не знаете, иначе мы бы не разговаривали сейчас. Дело в том, что я не успокоюсь, пока не докопаюсь до сути. От кого-то я слышала: «Может, кошка и умерла от любопытства, но до смерти у нее была весьма интересная жизнь». Вот и я как та кошка. У меня тоже очень интересная жизнь.

Пока я не умерла от любопытства.

В Пограничных Мирах всегда что-нибудь происходит. Между сказочными персонажами, феями, духами и тенями. Скучать некогда. Начинаешь ценить свободное время.

Вам понравился бы мой тамошний «дом». Как-нибудь возьму вас туда.

Это тот самый лужок размером с комнату, который я урвала себе у того летнего дня, в котором родилась.

Этому фокусу научила меня Мамбо. Ты выбираешь пейзаж, как будто делаешь моментальный снимок памяти, с той только разницей, что «фотография» обретает физическое существование и можно спрятать ее в складку пространства там, где Пограничные Миры переходят в обычный. Ты можешь наведываться туда, когда захочешь. Он всегда на месте, этот уголок, надежно спрятан и неизменен.

Я обставила этот лужок, как настоящую квартирку. Комод и платяной шкаф в дальнем его конце, под березами.

Тахта, шезлонги, турецкий ковер — это в противоположном конце, под яблоней. Сервировочный столик и торшер, который, вообще-то, не нужен, потому что здесь всегда светло. Вечное начало дня, утренняя свежесть, все на свете кажется возможным.

Повсюду книжные шкафы, я настоящий книжный червь, собираю все на свете. Моя кровать — в тени кедров. На ветвях всех деревьев развешены разные мелочи: ленточки, картинки, призмы. Все, что мне заблагорассудится.

Кристи очень занимает, какова моя жизнь, когда я не с ним. Он говорит: «Ведь это же так естественно, что мы интересуемся жизнью близких нам людей. Что они делают, когда мы не вместе. О чем они думают».

Я знаю, ему неприятно, что я не проявляю такого же любопытства в отношении его, — он же понятия не имеет, что, когда он спит, я порой заглядываю в его дневники.

Но, как вы уже поняли, я вовсе не так поглощена Тайной, как он полагает. Да, моя жизнь полна приключений, она весьма насыщена, я охотно общаюсь с разными забавными людьми и прочими существами, но, вообще-то, я самая обыкновенная девушка. О, не смейтесь! Да-да, обычная девушка в необычных обстоятельствах.

Однажды я оказалась на вечеринке в Хинтерленде — это у черта на куличках. В другом мире, понимаете?

Нет, это надо увидеть, чтобы поверить. Представьте себе сказочный замок на вершине горы; густой лес спускается чуть ли не от самого фундамента вниз по склону, в долину. Рва вокруг нет, но есть башни и огромный, как футбольное поле, зал. По крайней мере таким он кажется. Но лучше всего то, что посередине этого зала, величиной с футбольное поле, растет огромное дерево — древний дуб; даже не знаю, сколько ему веков.

Мне больше всего нравится, что все это — внутри, в помещении. А мой лужок, наоборот, нравится мне за то, что он — «на улице». В общем, все это так нелепо, что я чувствую себя вполне комфортно.

Уже не помню, кто устраивал тогда вечеринку. Замок был как бы общественным местом, все время кто-то входил и выходил, и после полуночи там набралось, наверное, никак не меньше тысячи гостей, самых разных. Феи, тени, Идар, обычные люди, умеющие пробираться в Пограничные Миры. Все были в карнавальных костюмах.

Кем была одета я? Разбойником в синей полумаске. Или разбойницей? Не важно. На мне были треуголка, сапоги до коленей, бриджи, мягкая рубашка под курткой для верховой езды. Еще мне полагался пистолет длиной в руку, разумеется ненастоящий.

В общем, я сидела с Макси Роуз на подоконнике, окно выходило во дворик, и мы беседовали о смысле жизни — а позвольте вам заметить, что в Пограничных Мирах этот вопрос стоит еще более остро, чем здесь, — и вообще обо всем, о чем обычно говорят в это время суток.

— Чего я не понимаю, — говорила Макси, — так это почему люди так стремятся свести в одно разные мифы и сказки. Нет, я, разумеется, знаю, что существуют параллели между фольклорными мотивами у разных народов, но все-таки. Половина таинственности и волшебного воздействия заключена в их противоречивости. Мы живем в мире произвола и насилия. Почему в сказках должно быть иначе?

— Людям хочется понимать происходящее, — возразила я.

— Да брось ты! Большинству из нас вовсе не нужно ничего понимать. Хотя я лично тем, что еще жива и благополучна, обязана как раз меньшинству.

— В смысле? — не поняла я.

Она пожала плечами:

— Именно так Идар и сохраняют свое влияние. Мы знаем здешние порядки. Мы обучаем теней.

Макси была моя старая подруга, зеленоглазый подросток с выкрашенными в розовый цвет волосами, пониже меня ростом, с пристрастием к одежде ярких цветов, смешным неуклюжим ботинкам и бесконечным разговорам. Сегодня она была одета панк-балериной: пачка, столь же шокирующе розовая, как и ее волосы, и легинсы — такие изодранные, как будто их изрядно потрепала акула. На ногах — большие черные ботинки фирмы «Доктор Мартенс». По правде говоря, карнавальный костюм Макси выглядел лишь немногим более экстравагантным, чем ее обычная одежда. Разве что обычно она не носила маски Зорро — черный шарф с прорезями для глаз.

Она всегда была так полна жизни, казалось такой настоящей, что легко было забыть, что она всего лишь второстепенный персонаж книжонки в мягкой обложке, которую почти не читали ни при жизни автора, ни после его смерти. Идар, к которым она принадлежала, существуют благодаря вере других в их существование. Мне всегда казалось абсурдным, что Макси выглядит столь живой и подвижной. По логике вещей она давным-давно должна была поблекнуть и испариться.

— Обучаете, — задумчиво повторила я за ней, вспомнив тот день, когда я спросила Мамбо, почему она тогда ждала меня. — Как Мамбо — меня?

Макси кивнула.

— И благодаря этому остаетесь живыми?

Макси широко усмехнулась:

— Я всегда говорила, что ты способная ученица.

— И многие из вас этим занимаются?

— О, конечно! Мамбо, Клери Уайз, Фенритти, Джейсон Труленд, я. Когда видишь кого-нибудь из Идар, который кажется вполне настоящим, значит, либо он из какой-то популярной книги — и множество людей в него верит, — либо он работает с тенями.

— Выходит, Мамбо все это делала не столько чтобы помочь мне, сколько чтобы помочь самой себе.

— Да нет же, нет, нет! — воскликнула Макси. — Так ничего не выйдет! Ты действительно должен искренне заботиться о тенях. Очень многие Идар вообще теней терпеть не могут. Ты только представь: вы, тени, появляетесь в Пограничных Мирах маленькими, строптивыми, неуклюжими, полными жизни, но совершенно не умеющими ею пользоваться. Почти у каждого из вас — мешок всякой дряни за спиной, и меньше всего вы настроены слушаться чьих-то советов.

— Я не была строптивой, — заметила я.

Она ухмыльнулась:

— Это ты так считаешь. Как бы то ни было, иногда очень тяжело учить вас себя вести. Не могу представить, что кто-то стал бы этим заниматься, если бы по-настоящему не любил свою работу. А то, что благодаря этому мы продолжаем существовать, — это всего лишь побочный эффект. Ну, по крайней мере сейчас. А первые Идар действительно когда-то поняли, что общение с тенями приносит им не меньше пользы, чем их подопечным.

— Я никогда об этом не знала.

— Многие люди не знают. И многие Идар тоже. Они стенают, чахнут, бледнеют. Но, как я уже сказала, если тебе не нравится эта работа, то в любом случае лучше за нее не браться.

— Но почему именно тени? Почему именно мы для вас так важны?

Макси пожала плечами:

— Не знаю. По какой-то причине ваша вера в нас особенно могущественна. Нам

достаточно одного из вас, чтобы оставаться здесь.

Ирония судьбы. Тень — существо отброшенное, отвергнутое — в данном случае значит больше, чем все читатели бестселлера, вместе взятые.

Как я впервые встретила с Кристи?

Я точно не помню, когда это произошло, но зато помню где. И еще помню выражение его лица. Он ведь иногда бывает очень хорош, вам не кажется? Когда что-нибудь по-настоящему застанет его врасплох.

Так вот что я сделала. Однажды во время одной из его поздних прогулок я просто долго шла за ним, пока не поняла наконец, куда он направляется. Тогда я проскользнула вперед, и, когда он дошел до моста Келли-стрит, я была уже там — стояла, опершись на каменную балюстраду, и смотрела на воду. Была чудная ночь, конец лета, небо чистое и полное звезд. Дул легкий ветерок. Над Катакомбами сияла луна.

Я прислушивалась издали к его шагам и подгадала так, чтобы поднять голову как раз в тот момент, как он поравняется со мной.

Он уже хотел было кивнуть мне, как кивают полужнакомому человеку, случайно встреченному на улице, но потом остановился и в замешательстве посмотрел на меня. Ему показалось, что он знает меня, но он меня определенно не знал.

— Заблудились? — спросила я.

Я понимала, что мой голос только усилит это странное чувство знакомости, которое он и без того уже испытывает.

— Нет, — ответил он. — Вы... мне кажется, я откуда-то вас знаю.

— Держу пари, вы это всем девушкам говорите, — ответила я, улыбаясь его смущению.

Он даже покраснел:

— Да нет... Я хотел сказать...

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Неудивительно, что вы знаете меня. Я — тот голос из темноты.

У него в глазах зажглась искорка понимания, и лицо у него сделалось вот такое, как я говорила, ну... симпатичное.

— Но тогда... почему вы настоящая?

— А кто сказал, что я настоящая?

Конечно, я знала, что поступаю с ним жестоко. Но, вероятно, в то время у меня еще были кое-какие счеты к нему — я все еще обижалась на него за то, что он отбросил меня, когда мне было всего-навсего семь лет.

Он облокотился на балюстраду, и было похоже, что эта опора ему действительно сейчас необходима.

— Успокойтесь, — сказала я. — Вы не сходите с ума.

— Вам легко говорить.

Я хотела дотронуться до его руки, успокоить его, но что-то заставило меня остановиться, сама не знаю что.

— Просто я подумала, что нам надо встретиться, — сказала я. — Так лучше, чем когда вы сидите в кресле, а я говорю с вами из темноты. Этот способ общения уже изжил себя.

Пока я говорила, он внимательно изучал мое лицо.

— Я видел вас раньше, — сказал он. — Где я мог видеть вас раньше?

— Помните, вы начали вести дневник?

Он кивнул:

— Иногда мне снилось, будто я проснулся, а за моим столом сидит рыжеволосая девушка и читает его.

— Это была я собственной персоной.

— Вы рядом со мной так давно?

— Я рядом с вами с тех пор, как вы в семь лет отбросили меня за ненужностью.

— Я не знал, что отбрасываю вас, — ответил он. — Я вообще ничего не знал о тенях, пока пару лет назад не наткнулся на упоминание о них в книге о Юнге.

— Знаю.

Мимо проехало такси, чуть притормозив около нас, видимо в надежде, что мы сядем, но мы отвернулись, и такси рвануло прочь.

— Это больно?

— Что — больно?

— Когда отбрасывают?

— Не физически.

Он задумчиво кивнул:

— А сейчас у вас все в порядке?

— А вы как думаете?

— Не знаю. Вы производите впечатление очень уверенного в себе человека. Я это понял по нашим с вами разговорам. Вы не выглядите несчастной. И вообще, вы производите впечатление очень милой девушки.

— Я и есть милая.

— Я не имел в виду...

— Я знаю, — сказала я. — Просто вам рисовался этаким мрачный и темный близнец, состоящий из отброшенных, следовательно, неприятных ваших качеств.

— Ну, не совсем так.

— Во всяком случае, ваша прямая противоположность.

Он кивнул.

— Но ведь вы меня отделили от себя, когда вам было всего лишь семь лет, — напомнила я. — Много из того, от чего вы тогда избавились, было как раз положительным. И потом, с тех пор мы оба выросли. Мы, возможно, похожи друг на друга гораздо больше, чем вы ожидаете, принимая во внимание мое происхождение.

— А... где вы живете? Чем занимаетесь?

В ответ я улыбнулась:

— Вы ведь любите писать о таинственном?

Он снова кивнул.

— Ну вот, а я это все проживаю, — сказала я.

— И не расскажете мне об этом, потому что...

— Потому что тогда это перестанет быть таинственным, не так ли?

Мы оба рассмеялись.

— Нет, серьезно, — настаивал он.

— Серьезно. Я живу между.

— Между... чем и чем?

— Между чем угодно и чем угодно.

Он медленно кивнул:

— Там, где происходит все волшебное.

— Можно и так сказать.

— Тогда почему сейчас вы здесь? — спросил он.

— Я уже сказала. Мне поднадоело вещать из темноты. Кроме того, мне показалось, вам будет интересно наконец со мной познакомиться.

— Конечно. Я просто...

Я подождала немного, хотя была уверена, что, как бы красноречив он ни был на бумаге, сейчас он нужного слова не найдет.

— В некотором замешательстве, — закончила я за него.

— Это еще мягко сказано.

— Знаете что, — предложила я, — почему бы мне не дать вам попривыкнуть к этому?

Он схватил меня за руку, когда я уже повернулась, чтобы уйти, и вдруг... я не знаю... что-то меня пронзило... что-то странное. Больше, чем дрожь, сильнее, чем шок. Он так

быстро отпустил меня, что я поняла, что он почувствовал то же самое.

— Вам надо идти? — спросил он.

Я покачала головой:

— Нет, но я все равно пойду. Это не значит, что мы больше не встретимся.

— Когда? Где? Здесь? На мосту?

— Где угодно, — сказала я ему. — Когда угодно. Не волнуйтесь. Я всегда вас найду.

— Но...

Я улетучилась в Пограничные Миры.

Мне было так же интересно встретиться с ним, как и ему со мной, но я вдруг почувствовала, что нуждаюсь в некотором пространстве, которое разделяло бы нас. Эта искра, которая проскочила между нами, лишний раз доказывала, что нечто, и даже понятно что, уже назревает.

— Весьма полезно держать некоторую дистанцию между собой и тем, кто тебя отбросил, — сказала мне Мамбо, когда я позже ее об этом спросила.

Мы сидели на крыше заброшенной фабрики в Катакомбах и смотрели на городские огни через реку Кикаха. Внизу, по булыжной мостовой, по своим делам шел ночной люд, для которого эта брошенная часть города стала домом. Шныряли наркоманы. Бездомные дети и бродяги, даже целые семьи, выбирали место и устраивались на ночлег. Стайки тинейджеров с окраин, да и из кварталов получше, курсировали туда-сюда, избегая байкеров и высматривая себе добычу по зубам, над которой можно вдоволь поиздеваться. Обычное дело в Катакомбах.

— Вообще-то, я всегда смутно чувствовала, что надо держать дистанцию, — ответила я, — но только не знала почему.

Мамбо настроилась на учительский лад:

— Притяжение между тенью и тем, кто ее отбросил, велико, и это вполне объяснимо. Когда-то вы были одним человеком — неудивительно, что вас друг к другу тянет. Но стоит только начать проводить с ним больше времени, узнать его поближе, и ты снова втянешься.

— Что значит «втянешься»?

— Он поглотит тебя, и все — как будто тебя никогда и не было. Такое случалось. И случается.

Иногда я испытывала столь острый интерес к кому-нибудь из Идар, что ходила по библиотекам и книжным магазинам и рылась в книгах в надежде что-нибудь о них разыскать. Больше всех меня интересовали Мамбо и Макси Роуз. Потратив довольно много времени, я в конце концов нашла книги, в которых они впервые появились.

Особенно трудно оказалось отследить происхождение Макси. Эта книга в свое время вышла тиражом всего лишь пятьдесят экземпляров и была так ужасно написана, что все владельцы стремились поскорее от нее избавиться.

После долгих поисков я обнаружила экземпляр... в библиотеке Кристи. Это была детская книжка из тридцати страниц на грубой скрепке. Она называлась «Тарабарский путешественник», принадлежала перу некоего Ганса Вуншманна, и, хотя мне удалось заставить себя прочесть ее дважды, я все равно так и не смогла понять, о чем она. Единственным персонажем, имевшим хоть что-то общее с действительностью, была Макси, и то в таком ужасном контексте это казалось, скорее, случайностью.

Я так и не поняла, кто такой «тарабарский путешественник», упомянутый в заглавии, и что вообще все это значит.

— А ты сама-то понимаешь, что хотел сказать этот Вуншманн? — спросила я Макси при следующей нашей встрече. — Ну, в той истории, где ты — одно из действующих лиц.

Макси рассмеялась:

— Разумеется! Он хотел сказать: «Посмотрите на меня! Я легко впадаю в патетику и двух слов связать не могу, но это же не причина, чтобы меня не печатать». Конечно, жаль,

что он не сказал это покороче, — усмехнулась она. — Надо сильно напрячься, чтобы такое прочесть.

— Это было нелегко.

— Так ты все-таки прочла?

— Ага. Я уверена, что он хотел как лучше. Должно быть, во всем этом было нечто такое, что необыкновенно занимало его, если он потратил столько времени на то, чтобы это написать и издать за свой счет.

— Ах, если бы.

— Да ладно тебе, Макси! Признай хотя бы, что он старался как мог.

— Правда? — недоверчиво отозвалась Макси. — Да нет, я ничего не имею против издания книг за свой счет, просто терпеть не могу чепухи.

— Но...

— Меня очень раздражает, что я родилась именно в этой истории. Конечно, где уж мне было родиться в хорошей книге! Нет, конечно! Я непременно должна была появиться на свет в литературном эквиваленте помойки.

— Но он создал тебя, — возразила я. — И ты хороша в этой истории. И ты здесь, между прочим, так что, наверное, в его писанине что-то все-таки есть.

Макси тряхнула головой:

— Если я пока еще здесь, то только потому, что я такая упорная и вовсе не собираюсь бледнеть и испаряться из-за того, что имела несчастье родиться на страницах бездарной книги. Не знаю, что бы со мной было, если бы я вовремя не обнаружила у себя талант к обучению теней. Но я бы и без этого что-нибудь придумала.

Иной раз я очень жалею бедных Идар. Как это тяжело, должно быть, — настолько зависеть от капризов чьей-то музыки!

Я спросила Кристи об этом Вуншманне.

— Неужели сохранилась? — удивился он, когда я показала ему книжку. — А я-то думал, что давным-давно выбросил ее.

— Ты его знал?

— К сожалению. Маленький засранец, мы вместе учились. Болтун, переполненный сверхценными идеями, вечно всех критикующий, вернее, поливающий грязью. Эта детская книжонка — все, что ему удалось выжать из себя. Помню, он очень дулся на меня и на других — на тех, чьи рассказы печатали.

— Значит, ты его не любил?

Кристи засмеялся:

— Нет, не слишком.

— А его книжка?

— Ну, мне там понравился один персонаж — как ее, Микси, Марша?..

— Макси Роуз.

Он кивнул:

— Да, она заслуживает, чтобы ее историю рассказал кто-нибудь потолковее.

— Возможно, — согласилась я. — Ей пришлось найти способ сделать это самой.

Он как-то странно посмотрел на меня, но я не стала развивать эту тему.

С Мамбо все обстояло не так кисло. Я бы сказала, кисло-сладко. Во всяком случае, написано это было куда лучше.

Книга выдержала только одно издание — детская книжка с картинками, в твердой обложке. Она называлась «Ночная детская», и я нашла ее в Публичной библиотеке Кроуси. Автора звали Томас Бригли. Иллюстрации акварелью, выполненные в стиле Рэкхема или Дьюлэка, столь популярном на рубеже веков, принадлежали Мэри Лэм.

Книга вышла в Ньюфорде в конце двадцатых годов девятнадцатого столетия, видимо, имела некоторый успех местного значения, но известности за пределами города не

приобрела. Я попробовала поискать фамилию Бригли в биографическом справочнике, но не нашла даже упоминания. Зато сразу нашла его в «Руководстве по курсу литературы в Ньюфордском университете», и справка оказалась весьма пространной.

Этот Бригли прожил всю жизнь холостяком, работал в издательстве, а в свободное время писал и печатал собственные книги. Свободного времени у него, как я подозреваю, хватало. Из тридцати семи книг, опубликованных под его именем, для взрослых была лишь одна — история трамвая под названием «Джек Булыжник». Она называлась так по имени вымышленного героя, кондуктора, от лица которого велось повествование.

Мэри Лэм, которая сотрудничала с ним во всех его книгах, работала в библиотеке, а свободное время посвящала иллюстрированию книг. Она тоже так и не вышла замуж, что навело меня на некоторые размышления, но найти что-нибудь, свидетельствующее об их романе или о чем-то, что могло бы помешать этому роману, мне не удалось ни в одной из книг, на которые имелись ссылки. Я разыскала их фотографии, в том числе и те, где они сняты вместе. Они выглядели весьма симпатичной парой, и по тому, например, как они там друг на друга смотрят, очевидно, что их друг к другу тянуло. В общем, я так ничего и не поняла.

Я попробовала было проследить судьбу самого Джека Булыжника, но он, в отличие от Мамбо, давным-давно поблек и исчез, как и другие персонажи Бригли.

Мамбо выжила лишь благодаря связи с такими, как я, — с теньями, но, проследив ее линию в книге, я даже удивилась, зачем мы ей понадобились.

«Ночная детская» — книга о девочке, которая так любит одного мальчика, что Фея Игрушек превращает ее в мячик, чтобы девочка могла быть всегда рядом с любимым. Понимаете, он-то был из богатой семьи, а она — дочь слуг, так что они не могли общаться. Вот как все было ужасно устроено в те времена.

Мячик мальчику понравился, и он назвал его Мамбо. И все время играл с ним. И только когда подрос, однажды забыл его в лесу и потом ни разу о нем не вспомнил. Там бы и осталась бедная Мамбо, если бы Фея Игрушек не разрешила ей на время, пока никто из людей не видит, ожить и добраться до дому. Но беда в том, что ее подобрала гувернантка, которая как раз собирала старые игрушки мальчика, чтобы отдать их в детский приют. К ним она и положила Мамбо. Последняя иллюстрация в книжке — Мамбо, венчающая горку игрушек, которую тележка медленно увозит прочь от дома мальчика.

Это была милая и печальная история, действительно хорошо написанная, и картинки были славные. Так что я не поняла, почему книга не имела большего успеха. Может быть, из-за плохого конца, но ведь у Ханса Кристиана Андерсена они тоже случались. Вы ведь, конечно, читали ту же «Девочку со спичками» или «Русалочку»?

Книжку про Мамбо я нашла не на полке. Мне пришлось откапывать ее из штабеля книг, которые давно были изъяты из обращения. Неудивительно, подумала я, что ее не читают, — она так далеко запрятана. Но книжка значилась в библиографическом указателе, на нее имелась карточка, так что, если бы кому-нибудь захотелось прочесть ее, он мог бы ее заказать.

Но никому не хотелось.

Бывали ли у меня с кем-нибудь серьезные отношения? Вы имеете в виду — вроде тех, что у вас с Кристи? Пожалуй, нет. Как я уже говорила, у меня было много... будем выражаться изящно и назовем это флиртом, но ничего продолжительного. Дружбы — это да. И очень длительные. Но более интимные отношения...

Я никогда не встречала в Пограничных Мирах никого, с кем бы мне захотелось иметь серьезные отношения, и мне трудно даже думать о возможности чего-нибудь подобного в этом мире. Я, пожалуй, предпочитаю любопытство, которое ко мне начинают испытывать, узнав, кто я такая. А то пришлось бы лгать, придумывать себе жилье, работу и тому подобное. Слишком сложно.

Правда, я приобрела сотовый телефон, который работает и в Пограничных Мирах тоже,

и там даже лучше, чем здесь, с тех пор как Макси научила меня его перенастраивать, чтобы не зависеть от всяких там спутников и телефонных компаний. Так что теперь, если у меня попросят «телефончик», я могу его и дать, если захочу, а где и на что живу — по-прежнему держать в тайне.

О, только не улыбайтесь так! Да, это есть — мне нравится быть таинственной. Это Кристи виноват со своими дневниками.

Разумеется, я могу дать вам номер моего телефона. Но вы должны пообещать, что не дадите его Кристи.

Нет, тут не только книги. Идар иногда возникают и просто из воображения. Слова не обязательно должны быть записаны на бумаге. Это может быть что угодно: от рисунка до коротенького дневного сновидения. Идар — это не божества. Боги нуждаются в изображениях, в то время как Идар, для того чтобы существовать, требуется только то, чтобы в них верили. Чем меньше в них верят, тем быстрее они блекнут и тускнеют. Даже печально, до чего некоторые из них эфемерны — почти привидения, едва существуют, их почти и нет. Но существуют области Пограничных Миров — обычно поблизости от больших городов, — где Идар жирные, как слепни в жаркое лето.

Да, они могут быть жалкими, печальными, еле видными существами, а могут быть и совсем другими. Некоторые настолько самоуверенны, что просто светятся — до того переполнены энергией. Может быть, это влияние Кристи, но меня лично больше интересуют мифологические существа.

В Пограничных Мирах все кишит волшебством. И земными духами. В нижней их части также водятся вампиры и другие малоприятные создания. Постоянно прибывают новенькие.

Знаете, почему то и дело ходят слухи, что где-то видели Элвиса? Так как значительное число людей продолжает верить, что он жив, он и в самом деле живет, существует как очень могущественный Идар. Да не один Элвис! Есть молодой — такой крутой, ранний, но еще вежливый, как все, кто только что стал известен. Но есть и парочка других: более приглаженный — из фильмов и толстый — последнего периода в Лас-Вегасе.

Вы бы на них посмотрели, когда соберутся вместе! Вы таких разборок сроду не слышали. Правда, и такой музыки тоже.

Ну вот, теперь вы представляете себе, как обстоят дела. Может, я и начала свою жизнь как отброшенная за ненадобностью часть кого-то другого, но с тех пор живу своей, отдельной жизнью. Я выросла, изменилась. Я стала собой, и никто другой уже никогда не сможет быть мной. Никто другой не знает то, что знаю я. Никто другой не чувствовал того, что я чувствовала, не пережил того, что пережила я.

Именно это я и называю — быть настоящей. Если ты можешь адаптироваться к окружающему миру, взрослеть, развиваться, становиться кем-то другим по сравнению с тем, кем ты была, значит, ты — настоящая. Значит, у тебя есть душа. Потому что фикция ни на что такое не способна. Она может быть лишь тем, чем сделал ее хозяин. Таковы, к сожалению, Идар. Они могут быть яростно независимы, как, например, Макси Роуз, но стоит Гансу Вуншманну написать о ней другую историю, изменить ей характер или судьбу — и все это немедленно отразится на Идар, которой она стала. И весь ее опыт, приобретенный уже в состоянии Идар, не будет значить ничего.

Продолжительность существования — животрепещущая тема, широко обсуждаемая в Пограничных Мирах. Многих Идар это так заботит, что они начинают страдать от разных эмоциональных расстройств. Если, конечно, не сойдут на нет прежде. Обычно они не отличаются долголетием.

Но нам с вами об этом нечего беспокоиться. Может быть, с нашим происхождением и не все нормально, но у нас тела и души вполне реальных людей. Нас невозможно изменить несколькими мазками кисти, или новым словесным портретом, или парой ударов по клавишам.

Посмотрела бы я на того, кто попробовал бы мне указывать, какой я должна быть! Кто бы он ни был, лучше бы ему иметь хорошую реакцию. Почему? Потому что я бы так ему врезала, что он бы так и сел на задницу раньше, чем успел бы сообразить, кто ему вмазал.

О да! Я могу быть и жестокой, когда надо. Это первое, чему приходится учиться, если хочешь выжить в каждом из миров.

Вот мы

Не словами
Мы пользуемся,
А тем,
Что видим благодаря им.

**Саския Мэддинг.
Стихи («Духи и призраки», 2000)**

Кристиана

— Итак, мы обе не соответствуем... — говорю я.

Забавно. Не помню, когда я в последний раз так много говорила. Наверное, в этом я похожа на Кристи — люблю сидеть в уголке, просто впитывать. Имейте в виду, он всегда был спокойным. А мне пришлось долго учиться, чтобы стать такой.

Саския кивает:

— Да, похоже, не соответствуем...

Я-то сказала это в шутку, а она восприняла всерьез. Я некоторое время наблюдаю за ней: взгляд ее скользит мимо меня, куда-то в окно, но она не смотрит ни на что конкретное. Она глубоко ушла в себя, меня здесь вообще больше нет. Во всяком случае для нее — нет. И ничего нет — ни посетителей, ни самого кафе.

Я встаю и приношу ей еще чашку зеленого чая, а себе — черного кофе. Когда я возвращаюсь, Саския уже снова здесь, она внимательно смотрит, как я подхожу к столику.

Я ставлю перед ней ее чашку чая, она улыбается и благодарит.

— Читала про ИИ, — говорит Саския, когда я усаживаюсь опять в свое кресло. — Ну, знаете, про машины с искусственным интеллектом...

— Ага.

— Вот и подумала: жизнь не слишком отличается от такой книги, честное слово. Если бы люди знали, кто мы на самом деле, они бы нас ненавидели точно так же, как ненавидят в фантастических романах андроидов и интеллектуальные машины.

Я протестующе мотаю головой:

— Мы такие же настоящие, как люди.

— Но они состоят из плоти и крови.

Подавшись вперед, я щиплю Саскию за предплечье.

— Мы тоже, — говорю я ей.

— Возможно, сейчас — да, но...

— Сейчас не сейчас, какая разница? В нас есть дух. У нас есть душа. А как мы их получили — это не важно.

— Для людей — важно.

Я улыбаюсь:

— Черт с ними, с людьми.

Но она не улыбается в ответ.

— И для меня, наверное, это важно, — говорит она. — Вам легче: вы, по крайней мере,

знаете, откуда взялись. А я и этого не знаю. Когда я оглядываюсь назад, обнаруживается, что у меня полно воспоминаний, но все они начинаются лишь с того момента, как я пробилась невидимую стену и оказалась здесь. Неужели я возникла из ничего? И неужели у меня тоже может быть душа?

— Что ж, это нетрудно выяснить, — говорю я.

Она озадаченно смотрит на меня.

— Давайте попробуем вернуться туда, откуда вы пришли. Я отведу вас обратно в Вордвуд.³ Может, здесь и нет ответов на ваши вопросы, но там они должны быть.

— Ну... не знаю.

— Что вас останавливает?

— А что, если, попав туда, я больше не смогу вернуться обратно? Что, если я лишь часть этого Вордвуда или как там его, и, как только снова окажусь там, он меня поглотит? И вас заодно?

Я пожимаю плечами:

— По-моему, надо попробовать. Все зависит от того, насколько сильно вы хотите узнать правду.

Саския оценивающе смотрит на меня.

— Вы и вправду такая жесткая? — спрашивает она.

— Не забудьте добавить «жестокая», — улыбаюсь я.

— Я тоже хотела бы такой быть — жесткой, жестокой. Уверенной в себе.

— Над этим надо работать, — говорю я. — И быть жесткой вовсе не значит никогда не бояться. Просто вы больше не позволите страху удержать вас от того, что вы хотите сделать, или от того, что вам надо сделать. Вот этого действительно можно достичь.

Она задумчиво кивает:

— И как вы себе представляете это наше путешествие?

— Я проведу вас через Пограничные Миры.

— А можно через Пограничные Миры попасть в Вордвуд?

— Через Пограничные Миры можно попасть куда угодно, — заверяю я ее. — И если вы правы и всем управляет какой-нибудь дух вуду, то он, скорее всего, обитает в Другом Мире.

— В Другом Мире...

Я киваю:

— Учтите, я могу только провести вас, но, когда мы окажемся в Пограничных Мирах, вам самой придется ориентироваться, куда идти дальше. Все зависит от того, насколько развито у вас чувство дома. Вам может потребоваться довольно много времени, чтобы сориентироваться, так что лучше нам не мешкать. Я бы, по крайней мере, не мешкала. Нет, правда, чего ждать-то? — Я отхлебываю кофе и поднимаю брови. — Да хоть сейчас можно пойти.

— Нет, сначала я должна поговорить с Кристи. Я не могу уйти, не предупредив его.

— А он так ненавидит всякие перемены...

— Ну уж не настолько.

— Можем взять его с собой, — предлагаю я, хотя знаю, что могут возникнуть проблемы.

Мне не следует проводить слишком много времени с ним, а то кто знает, что может случиться.

Саския отрицательно качает головой.

— Да ладно вам! — говорю я. — Не так уж он и тяжел на подъем. Да он первый побежит смотреть Другой Мир!

— Возможно, — соглашается она. — Но, по-моему, я должна сделать это без него, сама. И, кроме того... — Она колеблется, и в ее голубых глазах снова плещется даль. — Кто

³ Wordwood — лес слов (англ.).

знает, что я там обнаружу.

— Что бы ни обнаружили, ничто не изменит его к вам отношения. Эти мальчики Риделл такие верные, что по сравнению с ними даже собаки кажутся ненадежными.

— Я знаю. И все же...

Я жду, закончит ли она фразу.

— И все же... — соглашаюсь я, когда она все-таки не заканчивает. — Да, я понимаю. Может, я заеду за вами завтра утром? У вас будет время поговорить с ним и подготовиться.

Она бросает на меня нервный взгляд.

— Странно, — говорит она. — Я ведь давным-давно мечтала об этом. Но теперь, когда вы предлагаете мне осуществить это, я вдруг поняла, что совершенно не готова.

— Ничего страшного, — говорю я. — Почему бы вам не обсудить это с Кристи и не решить к утру? Я найду, и вы скажете мне, что решили.

Теперь настала ее очередь улыбаться:

— И вы что же, просто постучитесь в дверь?

— Возможно. Посмотрим, какой у меня будет настрой. Мне нравится выражение лица Кристи, когда я вдруг появляюсь ниоткуда.

— Вы неисправимы!

— Стараюсь.

Мы обе еще некоторое время пьем чай и кофе, между нами спокойно лежит тишина.

— А почему вы хотите сделать это для меня?

— Может, я просто из тех, кто стремится помочь, — говорю я.

— Понятно.

А мне понятно, что она в это не верит.

— А может, у меня просто авантюрный склад характера и мне нравятся новые приключения, — прибавляю я. — Мне раньше не приходилось бывать внутри компьютерных программ. Там, должно быть, интересно.

— А опасности вас не пугают?

— Я же крутая, жесткая, — напоминаю я, — даже жестокая.

— Отчаянная, — добавляет она.

— Можно и так сказать.

Блюз Всемирной Сети

Кукла думает:

Не в том дело,

Что мной управляет кто-то,

А в том, что руки актера во мне.

Саския Мэддинг.

Кукла из кукольного театра («Зеркала», 1995)

Аарон Гольдштейн

За неделю до того, как Саския и Кристиана встретились в кафе и рассказали друг другу свои истории, Аарон Гольдштейн зашел к Джексону Харту, молодому человеку, который был просто волшебником во всем, что касалось компьютеров.

— Все это очень странно, — сказал Джексон, подавшись вперед и всматриваясь в монитор.

Аарон кивнул.

— Я и сам знаю, что это непростой сайт, — сказал он, стараясь изо всех сил, чтобы в

его голосе не чувствовалось раздражения. — Меня интересует, можете ли вы зайти на него.

Джексон был программист и компьютерный гангстер. Он был моложе и, пожалуй, вдвое талантливее редактора «Дейли джорнал». Ему было слегка за двадцать. Джексон питался всякой дрянью, запивая ее содовой, но его смуглая, кофейного оттенка, кожа оставалась чистой, и он не набирал ни грамма лишнего веса — все это ужасно раздражало Аарона, который вынужден был сидеть на строгой диете и делать гимнастику, чтобы не допустить угрей и тучности, преследовавших его еще со старших классов школы. Но как бы ни раздражали Аарона обмен веществ и интеллект Джексона, это не мешало ему использовать опыт и сообразительность юноши. У Аарона на этом этапе его жизни вошло в привычку использовать людей.

Они сидели в кабинете Джексона — комнате, содержащей больше компьютерного оборудования, чем Аарону когда-либо приходилось видеть даже на компьютерных выставках. Он понятия не имел, для чего предназначалась половина всего этого. Но это было не важно. Джексон-то знал для чего.

— Честное слово, не знаю, — ответил Джексон. — Это что-то новенькое. Вот, посмотрите-ка. — Он мышкой подвел стрелку к меню и кликнул «Просмотр», а потом «Источник». — Видите? — сказал он. — Нет кода.

— И что это значит?

— Не знаю, что это значит. Такого быть не может. Всегда должен быть код. Не бывает веб-страниц без кода. Если нет кода, ваш браузер не может преобразовать того, что записано на сайте провайдера, в то, что вы можете увидеть на экране компьютера. Здесь у нас должен быть текст HTML во весь экран.

— А между тем экран пуст.

Джексон отъехал от компьютера на своем кресле, чтобы встретиться взглядом с Аароном:

— Вот именно. Так в чем же тут дело?

Аарон пожал плечами.

— Мне приходилось слышать о таких призрачных сайтах, — сказал Джексон. — Вуду в Интернете и тому подобное. Я впервые нарвался на такой, но слышал достаточно и знаю, что они не приносят ничего, кроме неприятностей.

— Каких именно?

Джексон опять посмотрел на экран. Посредине было нечто вроде белого прямоугольника, напоминающего доску для объявлений. За ним виднелась заставка «лес», очень аутентичная. Можно было видеть, как листочки деревьев дрожат на ветру. Ничего резкого, все очень плавно. Разрешение таково, что картинка получилась кристальной четкости. До собеседников доносился шелест ветвей под ветром — тихий, успокаивающий. Время от времени на какой-нибудь из веток происходило шевеление — птички и мелкие животные, хотя иные очень напоминали людей. Или животных в одежде.

— Не знаю, — сказал Джексон. — Просто неприятностей.

— Но ведь это так увлекательно, не правда ли?

Джексон внимательно посмотрел на Аарона:

— Вероятно. — Он выждал немного, потом спросил: — Что именно вы хотели бы, чтобы я сделал, если мне удастся зайти на этот сайт? Хотя, как я уже сказал, это маловероятно.

Аарон откинулся в кресле.

— Этот сайт значит очень много для одной особы, которая сильно мне насолила, — сказал он. — Вот я и хочу разобраться с ней, доказать, что Аарон Гольдштейн рано или поздно даст сдачи.

— Мне очень жаль портить вам праздник, — заметил Джексон, — но с этим сайтом ваш план не пройдет.

— Ладно. Тогда другой план. Вы могли бы прикрыть его?

Джексон еще раз взглянул на экран:

— Возможно. Если кто-нибудь на том конце откроет вложение.

— Вы собираетесь использовать вирус?

Джексон кивнул.

— Это мне подойдет, — согласился Аарон. — Прикройте этот сайт и сделайте новую зарубку на своем джойстике, или как у вас там принято отмечать победы. — Он улыбнулся. — Вообще-то, я оказываю вам услугу, честное слово. Вам будет чем похвастаться перед друзьями: завалили большой жирный сайт.

Джексон смерил его холодным взглядом.

— Нет, — ответил он. — На самом деле вы сейчас шантажируете меня, заставляя сломать чью-то жизнь и пустить псу под хвост проделанную кем-то работу.

— Шантаж — это очень грубое слово, — заметил Аарон.

— Неужели? А как бы вы это назвали?

— Одолжение за одолжение.

— Вы мне не делаете никакого одолжения. Мне-то от вашего предложения никакого навара.

— Неплохо сказано. Запомните эту фразу и не забудьте произнести ее, когда копы постучатся в вашу дверь.

Джексон метнул на него гневный взгляд, но Аарон только ухмыльнулся в ответ. Джексону было уже не соскочить с крючка. Но не надо напиваться и выбалтывать секреты.

Это случилось несколько недель назад. Аарон возвращался из клуба на Грейси-стрит, где очередная милашка дала ему от ворот поворот, — это стало случаться с удручающим постоянством после того вечера, когда Саския Мэддинг вышвырнула его из своей квартиры и оставила стоять на лестнице с охапкой одежды в руках и дикой злобой, кипящей где-то в животе.

«Это неправильно, — говорил он себе. — Это ведь она неудачница, а вовсе не я».

Но нет, опять вернулось одиночество тех лет, когда он был толстым, прыщавым, всеми отвергаемым очкариком. Все вернулось в ту же секунду, как будто никуда и не уходило. Из крутого парня он снова превратился в неудачника, которого на школьном вечере отвергла даже Бетти Лэнгфорд. Даже она сочла, что слишком хороша для того, чтобы танцевать с таким, как он.

А ведь ему потом удалось так прочно забыть об этих днях, практически выстроить себе новое детство и юность.

Я? Да я всегда был крутой!

Ему достаточно было всего лишь посмотреть в зеркало. Жалкий угреватый толстяк-очкарик исчез, как будто его никогда и не было. Люди, с которыми он когда-то ходил в школу, ни за что не смогли бы узнать жалкого неудачника в мужчине, в которого он превратился. Наверное, в этом не было ничего удивительного — того парня они просто не запомнили.

Но время от времени что-нибудь да напоминало ему. Как сегодня вечером. Женщина, к которой он попробовал подкатить, смерила его таким презрительным взглядом, что ему пришлось отвернуться и поневоле уставиться в зеркало. И вдруг оттуда на него взглянул толстяк с отвисшим задом и прыщами на физиономии. Он смотрел на Аарона сквозь толстые очки глазами шелудивого щенка.

Аарон и сам не понимал, откуда это знает, но он точно знал, что Мэддинг виновата в этом! Что-то в ней есть такое... ведьминское. Не до такой степени, чтобы он не попользовался ею, а он таки ею попользовался. Но теперь, задним числом, он иногда думал, что, может, лучше было держаться от нее подальше. Может, тогда она и не прокляла бы его, или что там такое она могла сделать, чтобы на него свалились все эти неприятности.

С того вечера словно все зловонные призраки его школьных дней вырвались на свободу — и любая женщина за версту чуяла в нем неудачника. И чем чаще его отшивали, тем хуже становилось.

Он вышел из клуба и, глядя под ноги, медленно и бесцельно побрел по Грейси-стрит.

Он не был готов ни возобновить охоту, ни отправиться домой. Еще один испорченный вечер, и никакой возможности отомстить Мэддинг за то, что она заколдовала его, и ее друзьям — всякому уличному сброду, — которые потешались над ним при каждом удобном случае.

И тут судьба улыбнулась ему.

Зайдя в «Лобо», чтобы выпить, прежде чем, поджав хвост, забиться в свою нору, он вдруг встретил там... кого бы вы думали? Джексона Харта, одного из новых компьютерщиков «Дейли джорнал», склонившегося над стаканом и явно надиравшегося по полной программе.

Ничто так не облегчает наши страдания, как чужие неприятности.

Аарон неслышно уселся на табурет рядом с Джексоном, заказал пиво и повернулся к коллеге.

— Плохой вечер? — спросил он.

Джексон оторвался от разглядывания дна пустого стакана и посмотрел на Аарона. Кажется, ему потребовалось несколько секунд, чтобы сфокусировать взгляд. Когда это наконец удалось, он заторможенно кивнул.

— Неприятности с женщинами? — спросил Аарон. — Мне можете сказать, я тоже сегодня пострадал.

— Если бы!

«Плохо, — подумал Аарон. — Ну ладно. Нужны подробности. Хотя что-нибудь, чтобы я почувствовал себя лучше».

— Зато у нас с вами хорошая работа, — сказал он, — и если это не из-за женщины, тогда я даже представить себе не могу, из-за чего такому успешному парню, как вы, расстраиваться. Может, что-нибудь со здоровьем?

— Даже это было бы лучше, — вздохнул Джексон.

Теперь Аарон был уже по-настоящему заинтригован. Он позвал бармена и заказал еще выпивку для Джексона. Тот давно уже только делал вид, что прихлебывает виски.

— Знаете, — начал Аарон, — мой дедушка любил давать советы, и один из лучших, который я от него получил, звучит так: «Поделись бедой — и половины беды как не бывало».

На самом деле он прочитал это в одной из бесперебойно поступавших в редакцию журнала книжонок из серии «Помоги себе сам». Книжонка разозлила его до такой степени, что он не поленился разнести ее в пух и прах в рецензии на четверть страницы.

— Итак, если нужен сочувствующий слушатель, — продолжал он, — то он перед вами.

Джексон опрокинул стакан залпом, некоторое время тупо его разглядывал, а потом преувеличенно осторожно поставил обратно на стойку.

— Я облажался, — сказал он, — и очень сильно.

Аарон выжидал, прихлебывая пиво. Всякому репортеру известно: станешь держать паузу — собеседник вынужден будет ее заполнить и скажет при этом даже больше, чем намеревался. И действительно, терпение принесло свои плоды.

— Я просто хотел проверить, смогу ли пробраться... — наконец произнес Джексон. Он говорил медленно и осторожно, как это делают пьяные, которые хотят казаться трезвыми. — Хотел посмотреть, смогу ли я, понимаете?.. Эти банки... они думают, что делают нам одолжение, позволяя платить за то, что держат у себя наши деньги, не говоря уж о том, что мы должны отстегивать им за каждую маленькую операцию. Я не собирался делать ничего плохого. Ну, может, оставил бы письмецо для менеджера, показал бы ему язык. Маленькие шалости маленьких людей. Я вовсе не собирался ни во что вмешиваться.

Он снова замолчал, и так надолго, что Аарон понял: надо его подтолкнуть.

— Никто сначала не собирается ни во что вмешиваться, — сказал он.

Джексон кивнул:

— Наверное. Только ошибки большинства не приводят к тому, что все банкоматы в городе начинают плевать двадцатидолларовыми бумажками, пока не выплюнут все.

— Так это ваша работа?

— Это вышло случайно.

— Да верю, верю, — поспешил успокоить его Аарон. — Ну и подумаешь! Для банка это такая же потеря, как для вас недополучить сдачу в магазине. И черт с ними!

— Да, наверное, вы правы. Но, боюсь, они отнесутся к этому несколько иначе. Да и копы тоже.

— Ну, сначала им еще надо поймать вас, — сказал Аарон. — Вы наследили?

Джексон помотал головой:

— Нет, ничего такого. Если только они уже и без того меня не подозревают.

— А есть такой риск?

— Да пожалуй, нет. Они меня не знают.

— Ну, тогда я вам уже сказал, — ответил Аарон, — пошлите их всех к черту.

И он заказал еще выпивку для них обоих. Когда бармен приготовил напитки, Аарон слегка чокнулся своей пивной кружкой с низеньким стаканом Джексона.

— Выпьем за то, что банковские воротилы остались с носом, — сказал он.

— Надеюсь. — И Джексон опять опустошил стакан одним глотком.

На том все и закончилось. Джексон освободился от тяжелого бремени, Аарон же приобрел информацию, которая — он был уверен в этом — рано или поздно ему пригодится. Он пока не знал, в какой момент и в связи с чем, — до сегодняшнего утра, когда наткнулся на «Вордвуд» и вспомнил, с каким энтузиазмом Мэддинг распространялась о своем ненаглядном сайте в тот единственный вечер, который они провели вместе. Еще до того, как она взяла его за ухо и вышвырнула вон. До того, как она наложила на него это свое проклятие, которое свело на нет его половую жизнь.

— Может быть, лучше мне самому все рассказать копам, — сказал Джексон, все еще гневно глядя на Аарона, — только чтобы вы от меня отстали?

«Нет, это нам не подходит», — подумал Аарон.

— Да ладно вам, — он включил свое обаяние, — согласен, я поступаю по-свински. Но давайте договоримся так: вы делаете для меня это — и мы квиты. Я вовсе не хотел бы, чтобы вы гнили в тюрьме в качестве подружки какого-нибудь толстозадого байкера.

Джексон теперь смотрел только на экран компьютера, и по его лицу было совершенно невозможно понять, о чем он думает.

«Это нам ни к чему, — решил Аарон. — Надо его подстегнуть. Надо разговорить парнишку, надо дать ему немного покрасоваться, чтобы он отвлекся от мысли, что я заставляю его прыгать сквозь горящий обруч, как тигра в цирке».

— Но неужели вы ничего больше не знаете о таких сайтах? — спросил Аарон. — А в прессе про это ничего не было?

На секунду ему показалось, что Джексон и дальше намерен его игнорировать, но тот наконец оторвался от экрана и перевел взгляд на Аарона.

— В том-то и пакость, — ответил он. — О них как бы невозможно говорить, по крайней мере открыто. Можно, например, послать кому-нибудь URL, но вот написать, пожалуй, нет.

— Не понимаю.

— Это невозможно понять, — сказал Джексон. — Я знал одного парня, который сделал материал о подобном сайте для одного журнала, так он просто не смог переправить им текст. Когда он попробовал послать это редактору электронной почтой, текст вернулся обратно с сообщением, что данный файл невозможно доставить. Но что паршивее всего, он исчез у него с жесткого диска. И потом, сколько бы он ни пытался писать об этом сайте, файлы просто пропадали с винчестера — как будто в машине кто-то сидел и сразу накладывал лапу на все, что он делал. Наконец он написал текст от руки, но и это не помогло.

— Почему?

— Сейчас ведь всё — онлайн. Все подключено к Сети. В том числе компьютер, на котором редактор работает над номером. А если его компьютер не подключен, то компьютеры типографии уж точно подключены. И уж где-нибудь на линии такой файл

непременно исчезнет. Единственное, что мне приходилось видеть, — это фотокопии.

— Значит, все-таки можно передать информацию?

Джексон пожал плечами:

— Наверное. Но кто теперь читает печатный текст?

— Очень надеюсь, что читатели «Дейли джорнал».

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Сейчас все получают информацию из Сети. Это же нормально.

— Ну что это обсуждать.

Черт возьми, да ему ли не знать об этом, половину материала для своих статей он скачивает из Интернета, а потом просто перефразирует, чуть изменяя угол зрения.

— Послушайте, — сказал Аарон, полагая, что Джексон уже достаточно успокоился для делового разговора, — мы просто не с того начали. Я знаю, все это выглядит как-то не очень по-дружески, но эта женщина... она просто напрашивается. Я несколько лет спускал все на тормозах, она мне здорово насолила, но я был готов забыть об этом. Но в последнее время она и компания ее дружков превратили мою жизнь в сущий ад. Всякий раз, как в мою работу закрадывается малюсенькая ошибочка, они засыпают редактора письмами и поносят где только можно. Дошло до того, что мой босс обратил на это внимание. — Он перевел дух. — Понимаете, это может быть мелочью, — продолжал он, — но, когда люди жалуются, все выглядит гораздо хуже, чем оно есть. Мой босс не отличит книгу от салазок, но он понимает, что отзывы отрицательные, и ему это не нравится. И значит, я...

Он осекся, вдруг сообразив, что начинает жаловаться. Теперь стоило ему только подумать об этой Мэддинг и ее компашке, и он сразу терял над собой контроль. Судя по выражению лица Джексона, ему на все это было глубоко плевать, так что нечего тут трясти своим грязным бельем. В конце концов, от этого юнца ему нужна вполне конкретная вещь.

— Итак, если я возьмусь за этот сайт, — сказал Джексон, — мы мирно разойдемся? Вы не подкараулите меня через две недели и не потребуете еще какой-нибудь услуги?

Аарон покачал головой и поднял руку.

— Честное скаутское, — сказал он.

Наверное, это что-то значило бы, если бы он когда-нибудь был скаутом.

Джексон долго смотрел на него и наконец тяжело вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Договорились.

— Как думаете, сколько времени это займет?

— Два-три дня. К концу недели — точно. Если только...

— Если только — что?

— Если тот, кто сделал этот сайт, не умнее меня.

Джексон Харт

Верный своему слову, Джексон принялся за работу, как только Аарон вышел из комнаты. Первое, что он сделал, — написал вирусную программу, довольно простую, ничего особенного. Простое может вырубить компьютер не хуже, чем сложное. Возможно, это не столь впечатляюще, но гораздо больше шансов, что сработает.

Вирус вползет в компьютер провайдера, обслуживающего сайт «Вордвуд», проберется во все файлы, которые там хранятся, и сотрет все обнаруженные связи HTML, заменив их тарабарщиной. Любой сайт данного компьютера немедленно станет негодным.

Это не радикальное средство. Но потребуются, чтобы кто-нибудь, пользующийся услугами данного провайдера для размещения своих сайтов, выслал свежие файлы взамен испорченных вирусом. Это может занять от нескольких часов до нескольких дней в зависимости от того, сколько материала нужно будет вернуть на сайт. Учитывая размеры и сложность «Вордвуда», это причинит значительные неудобства и займет достаточно времени, чтобы Аарон почувствовал себя отмщенным.

Все, что требовалось Джексону, — чтобы кто-нибудь со стороны «Вордвуда» открыл

вложение, и он не думал, что этого будет так уж сложно добиться. Так как они собирают книжные тексты, он просто спрятал бы вирус внутри файла, который выдал бы за книгу, снабдив его триггером, который запустит макрос сразу же, как только файл будет открыт. Так что в следующий раз, когда веб-мастер станет модернизировать сайт, вирус хвостиком потянется за всем, что он будет отправлять, и сервер выйдет из строя.

Уже что-то.

Напевая себе под нос, он составил программу и опробовал ее. Программирование успокоило Джексона, как успокаивало всегда. В каком-то смысле этим и объяснялось, что он пошел работать с компьютерами. Но больше всего ему нравилась логика программирования. Компьютеры были значительно лучше людей. Они проще, они делают только то, на что запрограммированы. Они не врут тебе, не издеваются над тобой. Не угрожают, не шантажируют.

В два часа он уже был готов послать вирус. Всего через несколько часов после ухода Аарона. «Ну, — подумал он, — теперь посмотрим, какая охрана в „Вордвуде“».

Проскользнув в Интернет, он запутал следы так, чтобы невозможно было выяснить, какой компьютер он использовал. Он нацелил свой браузер на сайт «Вордвуд». Когда на экране появился лес, Джексон начал набирать текст в белом прямоугольнике, возникшем посередине.

Без ума от вашего сайта. Как переслать свою книгу для вашей библиотеки?
Восхищенный читатель.

Едва он закончил, как появился ответ:

Привет, восхищенный читатель. Просто пошлите ваш файл вложением по адресу: webmaster@thewordwood.com

«Как скажете», — подумал он.

Он открыл «Эудору», набрал «Книга от восхищенного читателя» как тему сообщения, вложил файл и нажал «В очередь». Когда он закрывал почту, выскочила подсказка, что есть неотправленное сообщение. Он кликнул «Отправить и закрыть» и проследил за заполняющейся полоской, чтобы убедиться: сообщение отправлено. «Эудора» закрылась, и теперь он снова видел перед собой лес «Вордвуда».

Он закинул руки за голову, потом встал, сходил на кухню и вернулся с банкой содовой и пачкой чипсов. Он сомневался, что результат будет немедленно. Если веб-мастер «Вордвуда» похож на всех остальных известных Джексону веб-мастеров, он, должно быть, так перегружен, что в течение нескольких дней почта пролежит без движения. Да и потом, вирус проявит себя, только когда придет время обновлять сайт.

Он запил содовой пригоршню чипсов.

Это был и в самом деле очень забавный сайт. Даже видео- и аудиозвук заставки могли загипнотизировать. Сколько бы ты ни всматривался в экран — ни одного узелка. Затем — быстрота реакции на сообщение и, вероятно, огромное количество материала на самом сайте.

Джексон еще раз попытался обнаружить код, но ничего подобного не нашел.

Кто же такое сотворил? Как можно сделать код невидимым, но читаемым для браузера пользователя?

Волшебство. Вуду.

Во рту у него пересохло, и не от чипсов. Он отпил еще содовой и вспомнил, что сказал недавно Аарону.

Он был не до конца готов поверить в то, что Интернет генерирует где-нибудь в своих пиксельных недрах ИИ, но, без сомнения, бывают гениальные программисты. Если веб-мастер «Вордвуда» так умен, как кажется, он сможет обнаружить вирус раньше, чем тот начнет работать. Хуже того, ему, возможно, удастся отследить, откуда он послан, и выйти на

компьютер Джексона.

Для этого не нужно волшебства. Нужна просто очень высокая хакерская квалификация.

И вполне возможно, что, идентифицировав Джексона, веб-мастер захочет отплатить ему. Немножко покуролесить в его документах, например, или покопаться в банковских счетах и свести их к нулю.

Глядя на экран, Джексон уже начал жалеть, что заслал вирус. Он ведь сначала не хотел этого делать. Кому приятно разрушать чью-то кропотливую работу, кроме моральных уродов вроде Аарона Гольдштейна? Что-то во всем этом деле было гадкое. В желании Аарона отомстить. В шантаже.

Между тем лес на экране начал играть с ним в те же игры, что и настоящий лес: несколько раз за последние годы, когда он бывал за городом, у него возникало чувство, что из-за деревьев за ним кто-то наблюдает.

В детстве ничего такого не случалось. Тогда он проводил все свободное время в лесу, его семья жила очень стесненно. Так продолжалось, пока орава подростков не выследила его и, изрядно погоняв между деревьями, не избила. Вот тогда-то он и начал проводить много времени за компьютером.

Может быть, из-за той истории ему и было так неудобно в лесу. Все казалось, что кто-то следит. Рассуждая здраво, этого не могло быть. И ничего не могло быть спрятано в ветвях и листьях заставки «Вордвуда», на которую он сейчас смотрел.

И все-таки казалось, там кто-то или что-то скрывается.

Джексон уже потянулся к мышке, чтобы убрать заставку, но экран вдруг мигнул и стал совершенно пустым. Мгновением позже в левой части окошечка браузера появилась знакомая надпись:

Страница не может быть отображена.

Страница, которую вы ищете, недоступна.

Либо на веб-сайте возникли технические неполадки,

либо вам следует настроить ваш браузер.

Далее следовал список действий, которые нужно было произвести, чтобы вновь подсоединиться к сайту.

Джексон смотрел и смотрел, не в силах пошевелиться, ожидая сам не зная чего. Но в конце концов все же дотянулся до мышки и вышел из Интернета.

Итак, его вирус сработал. И даже очень быстро.

Чувства удовлетворения, пожалуй, не было, в отличие от того раза, когда он прорвался сквозь все банковские запоры и понял, что проник в святая святых. А сейчас ему казалось, что он вывалился в грязи.

«Хорошо бы принять душ, — подумал он. — Но сначала...»

Он набрал номер, который оставил ему Аарон. На первый же гудок сработал автоответчик. Конечно, три часа ночи. Далеко не все бодрствуют в такое время суток.

— Не знаю, как долго это протянется, — сказал он в трубку, — но в данный момент сайт не функционирует. Они могут его восстановить, но это будет не раньше чем через несколько дней. — Он сделал паузу и потом добавил: — Ну все, теперь мы квиты, не правда ли?

Джексон окинул взглядом комнату, все еще прижимая трубку к уху, но больше ему нечего было сказать, и он положил ее.

Он принял душ и лег спать, но не заснул, а долго лежал, уставившись в потолок. Он закрывал глаза и видел лес, как будто у него под веками прокручивали видео.

В ушах свистел ветер. Как после концерта — легкий, но постоянный звон. Так как он целиком сосредоточился на этом, то мотив звучал все громче — неумолкающий саундтрек. Временами музыка как бы застыла на месте.

Этот лес жил у него под ресницами, подобно видеотатуировке. Когда он закрывал глаза надолго, ветер в ушах становился громче и Джексон отключался, его как будто уносило

куда-то. Потом, встряхнувшись, он оглядывался вокруг, проверял часы. Оказывалось, прошла минута или две.

Он увиделся с Аароном только дня через два после того, как вырубился «Вордвуд». Просто, завернув за угол в офисе «Дейли джорнал», он наткнулся на Аарона. Не то чтобы Джексон избегал Гольдштейна, но и особо не стремился увидеться с ним после того, как оставил ему сообщение на автоответчике.

— Джексон! — заулыбался Аарон. — Мой человек. Я получил ваше сообщение. Отличная работа. Быстрая и классная. Они всё еще в ауте.

— Надеюсь.

— Что-то не вижу особой радости по этому поводу.

— Не вижу особого повода для радости.

Аарон пожал плечами:

— Это потому, что вы лично не заинтересованы. А мне так не терпится взглянуть на кого-нибудь из команды этой Мэддинг. Вы не могли бы так это слегка намекнуть им, кто натянул им нос?

«Перестаньте же», — хотелось сказать Джексону. Но какой смысл? Чуткость и восприимчивость не входили в число достоинств Аарона.

— Ну, теперь все в порядке? — спросил Джексон. — Я имею в виду — насчет банка?

— Какого такого банка? — спросил Аарон. Он слегка ткнул Джексона в плечо. — Мне пора бежать. Летучка.

Джексон кивнул:

— Конечно.

Когда Аарон ушел, он прикрыл глаза. И опять под веками появился лес, и опять кто-то смотрел на него сквозь листву. Когда Джексон снова открыл глаза, Аарон был уже далеко.

Он наблюдал за сайтом «Вордвуд» весь остаток недели, тот по-прежнему не функционировал.

Вечером, когда Саския и Кристиана встретились в кафешке, Джексон был дома. Он разогрел в микроволновке сосиску в тесте и устроился в гостиной поест под телевизор. Он и не заметил, как задремал, но, когда пришел в себя, понял, что на этот раз проспал четыре часа.

Четыре часа.

Недоеденная холодная сосиска лежала на тарелке на сервировочном столике. Он хлебнул из банки содовой. Вода была теплая и безвкусная. Он огляделся в своей гостиной. Ему показалось, что между ним и всем привычным и знакомым образовался некий зазор. То, что он смотрел по телевизору, давно кончилось, и теперь показывали рекламу.

Он взял пульт и выключил телевизор.

Единственное, что он помнил...

Деревья... ветви... листья... бесконечный лес...

Но это был не настоящий лес, даже не видео с настоящим лесом, как на заставке сайта «Вордвуд». Это выглядело так, как будто кто-то покрыл лес тонким металлическим напылением. Листья, ветви, каждая травинка — все словно состояло из металла. Золото, серебро, сталь. Медь и железо. То сверкающее и блестящее, то ржавое, черное. Когда ветка чиркала по бархатной поверхности листа, летели искры. Тысячи микрофайберверков вспыхивали, когда ветер со вздохом пролетал среди деревьев.

Внизу была грязь и металлическая трава, и он то и дело пинал ногами какие-то микросхемы и провода.

И еще был голос.

Он помнил, что слышал голос, тихое бормотание, явно обращенное к нему, но либо голос был за пределами диапазона слышимости, либо говорили на неизвестном ему языке, потому что он не смог разобрать ничего.

А впрочем, пожалуй, нет. Среди всякой абракадабры он явственно различил слова, они повторялись часто, как припев.

«Найди... не могу найти... не могу... не могу найти... найти...»

Голос был негромкий и ни разу не повышался, но Джексон уловил в нем некую настойчивость.

Что там не могли найти?

Джексон потер лицо. В глаза как будто песку насыпали, во рту пересохло. Он хлебнул еще безвкусной содовой, потом встал и пошел в ванную. Он открыл воду, дождался, пока она не станет очень холодной, наклонился над раковиной и плеснул себе в лицо.

Металлический лес вспыхивал под веками всякий раз, как он закрывал глаза или моргал. Ветерок в ушах звучал постоянно, как радиопомехи. Ощущение, что из этих кустов кто-то за тобой наблюдает, было сильнее, чем когда-либо, как будто этот наблюдатель что-то напряженно искал.

«Не могу найти... не могу...»

Он внимательно изучал свое лицо в зеркале. Что же там не могли найти? Неужели в этом лесу искали его? Или он просто сходит с ума?

Он вернулся в комнату и включил компьютер.

Он знал, в какой момент все это началось. Когда он послал имейл на сайт «Вордвуд». Может, удастся прекратить это, если послать еще один имейл? Больше он ничего не мог придумать. Он знал только, что если не сделать хоть что-нибудь, и как можно скорее, то он действительно сойдет с ума.

Он сочинил очень лаконичный имейл. Он признался, что послал вирус, и дал инструкции, как устранить неисправности, им вызванные. Набрав текст, Джексон поставил имейл в очередь и набрал пароль. Подключившись, он нажал «Отправить».

Он знал, что могут пройти часы, если не дни, прежде чем веб-мастер сможет устранить ущерб, нанесенный его вирусом, и все же открыл свой браузер и нацелил его на сайт «Вордвуд». Надпись «Страничка не может быть отображена» появилась немедленно.

Когда он уже стал закрывать браузер, экран как-то дрогнул. Его рука все еще лежала на мышке. Страничка браузера еще раз дрогнула, потом от одного края экрана к другому пробежала рябь, а потом в центре появилась маленькая черная точка. Когда точка начала разрастаться, Джексон отпустил мышку и отшатнулся от компьютера.

Это было похоже на зрачок. Как будто монитор был глазом, а точка — расширяющимся зрачком. Смотрящим на него. Прямо на него.

Ветер в ушах зашумел громче. Он хотел было выключить компьютер, хотя бы закрыть эту картинку, но теперь боялся даже дотронуться до машины. Ему было жутко. Паранойя набирала обороты. «Кто за мной наблюдает, что они обо мне знают, что они собираются делать?» Он припомнил все эти разговорчики о духах в Сети, которые вел иногда со своими компьютерными друзьями.

Что, если эти духи вовсе не заперты в Интернете? Что, если они могут выбираться наружу? Что, если они уже выбрались наружу?

Что-то назойливо вторгалось в его слух.

Что-то заставляло его галлюцинировать — грезы о металлическом лесу.

Он не хотел об этом думать. Не выговаривая своих страхов, однажды слышал он, а не то они сбудутся. Но он ничего не мог с собой поделать. Как можно было не думать об этом?

Ведь что-то за ним наблюдало.

Он ощущал его присутствие, хотя и не мог определить, где оно спрятано. Он не знал, что это такое. Скрывалось ли оно в компьютере или где-то в его комнате, но это точно существовало. Животная часть его мозга — область, которая ведала чистыми инстинктами, — чуяла чью-то заинтересованность. Это выражалось в булавочном покалывании в затылке, так что крошечные волоски на шее вставали дыбом; покалывания посылали сигналы в позвоночник, и по мышцам спины пробежали нервные волнообразные сокращения.

Кто-то физически воздействовал на него.

Ветер в ушах усилился. Всякий раз после того, как он смаргивал, лес, словно отпечатавшийся на внутренней поверхности век, еще на некоторое время оставался у него перед глазами. Расширяющийся зрачок, та самая точка на мониторе, увеличивался, пока весь экран не сделался черным. Потом стало происходить нечто другое.

Он подкатил кресло поближе к столу и подался вперед, чтобы лучше видеть.

На поверхности экрана выступил конденсат — темные капли какой-то маслянистой жидкости. Эти бусины струйками потекли вниз. Джексон протянул руку, чтобы дотронуться до одной из них. Но гул у него в ушах сразу же перешел в рев. Его монитор из стеклянного экрана превратился в раскрытое окно, и поток густой жидкости хлынул наружу. Как будто монитор был установлен на тонущем в океане судне, которое уже полностью ушло под воду.

Он отскочил от стола, опрокинув стул, потерял равновесие, поскользнувшись в липкой луже, которая уже образовалась вокруг стола, и упал, неуклюже взмахнув руками.

Его рассудок отказывался верить происходящему, но животная часть его мозга верила вполне и корчилась в слепой панике.

Он попытался подняться на ноги, но не смог: пол теперь был слишком скользким. Он снова упал, лицом в липкую жидкость. Повернул голову к монитору и увидел, что жидкость по-прежнему хлещет из экрана.

Волна липкой жидкости погнала его к двери. Он был так же беспомощен, как в детстве, когда, рыбача с отцом, упал в реку на быстрине. Тогда его вытащил отец, но сейчас было некому.

Его ударило о дверь с такой силой, что чуть дух не вышибло, и снова он ткнулся лицом в липкую, вязкую жидкость. Теперь ее уровень достигал уже не меньше полутора футов.

Ветер в ушах превратился в ровный вой. Еле-еле сквозь эти постоянные помехи пробился тот голос из забытья:

«Найди... не могу найти... не могу...»

В какой-то момент ему удалось ухватиться за ручку двери и вынырнуть на поверхность; он попытался встать, но пол уходил из-под ног. Он хотел выплюнуть изо рта жидкость, но она словно приклеилась к его деснам, зубам и нёбу. Одной рукой крепко держась за дверную ручку, другой он попытался вытереть лицо.

Он оцепенел, когда его собственная рука оказалась у него перед глазами: она была насквозь прозрачна и бледнела с каждой секундой. Или, лучше сказать, распадалась.

Он вспомнил, как в школе учителя долдонили о том, что все на свете состоит из молекул и они постоянно находятся в движении. И соединяются, связываются друг с другом, образуя материю.

Связываются...

Похоже было на то, что связи, удерживающие молекулы, из которых он состоял, распадались, как «молекулы» сайта «Вордвуд», который он заразил своим вирусом.

Не может быть.

Но ведь он правда мог смотреть сквозь свою руку. Правда...

Его другая рука отпустила дверную ручку. Или она просто прошла сквозь дверную ручку?

Это больше не имело значения.

Он погружался в липкую жидкость, она поглощала его, молекулу за молекулой; все нити, которые связывали их между собой, ослабли и больше не могли выполнять свою функцию.

Последнее, что он успел подумать: если бы у сайта была душа, то, должно быть, разрушаемая вирусом, она испытывала бы то же самое, что он сейчас...

Холли Ру

Кому: «holly rue» <hollyl@cybercare.com>

Дата: 26 августа 2000 г., суббота 22:38:19 — 0700
От: «thomas irwin pace» <tip@lunaloa.com>
Тема: Что с сайтом?

Привет, Холли!

Короткий вопрос: ты не заходила в последнее время на «Вордвуд»? Я всю неделю бьюсь и не могу, и не только я. Все, с кем я связывался, говорят одно и то же. По-моему, сайт недоступен с понедельника — по крайней мере, именно тогда мне удалось в последний раз подключиться. И то подключением это можно назвать с большой натяжкой. Страницы перелистывались с черепашной скоростью. И не было полноценного диалога с другими пользователями. И никакого видео- и звукового эффекта.

Что ты об этом думаешь?

Тип.

Р. С. Эйден говорит, что тебе наверняка понравится «Обезьяний пляж» Иден Робинсон. Этот сборник вышел несколько лет назад.

Холли тоже целую неделю не удавалось зайти на сайт «Вордвуд», но ей как-то не приходило в голову, что это с сайтом что-то не в порядке. Она просто решила, что у нее опять проблемы с провайдером. «Киберкэз» работал отлично, когда она впервые начала пользоваться их услугами несколько лет назад. Но с того времени провайдер стал хитрее, особенно в последние пару месяцев. Она уже серьезно подумывала отключиться от него, несмотря на то, что это повлекло бы за собой много возни с перемещением веб-сайта ее магазина и переменной адреса почты.

Перечитав письмо Типа, она снова попыталась подключиться к «Вордвуду» и получила ту же надпись, какую получала всю неделю:

Страница не может быть отображена.

Она смотрела на бесполезный экран и думала: вот если бы ее партнеру Дику так же хорошо удавалось разрешать компьютерные проблемы, как содержать книжный магазин в чистоте! У нее же самой не получалось ни то ни другое. Холли привыкла думать, что справляется с уборкой и остальными своими обязанностями, но это было до того, как она обнаружила, что за печкой живет домовой. Настоящий домовой, как в сказке. Не просто какой-то маленький человечек, притворяющийся домовым.

Дик Боббинс был ростом не больше двух футов, с кудрявыми каштановыми волосами, большими черными глазами и широким лицом, изрезанным морщинками от улыбок. Она поселила его во второй спальне. Это именно он поддерживал в квартире корабельный порядок, это он вытирал пыль, регистрировал новые поступления, расставлял книги по полкам и вообще приносил больше пользы за один день, чем сама Холли за неделю. Иногда ему случалось выпить с ней за компанию чашечку чая, но, вообще-то, казалось, что он питается тем, что прочитывает в книгах.

Холли никогда до конца не понимала, как это возможно, но, логически рассуждая, пришла к выводу, что у магии свои собственные биоритмы.

Она и представить себе не могла, что бывают существа, подобные Дику, пока не наткнулась на него около года назад. Он был ее тайным сказочным дворецким — настолько тайным, что даже она сама долго не знала, что он живет у нее в доме. А когда узнала, то оказалось, что с домовыми в реальной жизни надо обращаться в точности так же, как в сказке: или дари им подарки — или они уйдут. Дик уже собрал чемоданы и хотел выскользнуть за дверь, но она вовремя предложила ему стать партнером в магазине. С тех пор она постоянно чувствовала себя виноватой, потому что Дик работал как проклятый, а

она продолжала свою обычную вялую возню. Но было так трудно заставить Дика отдохнуть. Он, конечно, любил читать и поглощал книги в огромных количествах. Наверное, именно поэтому он и выбрал ее магазин. Но его представление об отдыхе было неразрывно связано с бесконечным подметанием, мытьем посуды, вытиранием пыли...

Будучи сказочным персонажем, Дик тем не менее совершенно определенно страдал обсессивно-компульсивным синдромом.

Холли однажды подсунула ему книжку на эту тему, но, прочитав ее, он только сказал: «Да, хозяйка, это обо мне» — и продолжал в том же духе.

Тогда она решила, что для начала неплохо будет хотя бы отучить его от привычки сразу уходить оттуда, где его поблагодарили. Надо просто все время играть на этой его страсти все мыть и чистить. Нет, правда. Ей теперь даже думать не хотелось о том, чтобы одной вести магазин.

— Ты тоже, Снippet, как и Кристи, считаешь, что я бессовестно использую Дика? — оглянувшись она на своего рассел-терьера.

Снippet приоткрыла один глаз и дрыгнула задней лапой. Ее не нужно было долго упрашивать, достаточно лишь легкого намека — и вот она уже на коленях у Холли. Когда Холли снова занялась компьютером, Снippet тяжело вздохнула.

— Ах, я же забыла с тобой погулять! — воскликнула Холли. — Сейчас. Дай только ответу на письмо Типа.

Что же могло произойти с «Вордвудом»?

«Да все что угодно», — подумала она. С самого начала, когда она, Тип, Сара, Бенджамин и Клодетт создали этот сайт, он был одной сплошной аномалией.

Все они учились в Университете Батлера, а окончив, разошлись в разные стороны. И все-таки они поддерживали связь друг с другом — это несложно, когда есть имейл, — и встречались, когда могли. Могли обычно не чаще одного-двух раз в год. У них всех были родственники в Ньюфорде.

Как раз на одной из таких ежегодных встреч, она уже не помнила, сколько лет назад, им пришла идея сделать совместный сайт, литературный. Они осуществили эту идею, и сайт начал быстро вбирать в себя всякого рода тексты, потому что они так и не смогли договориться между собой, что относить к литературе, а что — нет.

Изначальная концепция состояла в том, чтобы собрать столько библиографических ссылок, биографических справок и научно-популярных текстов, сколько смогут, разделить общее пространство на отдельные серверы, при этом держа связь с другими сайтами, такими как «Проект Гутенберга» и «Первые Главы», чтобы предохранить себя от информации, которая где-то в Интернете уже существует.

Они сразу же получили мощную поддержку со стороны корреспондентов-энтузиастов со всего земного шара. Те вносили предложения, указывали на ошибки, высылали по почте новые материалы. «Вордвуд» быстро превратился из мешанины из текстов на пяти серверах во что-то качественно иное. Во что-то непредсказуемое и до конца непонятное им самим.

Сайт зажил своей собственной жизнью.

Это произошло не сразу, — по крайней мере, они не восприняли это как нечто внезапное.

Началось с того, что они стали обнаруживать на каком-нибудь из серверов тексты, которые никто из них там не размещал. Это было просто невозможно, потому что, как и большинство веб-сайтов, их сайт имел пароль, доступом обладали только владельцы. Они воспринимали это как аномалию, как нечто, над чем наиболее компьютерно грамотные из них задумывались на досуге, но пока ничто не вызывало особых опасений.

— В Сети иногда случаются очень странные вещи, — говорила Сара, компьютерный гуру основателей сайта. — В киберпространстве полно всяких духов вуду. Призраки, привидения так и шныряют.

«Шальные» тексты не доставляли серьезных неприятностей, пока не стали появляться материалы, защищенные авторскими правами. Вовсе не желая быть привлеченными к

ответственности, питая здоровое уважение к авторским правам, наконец, будучи писателями и тем зарабатывая себе на хлеб, двое из основателей «Вордвуда» изымали подобные материалы сразу же, как только обнаруживали их. Но тщетно. Тексты появлялись снова.

А потом сайты хранения просто исчезли с их серверов.

Вы все еще могли получить доступ к материалу, настроив свой браузер, но сам сайт «Вордвуд» теперь существовал в некоем невообразимом межкомпьютерном пространстве.

«Именно там и творится все волшебство, — объяснил ей Кристи. — Не здесь или там, а где-то между „там“ и „здесь“».

От слова «волшебство» Холли становилось неудобно, хотя, пожалуй, трудно было подобрать другое, чтобы описать то, что происходило с «Вордвудом». Теперь можно было напрямую общаться через сайт в любое время дня и ночи. Еще сайт частенько приносил эхо чьих-то голосов, передавал манеру разговаривать, присущую кому-нибудь, кого пользователь знал. В случае Холли это была ее бабушка, умершая пять лет назад.

«Вордвуд» развивался огромными скачками, библиография и тексты появлялись с невообразимой скоростью. Материалы с авторскими правами были снабжены какой-то сложной системой защиты, так что, пока ты был онлайн, ты не мог увидеть их целиком и, разумеется, не мог убить их.

Стоило попытаться это сделать — и «Вордвуд» тебя вырубал. На экране появлялось объяснение:

Вы попытались получить доступ к материалам, защищенным авторскими правами, способом, признанным незаконным. По этой причине ваши привилегии относительно этого сайта отменены.

За первую такую попытку вы могли поплатиться недельным отлучением от доступа. Повторная попытка стереть материал, защищенный авторскими правами, отлучала вас от сайта насовсем. И с этим уже ничего нельзя было поделать. Попытки подключиться, используя другое имя или с чужого компьютера, используя чужое ID и протоколы, не давали результатов.

Сара не могла этого объяснить.

Кроме того, это был уже даже не текстовый сайт в чистом виде. Начальная страничка имела фон, который напоминал видеосъемку. Какой-то невообразимый лес, населенный всеми теми существами, которые, по идее, и должны обитать в лесу, — белками, мышами, птицами и насекомыми, но там попадались и гораздо более странные существа. Иногда можно было заметить неких гибридов, например сову с человеческим лицом, или бурундука с крошечными человеческими ручками и пальчиками, или женщину с крыльями мотылька... Еще там были люди ростом шесть-семь дюймов, они очень странно смотрелись рядом с малиновками или белками.

Породы деревьев, из которых состоял лес, никто не мог распознать. Это, видимо, объяснялось очень просто: их создали на компьютере, а потом сделали анимацию. Правда, Сара сказала, что все эти детали слишком сложны для анимации даже при современной компьютерной графике, и еще отметила, что в видеозаставке не заметила ни одного «узелка». Заставка сайта «Вордвуд» — это было видео в реальном времени, «прямой эфир». Но что за лес снимали и где он находился — никто сказать не мог.

А теперь все это пропало.

Холли отвернулась от экрана компьютера и посмотрела на улицу сквозь витрину магазина. Следовало бы разобрать сегодняшние поступления, пока Дик не сделал это за нее, но у Холли не было сил. Суббота — всегда сумасшедший день в магазине, и сегодняшняя суббота не была исключением. Дик оказывал ей неоценимую помощь за кулисами, но общаться с посетителями все же предоставлял ей. Сегодня она несколько раз была близка к отчаянию — в магазин набилось столько народу, и все пристают с вопросами, все норовят, чтобы их обслужили без очереди, потому что они опаздывают на автобус, всем нужно, чтобы она немедленно просмотрела их список и, если у нее не окажется какой-нибудь книги из

него, порекомендовала бы, где ее можно приобрести.

Многие посетители никак не хотели понять, что ее книжный «секонд-хенд» располагал только теми книгами, которые сдали другие люди. Она не могла взять и заказать для них книги у «Инграм». То есть могла, конечно, но это была бы новая книга, а они ожидали купить ее по цене старой, а такое не проходит. Во всяком случае, в ее магазине.

Чаще всего людям нужны были книги, которые давно уже не переиздавались.

— Как это — не переиздают? Я так люблю эту книгу!

Вариации на эту тему ей приходилось слышать по крайней мере раз в неделю, если не чаще, и она всегда сочувствовала клиентам. Бывают случаи, когда недостаточный тираж какой-нибудь книги воспринимается как личное оскорбление. И все же тут она ничего не могла поделать, кроме как растолковать покупателю превратности книжного рынка и попробовать поискать книжку, если покупатель настаивал. И то и другое требовало времени.

Дик не помогал ей и с теми, кто заказывал книги, не заходя в магазин, хотя с удовольствием упаковывал пачки, которые Холли предстояло отнести на почту. И все-таки Холли частенько приходилось сидеть вечерами, вот как сегодня, отвечая на письма, потому что днем она была слишком занята покупателями.

Но она уже почти закончила. Она похлопала себя по колену, Снippet тут же поднялась со своего места в витрине и прыгнула к ней.

— Послушай, — сказала Холли, почесав собачку за ухом, — сейчас только отправлю эти письма, и пойдем гулять.

Окно браузера, сообщающее, что сайт «Вордвуд» недоступен, было все еще открыто, когда она повернулась к компьютеру спиной.

«Может быть, всему виной эльфы?» — подумала Холли. Именно из-за них Дик теперь близко не подходит к компьютеру. Он боится, что они выпрыгнут с экрана и опять нахулиганят и набезобразничают, как в прошлый раз.

Если бы Холли не видела их своими глазами, она бы, может, и не поверила, что они существуют. Но в том-то и дело, что она видела. И они ее видели. Хотя что уж так удивляться? У нее, в конце концов, партнер по бизнесу — домовый. И к тому же эта всегдашняя таинственность «Вордвуда»...

«Отошли почту, — сказала она себе, — пойдй прогуляйся и — в постель».

Она потянулась к мышке, чтобы вернуть на экран свою почтовую программу, и остановилась. В самой середине экрана появилась черная точка. И стала расширяться, как глаз приближающейся кинокамеры. Снippet у нее на коленях встревоженно подняла голову, потом перебазировавшись на подоконник. Холли охватило какое-то странное жуткое чувство.

Она отнесла Снippet на ее место в витрину и поискала взглядом Дика, но не открыто, а боковым зрением. Дик иногда умел сидеть так тихо, что, неподвижный, оставался совершенно незаметным для окружающих. Даже Холли иногда попадалась на эту удочку, хоть и знала его не первый год. Правда, она научилась ловить его боковым зрением и уже не упускать из виду. Посторонние часто вообще не замечали его присутствия.

На сей раз она обнаружила его около одного из книжных стеллажей. Дик устроился в кресле и, разумеется, читал.

— Дик, иди-ка сюда, — позвала она. — Вот посмотри.

Он отложил книгу и подошел к ее столу, как всегда всем своим видом показывая, как ему неприятно находиться так близко от компьютера. Холли сняла очки и протерла стекла полкой своей рубашки. Она подвинулась, давая место Дик у монитора, снова надела очки и заглянула через плечо своего помощника. Точка на дисплее все росла.

Казалось, это зрелище загипнотизировало Дика. Он потянулся рукой к экрану.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросила Холли. — Должна тебе сказать, у меня мурашки по спине бегут и не пойму почему.

Ее голос заставил Дика вздрогнуть. Он отдернул руку, как будто только что собирался сунуть ее в горячую духовку.

— Что с тобой, Дик?

Он встревоженно посмотрел на нее, и от этого взгляда ей сделалось еще жутче.

— Очень плохо, госпожа Холли, — сказал он.

Потом он бросился на пол и завоzilся в проводах, подключенных к сетевому фильтру под столом. Снippet заворчала у них за спиной.

— Который из проводов? — бормотал Дик.

— Что — который из проводов?

Холли взглянула на монитор и увидела, что черная точка теперь занимает почти две трети экрана. Проследив за ее взглядом, Дик вдруг схватил всю панель и резко рванул. Компьютер вырубился. Монитор, теперь совершенно слепой, балансировал на краю стола, а сетевой фильтр с воткнутой в него вилкой все еще был в руке Дика. Холли хотела подхватить монитор, но было поздно: он свалился на пол и пластмассовый его корпус тут же раскололся от удара.

Снippet вскочила со своего места и закружила около разбитого монитора с лаем.

Дик поднялся с пола, все еще сжимая в руке панель. Глаза его расширились, рот был полуоткрыт. Он повернулся к Холли с таким горестным видом, что ей захотелось подбодрить его, обнять и приласкать. Но хотя Дик и был такой маленький, она знала, что не след утешать его, как ребенка. Он старше ее. Гораздо старше. На сколько, она даже не задумывалась. И все же было в нем нечто ребячески наивное, особенно в такие вот моменты...

— Я... я не хотел...

— Да все в порядке, — сказала она ему.

Монитор был сломан, он упал со стола, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Дик был безутешен.

— А что это было? — спросила она. — Почему тебе нужно было так быстро отключить питание?

Дик уронил панель на пол.

— Оттуда... оттуда что-то хотело выйти, — объяснил он.

— Что это за «что-то»?

Поскольку однажды они испытали нашествие эльфов, вырвавшихся из ее компьютера, Холли не собиралась доказывать Дикуневозможность подобных вещей.

— Я точно не знаю, — ответил Дик. — Что-то... не то чтобы очень уж плохое. Но дикое — это точно. И... голодное.

— Как эльфы?

Он покачал головой:

— Что бы это ни было, это гораздо больше и сильнее эльфов. И оно околдовало меня, как удав птичку, госпожа Холли. Если бы вы не заговорили громко и не разрушили чары... не знаю, что случилось бы. Во всяком случае, ничего хорошего. Это точно.

— Но теперь оно ушло?

— Надеюсь, что да. Я его больше не чувствую. А вы?

Холли помотала головой:

— Но я и тогда ничего не чувствовала. Просто мне стало слегка не по себе. Снippet, ко мне! — подозвала она собаку, которая все еще ворчала на монитор.

— Я думаю, может, некоторое время не стоит пользоваться компьютером, — сказал Дик.

Холли кивнула, решив не упоминать о том, что без монитора она все равно не сможет этого сделать. Дик и так только-только оправился от чувства вины.

Снippet стояла и выжидающе смотрела на хозяйку. Холли похлопала себя по коленям, и собачка вспрыгнула к ней.

— Это что-то, о котором ты говорил... — обратилась Холли к Дикун, почесывая Снippet за ухом, — оно свободно перемещается по Сети, ведь так? Как эльфы?

— Но если оно выходит наружу...

— ...то это грозит гораздо более серьезными неприятностями, чем нашествие эльфов.

Понятно. Итак, будем держаться подальше от Сети. А как насчет телефонной сети? Как ты думаешь, позвонить по телефону — это безопасно?

— Можно попробовать.

Холли потянулась к телефону. Она нервничала, снимая трубку, и понимала, как это глупо, но ничего не могла с собой поделать. Она некоторое время подержала трубку снятой, и они оба с Диком услышали длинный гудок.

— Ну как тебе? — спросила она.

— Я ничего такого не чувствую, то есть того, что ощущал, когда компьютер был включен.

— Ну и хорошо, — сказала Холли и начала набирать номер. — Пора позвонить колдуну — хоть кому-нибудь, кто умеет изгонять нечистую силу.

Кристи Риделл

Я действительно был тогда поглощен своей новой книгой — о тайнах Всемирной сети: все — от духов и призраков до новейших городских легенд, которыми оброс компьютер. И притом духи сообщаются друг с другом через Интернет и электронную почту.

Джилли сказала, что я мог бы назвать книгу «Призраки в проводах», но это название, как мне показалось, не полностью соответствует поставленным целям. Я как-то не вижу духов, циркулирующих по «железу» микросхем. По их части, скорее, программное обеспечение, кабели, телефонные линии; они склонны селиться в пространстве между компьютерами. Писатели-фантасты называют эти территории киберпространством, но я думаю о них как о некой разновидности вуду. Невидимые существа, нашедшие себе более современное пристанище.

Это не какие-то неизвестные ранее призраки, — по крайней мере, мне так кажется. Это все те же волшебные существа из лесов, полей и вод, которые сначала просто эмигрировали из более привычной им деревенской среды в городскую, а вот теперь начали осваивать технологии будущего. Возможно, они последуют за нами и в космос.

Не все, разумеется. Только наиболее склонные к авантюрам, самые сильные и выносливые — те, кто обладает теми самыми чертами, которые столь необходимы людям-исследователям, покидающим безопасные Освоенные Территории, чтобы осваивать Неосвоенные.

Я начал делать записи об этих явлениях после того, как узнал об аномалиях вокруг сайта «Вордвуд» и о причастности Саскии ко всему этому. История Холли с эльфами еще больше убедила меня в том, что я на пути к чему-то новому и очень интересному.

Забавно. Годами мои самые продвинутые в смысле компьютеров друзья рассказывали мне странные истории об Интернете и новых технологиях, и только в последние несколько месяцев я обратил на это внимание. Мне даже кажется, что я слишком поздно вступил в игру, потому что Интернет уже оброс значительным количеством легенд, и они распространяются быстро, как компьютерные вирусы. Людей веками интересовали феи и привидения, но и на мою долю осталось о чем написать. Так что лучше поздно, чем никогда.

Я всегда так любил легенды — как новейшие, так и древние, — что удивляюсь, почему раньше не почувствовал этих перемен в фольклоре и мифологии. Меня даже в детстве тянуло ко всякому такому. Сбор данных, каталогизация, истории, лежащие на грани правдоподобия, — все это очень долго служило мне единственной защитой от... детства, которое иначе было бы для меня очень несчастливой и болезненной порой.

Думаю, у меня просто какое-то луддитское отвращение к технике. Когда я начинаю все-таки пользоваться каким-нибудь техническим новшеством, для всех остальных это уже давно вчерашний день. Или, по крайней мере, все они уже поднаторели в этом. К тому времени, как я приобрел факс, все остальные уже пользовались электронной почтой. У моих друзей-технарей давно уже сотовые телефоны и переносные компьютеры, такие как «Палмс» или «иПАК». Я же все еще предпочитаю звонить по таксофону, если я не дома, и писать в

блокноте, который всегда и везде со мной.

Но теперь от моих прежних увлечений, от более традиционной заинтересованности всем необычным, любопытным, просто странным я перешел к технике и паранормальному в ней, и это полностью захватило меня. Лишь об этом мне хочется думать и писать. И разумеется, именно сейчас, когда на моем пути забрезжила цель, прибыли гранки от Алана и записка, в которой говорится, что они были нужны ему еще вчера.

Возможно, самое ужасное в писательском ремесле — это вычитывать гранки. Это печатный текст, который посылает тебе издатель для окончательной правки и который, по идее, уже должен содержать в себе все поправки и изменения, внесенные на всех этапах допечатной подготовки. По крайней мере, для меня это худшее из всего, что может быть. Все остальное мне нравится — от отслеживания источников и собственно написания и редактирования до сидения в книжном магазине и бесед с читателями. Но гранки...

К этому этапу работы я чувствую, что уже слишком много раз видел эти слова, и мне хочется что-нибудь изменить в тексте просто ради того, чтобы смотреть на что-нибудь другое. Разумеется, этого нельзя. И вот сидишь, деревенея от скуки, с онемевшими мозгами, и стараешься не слишком придираетсяя.

Тут я, правда, не очень преуспел. Чем и объясняется принятый у нас с Саскией код: «схожу в кафе часика на полтора», что в действительности значит «меня не будет весь вечер, надеюсь, к моему возвращению ты покончишь с этой тягомотиной».

Хотел бы я покончить! Я не люблю вычитывать гранки, это правда, но я добросовестно делаю эту работу. Так что когда она возвращается, то есть около полуночи, оказывается, что я успел считать всего каких-то пару глав.

— Ну, как продвигается? — спрашивает она, появляясь в дверях моего кабинета.

— Ползком, — отвечаю я.

— Что, так плохо?

— Да нет, просто это ужасно тоскливо. Да ты сама знаешь, что это такое.

Она кивает. Она тоже проходила через это со своими сборниками стихов и статей.

— Но на сегодня я закончил, — объявляю я.

Я выравниваю стопку корректуры, сделанной за нынешний день. Должно быть, именно поэтому Джилли подарила мне футболку с надписью: «Заднепроходное — пишется через дефис?» Я ее не ношу. Я держу ее в шкафу сложенной, вместе с другими «шуточными» футболками, подаренными разными людьми. Возможно, я никогда их не надену. Да, я понимаю, это смешно. Я всегда был зациклен на аккуратности. Вокруг меня могут лежать кучи книг, ожидая своей очереди, чтобы быть либо прочитанными, либо поставленными на полки, но все они будут непременно сложены аккуратными стопками, а часто и рассортированы — по темам или в алфавитном порядке.

Саския усаживается в одно из кресел у книжного стеллажа и кладет ноги на оттоманку. Я выключаю лампу на письменном столе и сажусь с ней рядом в другое кресло, а ноги тоже кладу на оттоманку.

— Как прошел вечер? — спрашиваю я и трюсь ногой о ее ногу.

— Интересно. Встретила твою тень в кафешке.

— Правда? Странное место для нее. Хотя если речь заходит о моей тени, то странное — в порядке вещей. Никогда не знаешь, что у нее на уме, что она скажет в следующий момент и где ты на нее наткнешься. Даже когда она говорит прямо, у меня в голове непременно потом остается что-то вроде облака. Отчасти потому я и зову ее Тайной.

— Я знаю, — отвечает Саския. — Даже неприятно думать, что она ходит по таким прозаическим местам, как эта кафешка, верно? Хотя она, конечно, прекрасно вписалась.

Не могу удержаться от улыбки.

— Она куда угодно впишется. Мне лично кажется, что это окружающая среда подстраивается под нее, а не наоборот.

— Вот бы и мне так уметь, — говорит Саския. — Но со мной, кажется, все по-другому.

Я бросаю на нее озадаченный взгляд.

Она вздыхает:

— Мы с твоей тенью говорили о том, откуда мы взялись, и этот разговор напомнил мне о том первом утре, когда я проснулась в этом мире, и о том, как трудно мне было привыкать к нему.

Я киваю. Да, мы говорили с ней об этом.

— И я снова задумалась о том, кто я такая и откуда взялась... Я даже не настоящая.

— Не важно, откуда ты взялась, — говорю я. — Теперь ты настоящая.

— Разве? Разве быть настоящим не значит в том числе и знать, откуда ты взялся? Я как приемный ребенок. Как бы ты ни был счастлив, но если ты не знаешь, кто твои настоящие родители, если ты вообще ничего не знаешь о своем происхождении, значит, ты живешь с большой черной дырой в сознании. И никакие радости не заставят ее затянуться.

— Но ты знаешь свое происхождение. Ты говорила, что родилась в Вордвуде.

Она кивает:

— А насколько это реально, насколько это по-настоящему? Может ли человек родиться на веб-сайте?

— Не знаю, не знаю. Но ты сейчас здесь. — Я дотрагиваюсь до ее руки. — Ты — настоящая.

— Твоя тень считает, что со всеми вопросами мне нужно обратиться к началу начал, — говорит она.

— Ты хочешь сказать, в Вордвуд?

— Куда же еще?

— Да, конечно. Похоже, он способен дать ответ на любой вопрос, какой ни задай. — Я убираю ноги с пуфика. Выпрямившись, я смотрю на свой компьютер на столе. — Надо бы проверить, стал ли сайт снова доступен.

— Что ты имеешь в виду?

— Он недоступен уже целую неделю.

Саския устало встряхивает головой:

— А я даже и не знала. Хороша же моя так называемая тесная связь с ним!

— Ты сказала, что он отделил тебя от себя.

— Или я сама отделилась. Но зайти на сайт — это не совсем то, о чем я думала. Твоя тень говорит, что она могла бы взять меня в Другой Мир. Что можно по-настоящему войти в Вордвуд.

— Погоди-ка! А что, Вордвуд существует и в Другом Мире?

— Кажется, она думает, что да.

— В качестве чего? Места? Человека?

Саския пожимает плечами:

— Кто знает? Может быть, в качестве комбинации того и другого.

— Как-то жутковато становится.

— А то, что я родилась на компьютерном сайте, — не жутковато?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Представь себе этаким человекообразный конструктор под названием Вордвуд — продукт программы и языка HTML. Как он может существовать в этом самом Другом Мире?

Саския долго и внимательно смотрит на меня, прежде чем ответить:

— Может, он и не существует, по крайней мере бо льшую часть времени. Но если у него есть душа, то тогда самое вероятное место, где его можно обнаружить, — Мир Духов.

— Да, но...

— Это такое волшебство, — говорит Саския. — То самое волшебство, которое позволяет мне сейчас во плоти разгуливать по реальному миру.

— Наверное...

По правде говоря, я никогда не был на сто процентов уверен в том, что происхождение Саскии так экзотично, как она сама думает. Я знаю, что она в это верит. И случаются дни, когда в это верю и я. Все, что мне надо, чтобы поверить, — это вспомнить, как я с ней

познакомился. Она была похожа на ходячую энциклопедию — могла цитировать километрами, что называется, с любого места и при этом, казалось, не имела никакого собственного опыта и не знала, как обращаться, например, с горячим шоколадом.

Но при всей моей открытости, при всем приятии мысли о том, что на свете есть много такого, чего нельзя увидеть, — во всяком случае такого, чего мы не ожидаем увидеть, — в сознании моем сидит не только простодушный верующий, но и циник. И он настаивает на том, что привидений и духов не бывает. Что есть только то, что мы видим перед собой. «Есть и еще что-то? — спрашивает он. — Тогда докажи. Покажи мне это».

И когда я слышу голос этого циника, я не могу представить себе, что веб-сайт породил живое, дышащее существо. Бывают моменты, когда и сама Саския настроена не менее скептически, чем этот циник у меня в голове. Но сегодня, видимо, не тот день.

— Ладно, — говорю я, помолчав некоторое время. — Но давай сначала проверим, открыт ли обычный путь.

Я встаю, пересекаю комнату, подхожу к своему столу и включаю компьютер. Машина уже загружается, когда ко мне присоединяется Саския. Она встает за моей спиной, положив руки мне на плечи. Я кликаю нужную иконку, модем набирает номер, и вскоре мы слышим знакомое кваканье, а затем визг — компьютер пытается соединиться с провайдером.

Я открываю «Эксплорер», захожу на страничку «Вордвуда», и надпись, к которой я уже привык за неделю, вновь появляется в окошечке моего браузера. Я собираюсь прервать соединение.

— Что это? — вдруг спрашивает Саския.

Она опирается на мое плечо и тычет указательным пальцем в черную точку, появившуюся в самом центре окошечка. У меня сразу возникает нехорошее предчувствие, но я не успеваю остановить ее.

Вы когда-нибудь видели, как загорается запал шутихи? Вот так же, разве что без детонатора. Как будто электрический разряд. Меня сметает со стула, отшвыривает к стене, да так, что едва дух не вышибает. Но оттуда, где я лежу, мне видно все, что происходит с Саскией.

Горячее белое пламя бежит по ее указательному пальцу, по руке, по предплечью, по плечу, пробегает по всему ее телу. Как бикфордов шнур. Но вместо того чтобы оставить от Саскии кучку пепла, эта искра оставляет после себя ее размытую версию, как будто ее тело утратило плотность, и мне видны все молекулы, из которых она состоит. Разница между тем, что я вижу, и настоящей Саскией — как между картиной и фотографией этой картины в газете, где она состоит из тысяч маленьких точек.

Я пытаюсь подняться на ноги, но руки онемели, и ноги не держат, они как желе.

Саския бросает на меня взгляд — затравленный, отчаянный. А потом компьютер просто разбивается. Только что монитор и клавиатура были на столе, а процессор — на полу, рядом, и вот все это — груда разбитой пластмассы, микросхем, проводов.

Саския тянется ко мне. Но это больше не Саския. Это ее образ, состоящий из мерцающих крошечных мазков светотени.

Я зову ее по имени, снова пытаюсь встать на ноги. Я слышу характерный визг, как будто в груде обломков, в которые превратился мой компьютер, модем все еще добросовестно набирает номер, чтобы подсоединиться к провайдеру. Потом Саския исчезает, и в комнате становится так тихо, что от этой тишины больно.

Мне удастся поползти до того места, где она стояла. Я тупо ощупываю пол, как будто надеюсь обнаружить ее под ковром, как шпильку или скрепку. Но ничего нет. Она пропала. Ее снова поглотил Интернет, в недрах которого, как я наполовину верил, она и родилась. Ее поглотил Вордвуд, и я понятия не имею, как вернуть ее.

Ее исчезновение обрушилось на меня как цунами, оно чуть не разорвало меня на части, и все, что мне теперь остается, — это прижиматься лбом к коврику, к тому месту, где она стояла минуту назад.

Кристиана

Я притворяюсь, что сплю, когда начинает звонить телефон. Наверное, это звучит странно — не то, что звонит телефон, а то, что я притворяюсь, что сплю. Дело в том, что я не нуждаюсь в сне, как, впрочем, и в еде, но тем не менее сплю и ем. Это первое, чему научила меня Мамбо, когда я оказалась в Пограничных Мирах.

— Это поможет тебе чувствовать себя нормальной, — сказала она мне. — А нормальной себя чувствуешь, когда ведешь себя как нормальная, тогда и остальные будут так тебя воспринимать.

Тогда я не думала, что это так уж важно, но позже поняла, что когда тебя держат за придурка, это быстро утомляет. Так что я научилась есть и пить. Мне не нужно восполнять энергетические запасы, но мне нравится раздражать свои вкусовые рецепторы. Сэндвич с томатом и базиликом. Горячая мексиканская сальса. Окрошка. Крепкий черный кофе. Бокал красного вина.

Сплю я реже.

Когда я делаю это, я думаю, что действительно сплю, потому что иногда, закрыв глаза, и правда отключаюсь. Время утекает для меня в ту же самую черную дыру, что и для нормальных людей, которые вынуждены спать. А иногда, пребывая в этой черной дыре, я даже вижу сны.

И тут звонит телефон. С тяжелой головой вынырываю из переплетения образов и ощущений. Пока я ищу, куда положила телефон, у меня в голове все еще блуждают остатки сновидений. Обезьянки за чаем, Элвис периода Лас-Вегаса, летающие свитеры, вывернутые наизнанку, — нет, сама я не летаю, хотя мне очень хотелось бы уметь летать. Признаться, мне пригодилось бы даже уметь превращаться в птичку.

Обезьянки, фальшивя, жужжат песню «Битлз» «Земляничные поля», а Элвис, не обращая на них никакого внимания, сосредоточенно макает румяную булочку в чай. Я припоминаю, что меня заинтересовала жирная пленка на поверхности его чая, я все пыталась сообразить, откуда она взялась. И вот Элвис вынимает булочку из чашки — и вдруг раздается звук, как будто разгружается грузовик.

Но это всего лишь телефон.

Я наконец нахожу его на своем лугу — он лежит на ручке кресла, куда я бросила свою одежду, перед тем как лечь спать. Вылезаю из постели и босиком шаркаю по траве к креслу, прикидывая, кто это может звонить. Мне редко звонят по мобильному, очень немногие люди знают этот номер. Макси. Том Стоун, единственный мой любовник, с которым мне удалось сохранить дружеские отношения. Мамбо никогда не звонит. А теперь этот номер знает еще Саския.

Беру телефон и, нажав кнопку, подношу к уху. Мне требуется не больше секунды, чтобы узнать этот странный шум. Как будто ветер качает верхушки деревьев в лесу — жесткий, шершавый, царапающий, с пощелкиваниями и потрескиваниями звук.

— Алло! — говорю я.

Ответ так невнятен, что я почти ничего не могу разобрать.

— Алло! — пробую я еще раз. — Кто это?

Звук похож на сигналы радиостанции, на которую плохо настроились. Треск. Неразборчиво.

— Пожалуйста...

Я плотнее прижимаю телефон к уху, но голос от этого не становится громче.

— Впусти... меня...

Я знаю достаточно, чтобы понимать: не только вампирам бывает нужно разрешение, чтобы проникнуть в тайное место. И еще кое-что я знаю и тем не менее произношу «да».

Некоторое помрачение рассудка. Все кажется каким-то неправильным. Я вспоминаю наш с Кристи разговор о странных мотивациях, свойственных сказочным персонажам. Если, конечно, вообще можно говорить о какой-то мотивации.

— Почему они так поступают? — спросила я тогда. — Зачем, спрашивается, третий, младший сын отправляется в поход, который, как ему известно, приведет его к гибели? Зачем сыну фермера жениться на принцессе? Что у них может быть общего?

— А кто сказал, что у них есть выбор? — ответил он мне тогда.

Вот так и я себя чувствую сейчас, произнося «да». Как будто у меня нет выбора. Как будто в телефонной трубке — нечто волшебное и я просто обязана впустить его в свое сознание.

У меня есть время все это обдумать, и при этом меня не покидает подспудное чувство чего-то неправильного. Это как дорожно-транспортное происшествие — все происходящее вокруг и ускоряется и замедляется одновременно. Замедляется, потому что ты вдруг явственно видишь все мелкие подробности. У тебя почему-то хватает времени, чтобы восстановить разговор, оглядеть луг, служащий полом твоей гостиной, и поля вдаль. И в то же время все это происходит так быстро, что ты даже не успеваешь перестать делать все это.

Нет времени выронить телефон. Невозможно взять свое единственное слово назад.

Что-то вроде электрического разряда вырывается из трубки и обжигает мне ухо. У меня волосы встают дыбом, причем все — от тех, что на голове, до коротких волосков на руках. Голова наполняется радиогулом, который достигает интенсивности урагана. Ураган белого шума.

А потом все уносится, включая меня.

Холли

Дик был очень подавлен.

Холли пыталась его подбодрить. Она взяла его с собой, когда повела Снippet прогуляться и сделать свои дела, и даже оказала ему честь — позволила убрать сделанное на пустыре в конце квартала «дело» в пластиковый пакетик. Вернувшись, она разрешила ему убрать все следы разрушений. Но, похоже, даже уборка не помогла. Тогда она приготовила ему чашку чая, плеснув туда виски ровно столько, сколько он любил. Но и это не возымело действия.

Он был убежден, что все произошло по его вине, а почему — объяснить не мог.

— Наоборот, ты спас положение, — сказала Холли, наверное, уже в десятый раз. — Если бы не ты, — продолжала она, — эта штука, что бы это ни было, вырвалась бы из монитора и проглотила нас обоих.

Она не была уверена, что все так и было бы. Она знала, что волшебные существа способны выходить из Интернета в реальный мир, она ведь сама была свидетельницей нашествия банды эльфов-вандалов около года назад. Так что если сегодня должен был выпрыгнуть кто-то темный и страшный, тогда, получается, Дик и правда спас положение. Но дело в том, что Дик темным и страшным казалось очень многое — от телевизионных шоу до некоторых покупателей. А уж если в магазин случалось залететь какой-нибудь птице, Холли ей от души сочувствовала.

— Но я сломал ваш монитор, госпожа Холли, — сказал Дик.

— Тем самым избавив нас от большой беды.

— Но он сломан, и, значит, теперь вы не можете работать на компьютере.

— Здравсте! Я все равно не могу работать на компьютере из-за всякой нечисти, которая только и ждет, когда я включу модем, чтобы наброситься на нас.

— И все-таки...

— Никаких «и все-таки»! Ты настоящий герой, и я хочу, чтобы ты чувствовал себя героем.

Дик только скорбно покачал головой, уставившись на жалкий остаток жидкости на доньшке своей чашки. Холли вздохнула. Она посмотрела на телефон. Хоть бы зазвонил, что ли! Но телефон упрямо молчал.

Когда потребовалось поймать распоясавшихся эльфов, разбежавшихся по всей округе,

и водворить их обратно в Интернет, Дик мог оказать содействие, но не он был ее главным помощником, а Мэран Келледи — из семейного дуэта, который уже несколько лет играет в городе, конечно, когда не отправляется в турне. Холли познакомилась с Мэран в ту самую неделю эльфских безобразий, и с тех пор они подружились.

Мэран была чудесная женщина, очень привлекательная и умная. Из тех женщин, на которых обращают внимание не только благодаря хорошей фигуре, темным мудрым глазам и водопаду каштановых волос с неожиданно зеленоватыми прожилками, но и благодаря их харизме. Дик воспринимал ее как некое божество и трепетал, когда ей случалось заходить в магазин, но Холли представляла ее себе совсем по-другому. Просто с Мэран было приятно общаться, легко разговаривать, она была нормальным во всех смыслах человеком, разве что знала несравненно больше других обо всем, что касалось магии и фольклора, и о том, как они приспособились к нашему технологичному веку.

Так что, когда монитор рухнул на пол, Холли позвонила именно Мэран, но там никто не отозвался. Ей пришлось оставить сообщение на автоответчике.

— Что нам делать? — спросил Дик, все еще не отрывая взгляда от доньшка своей чашки, хотя Холли давно уже заметила, что та абсолютно пуста.

— Подлить тебе чаю? — спросила она. — Или, может, пойдешь ляжешь спать. Утро вечера мудренее.

— Утром монитор будет по-прежнему сломан.

— Да, я знаю. Я только хотела сказать, что утром все выглядит несколько иначе. Мы сможем позвать кого-нибудь и...

Холли осеклась, потому что кто-то постучал в стеклянную дверь за их спиной. Оглядываясь, она ожидала увидеть Мэран. Это было бы как раз в духе Мэран — прийти прямо в магазин, не перезванивая. Но там стоял какой-то незнакомец, освещенный висящей над входом лампочкой. Удивительно красивый незнакомец. Он совершенно соответствовал романтическим представлениям Холли о цыганах: темноглазый, с черной, цвета воронова крыла, гривой до плеч, отброшенной назад со лба, и с маленьким золотым кольцом в каждом ухе. Его свободная хлопчатобумажная белая рубашка усиливала впечатление цыганщины, несмотря на то что заправлена была в обычные джинсы.

Встретившись с Холли глазами, незнакомец щеголевато улыбнулся ей и сделал приветственный жест рукой. Холли почувствовала, что она просто тает. Вообще-то, она была не из тех, кого так легко сразить красивым лицом. Когда держишь магазин, перед тобой проходит по крайней мере один красивый мужчина в день, но в этом человеке было что-то такое, что ее сразу взволновало. Она поднесла руку к голове, вдруг осознав, что рыжие пряди выбились из рыхлого пучка на шее, в который она утром собрала волосы. Косметикой она не пользовалась, даже помадой. И зачем только после закрытия магазина она перелезла в старомодного покроя штаны и старую фланелевую рубашку!

Затем, подсказал здравый смысл, изо всех сил стараясь успокоить участившееся сердцебиение, что сегодня она посетителей не ждала. Время позднее. И как бы ни был красив этот мужчина, она с ним незнакома, а магазин давно закрылся. Он может оказаться кем угодно. Он может быть опасен, наконец.

Все это, и даже более того, Холли прекрасно понимала. И все же она положила очки на письменный стол, встала и направилась к двери.

— Да? — сказала она через стекло. — Чем могу быть полезна?

Она не расслышала ни слова из того, что он ответил, но и сама не была уверена, что он понял ее вопрос. Они оба скорее читали по губам, чем слушали друг друга. И когда она увидела, что его губы, пожалуй несколько полноватые для мужчины, но не толстые (а ресницы-то, ресницы над огромными глазами!), произносят имя Мэран, она радостно отбросила все подозрения и отперла дверь. Открыв ее ровно настолько, чтобы высунуть голову, она почувствовала сильный запах яблок и корицы. Боже мой, он даже пахнет вкусно!

— Что вы сказали? — переспросила она.

— Я присматриваю за квартирой Мэран, — сказал незнакомец, — пока они с Сирином

в отъезде.

— И вы пришли сюда, потому что...

— Вы оставили сообщение на автоответчике. Мне показалось, что у вас расстроенный голос, вот я и пришел узнать, не могу ли чем-нибудь помочь.

Его голос был само совершенство — теплый, густой. Потом она поняла, что, собственно, он сказал. О боже! Значит, он слышал все, что она бормотала про эльфов и что-то страшное, что чуть не вылезло из ее компьютера?

— Вы как? Ничего? — спросил он.

«Вообще-то, я просто уничтожена», — подумала она. Но быстро кивнула.

— То есть уже все в порядке?

— Да... То есть нет. То есть... я хотела сказать... — Она перевела дух. — А откуда вы знаете Мэран?

— Мы с ней что-то вроде дальних родственников.

— Что-то вроде?

— Со стороны ее мужа.

— Значит, вы не настоящий родственник.

— Ну почему — настоящий. Я родственник тетушки Сирина, Джен. Но я действительно не связан кровным родством ни с кем из них. — И он опять улыбнулся ей своей лихой улыбкой. — Скорее, просто принадлежу к их стае.

Холли довольно долго разглядывала его. Если он был в доме у Мэран, значит, рассудила она, ему можно доверять. Воры и серийные убийцы не имеют привычки прослушивать автоответчики своих жертв, не так ли?

Она посторонилась и пропустила его в дверь.

— Почему бы вам не зайти? — предложила она. — По крайней мере, выпьете чашку чая, раз вы проделали такой долгий путь в столь поздний час.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Он посмотрел на Снippet, которая была настороже, но не проявила никаких признаков тревоги, когда незнакомец вошел в дом. Итак, проверку на рассел-терьера он прошел, это уже хорошо. В часы работы магазина Снippet обычно вела себя как ангел — ни единого звука. Но как только магазин закрывался, она начинала ревниво охранять свою территорию от всякого, кто ей не нравился или кого она просто не узнавала.

— Привет, собака, — поздоровался незнакомец.

Холли с удивлением увидела, что Снippet виляет хвостом. Еще больше она удивилась, когда взгляд незнакомца остановился на Дике.

— И вам добрый вечер, господин домовый.

Дик несколько нервозно кивнул в ответ.

— Вы его видите? — спросила Холли.

Незнакомец повернулся к ней, приподняв брови:

— А вы разве нет?

— Я-то, конечно, вижу... Просто большинство людей...

Она не договорила и, еще более смутившись, отошла запереть дверь.

— Мы пьем чай с виски, — сказала она, вернувшись.

— Это замечательно, — похвалил незнакомец. — Но, с вашего позволения, чай я не буду, а то потом всю ночь не засну.

Холли улыбнулась.

— Меня зовут Холли, — сказала она и протянула ему руку. — Хотя, полагаю, это вам уже известно из моего сообщения на автоответчике.

— Боррибл⁴ Джонс, — сказал он в ответ.

Его рукопожатие оказалось крепким, рука — мозолистой. И то и другое отвлекло

⁴ Horrible — ужасный, противный, отвратительный (англ.).

внимание Холли от того, что он сказал. Должно быть, она неверно расслышала.

— Простите? Мне очень жаль, но...

— Мне самому жаль, — широко улыбнулся он, — но что теперь поделаешь. Друзья зовут меня Боджо.

— Но...

— Да, понимаю, имечко то еще! Есть несколько теорий его происхождения. Одна из них — что мой отец был поэт, притом настолько не выносил детей, что дал мне имя, которое рифмуется с *enfant terrible*.⁵ Другая — что он был слишком большим поклонником книг Майкла де Ларрабейти.

Холли непонимающе посмотрела на него.

— Вы не знаете? Это автор книг о борриблах. Борриблы — это вымышленные существа, некогда населявшие Лондон. Что-то вроде Питеров Пэнов.

Холли кивнула:

— Да, я слышала.

— Ну разумеется. У вас ведь книжный магазин.

— Выходит, вы не знаете, кто был ваш отец?

— Никогда не встречал этого человека, — ответил Боджо.

— Это очень печально. — У Холли были прекрасные отношения с отцом до тех пор, пока она не выкинула фортель несколько лет назад. — Мне очень жаль.

— Мне тоже. Хотел бы я когда-нибудь узнать, о чем он только думал тогда.

— А ваша мать?..

— Она редко о нем говорила.

Холли не знала, что сказать. Наконец она предложила:

— Позвольте, я налью вам виски.

Ей-то самой не помешал бы сейчас целый стакан.

Всем за столом места не хватило, так что они взяли свои стаканы и поднялись наверх, в квартиру Холли и Дика. Наверху, в жилых комнатах, было ничуть не меньше книг, чем внизу, в магазине, — на полках, в коробках, в стопках на полу. Разница состояла только в том, что эти не предназначались для продажи. Пока, по крайней мере.

Боджо расположился на диване в непринужденной позе, напомним Холли кота: они очень быстро умеют устраиваться на новом месте. Дик примостился на другом конце дивана, держа чашку обеими руками. Казалось, он греется об нее, а между тем чаю в нее так и не налили. Холли приготовила еще чаю, потом принесла стул из столовой и села. Снippet, которая хвостом ходила за Холли из комнаты в комнату, пока та готовила чай, устроилась под стулом Холли, свернувшись калачиком. Она не спускала глаз с Боджо.

— Итак, у вас проблемы с эльфами, — сказал Боджо.

Холли покачала головой:

— Были. А вы хорошо знаете эльфов?

— Ну, смотря в каком смысле. Они ведь что-то вроде домовых, правда? Но только скорее злые, чем шаловливые.

Дик понимающе кивнул.

— Все их веселье какое-то подловатое, — сказал он. — Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них сделал что-нибудь хорошее.

— Иногда они могут быть очень дружелюбными, такими, например, как вы, домовые. По крайней мере там, откуда я родом.

Холли умела схватывать на лету: она поняла, что речь идет о неких волшебных существах. Ее, правда, несколько удивило, что Дик и незнакомец так хорошо понимают друг друга: как будто такие вещи общеизвестны.

⁵ Ужасный ребенок (*фр.*).

— А откуда вы родом? — спросила она.

— Откуда? Отовсюду и ниоткуда. Мы всегда кочевали. А я и сейчас так живу. Мы, Келледи, всегда были путешественниками.

— Вы жестянщики, не так ли? — спросил Дик. — Как в Ирландии.

Боджо покачал головой:

— Да, но Келледи из более древнего племени, чем ирландцы.

— Но вы, кажется, сказали, что ваша фамилия — Джонс, — напомнила Холли.

— Так и есть. Келледи — это родовое имя, которое носят большинство из нас. Но моя мама была Джонс, когда нас усыновила тетя Джен, так что для нее я остаюсь Джонсом.

У Холли было полно вопросов к нему. Даже обычно застенчивый, Дик просто клокотал от любопытства. Но не успел ни один из них и рта раскрыть, как Боджо вдруг весь подобрался и выпрямился. Он отхлебнул виски из стакана, долго и внимательно посмотрел на собеседников и сказал:

— Расскажите мне об эльфах.

И Холли рассказала, а Дик дополнил то, что она упустила. Закончив об эльфах, они перешли к тому, что произошло сегодня вечером.

— Должно быть, мы просто испугались, — сказала Холли, когда они наконец добрались до конца истории. — Вы не представляете себе, какой бедлам эльфы устроили в тот вечер.

— О, еще как представляю! — возразил Боджо.

— Значит, вам приходилось видеть их?

Он покачал головой:

— Мне приходилось видеть только разрушения, которые они оставляют после себя. И конечно, я слышал рассказы.

То есть то, о чем болтают люди на работе, стоя в коридоре у автомата с холодной водой. О погоде, курсе на бирже, эльфах... Нет, конечно, ей трудно было даже представить себе Боджо ошивающимся около кулера и вообще состоящим на какой-нибудь службе. Хотя должен же он где-то работать. Все вынуждены как-то зарабатывать на жизнь.

— Думаю, вы мудро поступили, что проявили осторожность, — подытожил Боджо, и мысли Холли вернулись к недавним событиям. — Я почувствовал запах потустороннего, как только вошел в магазин, и не из-за вас, господин домовый.

— Это точно был дух, — сказал Дик. — И он был готов прямо выпрыгнуть с экрана. Матерый, темный и могучий.

— Могучий — да. Но мне, скорее, представляется некто молодой. Что-то новое. Что-то, чего свет до сих пор еще не видел.

— А это хорошо или плохо? — спросила Холли.

— Ни то ни другое. Большинство духов — они как погода — не плохие и не хорошие. Просто такие, какие есть. Они живут своей жизнью, совершенно не обращая на нас внимания. Это мы жалуемся, что у нас ветром сено разворошило или градом побил всходы.

«Итак, — подумала Холли, все еще мысленно подбирая ключик к гостю, — если он приводит такие фермерские сравнения, может, он деревенский?»

— Но они не все такие, — заметил Дик.

— Не все, — согласился Боджо. — Есть и такие, которым ужасно нравится вмешиваться в жизнь таких, как вы и я. И эти — самые неприятные из всех.

— Но что им надо? — спросила Холли.

Боджо пожал плечами:

— Кто знает! Иногда мы просто им мешаем, и тогда они обходятся с нами как с букашками — смахнут или прихлопнут. Иногда они голодны.

Холли все это начинало очень не нравиться.

— Они что, хотят съесть нас?

— Это, скорее, духовный вампиризм, — сказал Боджо. — Их интересует наша жизненная энергия. Некоторые духи ею питаются.

Еще не легче!

— Вы можете нам помочь? — спросила Холли. — Нельзя ли как-нибудь выдворить их из Интернета и запихнуть туда, откуда они явились?

Боджо отпил еще виски.

— Я почти ничего не понимаю в компьютерах, — сказал он. — Но я понимаю в духах. Первый вопрос, который мы должны себе задать, — явились ли они откуда-то или родились прямо в Интернете?

— Что вы имеете в виду? — спросила Холли.

Она взглянула на Дика и увидела на его лице отражение собственного смущения.

— Ну, насколько я понимаю, — продолжил Боджо, — Интернет сам по себе — нечто вроде государства. Это справедливое допущение?

— Ну, наверное...

— Тогда логично предположить, что в нем должны бытовать свои формы жизни и свои призраки.

— Но ведь мы говорим о чем-то, что существует только в виде кода в компьютерах провайдеров. Биты и байты. Ничего осязаемого.

— Однако же эльфы как-то пробрались туда! Кроме того, есть еще и эта история с Вордвудом и тем духом, который, как вы сказали, в нем поселился.

Холли задумчиво кивнула:

— Наверное, именно поэтому я чувствую, что должна что-то сделать. Это ведь мы с друзьями создали «Вордвуд». Благодаря нам он и обрел нечто вроде сознания, следовательно, мы отвечаем за то, что с ним произойдет дальше.

— Итак, вопрос следующий, — сказал Боджо, — Вордвуд одичал сам или подвергся воздействию со стороны?

— Как-то все это... нездорово.

Боджо кивнул:

— Я тоже весьма далек от понимания того, что происходит. Но мы должны сделать все, что можем. Наверняка есть люди, которые могут помочь нам. Надо только найти их.

— Я, конечно, поговорю с Сарой и с другими, с теми, с кем мы начинали «Вордвуд». — Холли подумала секунду, потом добавила: — Я очень рада, что вы пришли. Возможно, мои друзья прекрасно разбираются в компьютерах, но когда дело доходит до всего остального, тут они — пас. Это слишком сложное дело, чтобы мы могли разобраться сами, да еще когда Мэран нет в городе... Так я вам очень благодарна. Честное слово.

— Я просто не мог стоять в стороне, предоставив подруге моей двоюродной сестры одной разбираться со всем этим. — Он поднял стакан и спросил: — У вас нет больше этого замечательного виски?

Холли принесла бутылку, налила ему, а заодно плеснула еще виски в свою чашку и в чашку Дика.

— Мне стало как-то легче, — сказала Холли. — Как будто у нас и правда есть шанс справиться с этим.

Боджо улыбнулся:

— Мы можем, по крайней мере, попробовать.

И они чокнулись.

Поднимаясь к себе по лестнице, после того как проводила Боджо, Холли все еще улыбалась. Она пожелала спокойной ночи Дику, у которого слипались глаза, приласкала Снippet и пошла к себе в комнату. Чуть помедлив, она выдернула телефонный шнур из розетки. Сомнительно, чтобы что-нибудь могло просочиться через обычную телефонную сеть. Но все-таки зачем испытывать судьбу?

Кристи

Все поиски в Сети, которые я предпринял, чтобы выяснить, что случилось с Саскией, ни к чему не привели. Думаю, это неудивительно. Точно так же ни к чему не привели бы попытки узнать тайну ее происхождения — вопрос, который я сейчас даже не задаю себе. Единственное, что меня занимает, — как вернуть ее?

Я все еще не могу поверить, что она пропала.

Прошедший час я провел, разрываясь между отчаянием и решимостью и не делая, по сути, ничего. Все мои записи были в компьютере, от которого осталась груда обломков на столе и на полу — маленькое поле битвы. Конечно, у меня есть записанные копии на дисках — несколько копий, я ведь очень предусмотрителен, особенно после того, как Софи испортила мне компьютер и я несколько недель не мог работать. Диски-то у меня есть, только нет компьютера, куда я мог бы их вставить.

Мне нужен другой компьютер.

Мне нужно вернуть Саскию.

Мне нужна помощь.

Но сейчас три часа ночи. Кого можно позвать на помощь в такой час, особенно если учесть, какую историю я могу рассказать в оправдание? Где эти Укротители Призраков, когда они так нужны?

Я составил в уме длинный список коллег и друзей, которые могли бы сгодиться на эту роль, но их опыт лежал в сфере более традиционных форм паранормальных явлений и фольклора, а многие из них к тому же имели еще меньший, чем я, доступ к современным достижениям цивилизации. Есть, конечно, и новый круг знакомых по Сети — ребята, с которыми я общался по электронной почте, — но, чтобы связаться с ними, мне опять-таки нужен компьютер. И главное, на данный момент я — единственный, кто держит в руках концы множества нитей, соединяющих слухи, фольклорные мотивы, сплетни, и пытается как-то связать их.

Я сам — главный специалист, и я понятия не имею, что делать дальше.

Я мог бы позвать Джилли. Она, помнится, возилась с компьютером своего профессора до того несчастного случая, ковырялась в нем с присущей ей интуицией, благодаря которой, за что бы ни бралась, все на удивление удавалось. Но мне очень не хотелось бы дергать ее сейчас. С того несчастного случая прошел уже год, но она все еще быстро утомляется и нуждается в отдыхе. А кроме того, хоть я и очень люблю ее, она лишь с большой натяжкой подходит для моего дела и вряд ли способна на тот угол зрения, который мне сейчас нужен. Не говоря уже о том, что технически она еще менее подкована, чем был я до того, как всерьез занялся своими изысканиями. Она умеет включать и выключать компьютер. Она умеет отправлять почту и пользоваться веб-браузером. Она баловалась с пейнт-программой, которую Венди ей установила. Но как все это устроено — она понятия не имеет. Значит, она тоже отпадает.

Ну а все остальные решат, что я спятил.

В конце концов я останавливаюсь на Джорди. Он, конечно, тоже подумает, что я сошел с ума, но выслушает хотя бы потому, что это связано с Саскией. Дело не только в том, что именно он меня с ней познакомил, — он, как и я, прекрасно знает, что благодаря ей мы стали гораздо лучше общаться друг с другом.

Не то чтобы мы не разговаривали до того, как Саския появилась в моей жизни. Мы просто не говорили ни о чем серьезном. Мы держали связь, обозначали, что мы братья, не желая, чтобы наши отношения окончательно испортились, но совершенно не представляли, что делать, если они вдруг зададутся. В этом уравнении отсутствовал один компонент — честность. Но как это ни странно, после всего, что мы прошли, а может, и, наоборот, благодаря этому, после того как нам удалось выбраться из неразберихи нашего детства более-менее целыми и невредимыми, оказалось, что мы действительно любим друг друга.

К старшему брату, Пэдди, мы ничего такого не испытывали. Он умер в тюрьме. Говорят, повесился, все свидетельствует за это. Даже спустя годы все еще трудно в это поверить. Из нас троих именно Пэдди всегда казался мне наиболее жизнеспособным.

Казалось, что он-то как раз преодолеет все трудности и чего-то добьется в жизни. И вот он попадает в тюрьму и там погибает. Лишнее доказательство того, как мало мы знаем о тех, кого считаем самыми близкими.

Я все еще в ужасном состоянии, когда Джорди входит в мою квартиру. В промежутке между звонком брату и его приходом я сходил в магазин на углу и купил пачку сигарет. Он бросает взгляд на тлеющую в моих пальцах сигарету, но, к его чести, ничего не говорит. Он знает, что я опять пробовал бросить и продержался шесть месяцев. Он считал. Он понимает, что, должно быть, мне очень несладко, раз я сорвался.

— Итак, что случилось? — спрашивает он.

Я закрываю за ним дверь и иду на кухню. Там уже кипит вода для кофе. Именно это всегда делают Риделлы в кризисных ситуациях. Идут на кухню и варят кофе.

Я не знаю, с чего начать, поэтому просто наливаю нам обоим по чашке кофе и ставлю их на стол, за которым уже сидит мой брат. Я прикуриваю новую сигарету от окурка и тушу его в блюдечке, которое использую под пепельницу.

— Вы что, поссорились? — спрашивает Джорди.

По телефону я сказал ему только, что Саския пропала и я не знаю, вернется ли она. Он не задавал никаких вопросов. Просто сказал: «Сейчас приеду». Но я знаю, что он подумал.

Мой психотерапевт считает, что моя личная жизнь — постоянная сублимация и корень всех бед — в низкой самооценке, еще одном печальном наследии детства, в котором ничего, что бы мы ни сделали, не могло быть хорошо и правильно. У нас с Джорди одинаковые проблемы с женщинами: мы ставим слишком высокую планку, то есть западаем только на тех женщин, которые, как нам кажется, чересчур хороши для нас. Мы можем страдать только по недостижимым женщинам. В школе это были местные королевы красоты и неформальные лидеры, которые, конечно, не тратили время на нас, провинциальных недотеп. И это печальное несоответствие сохраняется поныне.

Не то чтобы все обстояло уж совсем трагично. Но даже если нам удавалось найти каких-нибудь особенных женщин, которые не отвергали нас, они потом все равно уходили, и часто при очень неприятных обстоятельствах.

У Джорди была история с Сэм — неформальным лидером, к тому же умненькой и хипповатой девушкой. Сэм потребовался один-единственный день, чтобы уйти в прошлое. Потом появилась Таня, кинозвезда-наркоманка. Как только она срывалась в бездну, Джорди был тут как тут и ставил ее на ноги, чтобы она снова могла заняться тем, что любила, то есть играть в кино. Он даже перебрался в Лос-Анджелес, чтобы быть с ней, но в конце концов быть с ним не захотела она.

Конечно, всем известно, что ему нужна Джилли, он бы всю жизнь светил ее негасимым факелом, из них получилась бы прекрасная пара, но он слишком затянул с этим, и вот теперь она с Дэниелем.

До встречи с Саскией у меня дела шли не намного лучше. Архетипом всех романов Кристи Риделла была история с женщиной по имени Таллула. Я называл ее Талли. Все было замечательно, но дело в том, что она ощущала себя душой этого города. И она оставила меня, потому что город стал жестким, следовательно, и она должна была стать жестче, чтобы выжить. А любовь ко мне как-то ослабляла и размягчала ее.

Из нас троих только у Пэдди была нормальная личная жизнь, — по крайней мере, насколько нам было известно. «Да, и посмотрите, во что это вылилось», — сказал я психотерапевту, когда она сообщила мне об этом. Она покачала головой и спросила меня, не хочу ли я поговорить об этом.

— Нет, ничего такого, — ответил я Джорди. — Мы не ссорились.

— Тогда в чем дело? Должна же быть какая-то причина тому, чтобы она ушла и оставила тебя.

— Не знаю, как тебе это объяснить, — отвечаю я. — Ты решишь, что я морочу тебе голову.

Было как раньше, в детстве, когда я рассказывал ему всякие бредни про оборотней и прочую дурь. Стало гораздо труднее, когда я понял, что в мире действительно есть много больше того, что мы видим простым глазом. Не то чтобы и его слегка не задело это самое необъяснимое, но с него все это обычно стекало как с гуся вода.

— Расскажи, а там посмотрим.

Итак, прокашлявшись, я начинаю.

Я стараюсь не смотреть на него, рассказывая. Не хочу видеть его реакции. Мне хочется поскорее закончить — выговорить все и тогда уже понять по его лицу, что он мне не верит.

Жаль, что нельзя это записать. Вот что на самом деле для меня писательство — лечение. Все равно, что это: дневники или описания отдельных удивительных случаев из рубрики «Жизнь — странная штука». Когда я что-то записываю, я начинаю это понимать. Это не решает моих проблем. Но, по крайней мере, они становятся мне понятны.

— Боже мой! — произносит он, когда я заканчиваю.

— Послушай... — начинаю я, когда вижу, как он встает из-за стола.

Мне кажется, что он сейчас направится к двери, что он просто перешагнет меня и мои вымороченные проблемы и уйдет раз и навсегда. Но он идет в мой кабинет. Останавливается на пороге и смотрит на обломки компьютера. Я стою у него за спиной в коридоре, курю очередную сигарету и смотрю ему в затылок.

— Она рассказывала мне о своем контакте с этим сайтом, — говорит он, не оборачиваясь. — Не помню где и когда, но это было уже после того, как вы стали жить вместе. И она сказала то же самое, что и ты сейчас, — что я ей не поверю.

— А ты поверил?

Джорди качает головой. Он подходит к столу, ощупывает остатки компьютера. Потом поворачивается ко мне:

— Мне тогда показалось, что она сама не до конца в это верит.

— Да не объясняй, я понимаю. Чем дальше она отходила от своего так называемого рождения, тем меньше чувствовала с ним связь.

— Это было так странно.

— Да, я знаю.

Я ищу, куда бы стряхнуть длинный столбик пепла сигареты, и, не найдя ничего, стряхиваю себе в ладонь.

— А теперь веришь? — спрашиваю я.

Он вздыхает:

— С чего бы тебе врать мне?

— Хотел бы я, чтобы все это было выдумкой!

Я возвращаюсь на кухню, чтобы выбросить окурки и взять новую сигарету. На этот раз, возвращаясь в кабинет, я прихватываю с собой блюдечко-пепельницу. Джорди сидит в кресле, в котором пару часов назад сидела она. Я сажусь во второе кресло, но не кладу ноги на оттоманку, как всегда делал при ней.

— Так что нам делать? — спрашивает он.

— Даже не знаю, с какого конца взяться.

— Можно поговорить с Джо.

Джозеф Шалый Пес — это приятель Джилли, который большую часть времени проводит в Море Духов, лежащем за границей того мира, где живем все мы. Если верить Джилли, то он и сам оттуда родом, а вовсе не из долины Кикаха, как думают все.

— Он, вообще-то, не технарь, — возражаю я.

— А как насчет профессора?

А, профессор! Брэмли Дейпл. Много лет преподавал в Университете Батлера, сейчас на пенсии. Мой соратник по изучению таинственного, он — Дон Жуан, а я — Кастанеда. Он был первым из встреченных мной взрослых, кто всерьез воспринял мой интерес к таким вещам. Профессор преподавал историю искусств, но сердце его всегда принадлежало мифологии и фольклору. «Должен быть курс Тайны, — бывало, говорил он. — Феи,

призраки, привидения, домовые, гоблины и все такое. Это история параллельна той, что преподается, и не менее важна».

— Да он в компьютерах понимает еще меньше, чем я, — говорю я. — То есть он, конечно, работает на компьютере, пользуется Интернетом, участвует в черт знает скольких электронных диспутах, но в «железе» не разбирается. А уж о программном обеспечении и говорить нечего. Я в жизни не встречал человека менее способного сделать даже обычную инсталляцию. И, кроме того, его послушать, так компьютеры и Интернет — это просто неизбежное зло, которое специально изобрели, чтобы его помучить.

— А как же те исследования, которыми вы в последнее время занимались? Они разве не заинтересовали его?

— Он не верит, что это сколько-нибудь важно. Что это... настоящее. По крайней мере, его это занимает меньше, чем устное народное творчество и сказки.

Разговаривая, я стараюсь не смотреть на свой стол и на обломки компьютера. Стоит мне взглянуть туда, как чувство потери пронзает меня с такой силой, что начинает теснить в груди, и кажется, что сердце сейчас разорвется. И все-таки я бросаю взгляд на компьютер и быстро вновь перевожу его на Джорди:

— Мне нужен другой компьютер.

— Эми одолжила мне свой ноутбук, — предлагает Джорди.

— С модемом?

Он кивает.

— Но я не знаю, как быстро он работает. Я его использую только для почты.

— Сойдет. Он у тебя на чердаке?

Джорди снова кивает.

Он, вообще-то, живет в бывшей студии нашей подруги Джилли. Он унаследовал от нее это помещение, потому что катастрофа, усадившая ее в инвалидное кресло, сделала для нее невозможным в том числе и подъем по лестнице. А в этом доме нет лифта.

Забавно. Джорди живет у Джилли на чердаке уже почти год, но никто из нас не считает эту квартиру его квартирой. Это все еще «у Джилли» или «на чердаке». Она все это время — у профессора. До подъемов по лестнице ей еще очень далеко, поэтому Джорди вселился в ее квартиру сразу, как она вернулась из Лос-Анджелеса. Однако, когда заходишь туда, сразу и не скажешь, что он прожил там так долго. Несколько инструментов, разбросанных по комнате, кое-где его книги и одежда, но в основном все так же, как было при Джилли. Разве что аккуратнее. И нет этих ее фантастических рисунков.

— Хочешь прийти и посидеть за ним? — спрашивает Джорди.

Мой взгляд снова возвращается в ту часть комнаты, где исчезла Саския, и грудь опять распирает. Я понимаю, что она уже не выскочит вдруг ниоткуда, не вернется обратно. Я физически ощущаю ее отсутствие, оно — везде.

Джорди встает.

— Я принесу тебе ноутбук, — говорит он.

Я смотрю на него с благодарностью. Он уходит раньше, чем я успеваю встать из кресла. Я некоторое время стою перед входной дверью, покачиваясь на волнах одиночества и отчаяния, а потом медленно возвращаюсь на кухню. Наливаю себе еще кофе. Закуриваю еще одну сигарету. Стараюсь освободить голову от всего, но у меня не очень-то получается. Волнения, страхи, недостроенные планы роятся в голове, как шарики в автомате для игры в пинбол. Я жду.

Кристиана

Я не знаю, что упала. И о том, что выпустила телефонную трубку из рук. Не знаю, сколько времени пролежала в траве, выстилающей пол моего жилища, и как долго мое сознание было абсолютно пустым. *Tabula rasa*. Как будто я всего лишь тень — тень, отброшенная на землю, и из меня можно сделать все, что угодно, в зависимости от того, как

направить свет.

«Кристиана!»

Мое имя, произнесенное кем-то, возвращает меня обратно из пустоты, в которую я упала. Оно множится эхом в черной пропасти, я плыву и плыву, пока мне не удастся ухватиться за него.

«Кристиана!»

Я использую свое имя как веревку, за которую цепляюсь, стараясь выбраться из темноты.

И вот солнце бьет мне в глаза, они слезятся. Кажется, проходит вечность, и наконец мне удастся сесть, а весь мир перестает крутиться как бешеный.

Я никогда прежде не теряла сознания. Честно говоря, я думала, что это нечто совсем другое. Мне приходилось видеть в кино: дама охает и падает и всегда есть кому подхватить ее. Вокруг нее начинают прыгать и суетиться, и в конце концов она открывает глаза, мило хлопает длинными ресницами и награждает главного героя томным взглядом. Это так романтично!

Меня же подхватила земля. К счастью, трава мягкая, и я ничего не сломала себе, что случилось бы, ударясь я, например, о спинку кровати. А выходишь из обморока потная и совершенно дезориентированная в пространстве. Во рту отвратительный вкус, голова гудит. На виски давит, как будто что-то у меня в голове то съеживается, то, наоборот, расправляется.

Знаете, как бывает, когда впервые спишь с кем-то в одной постели: не важно, занимаетесь вы любовью или просто лежите рядом, — вы остро и постоянно чувствуете присутствие другого там, где раньше не было никого. Каждое движение этого другого человека кажется преувеличенно резким. Каждый звук многократно усиливается.

Вот на что это похоже.

А что до романтических чувств, то было бы куда предпочтительнее залезть под одеяло и укрыться с головой, чем строить глазки какому-нибудь парню, случись поблизости таковой.

«Кристиана!»

Ага. Значит, кто-то все-таки здесь есть. И я сразу вспоминаю, как собственное имя вытаскило меня из темноты.

Я осматриваюсь: рядом никого. По крайней мере никого, кого можно увидеть. Должно быть, этот кто-то прячется в лесу, окаймляющем мой лужок.

— Кто тут? — спрашиваю я.

Но раньше, чем вопрос срывается с моих губ, я уже успеваю найти этот голос в картотеке своей памяти. Я уже знаю, кто говорит со мной.

— Ты где, Саския? — спрашиваю я. — Почему я тебя не вижу?

Мой взгляд останавливается на сотовом телефоне, лежащем на траве. Я вспоминаю, что это телефонный звонок выдернул меня из сна. Я припоминаю белый шум, который издавала трубка. Я помню, как начала падать. Больше ничего.

Поднимаю телефон и подношу его к уху, думая, что Саския говорит со мной по телефону. Но телефон молчит. Я нажимаю кнопку и слышу длинный гудок.

«Хватит валять дурака!»

Что-то мне это совсем не нравится. Никто не знает, как добраться сюда. Вообще вряд ли кто-то знает, что это место существует.

Я выключаю мобильник и еще раз осматриваюсь. Где бы ни была Саския, она хорошо спряталась.

«Я не хотела этого делать, но у меня не было выбора. Либо так, либо небытие».

Мне становится жутковато. Я вдруг понимаю, что слышу ее голос не совсем так, как должна его слышать. Он доходит ко мне не через уши.

«Я спросила разрешения, прежде чем войти».

Голос — у меня в голове.

«И ты сказала „да“».

— Убирайся-ка из моей головы, — говорю я.

«Но ты сказала...»

— Послушай, это не смешно.

Я не чувствую ее в себе физически — это всего лишь голос, — но мне-то мерещится, что она у меня где-то под кожей.

— Не знаю, как тебе это удалось, но лучше бы ты убралась.

«Не могу».

— Послушай, я серьезно.

«Я тоже. Я не могу выйти. Я даже не поняла, как попала туда».

— Ну и что? Это какой-нибудь научный эксперимент?

«Нет. Просто мне нужно было спрятаться куда-нибудь».

— А почему тебе было не спрятаться, например, в голове у Кристи?

«Это я попробовала прежде всего, но мне не удалось. Не было... как бы это сказать... мне не было туда ходу, вот что».

— А ко мне, значит, был?

«Через телефон. Я не могу объяснить, как это получилось. Все произошло так быстро — точка на экране компьютера Кристи стала расти, расти, и я до нее дотронулась. И как будто у меня внутри что-то замкнуло. Как будто у меня внутри было нечто, какая-то... иллюзия, что ли, которую оттуда извлек экран компьютера».

— Никогда ты не была иллюзией.

«Тогда как я оказалась у тебя в голове? Такое разве бывает с людьми?»

Я не знаю, что на это ответить. Повисает долгая пауза, потом она продолжает:

«Но в то же время все происходило так быстро, что я почувствовала... мне кажется, и компьютер почувствовал, если он вообще что-то способен чувствовать, — так вот, мне показалось, что я могу делать одновременно десять дел. Попытаться собрать себя воедино. Попытаться ухватиться за Кристи как за спасательный круг. Попытаться сопротивляться тому, что расщепляет меня, пиксель за пикселем».

— Но ты не состоишь из пикселей, — говорю я.

«Ну, значит, молекулу за молекулой».

— Это звучит лучше.

«А какая-то часть меня дотянулась до тебя, но к тебе можно было пробраться только через номер телефона, который ты мне дала».

— Но как ты попала в телефонную сеть и в меня?

«Не знаю. Как любые другие данные, должно быть. Ну, знаешь, как пересылают данные? Я ведь и есть всего-навсего информация. Набор данных, из которых Вордвуд сформировал некое подобие человека».

— Не смей так говорить! — обрываю я ее.

А сама тоже начинаю подумывать: а вдруг она действительно всего лишь набор данных? И ничего более. Информация, которая неуклонно приобретала черты реальности по мере накопления собственного опыта. Тени ведь тоже накапливают...

Даже учитывая мое собственное сомнительное происхождение и опыт общения со всеми теми странными существами, которых я встречала в Пограничных Мирах и за их пределами, я все равно воспринимала это как полное безумие. Нет, Саския была слишком настоящей для этого.

Но ведь и я считаю себя настоящей, не правда ли? Какая разница, из чего состоишь: из тени или из информации?

Мне бы надо подумать, но ума не приложу, с чего начать. Уж слишком это странно, если не сказать стремно, что она теперь во мне. Что она там делает? Копаются в моих воспоминаниях? Может ли она контролировать мое тело? Может быть, оно теперь отчасти принадлежит и ей?

— От всего этого просто крыша едет, — признаюсь я.

«Мне и самой довольно неуютно».

— А что ты там видишь, ну, внутри меня?

«Ничего».

— Что значит «ничего»?

«Тела я не ощущаю, по крайней мере своего. Я вижу то, что ты видишь, слышу то, что ты слышишь, но все это как будто кино, только с разумно дозированными запахами, тактильными и вкусовыми ощущениями. Нет непосредственного восприятия — чувства, что все это я испытываю сама. Все это... как бы секонд-хенд».

— Ты не можешь читать мои мысли? У тебя нет доступа к моим воспоминаниям?

«Нет».

— А ты слышишь меня, когда я думаю что-нибудь специально для тебя, как, например, сейчас?

«Да. Но это такое странное ощущение. Как будто у меня в голове... привидение».

— Очень даже понимаю!

«Послушай, Кристиана... ну прости меня. Я была в отчаянии и ухватила за соломинку. А ты... ты сказала, что мне можно войти».

— Да. Сказала.

Почему — до сих пор не понимаю.

— И что же нам теперь делать? — спрашиваю я ее.

В ответ — молчание. Я понимаю Саскию. У меня ведь тоже нет никаких идей. Как это все уладить? С чего начать? Хорошо было бы, если бы кто-нибудь вмешался и дал совет прямо сейчас. Что-то вроде: «Я знаю одного неплохого системного аналитика, который по счастливой случайности еще и практикующий волшебник» или «Вам нужно добыть заколдованное кольцо, которое хранится там, не знаю где, и бросить его в то самое пламя, в котором его когда-то закалили». И тот и другой вариант хоть сколько-нибудь продвинули бы нас к разгадке.

Не обязательно что-то простое и легковыполнимое. Хоть какую-нибудь зацепку!

Я тяжело вздыхаю и оглядываю свою славную, веселую квартирку-лужок. Я вспоминаю, как вчера вечером вернулась домой, как мне было уютно — потоптаться тут немного, почитать, а потом завалиться в постель. Теперь все по-другому. Еще бы! Теперь в моей собственной голове поселились жильцы. А то ли еще будет!

«Темнеет», — говорит Саския.

— Ага.

Я слишком поглощена всем случившимся, чтобы всерьез обращать внимание на то, что она говорит. Но все это фиксируется. И я вдруг соображаю, что действительно темнеет.

— Но это невозможно, — говорю я.

Как и многое другое, что сегодня случилось.

«Почему невозможно?»

— Разве я не говорила тебе, что сама создала это место? Я ухватила хорошее воспоминание и спрятала его в одной из ниш Пограничных Миров. Здесь возможны только два вида освещения: солнечный день и вечер, сумерки. Смотри чего мне хочется. Здесь нет погоды. И следовательно, она не может меняться.

«Не знаю. У меня такое впечатление, что приближается буря».

У меня тоже, между прочим. Ветер — с запада. Я иду к восточной оконечности лужка и вхожу в лес. Там дальше ничего нет. Стоит пройти еще чуть-чуть — и просто высунешься куда-нибудь совершенно в другое место, в то, о котором, например, в данный момент думаешь или которое у тебя в подсознании. Единственное, что требуется, — чтобы ты раньше там бывала или довольно четко представляла его себе по фотографии.

Так большинство людей заполняют пробелы в памяти. Всегда есть четкая демаркационная линия между твоим домом и местами, в которые ты можешь из него попасть. Когда я устраивала себе дом, я придумала также и пейзаж вокруг — холмы, лес, горы вдалеке. Но на самом деле их нет. Поэтому они совершенно статичны, как декорации.

Как картинки или фотографии.

Странно видеть, как грозовые тучи собираются на западе. Как будто смотришь на пейзаж, который висит у тебя на стене в рамке, — чудесный, залитый солнцем холм — и вдруг замечаешь, что в левом верхнем углу картины собирается гроза. Этого не может быть!

И тем не менее есть. Это сейчас происходит.

Чему, собственно, я так удивляюсь после того, что сегодня со мной произошло? Не всякий день у тебя в голове кто-то поселяется.

— Что-то нехорошие у меня предчувствия, — говорю я.

Как будто читаю из сценария какого-нибудь фильма категории «Б» — ужастика или мелодрамы.

На мою реплику долго нет ответа, потом я слышу, как Саския тихо говорит из моей головы:

«Это, наверное, „Вордвуд“».

— Почему ты так думаешь?

«Эти тучи вызывают у меня такое же жуткое чувство, как та черная точка, которая расплылась по экрану компьютера Кристи. Тогда я не поняла, что это такое, а сейчас понимаю».

— Почему ты так уверена, что это «Вордвуд»?

«Я... я не знаю. Я не уверена. Кристи что-то говорил о том, что „Вордвуд“ уже целую неделю недоступен. Так что, может быть, это и не „Вордвуд“. Может быть, это как раз то, что выключило его».

— Ты имеешь в виду вирус?

«Наверное».

— Как компьютерный вирус может проявиться в виде бури в Пограничных Мирах?

«Откуда я знаю! А как компьютерные данные могут принять в настоящем мире человеческий облик? А ведь со мной так и вышло».

— Пожалуйста, не начинай сначала, — автоматическиотреагировала я.

Может быть, Саския действительно просто совокупность данных? Может быть, она не настоящая? Возможно, и я не настоящая. Это было бы вполне логично. Иначе зачем бы Мамбо все мне показывать и разобъяснять, чтобы я могла сойти за нормальную среди людей? Именно «сойти за нормальную». Приходится притворяться человеком, потому что на самом деле ты им не являешься.

Мне снова становится не по себе; мне кажется, я наконец понимаю, почему все это настолько занимает Саскию. Я просто не задумывалась об этом — по-настоящему не задумывалась. Мне и сейчас не хочется об этом думать.

«Надо убираться отсюда», — говорит Саския.

Как все-таки трудно привыкнуть к ее голосу у меня в голове.

— Почему? — спрашиваю я.

«Вчера вечером я уже познакомилась с ними, и вот к чему это привело».

— Но я-то не состою из данных. На меня это так не подействует.

«Этого мы не знаем».

— Да. Мы ничего не знаем. И не узнаем, если убежим. Если ураган — часть той силы, которая отняла у тебя тело, мы тем более должны встретиться с этим ураганом, чтобы вернуть его тебе.

«А если теперь они сделают что-нибудь еще хуже?»

— Что может быть хуже?

Следует короткая пауза, потом я слышу голос Саскии:

«Ты и правда такая храбрая?»

Я смеюсь:

— Просто я не знаю, как поступить.

На самом деле я знаю. Дело в том, что, попадая в ситуацию, подобную этой, я всегда делаю одно и то же — иду вперед наудачу. Я не расцениваю это как храбрость или

решительность. Просто я поступаю так. Потому что не люблю прятаться. Мне тоже бывает страшно, как и всем остальным. Но я не разрешаю своему страху заставить меня попятиться. Потому что тогда он непременно победит.

Я делаю шаг вперед и ожидаю, что Саския изнутри потянет меня назад. Но она этого не делает. Значит, она сказала правду, что не может контролировать мое тело, потому что иначе попробовала бы непременно остановить меня. Единственное, на что она способна, — это слова.

«Кристиана», — говорит она, и по голосу понятно, как она нервничает.

— Не волнуйся, — отвечаю я ей. — Я собаку съела на всяких неприятностях. Я умею из них выбирать.

Звучит гордо. Что-что, а говорить я умею. Конечно, не так хорошо, как Кристи, но мне всегда есть что сказать. Беда в том, что сейчас от слов толку мало.

Я продолжаю двигаться вперед. Мы уже давно миновали границу этой ниши в моей памяти. Мы уже должны были бы выйти куда-нибудь — в Пограничные Миры, в Другие Миры или даже, как называет его профессор, в Условный Мир, но мы по-прежнему идем по полю, вдоль ряда деревьев, огораживающих мое воспоминание. По полю, которого не должно существовать вообще. Но я же чувствую, как трава гладит штанины моих джинсов. Ветер дует мне в лицо. И эта невидимая трещина в воздухе — свидетельство собирающейся бури — уже почти рядом со мной.

«Приближается».

— Вижу.

Я, скорее, чувствую это. Волоски у меня на руках и на шее встают дыбом.

Темные тучи быстро сгущаются, и сумерки становятся ночью. Ветер нарастает и начинает завывать. Мне требуется не более секунды, чтобы понять, что все это напоминает. Да, точно. Белый шум. Как в телефоне, перед тем как Саския залезла ко мне в голову. Правда, на этот раз шум идет не через телефон. Он вокруг нас. Мы в эпицентре.

Я смотрю на горизонт, где тучи самые темные. Света мало, трудно вычленишь какие-то подробности, но, всмотревшись хорошенько, я замечаю, что пейзаж как бы пульсирует. Горы вдали, тучи, горизонт — то они в фокусе, то превращаются в бурю пикселей, а потом снова становятся четкими.

Я ловлю себя на мысли, что, может быть, Саския права. Может, это и правда «Вордвуд». Или нас вытолкнуло в какое-нибудь кибергосударство, существующее по совсем другим правилам, чем те, к которым мы привыкли.

Может, действительно не стоило выходить сюда?

Между тем к нам приближается стена дождя. Вода темнее, чем мне когда-либо случалось видеть. Я подумываю о бегстве. Знаю, знаю! Я сама сказала, что всегда иду вперед, навстречу противнику. Но иногда надо держать удар, а иногда нет. Например, если на вас наставили пушку — тут уж не до разговоров. И если мир распадается на куски и вдруг оказываешься в таком месте, как это, самое лучшее — вернуться на твердую землю и хорошенько обдумать ситуацию.

Я так и собираюсь сделать. Но поздно.

Стена дождя уже поравнялась с нами. Это не вода. Это что-то другое. Тяжелее, гуще. Маслянистое.

Оно бьет, швыряет меня на землю.

Пытаюсь встать. Даже на колени не могу подняться.

Черный дождь снова бросает меня на землю и придавливает к ней.

Опять сползаю в беспамятство. Успеваю подумать, что беспамятство входит у меня в привычку, но тут...

Саския

Я думала, нет ничего страшнее, чем потерять тело, как это уже случилось со мной;

будто это самое ужасное, что можно испытать. Я была не права. Это еще ужаснее. Гораздо. Это просто невыносимо — быть бесполезным духом, запертым в голове Кристианы, особенно сейчас, когда неведомый враг швыряет ее наземь.

И я ничего не могу сделать, чтобы прекратить это!

Это я виновата в том, что с ней происходит. Во всем виновата я.

Теперь она отключилась. Я не нахожу ни искорки сознания в этом теле, которое теперь у нас одно на двоих. Черный дождь продолжает лупить, и мне остается лишь молиться о том, чтобы это было всего лишь беспамятство. Чтобы она не умерла.

Если она и не умерла, то наверняка скоро умрет. От дождя на земле образуется маслянистая лужа, быстро вырастающая в целый пруд. Когда Кристиана потеряла сознание, тут была всего лишь небольшая вмятинка. Образовавшийся пруд неглубок, но ей хватит, чтобы утонуть, если еще немного жидкости наберется туда.

Я пытаюсь совладать с ее безжизненными руками и ногами. Но все равно остаюсь лишь пассажиром. По моей воле ее тело работать не будет. Даже веко не шевельнется. Я сосредоточиваюсь, я стараюсь, как никогда раньше не старалась. Но все мои усилия столь же бесполезны, как попытка удержать руками разлившуюся реку.

Дождь льет и льет, и маленькая лужица, в которой лежит Кристиана, все углубляется и углубляется. Если так пойдет...

Я думать об этом не хочу, но больше не могу ни о чем думать.

И вдруг сквозь маслянистую пленку, покрывшую ее глаза, я замечаю некое движение.

Под черным дождем движутся какие-то силуэты. Это фигуры людей, но они — как будто из фильмов Спилберга — похожи на пришельцев, гладкие, без «острых углов».

Я с удвоенной силой пытаюсь пошевелить хоть чем-нибудь, и с тем же успехом, что и раньше.

Уровень маслянистой жидкости поднимается. Он уже доходит ей до рта. До носа. Силуэты окружают нас, подходят ближе, у них странные, размытые черты. Я ору в голове у Кристианы, надеясь этим разбудить ее. Но все тщетно. Она не просыпается, а мне не сдвинуть ее с места. Я ничего не могу сделать — только сидеть у нее внутри и наблюдать, как она тонет.

Жидкость проникает ей в ноздри, в рот, в горло, заполняет ее легкие.

А потом я погружаюсь в темноту, в ту же, как я поднимаю, что и она.

Кристи

Минут через сорок — правда, мне показалось, что прошла целая неделя, — Джорди возвращается с ноутбуком Эми. Сумки от него у Джорди нет, так что он приносит компьютер в рюкзаке.

— Аккумулятор, похоже, сдох, — предупреждает он, устанавливая машину мне на стол. — Так что придется от сети.

К счастью, он не забыл захватить шнур. Я быстро оглядываю машину. Это модель 386, Джорди сразу предупреждает, что на ней Windows 3.1, но есть карта-модем PCMCIA, так что можно входить в Интернет. А он мне нужен только для того, чтобы послать несколько имейлов.

В ожидании Джорди я успеваю выкурить не помню сколько сигарет. Но успеваю и прибраться в кабинете, собрав огрызки и ошметки моего компьютера и сложив их в картонную коробку, которую обнаруживаю на балконе. С самым компьютерным столом ничего нельзя поделаться. Царапины и ожоги требуют чего-то большего, чем необходимость протереть поверхность губкой, но это меня беспокоит меньше всего.

Занимаясь всем этим, я думаю о Саскии. Только о ней. Не зная, что делать дальше с обломками компьютера, я задвигаю коробку под стол. Я вдруг понимаю, что не могу вот так просто взять и выбросить ее. У меня возникает жутковатая мысль, что, раз Саския исчезла в недрах машины до того, как та взорвалась, она все еще как-то с ней связана. И, выбрасывая

компьютер, получается, что я выбрасываю и ее. Я знаю, это нонсенс. Но этой ночью все — сплошная бессмыслица.

— Спасибо, — говорю я брату.

— Не за что.

Он сидит на стуле с прямой спинкой, наблюдая, как я устанавливаю ноутбук и подключаю его. Я нахожу телефонный провод, который подсоединял к модему, но конец его оплавился, так что надо найти другой. Наконец я просто беру провод из спальни.

— На улице как-то странно, — говорит Джорди, когда я завершаю последние приготовления.

Я поднимаю голову от компьютера и смотрю на брата:

— Что значит «странно»?

Он пожимает плечами:

— Не знаю. Что-то такое витает в воздухе. И тени какие-то... очень темные, и... — Он улыбается, и я понимаю, что ему жутко. — И в них что-то движется...

— Что именно?

— Это просто такое чувство. Как будто что-то случилось... кроме того, что пропала Саския.

Я как-то сразу не сообразил. Принимая во внимание происхождение Саскии, все странное я сразу связывал с ней.

— Почему бы тебе не послушать новости? — говорю я. — А я пока отошлю пару писем.

— Так об этом и передадут по Си-эн-эн!

— Посмотри местные каналы.

— Кристи, — говорит мой брат, — в этом городе постоянно происходит нечто странное, но ты когда-нибудь слышал, чтобы хоть о чем-нибудь упомянули в новостях?

В ответ я только пристально смотрю на него.

— Ладно, — сдается он, — в конце концов, не повредит проверить.

Я возвращаюсь к тому, чем занимался. Теперь, когда все подсоединено, я включаю ноутбук и жду, когда загрузится эта старая версия Windows и появится «Рабочий стол». Потом отыскиваю почтовую программу. Нахожу пароль Джорди, заменяю его своим и готов приступить.

Я не помню электронных адресов всех моих постоянных корреспондентов — это как когда занносишь номера в память телефона. Настолько привыкаешь просто нажимать на кнопку, что забываешь сами цифры. Но адреса групп новостей я помню. Самое сложное — сформулировать, что мне от них нужно. Я начинаю набирать текст:

Честно говоря, даже не знаю, с чего начать...

Я стараюсь писать просто и не слишком вдаваться в частности. Я не упоминаю ни о происхождении Саскии, ни о том, как ее проглотил компьютер. Вместо этого пишу о «Вордвуде», спрашиваю, не замечал ли кто чего-либо странного с веб-сайтом. После некоторых колебаний добавляю:

...странных с сайтом, вызывающих аномалии на физическом уровне, изменения в окружающей действительности.

Я заканчиваю тем, что прошу всех, кто столкнулся с чем-нибудь подобным, связаться со мной и в конце письма указываю свой телефон. Закурив очередную сигарету, я перечитываю написанное. Я мог бы еще многое сказать. Но я хочу сделать текст достаточно ясным, для того чтобы имеющие сходный опыт откликнулись, и в то же время достаточно туманным, чтобы меня не одолели звонками сумасшедшие. Вполне удовлетворенный, я отправляю сообщение.

Теперь наступает момент, которого я начал опасаться с той самой минуты, как Джорди

пошел за ноутбуком, — подключение к Интернету. Я не знаю, чего ждать. Одно я для себя решил: хотя бы намек на что-нибудь странное — и я просто выдергиваю из компьютера телефонный провод.

Но я напрасно волновался. Все шло как положено. Набор номера, соединение. Я слежу за полоской на экране — имейлы один за другим отправляются.

Я прерываю соединение, когда в комнату входит Джорди с не поддающимся описанию выражением лица.

— Ты должен на это посмотреть, — говорит он.

— На что «на это»?

— По Си-эн-эн показывают. Саския не единственная, кто исчез в компьютере.

— Что?!

— Иди посмотри сам, — говорит он и выходит из комнаты.

Я выключаю ноутбук и иду за ним в гостиную. Мы сидим рядом на диване и смотрим, как спокойная, безупречно причесанная ведущая ведет программу, перемежая свои комментарии обращениями к многочисленным корреспондентам в разных частях Соединенных Штатов и за границей. Все, разумеется, сопровождается видеорядом, но это в основном фасады домов, собственных и многоквартирных. Они выглядят совершенно обыденно, если не считать припаркованных полицейских машин и машин «скорой помощи».

Так как все случаи произошли примерно в одно и то же время — в то самое, когда исчезла Саския, — и это не могло, конечно, быть случайным совпадением, власти поняли, что эти панические звонки в службу спасения как-то связаны между собой.

— Количество пропавших, по последним данным, составляет сто восемьдесят шесть человек, — вещает блондинка-ведущая. — Ожидается, что окончательная цифра будет гораздо больше, так как пока не принимаются во внимание пропавшие, которые жили одни и об исчезновении которых некому было сообщить.

Сайт не упоминается. Я пока не понимаю, из тактических соображений или они просто не знают о его причастности к исчезновениям. Судя по тому, как снимают интерьеры дома одного из пропавших, скорее, последнее. Камера показывает комнату, позволяя бросить беглый взгляд на компьютер. Он разбит. Не вдребезги, как мой, но зато из него сочится какая-то черная вязкая жидкость. Люди из службы спасения работают в биозащитных костюмах, и от этого съемки приобретают какой-то сюрреалистический колорит.

Следует интервью с хозяйкой дома. Когда она заговаривает об этом потоке вязкой черной жидкости, излившейся с экрана компьютера ее мужа, я поворачиваюсь к Джорди.

— Это не то, что с Саскией, — говорю я.

Он кивает:

— Но это не может не иметь отношение...

— Безусловно, — соглашаюсь я.

— Значит, мы должны сообщить.

— Зачем?

— Чтобы такого не случилось с кем-нибудь еще, кто попытается зайти на сайт «Вордвуд».

Я качаю головой:

— Уверен, что об этом нечего беспокоиться.

— Но...

— Ты разве не слышал, что они говорят? — киваю я на телевизор. — Все это произошло примерно в одно и то же время. Думаю, это был энергетический пик или что-то в этом роде. Все. Это уже случилось.

— Мы ничего не знаем. Если мы сможем спасти чьи-то жизни, предотвратив...

— Никто и не умер, — возражаю я, сам не будучи уверен в этом до конца. — Их всех забрали... в общем, не знаю куда. Куда-то в другое место. И если мы сообщим об этом «куда следует», никто из них, в том числе и Саския, никогда не вернется. Дело будет закрыто.

— Мы не можем рисковать.

Я вздыхаю:

— Хорошо, я докажу тебе.

Я встаю, иду в кабинет и снова включаю компьютер.

— Что ты делаешь? — спрашивает Джорди.

— Проведем эксперимент. Просто подсоединимся к «Вордвуду». Если почувствуем что-то подозрительное, я сразу выдерну вилку из розетки и мы позвоним в полицию или куда-нибудь, где нас согласятся выслушать.

Загрузив компьютер, я дважды кликаю иконку Интернета.

— погоди, — останавливает меня Джорди, — Эми только одолжила мне ноутбук. Если он сгорит, она меня просто убьет.

— Ничего не сгорит.

Соединение есть, и я запускаю интернетовский браузер, старую версию Netscape.

— Это просто глупо, — говорит Джорди. — Слишком опасно.

— Я знаю, что делаю, — говорю я ему, набирая URL «Вордвуда». — Если покажется эта черная точка, я выдерну вилку так быстро, что у тебя голова закружится.

— У меня она уже кружится.

Браузер разыскивает «Вордвуд».

— Закончится тем, что нас тоже засосет, как тех, — пророчит Джорди.

Я задумываюсь. Вспоминаю, как украли Саскию. Я уже миллион раз успел сказать себе, что, не предложив попробовать зайти на сайт, ничего бы не случилось. Так нет же! Мне казалось, что я все обо всем знаю.

А вот и не все.

— Возможно, это было бы не так уж и плохо, — говорю я.

— Что?

— Да нет, ничего.

— Но мы же не можем...

— Поздно, — говорю я Джорди, — мы уже тут.

На экране появляется знакомая надпись: «Данная страница не может быть отображена». Я задерживаю дыхание в ожидании появления черной точки, но секунды складываются в минуту, две, три. Ничего не меняется.

Я закрываю страничку и отключаюсь от Интернета.

— Вот видишь? — Я отключаю компьютер. — Просто нет соединения. Как и раньше.

— Ты и правда надеешься вычислить их? — спрашивает Джорди.

— Один — нет. Но с помощью кого-нибудь из группы новостей можно попытаться.

— А если не сработает?

— Не хочу сейчас об этом думать, — говорю я. — Давай стараться смотреть на вещи трезво.

— Но...

— Пожалуйста!

Он кивает и снова уходит в гостиную. Я закурываю новую сигарету. Джорди варит еще кофе, и мы смотрим телевизор, где эксперты из всех сил пыжались, пытаясь объяснить происходящее. Что самое интересное — все, будто сговорившись, избегают упоминать о возможном участии сверхъестественных сил. Репортеры, полиция, пресс-секретари, эксперты — все! Они выдвигают теории биологического терроризма, происков тех, кто исповедует темные религиозные культы, — словом, все, что угодно, кроме того, что произошло на самом деле.

Мы все еще смотрим телевизор, когда раздается телефонный звонок. Джорди пультом убавляет звук.

— Это Кристи Риделл? — спрашивает женский голос.

— Да. А вы?..

— Меня зовут Эсти. Я из группы компьютерной мифологии. Ваш компьютер все еще

подключен к Интернету?

— Нет, но, думаю, это не имеет значения. Видимо, это была одноразовая аномалия. Я пытался подсоединиться после... после того случая, и мне это не удалось.

Повисло минутное молчание, потом послышался решительный вздох.

— Ладно, — говорит она. — Кто расскажет первым, что произошло, вы или я?

— У вас телевизор включен?

— Нет. А что?

— Может, взглянете, что передают по Си-эн-эн?

Наверное, у нее радиотелефон, потому что я слышу, как она идет, должно быть, в другую комнату. Потом слышу, как у нее начинает работать телевизор, сначала — что-то вроде рекламы, пока она не находит канал Си-эн-эн. Мой телевизор в соседней комнате, поставленный на малую громкость, эхом повторяет звук в трубке.

— О боже! — говорит она через минуту. — Все хуже, чем я думала.

— Расскажите мне, что у вас случилось, — прошу я.

Повисает долгая пауза, и я не слышу ничего, кроме ее телевизора.

— Меня зовут Сара Тэйлор, — говорит она наконец.

Я слышал это имя, и я сообщаю ей об этом, хотя не могу припомнить, откуда я его знаю.

— У нас есть общая знакомая, — объясняет она, — Холли Ру.

— Погодите-ка. — Я пытаюсь выстроить все в голове. — Значит, вы...

— Да, я — одна из тех, кто создал «Вордвуд».

У меня появляется чувство огромного облегчения. Она наверняка знает, что делать. Мы вернем Саскию и всех этих людей.

Но моя уверенность очень скоро улетучивается.

— Но это не значит, что я хоть что-нибудь понимаю в том, что происходит, — говорит она.

Улыбка, появившаяся было на моих губах, исчезает.

— Так что же нам делать? — спрашиваю я.

Я тяну из пачки очередную сигарету и хмурюсь. Пачка уже почти пуста.

— Ну, для начала, — говорит она, — мы могли бы сравнить наши истории. Я переписывалась с Бенни — с Бенджамином Дэвисом. Вы знаете, кто это такой?

Теперь, когда она назвала имя Холли, я живо припомнил разговоры, которые мы вели с Холли о «Вордвуде».

— Тоже один из основателей, да?

— Верно. Я с ним общаюсь чаще, чем с остальными. Никакой особой причины. Может быть, просто потому, что знаю его дольше, чем других, или потому, что он, как и я, — в большей степени технарь, чем другие.

— Да, понятно.

— В общем, — продолжает она, — мы с ним опробовали новое программное обеспечение для наших веб-камер и болтали в чате. Потом нас сбил этот имейл от Типа про «Вордвуд».

Она не удосуживается объяснить, кто такой Тип, но я помню, что Холли упоминала о таком. Это Том Пэйс — еще один из основателей «Вордвуда».

— Ни у меня, ни у Бенни, в общем-то, уже давно нет с этим сайтом ничего общего... с тех пор как он...

— Стал самодостаточным.

Она нервно хихикает:

— Можно сказать и так. В общем, мы даже не знали, что сайт недоступен, и Бенни решил посмотреть, в чем дело. Он направил свой браузер на «Вордвуд», но наши веб-камеры все еще были подключены.

Она описывает, что показала веб-камера на ее экране: как у него на лице появляется озадаченное выражение, как он наклоняется к монитору, а потом неожиданно отпрыгивает

назад. Она успела увидеть, как изливается эта самая черная жидкость. Она видела, как он падает в черную лужу. Потом он оказался вне зоны видимости, и она больше не знает о нем ничего. Она в отчаянии написала ему в чате, потом послала имейл. Ответа нет. Наконец она набрала его телефонный номер, и ей ответил его друг Рауль.

Рауль был в полной панике. История, которую ей удалось у него выпытать и которую она теперь пересказала мне, очень похожа на те истории, что сейчас передают по Си-эн-эн: черная вязкая жидкость, льющаяся из монитора непрерывным потоком, обволакивающая жертву и растворяющая ее без следа.

Мне не хотелось говорить о происхождении Саскии даже с авторами «Вордвуда». Может быть, с ними особенно. Поэтому я просто сказал Эсти, что с ней все было так же, как с Бенни.

— Как такое возможно? — говорит Эсти. Я по голосу слышу, что она очень напряжена. Видимо, у нее такой же шок, какой был у меня тотчас после исчезновения Саскии. — И что за гадость — эта жидкость?

— Думаю, это что-то вроде эктоплазмы, — отвечаю я.

— Знаете, мне, конечно, приходилось слышать этот термин, но я понятия не имею, что он означает.

— По терминологии спиритов это густая, липкая субстанция, которая будто бы выделяется из организма медиума, когда он выговаривает... свои прорицания. Это что-то вроде побочного эффекта общения с духами.

Она некоторое время молчит, потом спрашивает:

— И вас удовлетворяет такое определение?

— Мне приходилось сталкиваться и с более странными вещами.

Она снова издает нервный смешок:

— Да, я же все время забываю, с кем разговариваю! Мы все были поражены, когда в нашей группе объявилась такая знаменитость, как вы.

— Я вовсе не знаменитость, — говорю я.

— Ну, во всяком случае, вы более известны, чем мы все, вместе взятые. — Снова пауза. — И кто же проводил сеанс?

— О чем вы?

— А к чему вы тогда упомянули про медиумов?

— Мне кажется, медиумом может быть и компьютер, — отвечаю я. — Или даже сам Интернет.

— А вызванный дух потом снова вернулся в «Вордвуд»?

— Кто знает. Пока у нас не появится больше информации, все это только домыслы.

— И что же происходит с людьми, которых забрали туда? — спрашивает она.

— Не знаю. Думаю, то, что произошло, — нечто вроде вспышки, а что явилось ее причиной — никто не знает. Но все, кто пытался зайти на сайт «Вордвуд» в этот момент, попались, и их забрали.

— Забрали куда?

Я отвечаю не сразу. Мне в этот момент приходит в голову, что вспышку могла спровоцировать попытка Саскии войти в контакт с духом Вордвуда. Что-то вроде замыкания. Создатель и его создание внезапно вступают в контакт. Как при соприкосновении проводов, хотя в данном случае речь идет о духах в проводах.

— Этого я тоже не знаю, — наконец отвечаю я. — Я бы сказал — в Мир Духов, но не знаю, могут ли «технологические» духи существовать в том же самом мире, что феи и гоблины.

Теперь замолкает она.

— Вы слушаете? — спрашиваю я через несколько секунд.

— Ага. Я просто задумалась. В детстве я никогда особо не увлекалась всякими там феями и прочим. Но с тех пор как этот «Вордвуд» зажил собственной жизнью, я просто уверена: кто-то бродит в киберпространстве. Не только те духи, которые завладели

«Вордвудом», но и другие тоже. Может быть, их великое множество. И это очень странно, если задуматься. Потому что ведь никакого киберпространства в действительности не существует. Это то, что мы сами изобрели. Это своеобразный ярлык, который мы приклеиваем к пересечениям данных в компьютерах, содержащих веб-сайты. Выходит, что и всех этих духов мы сами придумали.

— Что ж, — говорю я, — можно и так думать: боги, и феи, и вообще все, кто появляется по ночам, существуют только потому, что мы в них верим. Что мы создали все это, чтобы объяснить себе таинственность мира.

— Но вы, судя по всему, так не думаете, — говорит она.

— Я думаю, некоторые тайны могут быть объяснены и таким способом, но не все. И даже не бо́льшая их часть.

— Чертовски непонятно.

— Ага, — соглашаюсь я и через секунду спрашиваю: — А вы разве никогда не говорили о таких вещах в группе?

— А вы никогда не замечали, что как-то не получается говорить об этом онлайн? — отвечает она вопросом на вопрос. — Я знаю людей, которые пробовали. Они писали статьи, пытались беседовать об этом в группах. Но эти самые духи ревниво охраняют свою частную жизнь. Вот увидите: уже к шести-семи часам Си-эн-эн замолчит об этом компьютерном происшествии.

— Возможно, вы правы. Люди замечательно умеют забывать то, что не могут объяснить.

— Я не сказала, что это люди все забудут, чтобы сохранить свое душевное здоровье, — возражает она. — Это духи не позволят информации распространяться.

— Но...

— Это же знают все хакеры! Просто об этом не говорят онлайн. Черт, да вы вообще не сможете заговорить об этом ни в какой среде, связанной с компьютерами, а среды, с ними не связанной, сейчас практически не существует. Остается разве что личный контакт или обыкновенная почта. А иначе любой текст, видеоматериалы — в общем, все, с помощью чего вы попытаетесь передать свои мысли, будет стерто. Из книг исчезают целые главы. Из документальных фильмов — целые сцены. И это длится уже годы.

— Я сталкивался с этим, когда занимался своими исследованиями.

— Но вы обсуждали это с людьми только с глазу на глаз, верно?

Я закуриваю очередную сигарету и надолго задумываюсь, прежде чем согласиться с ней.

— Ну и что же из этого следует? — спрашиваю я.

— У меня билет на самолет, — говорит она, — завтра утром буду в Ньюфорде. Перед отлетом попытаюсь уговорить Типа и Клодетт полететь тоже и встретиться со мной в магазине у Холли. Рауль уже обещал мне, что прилетит. Он достаточно разбирается во всем этом, чтобы быть полезным, когда немного придет в себя после случившегося с Бенни. Ему это нужно — чувствовать, что он предпринимает что-то, чтобы вернуть Бенни.

— Я очень хорошо понимаю, что он сейчас чувствует, — говорю я.

— Ваша помощь тоже пригодилась бы нам. Вы больше знаете обо всех этих духах, чем мы все.

— Я, конечно, помогу вам, — говорю я. — Но что конкретно вы собираетесь делать?

— Точно не знаю. Попытаемся устроить мозговой штурм. У меня есть идея — не попробовать ли еще раз с «Вордвудом»? Вдруг нам удастся вступить в контакт с духом, завладевшим сайтом, и убедить его, что у нас мирные намерения и мы не собираемся причинять ему зла? Мы могли бы воспользоваться старенькой «тройкой» Холли — тем самым компьютером, на котором мы начинали «Вордвуд».

— Мне кажется, лучше было бы найти более быструю машину.

— А что, если волшебство — именно в этой конкретной машине?

Я вспоминаю, сколько раз я околачивался в магазинчике у Холли, мы сидели с ней за

столом, болтали, а экран компьютера освещал разные бумаги, журналы, книги, разбросанные на столе.

— Она больше не пользуется этим компьютером, — сообщаю я Эсти.

— Знаю. Но вы же знаете Холли. Чтобы она что-нибудь да выбросила!

— Вы спрашивали, сохранился ли у нее старый компьютер?

— Уверена, что сохранился. Но мне не удалось с ней связаться. За последний час я несколько раз пыталась дозвониться до нее, но, похоже, телефон у нее не работает ни дома, ни в магазине.

— А вы не думаете, что с ней могло что-нибудь случиться?

— Нет. Ее компьютер работает. Если бы с ней случилось то же, что с Бенни и вашей подругой Саскией, звонок вообще не проходил бы, как в случае с Бенни. Я смогла дозвониться до Рауля только потому, что у них дома проведена вторая линия: Раулю это нужно для работы. Он занимается импортом одежды и мебели из Мексики, продает это оптом магазинам.

— Попробую дозвониться до Холли, как только закончу говорить с вами, — обещаю я.

Что-то я начинаю волноваться за Холли. Дело в том, что, когда во время исчезновения Саскии телефонный провод оплавился, связь не пропала. Все, что мне пришлось сделать, — это заменить провод. Но поднять эту тему в разговоре с Эсти — значит рассказать все о Саскии. А я пока не готов это сделать.

— Прекрасно, — отвечает Эсти. — Значит, увидимся завтра утром, самое позднее — днем.

— Да, я приеду. — Поколебавшись секунду, добавляю: — Вы уже обращались в полицию?

— А что я им скажу? Они решат, что я больна. А если нет, вообще могут арестовать меня как человека, причастного к возникновению «Вордвуда». А из тюремной камеры мне будет гораздо сложнее что-то сделать, чтобы это прекратить.

— Разумно, — отвечаю я. Этот довод как-то раньше не приходил мне в голову.

— А вы что, собираетесь обратиться?

— Пожалуй, последую вашему примеру.

Я кладу трубку, Джорди вопросительно смотрит на меня, и я вкратце пересказываю ему реплики Эсти.

— Как я заметил, ты ей не рассказал, что в действительности произошло с Саскией, — говорит он.

— Я не смог.

— Почему?

— Потому что у меня подозрение, что именно Саския в каком-то смысле спровоцировала эти исчезновения.

— О, перестань, пожалуйста! — говорит он. — Саския никогда не стала бы делать ничего подобного.

— Я же не сказал, что она сделала это нарочно. Это могло быть что-то вроде... Ну не знаю — что-то вроде компьютерной версии химической реакции. Или... как булавка случайно прокалывает шарик.

Джорди все еще мотает головой.

— Ты знаешь, что «Вордвуд» уже был недоступен перед тем, как все это произошло? — говорю я.

— Да, но...

— Что-то с ним случилось. Произошли какие-то изменения. И ее подключение вполне могло спровоцировать цепную реакцию.

— Нельзя сказать этого наверняка.

Я соглашаюсь:

— Да, нельзя. Но пока мы не будем знать больше, то, что произошло с Саскией, останется между нами. Хорошо, Джорди?

— Хорошо.

Я собираюсь встать со стула, но он хватает меня за руку.

— Подожди секунду, — говорит он. — Ты должен посмотреть на это.

Он снова прибавляет звук, Си-эн-эн передает интервью с одной из свидетельниц.

— Все, что мне известно, — говорит репортеру женщина средних лет, — это то, что он был внизу. Я не обращала на него внимания, но потом услышала эти странные булькающие звуки и пошла посмот...

Джорди отключает звук, не дав ей договорить фразу.

— Эсти была права, — говорит он. — Это уже начинается.

— Не понимаю.

— Интервью с этой женщиной, — поясняет Джорди. — Я его слышал уже несколько раз. Первые два раза она говорила: «Он был внизу, возился со своим дурацким компьютером», а теперь про компьютер уже вырезали.

— Ты уверен?

Джорди кивает.

Я с опаской смотрю на телевизор.

— Боже мой! — говорю я. — Интересно, это действительно проделки духов, как думает Эсти, или власти решили зажать информацию?

— Ну, можно позвонить в полицию, — говорит Джорди, — сказать им, что ты специалист по компьютерным мифам... — Он обрывает фразу, поняв, что шутка не имеет успеха. — Да ладно тебе, Кристи, — говорит он. — Ты же не думаешь, в самом деле, что духи контролируют все вещание: Интернет, спутниковую связь, кабельное телевидение...

— В чем преимущество компьютеров перед нами? — спрашиваю я. Когда он пожимает плечами, я отвечаю сам: — В том, что они могут одновременно выполнять несколько задач и быстро обрабатывать данные. Они проделывают это так же легко и естественно, как мы с тобой дышим.

— Но предположить, что они подслушивают...

— Я понимаю.

Самая глупейшая паранойя, связанная с компьютерами, — это миф о том, что правительство, враги, соседи, да не важно кто, могут увидеть, чем вы занимаетесь, через экран вашего компьютера. Это даже не новая идея. Мне приходилось слышать то же самое о телевидении. Когда слышишь такое, обычно только усмехаешься, но сейчас, держа в голове мысль о духах, которые «ревниво охраняют свою частную жизнь», как выразилась Эсти, задумываешься: а так ли эта мысль абсурдна?

Принимая во внимание то, что произошло с Саскией, и то, как духи защищаются, стирая всякое упоминание о себе из электронной среды, можно ли поручиться, что они не наблюдают за нами с экранов наших телевизоров и компьютеров? Может быть, они населяют не только киберпространство? Может быть, они способны проникать в любой прибор, при эксплуатации которого используется электроника?

А как насчет спутников? Возможно, духи могут видеть и слышать нас с неба, из бытовых приборов, из всего, что мы включаем в электрическую розетку...

Думаю, надо еще раз позвонить Эсти. Предупредить ее о том, что наш с ней разговор по телефону могли слышать духи. Но у меня ведь нет ее номера. И, кроме того...

Я встряхиваю головой и запрещаю себе думать об этом, чтобы не сойти с ума.

— Хочешь проехаться со мной к Холли? — спрашиваю я Джорди.

— Конечно. Все равно не засну.

Боррибл Джонс

Боджо стоял один в библиотеке дома Келледи и чувствовал себя смертельно уставшим. Потолки были почти четырнадцать футов в высоту, как и полагается в богатом особняке. Он смотрел на книжные шкафы, от пола до потолка, высящиеся вдоль стен. Шкафы были везде,

кроме дверного проема, где он и стоял, и западной стены напротив него, где между книжными стеллажами умещалось стрельчатое окно с низким подоконником, достаточно широким, чтобы на нем удобно уселись двое.

Здесь было слишком много книг. Он медленно прошелся по комнате, читая надписи на корешках. Книги о музыке, беллетристика, история, биографии, сказки, эзотерические тексты — некоторые на столь экзотических языках, что Боджо не знал, что это за алфавит. Он иногда не понимал, алфавит это или некий секретный код вроде тех значков, которые люди его племени оставляют на стенах зданий или на обочинах дорог в качестве посланий друг другу.

Книги были расставлены совершенно бессистемно. Но даже если бы их разложили перед ним как на выставке, как сказала бы тетя Джен, все равно у Боджо не было четкого представления о том, что именно он ищет.

Вообще-то, он не был книжным червем — вот в чем состояла главная проблема. Боджо шел от устной традиции, когда все пересказывается старшими младшим или просто остается в истории племени, передающейся от поколения к поколению. Он умел читать, но редко открывал книгу с тех пор, как научился этому. С книгами у него были какие-то мистические ассоциации, и библиотека являла собой блестящий пример таковой.

Он знал, что книги подразделяются на две большие категории: те, которые читаешь для развлечения, и те, которые читаешь для того, чтобы почерпнуть в них какие-нибудь сведения. За годы посещений дома Келледи он неоднократно видел, как Мэран или Сирина входили в библиотеку с какой-нибудь проблемой, снимали с полки книгу и в ней находили решение.

Но они-то знали, что конкретно ищут или, по крайней мере, где следует искать. А кроме того, они часто находили то, что им было нужно, в беллетристике, а не только в справочной литературе.

Тяжело вздохнув, Боджо постоял еще в библиотеке, скользя взглядом по корешкам книг. В конце концов он решил, что у Сирина и Мэран просто особый дар находить нужную книгу и библиотека как таковая ни при чем. То, что нужно ему, он должен искать сам, без помощи книг.

И он вышел из дома Келледи с его флюгерами и башней и направился по тропинке под дубами к дороге. Он окинул взглядом Стэнтон-стрит, а потом, полуприкрыв глаза, запрокинул голову. Так он стоял довольно долго, спокойный и сосредоточенный.

Тот, кто не чувствует, подобно ему, устойчивой связи между этим миром и мирами, с которыми он граничит, не заметил бы того, что Боджо получал «из воздуха». Он искал волшебное, и его было кругом полно, но он также искал и мудрости, а это обнаружить было гораздо сложнее.

Он чувствовал присутствие домовых и призраков, теней и жителей Пограничных Миров, фей и привидений. Они были здесь, рядом с ним, — под деревьями, у него за спиной, наверху, в кронах дубов. Они спали в общественных парках и рылись в помойках. Они были в канализационных трубах, они крались по крышам или карнизам, заглядывали в окна к людям.

Боджо вовсе не удивлялся, заметив кого-либо из них. Они всегда были — и среди белого дня, и глухой ночью. Эти блики, улавливаемые краем глаза, шорохи из угла, который кажется пустым...

Сегодня вечером их было особенно много на улицах, как будто в праздник, например в День костров или в канун Дня Всех Святых. В такие вечера этот невидимый народец шатается по городу целыми компаниями, стаями, безобразничает, распевает песни. Но, несмотря на то что эти существа сегодня вышли на улицы, они казались подавленными. Что-то было в воздухе непривычное. Как будто теней, что ходили по аллеям и вдоль домов, выбросили из их жилищ. Высоковольтные провода гудели громче обычного, и еще чувствовался запах, как будто проводка перегорела, — еле заметный, но ощутимый. Боджо заинтересовался, но сегодня ему некогда было разбираться с этим.

Он заставил себя сосредоточиться на самом нужном. Он все расширял и расширял диапазон наблюдений и наконец нашел волшебную точку, которую искал, — искру, слабо мигающую на довольно большом расстоянии.

Закрыв глаза, он сосредоточился на этой искре, стараясь поточнее определить, что это. Но он слышал только шепот теней. И единственное, что смог понять, — что это человек или, по крайней мере, существо мужского пола. Больше ничего. Как будто этого человека укрывал темный плотный плащ, и было непонятно, принадлежат ли тени, которые он отбрасывает, ему самому или тем, кого Боджо искал.

Это было не столь важно. Кем бы тот ни был, он единственный из обнаруженных обладал достаточной силой. Боджо знал, что ему придется найти этого человека или вернуться к Холли ни с чем, а этого ему очень не хотелось.

Мысль о Холли заставила его улыбнуться. «Не увлекайся, — частенько говорили ему дяди и тети. — Это не твой мир». Но как же не увлечься Холли? Она такая хорошенькая, такая умница, и у нее такие чудесные рыжие волосы!

Боджо питал слабость к рыжеволосым женщинам. Особенно если они ездят на мотоцикле. Интересно, не стоит ли у Холли в гараже за магазинчиком «Нортон» или «Индиан». А может, «Винсент Блэк Лайтнинг»?

Думай о деле, одернул он себя. Если ничего не получится, ты завтра не сможешь показаться в ее магазине. Женщинам нравятся мужчины, которые держат слово. Он сказал, что поможет, значит, должен помочь, а потом уже выяснять, как она относится к мотоциклам.

Как и невидимые люди, с которыми он делил эту ночь, он старался держаться в тени. Его путь лежал на восток, по Стэнтон-стрит. Особняки становились все менее и менее презентабельными, пока не сменились домами из красного кирпича и витринами магазинов. Когда он видел проезжающую машину или, реже, пешехода, он поспешно нырял в парадное или двор. При нем не было никаких документов, ничего удостоверяющего его личность, поэтому он побаивался, что его остановит какой-нибудь представитель власти и спросит, что он, собственно, тут делает в столь поздний час. Привычка держаться незаметно стала теперь его второй натурой. Независимо от того, в каком мире все происходило, жестянщики привыкли к столкновениям с законом. Полицейский еще может поколебаться — упечь человека за решетку или отпустить восвояси, но если речь идет о жестянщике — тут они единодушны в своей неприязни. Такое для Боджо было отнюдь не ново.

Дойдя до Пальм-стрит, он понял, что больше не нужно осторожничать. Он уже миновал не одну полицейскую патрульную машину. Его едва удостоили взглядом. Он понял, что сегодня у них имеются гораздо более важные дела, чем заниматься каким-то праздношатающимся жестянщиком.

Пальм-стрит была основной магистралью Злачных Полей Ньюфорда, части города с самой дурной репутацией: закусочные, стриптиз-бары, ночные клубы, гостиницы, массажные кабинеты и бесконечные маленькие магазинчики, торгующие со скидкой. Они были так крепко заперты в это время суток, так надежно защищены металлическими роллетами, испещренными граффити, что можно было подумать, там действительно есть что-то ценное.

Даже в этот час время от времени проезжали машины, водители и пассажиры оценивали обстановку: байкеры, торговцы наркотиками, проститутки обоих полов, не говоря уже об обычных гражданах, которых привело сюда любопытство, а вернее, надежда на приключение. Злачные Поля еще не успели расчистить, как это проделали с Диснеевской площадью в Нью-Йорке, наверное, потому, что сюда еще не ступила нога человека, у которого достаточно денег в кармане. Но время шло, и южную часть Пальм-стрит, тот ее отрезок, где она тянется вдоль парка Фитцгенри, уже начали облагораживать.

Боджо нравился этот район. Он чувствовал, что здесь можно расслабиться. Здесь удостоверение личности и социальный статус значили гораздо меньше, чем количество денег в кармане. Здесь он мог проводить время в джаз-клубе или бильярдной, даже играть в карты,

не привлекая к себе особого внимания, но при этом оставаясь самим собой.

Но сегодня ночью у него не было времени на развлечения.

Искра, вычисленная им, теперь пульсировала гораздо сильнее. Она вела его на север, по Пальм-стрит до Грассо-стрит, где он свернул, чтобы остановиться наконец напротив закусочной, которая явно была уже закрыта. Если бы не искра, он бы, конечно, прошел мимо. Он долго стоял, изучая темные окна, но не заметил внутри никакого движения. Все говорило за то, что внутри никого нет.

Он подождал еще немного и пересек улицу. Постучал в стеклянную дверь. Никто не отозвался. Тогда он нажал на дверь, и она подалась.

Он открыл дверь ровно настолько, чтобы пролезла голова.

— Эй! — негромко крикнул Боджо. — Есть тут кто-нибудь?

Опять никакого ответа.

Он нажал на дверь сильнее и постепенно раскрыл ее настолько, что смог пролезть внутрь.

— Эй! — крикнул он еще раз.

Искра заставила его взглянуть налево. Там, среди столиков, он разглядел человека, который сидел так тихо, что, безусловно, остался бы незамеченным, если бы его аура не привлекла внимания Боджо, как если бы сидящий пошевелился.

Двигаясь очень медленно, чтобы продемонстрировать, что он не собирается причинить никакого зла, Боджо подошел к нише, в которой сидел мужчина. Было трудно разглядеть его черты в тусклом свете, проникающем с улицы, но Боджо определил, что ему чуть за двадцать. Это был худощавый чернокожий, в костюме в мелкую полоску. С узкой костью, красивый, с длинными, тонкими пальцами и волнистыми волосами, зачесанными назад. Рядом с ним на сиденье стояла старинная гибсоновская гитара, как будто эти двое зашли сюда, чтобы пообщаться.

Боджо уже открыл рот, чтобы заговорить. Но прежде чем он успел это сделать, мужчина поднял руку из-под стола, и перед самым носом у Боджо появилось... дуло очень большого револьвера.

— Итак, вы меня нашли, — сказал мужчина. — Не думайте, что я не знал, что вы вынюхивали и выслеживали меня последние два часа. Теперь вам придется ответить мне на один вопрос: что мне с вами делать?

Кристи

Выйдя на улицу, я сразу понял, что имел в виду Джорди, когда говорил, что сегодня вечером в воздухе ощущается что-то странное.

Сегодня вечером? Что это я говорю?

Уже светает. Ночь прошла. В узких закоулках между домами еще темно, но небо на востоке уже стало алым. Правда, солнца еще не видно и в воздухе разлито нечто такое, такое настроение что ли, которому я никак не могу подобрать название. Я нередко брожу по ночам — привычка, которую я перенял у Джилли, — и привык к тому потустороннему виду, который приобретает город в это время, когда улицы безлюдны. По крайней мере в Кроуси они пустынные. В других частях города — например, на Пальм-стрит или Грассо-стрит — жизнь кипит двадцать четыре часа в сутки. Но в Кроуси после полуночи кажется, что даже дома куда-то уплывают.

В этот промежуток времени, между часом ночным, когда последние игроки уходят из клубов, и часом утренним, когда первые партии жителей пригородов торопятся на работу, в поле вашего зрения может попасть разве что кошка или какой-нибудь человек, несущий свой товар на гоблинский рынок. Все открыто... все возможно в этот час.

Но сегодня все не так. Я замечаю, что края крыш и крышки люков слегка фосфоресцируют — такое бело-голубое сияние и легкое потрескивание. Трансформаторы и телефонные провода гудят громче, чем обычно, и еще я ловлю в воздухе слабый запах, очень

похожий на тот, которым наполнилась моя комната, когда взорвался компьютер.

Сегодня в воздухе витает нечто такое, чего я не помню по прежним прогулкам. Может быть, это потому, что все сейчас для меня окрашено случившимся с Саскией. Я ощущаю присутствие чего-то темного и... голодного. И еще некое покалывание в затылке, которого прежде не было. Такое испытываешь, когда кто-то или, вернее, что-то наблюдает за тобой.

Моя машина стоит в гараже в паре кварталов от дома, я арендую гараж у владельца магазинчика на Уильямсон-стрит, — мы с Джорди, когда были маленькие, называли такие магазины десятицентовыми. Их изобилие — свидетельство инфляции, но прежде я об этом не задумывался. Машина — старый «додж». Американская машина на каждый день. Эти «автомобили из супермаркетов» весьма непрезентабельны с виду, особенно если едешь на них не первый год, как я на своей кляче, но они практически бессмертны. Вставь ключи, зимой или летом, — и мотор заведется почти наверняка.

Я не часто езжу на нем — один или два раза в неделю, — и около моего дома нет стоянки, а я не люблю оставлять машину на улице, даже при том, что в ней нет ничего, кроме ржавчины. Конечно, она слишком потрепанная, чтобы ее украли, но когда-нибудь мне на ветровое стекло точно прилепят повестку о штрафе, а это такая мука мученическая — переставлять ее с места на место каждые несколько часов, чтобы не попасться на глаза полицейскому. Я знаю людей, которые это делают. Как правило, это люди, которые вполне могут позволить себе оплатить стоянку; им просто нравится играть в эти парковочные игры. Как говорится, на вкус и цвет...

Наконец мы доходим до дома мистера Ли. Я отпираю дверь гаража и поднимаю ее. «Гармошка» с грохотом складывается. Я вывожу «додж» и жду у поребрика, пока Джорди запирает гараж.

— Ну и что ты все-таки об этом думаешь? — спрашивает он, когда я трогаюсь с места и сворачиваю на Уильямсон-стрит. — Об этой идее Эсти, я имею в виду. Попробовать снова подсоединиться к «Вордвуду», по-моему, все равно что хвататься за соломинку. Мне кажется, надо позвать кого-нибудь вроде Джо, кто может перемещаться между мирами. То есть ведь это самое киберпространство — это те же Другие Миры, верно? Мир Духов, *tanidô-ak*, столь любезный Джо.

Я бросаю на брата беглый взгляд и снова смотрю на дорогу.

— Все не могу привыкнуть к тому, что это говоришь ты, — улыбаюсь я. — Ты так долго и упорно настаивал, что нет ничего, кроме того, что мы видим и чувствуем.

— Я слишком много повидал, чтобы больше не верить, что существует еще что-то. К тому же, например, Венди и Софи спокойноенько попадают туда, куда уносит их фантазия. — Он усмехнулся, и в этой усмешке было больше подавленности, чем веселья. — Я уже привык, что кто-то появляется в дверном проеме и, вместо того чтобы войти, как полагалось бы по логике вещей, вдруг исчезает.

— А тебе самому никогда не хотелось попробовать? — спрашиваю я.

Он кивает:

— Я просто жду, когда Джилли станет лучше, чтобы проделать это вместе с ней. Мне кажется, просто нечестно отправляться мне одному — ведь она об этом всегда мечтала.

Я думаю, как это все-таки грустно, когда двух людей, которые, казалось бы, просто созданы друг для друга, все время разделяет что-то, мешающее им быть больше чем просто друзьями. До того как у Джилли началось с Дэниелем, у Джорди было с Таней. Они всё как-то не совпадают по фазе.

— А ты? — спрашивает он меня.

Я тяну время, закуривая сигарету, открывая окно и выдыхая в него дым.

— Я думал об этом, — говорю я. — Ну, о том, чтобы попросить Венди, или Софи, или даже Джо провести меня, но что-то меня всякий раз останавливает. Наверное, это потому, что меня прежде всего интересует, как эти явления взаимодействуют с нашим Условным Миром и как мы, живущие в нем, реагируем на вторжения оттуда. Просто пересечь эти границы и оказаться там, где все волшебное, где все может случиться... — Я качаю

головой. — Думаю, я как-нибудь попробую просто для того, чтобы приобрести опыт. Но я не тороплюсь.

Джорди кивает:

— Забавно. Я всегда думал, что ты первым туда прыгнешь. Что ты, как Джилли, будешь искать именно такого...

— Я тоже так думал, — отвечаю я. — До тех пор, пока это вдруг не стало возможным. И теперь я боюсь, что, если все-таки перейду эту границу, наш мир покажется мне потом слишком бледным и совсем перестанет меня устраивать.

— Ты думаешь, там настолько лучше?

Я качаю головой:

— Я думаю, что там все гораздо интенсивнее и напряженнее. Я слишком люблю этот мир, чтобы легко пойти на такой эксперимент.

— Ты просто не любишь перемен.

Я улыбаюсь:

— И это тоже.

— Но что, если теперь нам придется сделать это? — спрашивает Джорди. — Чтобы вернуть Саскию.

— Я бы не задумываясь пошел на это.

Пару кварталов мы проезжаем молча, Джорди смотрит в окно, а я — на дорогу. Почти нет движения. Несколько такси и фургонов. Да еще полицейская машина, которая ехала за нами пару кварталов, а потом свернула на Селлар-стрит.

— Ты правда веришь, что мы сможем вернуть их? — спрашивает Джорди. — Ну, всех, кто... — он колеблется, потом использует термин, который применяло Си-эн-эн, — кто пропал.

Я киваю, закуривая очередную сигарету:

— Конечно вернем.

— Что нам для этого нужно сделать? — спрашивает он. — Скачать их с веб-сайта?

— Если они могли исчезнуть в компьютерах, то почему нельзя их оттуда достать? Ты помнишь тех эльфов, что наделали столько хлопот Холли? Они вышли из ее компьютера и как миленькие вернулись в него.

Краем глаза я вижу, как Джорди качает головой. Даже при том, чего он нагляделся в последнее время, эта история с эльфами кажется ему слишком похожей на сказку.

— Ну хорошо, — говорю я. — Допустим, компьютеры — это ведь порталы, ну, своеобразные двери в Другой Мир — то, чем пользуется Венди, когда уходит туда.

— При этом ей непременно нужно держать в руке маленький красный камешек, который ей дал этот парень, Коди.

— Ну, в общем, принцип понятен. Что-то должно быть катализатором, чтобы эти тайные двери открылись. Для Венди эту роль выполняет магический камень. Для тех, кто исчез, это что-то связанное с «Вордвудом». Нам остается выяснить, что именно.

Даже не знаю, кого я сейчас убеждал — его или себя, — а мы тем временем пересекаем Грейси-стрит и направляемся в Катакомбы, которые еще называют Сквотландией.⁶

Эта часть города — настоящий ад. Никогда не поверю, что городской совет допустил такое. Или если даже и допустил, то потом не сделал попытки исправить. Это проклятая часть города: квартал за кварталом — брошенные дома и пустыри. За исключением нескольких сквозных улиц, в большинстве случаев пролегающих с юга на север, остальные забаррикадированы руинами, проржавевшими кузовами автомобилей и другими, вообще не поддающимися опознанию и описанию обломками. Крысы здесь вырастают величиной с кошку, на них охотятся огромные стаи одичавших собак.

На это не только тяжело смотреть — здесь опасно. Собаки не единственные существа,

⁶ От *англ.* squat — вселиться в пустующий дом без разрешения владельца.

которые безнадзорно бродят по Сквотландии. Здесь устраивают свои вечеринки байкеры, здесь прячутся преступники, поэтому в Катакомбах ты вне зоны полицейских радаров. Здесь потерянные для общества и пропащие обретают последний приют: беглые, бездомные, сумасшедшие, спившиеся.

Я думаю, у всего на свете есть душа — у людей, животных, растений, минералов, воды. У всего. Даже у мест, у частей города. Душа, которая в отчаянии нависает над этими улицами. Когда я оказываюсь в этом месте, во мне просыпаются давно пережитые и забытые страдания и начинают давить. Может быть, это и заставляет меня снова заговорить — все, что угодно, — только бы отвлечься, даже если для этого придется повторить Джорди то, что я уже говорил. Но вообще-то, мы не общались толком целые годы, так что мне теперь трудно припомнить, чем я делился с ним, а чем — нет.

— Но попасть на секунду в Другие Миры... — говорю я. — Может быть, истинная причина, по которой я воздерживаюсь от визитов туда, — совсем в другом. Стоит мне пересечь границу — и готово: путешествие всей моей жизни закончено.

Джорди озадаченно смотрит на меня.

— Люди, которые охотятся за волшебным, все время забывают, — говорю я ему, — что поймать это самое волшебное — совсем не главное. Все дело в том, как ты ведешь себя и чувствуешь себя в пути.

— Это как в дао, — кивает он. — Важно само путешествие.

— И со всем остальным тоже, если задуматься. Не могу припомнить ничего, с чем дело обстояло бы иначе.

Джорди снова кивает:

— Вот почему я не слишком забочусь об успехе. Я просто хочу сочинять музыку.

Я удивлен, — оказывается, мы многого не знаем друг о друге. А я никогда об этом не думал... о том, что его отношение к музыке может быть сродни моей погони за магией. В конце концов, и то и другое — всего лишь призраки.

Мы оставляем Катакомбы позади и въезжаем на более цивилизованную территорию. Сейчас на Уильямсон-стрит стало полно закусовых-фастфуд, перчаточных мастерских и ателье, магазинчиков, торгующих со скидкой. В более старых зданиях на верхних этажах все еще сдается жилье. У зданий поновее — стоянки для машин самых разных размеров и конфигураций. И наконец начинаются старые районы города: многоквартирные дома, постройки из вагонки, кирпичные здания лепятся друг к другу. Мы все еще очень далеко от пригорода с аккуратными домиками и лужайками.

Я снова закуриваю и обнаруживаю, что думаю о своей тени, этой ускользнувшей части моего детства, этом Гекльберри Финне в женском обличье, ушедшем бродить куда-то, отделившись от меня. Среди теней редко попадают такие самостоятельные, как моя. Интересно, встречался ли когда-нибудь Джорди со своей тенью и какая она? Или, может, он даже не знает, что она у него есть. Большинство людей об этом не знают. Если они и вступают в контакт со своими тенями, то только во сне, и то не понимая этого.

Потом я вспоминаю, как они с Джилли подходят друг другу. Она вполне может быть его тенью. Я уже почти начинаю верить в это, но тут мы сворачиваем на улицу, где живет Холли, и я сбиваюсь с мысли.

— А вдруг Холли будет не в восторге от нашего визита? — говорит Джорди.

Я торможу на стоянке перед магазином. Не приходится сражаться за хорошее место в столь ранний час. Я смотрю на темные окна магазина. Окна квартиры наверху тоже темные.

— В восторге не в восторге, — говорю я, — но ей будет интересно обо всем этом узнать. Мы все-таки дружили в университете.

— Ладно, сейчас проверим, — говорит он.

Я выхожу из машины и направляюсь к двери. Джорди следует за мной. Я ощупываю рукой кирпичи на уровне верхней трети двери и отодвигаю фальшивый. В нише за ним — кнопка. Я пару раз нажимаю на нее, а потом снова задвигаю кирпич.

— Круто! — восхищается Джорди.

— Холли надоело, что покупатели звонят ей в квартиру в любое время дня и ночи, разыскивая книгу, которая срочно им нужна. Этот звонок — только для своих. А вот этот... — я показываю на кнопку чуть ниже фальшивого кирпича, — звонит только в магазине.

— Разумно, — хвалит Джорди. — Мало ли чего этим покупателям понадобится.

— Вон она идет, — говорю я.

Мы оба чуть отступаем, пока Холли открывает дверь настолько, чтобы разглядеть нас. Она босиком, в пушистом кораллово-красном махровом халате, который придерживает на шее одной рукой, растрепанная, заспанная. Она хлопает глазами за стеклами очков, рассматривая нас сквозь узкую щель.

— Кристи! — говорит она, удивленно переводя взгляд с меня на брата. — Джорди!

Джорди кивает:

— Привет, Холли.

— Сразу двое Риделлов — это к чему?

— К чему? — улыбаюсь я.

Она часто моргает, потом ежится от утренней прохлады:

— Вообще-то, у меня вертелась на языке какая-то шутка, но со сна я вряд ли вспомню.

А кстати, который час?

— Скоро шесть.

— Ну и как вас сюда занесло?

— Поговорить надо, а твой телефон, кажется, не работает.

— Я его отключила. — Она испытующе смотрит на меня, глаза у нее больше не сонные. — Ну и что случилось?

— Это касается Бенни, — говорю я.

— Бенни? Нашего Бенни?

— С ним неприятность. Это связано с «Вордвудом».

Я не понимаю ее взгляда. Я пойму его чуть позже, после того как она расскажет мне о том, что произошло с ней накануне вечером. А сейчас она открывает дверь пошире и отступает.

— Заходите, — говорит она.

Саския

Если Кристиана и здесь, то мне ее не найти.

Сначала я падала в черную дыру — по ощущениям это походило на тот момент, когда я лишилась тела и угодила в телефонную сеть, настроив свое сознание на номер, который мне дала Кристиана в кафе. Это было всего лишь вчера вечером, а кажется, прошла целая жизнь.

Та черная дыра, казалось, подталкивала каждую молекулу моего существа к... к чему-то. Я не могла понять, куда меня влечет. В клетку, в капкан — туда, откуда не будет спасения. Оно проявляло себя как крошечный, невидимый водоворот, я понимала, что он не больше булавочной головки, но тянет за собой бесконечный шлейф из самого сердца черной дыры. Те осколки сверхновой способны были поглощать миллионы тонн материи в секунду. Если бы я поддалась им, меня немедленно затянуло бы в водоворот и я сгинула бы навсегда.

А эта дыра — полная противоположность той. Она не менее мощная, но в ней все частицы, составляющие то, что есть я, растащит в разные стороны. Если позволить затащить себя в нее, мне потом будет не собрать себя.

Может быть, на этот раз я уже в самом центре этой дыры. Возможно, я уже пропала.

Я не могу с этим смириться.

Я не смирюсь с этим!

Я делаю то же самое, что сделала в прошлый раз: ищу пульс, волну, энергию, движение, ритм, в который могла бы попасть. Что-то, на чем можно сосредоточиться и что вытащит меня отсюда, хотя это и не единственная причина, по которой мне необходимо

сконцентрироваться. Да, мне надо выбраться отсюда, но я знаю также, что, только сконцентрировавшись на чем-то, я смогу сохранить свою целостность, так что я убью сразу двух зайцев.

Нет никаких признаков, по которым здесь можно было бы ориентироваться во времени, так что я понятия не имею, как давно затеряна в полной тьме, ищу выход и борюсь с силами, стремящимися разорвать мое «я» на кусочки. Может быть, выхода вообще нет. Может быть, именно так и выглядит смерть для таких, как я, — рожденных из пикселей и данных. Может быть, мне лучше перестать сопротивляться — просто отпустить себя и вернуться в безличность и анонимность, из которых извлек меня дух Вордвуда, прежде чем одарить физическим существованием.

Боли нет. Как я могу чувствовать боль, если тела у меня нет? Только мысленная паника, которая кажется даже ненастоящей, потому что не имеет никаких физических симптомов. Но сильное напряжение мало-помалу подтачивает мою волю к выживанию.

Я так устала!

Я уже совсем близка к тому, чтобы сдаться.

Но тут я слышу... хотя нет, что я говорю — слышу? — у меня же нет ушей. Я ничего не могу слышать. Я просто чувствую этот звук. Он длинный и узкий, как провод, пронизывающий темноту.

Он там.

Нет, вон там.

Нет, там!

Я бросаю весь сгусток мыслей, которым сейчас являюсь, к нему, обвиваю его, вцепляюсь в него.

И вдруг чувствую движение. Я понимаю, что здесь должен быть воздух, потому что без него не может быть звука. Волна монотонного гула давит на воздух, в нем образуется рябь, как на поверхности воды, и я просто следую за приливами и отливами. Я становлюсь одним из изменений, которые эта волна производит в атмосфере, я остаюсь с ней и тогда, когда она преобразуется в электрический сигнал, где напряжение меняется с теми же интервалами, с какими первоначальный гул покрывал воздух рябью. Я остаюсь частью гула и тогда, когда напряжение постепенно преобразуется в бинарные числа, в забавное мелькание «включено-выключено», в состояния, сменяющие друг друга так быстро, что невозможно отследить даже их цепочку, не то что отдельное звено.

Каждое измерение превращается в шестнадцать бит.

Кодируется в цифровой форме.

И теперь я знаю, где я нахожусь.

То есть нет, не где, а в чем я нахожусь. Я в процессоре компьютера. Или я часть сигнала, идущего от одного процессора к другому. Я снова в цифровом коконе, из которого родилась, только на этот раз осознаю это. Я знаю, кто я.

И теперь у меня есть надежда найти выход отсюда. Это будет непросто. Цифровое поле огромно. То, что его формирует, — не просто модели, содержащиеся в компьютере. При наличии Интернета они способны преодолевать огромные расстояния, поселяясь в самых отдаленных процессорах и базах памяти. Миллионы компьютеров во всем мире сообщаются между собой. Я могу оказаться где угодно.

Но машины подчиняются определенной логике. Возможно, я потерялась, но если удастся вычислить, как добраться до преобразующего гипертекст протокола, то я смогу направить сигнал, который «оседлала», туда, куда мне нужно. Он меня «дoveзет».

Я вызываю в памяти электронный адрес: www.thewordwood.com.

Вот с чего все началось — с моей попытки вступить в контакт с духом, который вызвал меня к жизни. Вот где началась я сама — на территории, которую этот дух отвоевал себе у Всемирной сети. Вот куда мне необходимо вернуться. Теперь мне нужны не только ответы на вопросы. Мне нужно получить обратно свое тело. Однажды дух дал мне его. Придется убедить его дать мне тело и во второй раз.

Я сосредоточиваюсь на сайте «Вордвуд».

Не могу утверждать с уверенностью, но, мне кажется, я чувствую некоторое изменение в прохождении сигнала. Сосредоточиваюсь еще больше.

Теперь я передвигаюсь так быстро, что время превращается в какое-то смазанное пятно. Но мне так же трудно определить, как давно я «еду» на сигнале, как раньше было трудно понять, как давно я плаваю в темноте.

И вдруг в сознании вспыхивает ослепительный сноп сине-белых световых нитей. Я лечу на невообразимой скорости над сетью перекрещивающихся линий. Это микросхемы, соображаю я, только рассматриваемые не с физической точки зрения, а с точки зрения энергии, которую они испускают.

Сигнал несет меня все быстрее. Все быстрее и быстрее.

Я еще старательнее сосредоточиваюсь на адресе «Вордвуда», но силы покидают меня. Я больше не в состоянии держаться за этот адрес. И вообще за что-либо держаться, как бы решительно я ни была настроена... Все ускользает, я снова теряю сознание...

Боджо

— Погодите минутку, — сказал Боджо. Оказавшись под дулом здоровенной пушки, единственное, что успел сделать Боджо, — это вытянуть руки, выставив ладони вперед, как будто надеялся остановить пулю руками. На самом деле он просто показывал, что безоружен и не представляет для собеседника опасности. Да какая разница, что подумает гитарист, лишь бы не выстрелил.

В закуской было жарко, в воздухе стоял тяжелый запах — смесь застарелого неотмытого жира и средства, которым драют прилавки, столики и пол.

Но сквозь все это пробивался слабый и очень приятный запах, похожий на аромат фруктовой воды из яблок и роз. Может быть, там присутствовала еще сирень и намек на цитрус. Как только Боджо начинало казаться, что он наконец понял, что это за запах, тот сейчас же приобретал новые оттенки.

Он попытался изобразить улыбку, но это было нелегко. Во рту пересохло, он с трудом глотал и лихорадочно придумывал, как бы получше сформулировать, что привело его сюда. Но оказалось, что объяснять ничего не нужно.

— Так вы не ищейка, — сказал человек, опуская руку с револьвером.

— Нет, — подтвердил Боджо, не совсем понимая, что тот имеет в виду под словом «ищейка». — Я — простой жестянщик, который хотел бы получить совет.

Мужчина улыбнулся:

— Совет! Пора мне уже начать вести колонку советов. — Он выбрался из своей ниши и переложил револьвер из правой руки в левую. — Я Роберт Лонни, — добавил он, протягивая Боджо свободную руку.

Боджо пожал ее, заметив, что, несмотря на узкую кость, деликатное сложение и длинные тонкие пальцы, у Роберта крепкое рукопожатие — более похожее на рукопожатие человека, привыкшего работать руками, чем щеголя при костюме, каким он казался на первый взгляд.

— Рад познакомиться, — сказал он. — Я Боррибл Джонс, большинство зовет меня Боджо.

Роберт приподнял брови:

— Странное имя.

— Дело в том, что когда акушерка, приняв меня, подняла и показала присутствовавшим, то мой отец, взглянув на перемазанного в крови младенца, с которого к тому же капало на пол и который орал во всю мощь своих легких, произнес: «Боже! Terrible!» У него был дефект речи, так что получилось нечто вроде «Боррибл». Почему-то прозвище это ко мне пристало. Не помогло даже то, что я был исключительно послушным и хорошим ребенком.

Роберт с интересом наблюдал за ним, и по глазам было видно, что этот разговор его занимает, даже забавляет.

— Садитесь, — наконец сказал он, кивнув на место, которое только что освободил. Сам он сел рядом со своей гитарой, положив револьвер на стол между ними. — Его обычно называют Миротворцем, — сказал он, заметив взгляд Боджо на оружие. — Однозарядный кольт сорок четвертого калибра. Единственный способ сотворить мир с его помощью — это застрелить того, кто причиняет тебе неприятности. Мой папаша взял его у одного мертвого человека, который непосредственно перед своей кончиной собирался кое-кого линчевать.

Боджо не был уверен, что он правильно расслышал.

— А что, здесь все еще линчуют? — спросил он.

— О, это было давно — в том периоде истории, который быстрее всего забывается, хотя, признаться, очень тяжело забыть, как твои сородичи висят на фонарях, подобно неким странным плодам.

Несмотря на плохое освещение в закусочной, Боджо заметил в глазах Роберта нечто говорящее о том, что тому довелось присутствовать в этом мире при жизни нескольких поколений, но не так, как это удается жестянщикам — перехитрив время и путешествуя между мирами. Роберт просто жил себе и жил, нисколько не старея.

Когда Боджо это понял, он увидел, что в уголках рта Роберта появилась улыбка, как будто музыкант прочел его мысли. Роберт взял гитару и начал наигрывать тихий блюз, большой палец правой руки — на басах, длинные пальцы левой бегают по струнам, как лапки паука.

— Так что за совет вам нужен? — спросил он.

— Это длинная история.

— Чего у меня навалом, так это времени, — заверил его Роберт.

— Да уж не сомневаюсь, — сказал Боджо.

Роберт криво усмехнулся. Он ничего не сказал — только постукивания его большого пальца по басовой струне и последующий блюзовый водопад звуков, казалось, спрашивали: «Ну что ж ты не рассказываешь свою историю?»

И Боджо начал рассказывать: с телефонного разговора, который привел его в магазинчик Холли, и до того, что он успел ощутить в воздухе, пока разыскивал Роберта в городе. Гитара звучала контрапунктом его голосу, создавая у Боджо впечатление, что он скорее исполняет блюз, чем рассказывает историю.

— И вам нужен совет?.. — спросил Роберт, когда голос Боджо иссяк.

Он изобразил вопросительный звон, в то время как басовая струна тихо, но твердо продолжала держать ритм.

— Просто должен вам сказать, — заметил Роберт, — что я вообще не понимаю ни в компьютерах, ни в духах, которые, может быть, и правда сидят внутри их. Как это называется — виртуальные миры?

Боджо покачал головой:

— Нет, имеются в виду те, которые ненастоящие.

— Все зависит от того, где вы сами находитесь. Возможно, эти миры очень даже настоящие для тех, кто в них живет.

— Наверное.

— Я так понимаю, — продолжал Роберт, и гитара аккомпанировала его голосу, — что вы воспринимаете все эти вещи, скорее, как местный житель. У наших ведь всегда начинается торговля, когда речь заходит о духах. Даже баптистский священник старается хоть что-нибудь урвать для себя, будь то билет в рай или чума на чью-нибудь голову. А для индейцев все это напоминает дерево. Мы видим лишь ствол и листву, а самое важное — под землей, и его не видно.

— Дерево?

Роберт улыбнулся:

— Я просто имел в виду все, что скрыто. Это не то что луковица, с которой надо снять

шелуху, чтобы посмотреть, что там внутри. Или русская матрешка, когда в куколке побольше спрятана куколка поменьше. Тут вы видите что-то простое, а за этим стоит огромный невидимый мир. Мир, о котором вы даже не подозреваете, что он существует, хотя и вполне можете увидеть его.

Боджо кивнул, чтобы показать, будто он что-то понял.

— Конечно, мы сейчас занимаемся трепотней, — продолжал Роберт, — но ведь для того, чтобы объяснить компьютеру, что делать, тоже используют слова.

— Они называют это кодами, — сказал Боджо, вспомнив, что ему рассказывала об этом Холли. — Языки программирования.

— И все равно это слова, слова, слова. Слова — магия, которая восходит к первым дням творения. И те, которые они используют, разговаривая с компьютерами, — просто древняя магия, переодетая в новые одежды. — Он замолчал на некоторое время, но на гитаре играть не перестал. — Куча людей верит, что мир был создан одним-единственным Словом. Впрочем, полагаю, что вам это известно.

— Слово Божие, — кивнул Боджо.

Он и правда что-то слышал об этом, но в подробностях уверен не был.

— Правильно, — подтвердил Роберт, — Логос. Христианство — не первая и не последняя из религий, которые стремятся уложить всю древнюю историю в байки о том, как нас всех сотворили. Знаете, как это обычно бывает?

Роберт не стал дожидаться ответа. Музыка перешла в минорную тональность.

— Как я слышал, — продолжал Роберт, — то самое первое и единственное Слово, которое «запустило» мир, превратилось в язык, а этот язык — в разговор, который всему придает форму и значение, — в разговор, который продолжается по сию пору. Беда в том, что со временем первоначальный язык разбился на множество кусочков, фрагментов, разновидностей и диалектов. Не успели мы оглянуться, как уже утратили возможность общаться друг с другом. Животные, растения, люди, грязь под ногами — у всех теперь свой язык. Черт! Употребляя слово, мы даже не можем быть уверены в том, что оно значит для нашего собеседника то же самое, что для нас. Но остатки, осколки того, первоначального, языка все же сохранились. Например, могучее наречие моджо.

Боджо кивнул:

— Я помню, Мэран рассказывала мне об этом. Думаю, она даже знает кое-какие из этих старых слов.

— Они у всех застряли в отдаленных уголках сознания — там, где все еще действуют инстинкты, а душа отдыхает. Большинство даже не догадывается об этом. Вы произносите одно из этих древних слов — и все... меняется.

— А вы знаете какие-нибудь? — спросил Боджо.

— Только одно. Благодаря ему ищейки и кружат возле меня, но выследить никак не могут.

Боджо кивнул. Он хотел было расспросить про этих самых ищеек, о которых все время упоминал Роберт, но годы на улице научили его не задавать личных вопросов, а только выслушивать, если тебе сами что-то рассказывают. Так что он просто сидел на диванчике и слушал, как его собеседник наигрывает на своем старинном Гибсоне. Теперь он снова вернулся в мажорную тональность, но Боджо не успел заметить, когда именно это произошло.

— Значит, я так понимаю, эта девушка вам нравится, — сказал Роберт через некоторое время.

Пальцы его левой руки ни на секунду не прекращали заниматься своей паучьей работой и бегали по грифу старинной гитары, а правая рука вела мелодию.

— Кого вы имеете в виду?

Роберт улыбнулся:

— Я имею в виду ту девушку, которую вы недавно встретили и на которую очень хотите произвести хорошее впечатление. Знаете, не теряйте времени даром, поскорее

обнимите ее, как только покончите с делами.

— Это совсем не то...

— Всякий раз, когда вы о ней думаете, ваше сердцебиение говорит мне о том, что это то самое.

Боджо поежился.

— Вы можете помочь нам? — спросил он, пытаясь вернуть разговор в конструктивное русло.

— Не понимаю, в чем именно вам нужна моя помощь, — ответил Роберт.

— Не понимаете?

Роберт пожал плечами:

— Неприятности меня всегда находят — вот почему я стараюсь держаться в тени. Приди я в магазин к вашей знакомой — и у нее могут возникнуть проблемы гораздо более серьезные, чем те, которые мы сейчас пытаемся решить.

— Эти... поисковые собаки, о которых вы все время говорите?

— Ищейки, — поправил Роберт. — И это не обязательно должны быть собаки. Они бывают очень разных обличий и размеров. Единственное, что у всех у них есть общего, — это их интерес ко мне.

Раз уж Роберт сам затронул личные темы, спросив его о его чувствах к Холли, Боджо решил, что, может быть, и он вправе удовлетворить свое любопытство и это не будет невежливо с его стороны.

— А почему они охотятся на вас? — спросил он.

Роберт улыбнулся:

— У нас вышла ссора. Это было довольно давно, но некоторые не умеют ни забывать, ни прощать.

— Старые духи.

Роберт кивнул.

— Ну, — возразил Боджо, — я думал, что те, о которых мы тут говорили, — как раз из новых. Можно сказать, технологические духи.

— Если только это не старые духи, рядящиеся в новые одежды, — прибавил Роберт, прежде чем Боджо успел что-нибудь сказать. — Но вы, наверное, правы. Потому что духи более консервативны, чем мы.

— Может, потому, что они существуют гораздо дольше нас.

— Может быть, — согласился Роберт.

— Так вы нам поможете?

— Пока что могу обещать только прийти и посмотреть.

Они взяли такси и поехали к магазину Холли. Оба расположились на заднем сиденье, между ними поместилась гитара. Боджо как-то не отследил, куда делся револьвер. Он помнил, что оружие лежало на столике в закуской, а потом вдруг оказалось, что уже не лежит, при этом на классическом костюме Роберта не оттопыривался ни один карман. Ну разве что можно было предположить, что револьвер — в мягкой шляпе, которую Роберт надел перед тем, как закрыть за собой дверь, выйдя из закуской.

— Я знаю этот магазин, — сказал Роберт, когда такси повернуло на север. — Хотя не думаю, что когда-нибудь был внутри. Я не слишком-то большой охотник до чтения.

— Да и я тоже.

— Но там через несколько домов — кофейня, которая мне нравится. Я часто сидел там по утрам. Пил кофе и смотрел в окно. Читал газеты, играл иногда.

— И почему перестали туда ходить?

Роберт пожал плечами:

— Это стало входить в привычку, а я стараюсь не допускать ничего привычного в свою жизнь.

— Из-за ищеек?

— Отчасти. А отчасти просто чтобы не приобретать привычек. И потом, эта кофейня стала дороговата для меня. Нет, я не виню Джо — Джо Лапенью: это парень, которому принадлежит кофейня. Он просто понял, откуда ветер дует, старается держаться на плаву, а это нелегко, притом что город наводнили все эти фешенебельные кафе.

Роберт выглянул в окно. Такси свернуло на улицу, где жила Холли.

— Кажется, я сигнализирую, что скучаю по этому месту, — сказал он.

Холли

— Она и правда... просто так взяла и пропала в твоём компьютере? — спросила Холли, когда Кристи закончил говорить.

Эпизод с исчезновением Саскии был рассказан еще в самом начале, но Холли все никак не могла привыкнуть к этой мысли. Даже при том, что она пережила нашествие эльфов и уже два года прекрасно уживалась с настоящим домовым, случившееся с Саскией и Бенни все-таки казалось ей непостижимым.

Кристи кивнул:

— Пропала. Как будто ее и не было никогда.

Холли уловила дрожь в его голосе, дотянулась к нему через стол, взяла его руку в свою.

— Мы ее вернем, — сказала она. — И Саскию, и Бенни, и всех.

Она понимала, что это всего лишь слова, но иногда люди нуждаются в словах, даже когда они понимают, что обещание не обязательно будет выполнено.

Они сидели в квартире Холли — так же, как накануне вечером сидели с Боджо и Диком, разве что теперь вместо жестянщика были два брата Риделл и расположились они на кухне, а не в гостиной. Холли встала, чтобы во второй раз сварить кофе, и достала поднос с домашними булочками, испеченными вчера, но еще достаточно свежими, чтобы предложить их гостям, особенно если намазать их джемом. Кофе исчезал быстро, а вот аппетита, похоже, ни у кого не было.

В воздухе витало какое-то беспокойство, вызывавшее во всех потребность делать хоть что-нибудь, ибо никто не знал, что делать конкретно. Единственным, кого это не затронуло, был Джорди, но Джорди всегда славился своим спокойствием. Джилли сказала бы: «У него такой дар». Кристи то и дело отодвигал экран камина, чтобы, рискуя обжечься, прикурить новую сигарету. Дик курсировал между кухонным окном и окнами гостиной, выходящими на улицу, не объясняя, что он надеется там увидеть.

Холли было весьма неуютно. Выходило, что их с Диком только чудом тоже не затянуло в компьютер. Если бы Дик сразу не прервал связь с Интернетом...

«Не думай об этом», — повторяла она себе, наливая еще кофе.

— Значит, они все едут? — спросила она. — Эсти, Тип и все остальные?

— Похоже на то, — сказал Джорди. — У тебя сохранился старый компьютер?

Холли поискала глазами Дика, но он как раз был у окна в гостиной.

— Наверное, — сказала она. — Дик лучше знает.

Джорди вздрогнул при упоминании имени домового и огляделся по сторонам. Холли понимала, что происходит: Джорди не видел Дика — тот, будучи волшебным существом, ускользал от его сознания. Джорди забывал о нем, потом, услышав его имя и увидев его снова, удивлялся, как он мог забыть.

— Все нормально, — успокоила его Холли. — Дика очень многие так воспринимают, пока не узнают получше.

Джорди кивнул:

— Да, Кристи все время мне такое повторяет. И все-таки как-то тревожно, когда это происходит именно с тобой. Заставляет задуматься: может, ты и еще чего-нибудь не замечаешь.

— Кто чего не замечает? — спросил Кристи, в очередной раз прикурив от открытого огня.

Джорди пожал плечами:

— Я. Я не замечаю того, что сокрыто.

— Ты не виноват, — сказал Кристи. — Ты просто еще не научился, вот и все. Ты должен погрузиться в...

Он осекся, потому что на кухню ворвался Дик.

— Жестящик вернулся, — сказал он. — И привез друга.

— Жестящик? — переспросил Кристи.

— Это тот парень, который присматривает за квартирой Мэран, пока она в отъезде, — пояснила Холли. — Я вам рассказывала о нем.

Они услышали, как внизу, в магазине, зазвонил звонок, потом в дверь постучали. Холли встала.

— Пойду открою, — сказала она.

Она была рада, что больше никто с ней не пошел, потому что, открыв дверь, в ответ на теплую улыбку Боджо густо покраснела. Спутник Боджо был темнокожий, держался раскованно, его пронизательные глаза цепко и внимательно осматривали все вокруг. Он производил не менее сильное впечатление, чем Боджо, хотя его аккуратный костюм и мягкая шляпа резко контрастировали с богемной одеждой последнего, а в руке он держал выдавший виды чехол с гитарой. Войдя, он снял шляпу и зажал ее под мышкой.

— Вы, вероятно, Холли, — сказал гость, протягивая руку. — А я — Роберт Лонни.

Они обменялись рукопожатиями, потом Холли посторонилась, чтобы пропустить их в магазин. Она закрыла за ними дверь и снова заперла ее. Когда она обернулась, Боджо положил руку ей на плечо и слегка сжал его.

«Потише, сердце», — подумала Холли.

— Я же говорил, что вернусь, — сказал Боджо. — С подкреплением. Вот Роберт...

— Совершенно не разбирается в компьютерах, — продолжил за него Роберт, — но видел кое-что, что в этом мире не имеет смысла. — Он помолчал немного, потом улыбнулся. — А еще он терпеть не может, когда люди говорят о себе в третьем лице, так что прекращаю немедленно.

— Пока вас не было, обнаружили новые проблемы, — сказала Холли Боджо.

— С вами и с Диком все в порядке?

Холли кивнула:

— С нами все прекрасно. Но... впрочем, поднимитесь наверх, и вам все объяснят.

И она направилась к лестнице, ведущей наверх, в ее квартиру. За ней последовал только Боджо.

— А вы, мистер Лонни?

— Роберт, — поправил гитарист, быстро взглянул вверх, потом обвел взглядом магазин и снова сосредоточился на компьютерном столе.

— Вы что-то ищете? — спросила Холли.

Роберт покачал головой. Он продолжал внимательно изучать стол, потом повернулся и пошел вслед за ними к лестнице.

— Я просто пытался понять это место, — объяснил он, — почувствовать его. Кое-что из Другого Мира чуть не вышло сюда.

Холли кивнула:

— Если бы Дик так быстро не сориентировался, нас бы засосало внутрь, как и остальных.

— Кого это «остальных»? — спросил Боджо.

В глазах Роберта она прочла повторение этого вопроса.

— Вот об этом я и хотела рассказать вам, — сказала Холли. — Теперь это уже проблема не только моя и моего жалкого покалеченного компьютера. Впрочем, Кристи лучше объяснит.

— Пойдемте, — решительно сказал Роберт, а Боджо спросил: — Кто это — Кристи?

— Кристи Риделл, — бросила Холли через плечо, поднимаясь по лестнице. — У него и

у его брата Джорди кое-кто пропал в компьютере прошлой ночью. А были еще и другие исчезновения. Кажется, об этом даже в новостях говорили. Кристи считает, что это связано с сайтом «Вордвуд».

— «Ворд-вуд», — произнес Роберт так, как будто примеривался, что будет, если объединить два слова в одно.

Холли больше ничего не успела объяснить, потому что к тому времени они уже поднялись по лестнице и ей пришлось всех представлять друг другу. Джорди и Роберт хоть и мимоходом, но уже встречались раньше. Остальных надо было знакомить друг с другом. Роберту, похоже, было особенно приятно встретиться с Диком.

— У меня раньше не было знакомых среди Маленьких, — сказал он и тут же спохватился: — Вы не возражаете, что я вас так называю?

Дик покачал головой:

— О нет, сэр. Вы нас так называете уже тысячи лет, а мы вас столько же времени именуем Большими или Высокими.

— Очень рад знакомству, — сказал Роберт.

— Боррибл, — обратился Кристи к Боджо. — Какое необычное имя! Я, признаться, коллекционирую имена, но такое мне никогда не попадалось. Вы получили его при рождении?

Боджо кивнул:

— Оно восходит к тем временам, когда мы еще не были кочевым народом. Мы жили в гористой местности, и, когда торговцы впервые забрели в наши деревни, они просто называли нас аборигенами. Позже, когда у нас с ними несколько испортились отношения, они стали называть нас борриблами. Мой отец решил, что нам следует освоить этот термин, вытеснив негативные ассоциации, связанные с ним. И мне велено назвать этим именем своего первого сына, но я не такой жестокий человек.

Холли бросила на него обиженный взгляд. Она была разочарована — выходило, что ей он сказал неправду. Роберт только рассмеялся:

— Похоже, вы для каждого придумываете отдельную версию?

Боджо пожал плечами:

— Придумываю? Это как посмотреть. Где-нибудь и когда-нибудь все эти истории были правдой.

— Не понимаю, — сказала Холли.

— Жестянки таким образом обманывают время, — объяснил Роберт. — Они путешествуют из одного мира в другой, у них много жизней, а не одна. Так старости сложнее их догнать.

— Это правда? — спросила Холли.

— За исключением моей тетушки Мэран, мы все — люди неприкаянные. Очень мало кто из нас оседает на одном месте, как они с Сирином.

— Ну, если осесть значит путешествовать по полгода... — заметил Джорди.

Боджо задумчиво кивнул:

— Это мне как-то не приходило в голову.

Повисла пауза. Кристи переместился к камину, чтобы прикурить новую сигарету. Дик тоже поднялся со стула.

— Кого ты там высматриваешь? — решила наконец спросить Холли.

На сей раз домовый счел возможным ответить:

— Эльфов.

Боджо налил себе и Роберту кофе, остальные от кофе отказались. Роберт взял свою чашку и вернулся на стул, который облюбовал в углу. Он достал из чехла гитару и начал пощипывать струны. Звуки складывались в блюз.

— Судя по остаткам компьютера, которые я видел внизу, — сказал Роберт, когда Кристи и Дик вернулись в кухню, и голос его звучал в ритме его гитары, — и, принимая во внимание то, что я только что услышал, думаю, Боджо прав: мы имеем дело с магией и она,

эта магия, — не из древних.

— Значит ли это, что мы ничего не можем сделать? — с беспокойством спросила Холли.

Музыкант покачал головой:

— Наоборот, тот факт, что этот дух не старый, нам на руку. Значит, он менее опытен и, следовательно, его легче будет склонить к тому, что нам надо, — если, конечно, мы поведем себя правильно. Но для начала нам нужно вступить с ним в переговоры.

— Без монитора компьютер ни на что не годен, — сказала Холли. — Но можно поискать мой старый...

Она посмотрела на Дика, который все еще был на кухне.

— Он в кладовке, — сказал тот. — За коробками с «Нэшнл Джоигрэфик».

— Установить его? — спросила Холли.

Роберт кивнул:

— Но так как, похоже, никто из нас особенно не разбирается в компьютерах, возможно, следует дождаться ваших друзей. Когда осуществляешь подобный план, у тебя обычно есть только один шанс. Духи очень быстро все схватывают. Так что лишней секунды на обдумывание у нас не будет.

— Значит, шанс у нас все-таки есть? — спросил Кристи.

— О, разумеется, — ответил Роберт. — У человека всегда есть шанс. Беда лишь в том, что, когда мы наконец получаем то, чего нам так хотелось, оно не всегда ведет себя так, как мы предполагали.

— К чему это вы?

Роберт опять перешел в минорную тональность.

— Не волнуйтесь. — Он поднял взгляд от струн и мягко посмотрел на Кристи. — Я знаю, кто вы. Знаю, что вы уже давно изучаете все это. Только не говорите мне, что вас уже ничем не удивить.

— Не понимаю, — опять сказала Холли.

— Он хочет сказать, — пояснил Боджо, — что духи часто играют не по правилам. Допустим, вы просите богатства. И получаете пещеру, полную сокровищ, но не можете добраться до нее. Например, потому, что сидите в камере смертников и вам оттуда только один выход.

Холли вопросительно посмотрела на Дика, и домовый скорбно кивнул ей.

— Это правда, госпожа Холли, — сказал он. — Некоторые из старых развлекаются тем, что придумывают способы, как бы сдержать слово и в то же время сделать так, чтобы человек не смог этим воспользоваться.

— И все-таки я должен попробовать, — сказал Кристи.

— Разумеется, должны, — сказал Роберт. — Но прежде чем начать игру, нам надо привести мозги в полную боевую готовность. Прикинуть, чего хочет этот дух. Вычислить, как получить то, чего хотим мы, да так, чтобы у нас при этом руки не оказались связаны.

— Вы хотите сказать, что это будет очень трудно, — подытожил Джорди.

Роберт кивнул:

— О да. Это будет трудно. Но трудно — не значит невозможно.

Аарон

Одно из преимуществ работы в газете состояло в бесконечной череде бесплатных удовольствий. И это были не только книги и буклеты, которые Аарон каждый день уносил домой в кейсе. Так как он пристроился писать рецензии и обзоры для отдела развлечений, к нему попадал и весь материал рекламного свойства. Пресс-релизы новых CD, видео, DVD, майки, чашки, бокалы, часы, постеры — словом, все, что компания использует, чтобы прорекламировать свою продукцию.

В редакции дежурно шутили, что Аарон тащит домой все, что попадется под руку. Но

при этом они не знали, что он делал на этом маленький бизнес, например продавая кое-что в книжные магазинчики Кроуси. Не говоря уж о том, что иногда он надевал футболку с изображением Эминема или вешал афишу Мэрайи Кэри с автографом у себя в гостиной. Или пил свой утренний кофе из чашки с изображенными на ней персонажами «Симпсонов».

А еще он жадно хватал билеты на концерты, фильмы, шоу, и именно эта привычка привела его вчера в «Сэндиш-Холл» на концерт Кейси Чемберс, австралийской исполнительницы песен в стиле кантри. Она имела грандиозный успех у публики, заполнившей зрительный зал на три тысячи мест. Аарон не понимал, в чем секрет ее успеха. Ему лично не нравилась такая музыка — альт-кантри, американка, или как там еще она называется. Но поприсутствовать на занудном концерте первые двадцать минут — достаточно для того, чтобы написать небольшой отзыв и таким образом заработать себе на билеты на Элтона Джона в первый ряд.

Сейчас он сидел в своем кабинете, на лицо его падал голубоватый свет экрана компьютера. Он сочинял рецензию. От откровенных гадостей он удержался — редактор отдела развлечений придерживалась несколько иных взглядов, нежели Аарон, и предпочитала делать упор на позитивные стороны освещаемых событий. Но он не смог удержаться от парочки шпилек в адрес Австралии — страны, в которой никогда не бывал, но которую инстинктивно не любил. Лейтмотивом рецензии стала мысль о том, что в основе песен Чемберс о разбитом сердце, вероятно, лежит реальный опыт проживания в данной стране.

И потом, эта ее легкая гнусавость! Брала бы пример с настоящих певцов кантри, таких как Шанайя Твейн или Фейт Хилл.

Мелисса Лоуренс, редактор отдела развлечений, возможно, вырежет подколы, так как она равнодушна к Австралии вообще и к искусству Чемберс в частности, но, по крайней мере, Аарон не мог отказать себе в удовольствии поднять ей артериальное давление на миллиметр-другой. Особенно учитывая то, что вчера она не смогла присутствовать на концерте. Так ему и перепала эта работенка. Никогда не вредно, чтобы люди были тебе чем-то обязаны.

Самым важным во вчерашнем концерте была вовсе не музыка, а разговор, подслушанный им в толпе, входящей в зал. В парочке, идущей перед ним, он без труда опознал друзей Саскии и не смог удержаться от самодовольной усмешки, когда услышал, как они жаловались на то, что сайт «Вордвуд» недоступен. Его так и подмывало похлопать кого-нибудь из них по плечу и сообщить им о той роли, которую лично он сыграл в этом несчастье, но здравый смысл возобладал.

Неразумно было привлекать к себе внимание.

Некоторые субъекты из окружения Саскии были весьма нервны и склонны к ссорам. Это, видимо, присуще всем художественным натурам. Творческие личности.

Закончив писать колонку, он сохранил ее на флешке и выключил компьютер. Потом положил флешку в карман и отправился в редакцию. Он с таким же успехом мог послать Мелиссе текст почтой, но было воскресенье — в редакции «Искусства и жизни» пусто: прекрасная возможность порыться в новых поступлениях и урвать что-нибудь.

Поднявшись на эскалаторе, Аарон обнаружил, что редакция гудит как улей. Сотрудники сидели перед мониторами и как сумасшедшие барабанили пальцами по клавиатуре. Телевизор в углу был включен, работал канал Си-эн-эн, но Аарон сразу не понял, о чем там шла речь. Итак, либо в мире произошло что-то из ряда вон выходящее, либо что-то случилось с кем-то из редакционных.

Какая-нибудь сенсация, решил он, заметив, что несколько самых крепких ребят сидят у своих компьютеров. Чак Тремейн. Барбара Хейли. Роб Уэтли. Их ни за что не застанешь на работе в выходной, если не случилось чего-то особенного, достойного того, чтобы они пожертвовали своим свободным временем. В надежде получить окончательное подтверждение своим подозрениям Аарон бросил взгляд на застекленную перегородку офиса Кэтлин Уинтер. В офисе редактора отдела новостей торчало полдюжины сотрудников

производственного отдела: кто сидел за столами, кто стоял. Возможно, это означало, что Кэтлин выпускает экстренный, дополнительный выпуск газеты и ей нужна помощь материально-технического порядка.

— Что происходит? — спросил Аарон у троих журналистов, собравшихся вокруг ближайшего к эскалатору стола.

К нему повернулся один из них, Гарольд Коул.

— Боже, Гольдштейн! — сказал он. — Ты что, в пещере живешь? Си-эн-эн уже несколько часов только и говорит что об этом.

Аарон пожал плечами:

— Меня не было дома вчера вечером, а сегодня утром я не включал телевизор.

— Ну и как она, ничего?

Это был уже Марк Сейкерс, только что окончивший Школу журналистов и всегда готовый выслушать очередную историю о сексуальных победах Аарона. Аарон никогда его не разочаровывал, даже если приходилось сочинять все от начала до конца.

— Да они всегда у меня ничего, — ответил он Марку, повернувшись при этом спиной к Гарольду. — Нет, серьезно, что случилось?

— Си-эн-эн называет их «исчезнувшие» — чтобы не оскорбить тех, чьи родственники пропали из-за произвола латиноамериканских диктаторов. Но это слово, как и любое другое, не совсем подходит, когда речь идет о нескольких сотнях людей, которые просто испарились из своих домов прошлой ночью.

— Что значит «испарились»?

— Это значит пропали без следа, — пояснил Джордж Хупер. Он был третьим из репортеров, собравшихся вокруг стола Гарольда, — пожилой хиппи с седыми волосами, собранными сзади в хвост. — Вот они здесь — и вот их уже нет.

— Но... как это возможно?

Джордж усмехнулся:

— Это невозможно. Потому и весь переполох.

— Сколько, говорите, человек? — спросил Аарон.

Гарольд посмотрел на экран телевизора, Аарон последовал его примеру, но не увидел там ничего и никого, кроме ведущей-блондинки с патентованно-серьезным выражением лица.

— Кажется, еще недавно было сто пятьдесят, — сказал Гарольд. — В последний раз, когда сообщали.

— Все из нашего города? — спросил Аарон.

Джордж покачал головой:

— По всей стране, и за границей тоже.

— У нас в редакции тоже не без потерь, — вставил Марк. — Один исчез прошлой ночью из своей квартиры. Случай — из ряда вон.

У Аарона засосало под ложечкой.

— Кто это? — спросил он, хотя уже почти знал ответ.

Эта догадка пришла к нему мгновенно, как вдруг приходит хорошая мысль, когда пишешь статью.

— Джексон Харт, — сказал Марк. — Ты его знал?

Аарон покачал головой:

— Видел как-то, был у него в офисе. Что значит «случай из ряда вон»?

— Вот тут-то и начинается самое интересное, — ответил Джордж. — Вроде бы его квартирная хозяйка слышала какие-то хлюпающие звуки из-за двери. Когда она заглянула в прихожую, то увидела какую-то черную вязкую дрянь, которая стекала по лестнице из-под двери Харта. Она стала колотить в дверь, но никто не открыл. Тогда она своим ключом открыла дверь, и вся эта гадость полилась сплошным потоком.

— Что это еще за жидкость?

Джордж пожал плечами:

— Почем я знаю! В общем, она делает ноги и зовет копов. В комнате никаких следов Харта, а она божится, что слышала, как он прошел к себе наверх несколько минут назад. И больше не выходил. А потом, представь себе, через каких-то минут пятнадцать черная жидкость исчезает, как будто ее и вовсе не было. Ну не странно ли?

— Да, это не шутки, — сказал Аарон.

И почему, интересно, он сразу же догадался, что пропал именно Джексон? И откуда он знал, причем совершенно точно, что все это как-то связано с тем шантажом? Как именно связано — этого он не знал. Но что исчезновения имеют к этому какое-то отношение — не сомневался.

— Да, когда случаются подобные вещи, то можно пожалеть, что ты не настоящий репортер, — сказал Гарольд.

Аарон рассеянно кивнул, не отреагировав на подкол.

— У вас, ребята, у всех задания? — спросил он.

— Мы ждем, когда Уинтер закончит с производственными и проведет с нами совещание.

— Ну, желаю удачи, — сказал Аарон.

И пошел к Мелиссе. Он вынул из кармана отзыв о концерте Чемберс, бросил его на стол редактору и ушел, даже не взглянув на новые поступления, расставленные в шкафу позади ее стола и сваленные в коробках у стенки.

Из редакции Аарон пошел прямо домой и включил телевизор. Он сел на тахту, нашел Си-эн-эн и посмотрел наконец новости. Все это показывали уже по десятому разу, но для Аарона все было внове, и он смотрел с величайшим удивлением и недоверием.

По правде говоря, он как-то не очень всерьез принял рассказы своих коллег. Нет, он понял, что произошло нечто серьезное, но не до конца поверил, что речь идет о массовом исчезновении людей, решив, что Гарольд и остальные просто-напросто его разыгрывают. Он знал только, что это имеет отношение к Джексону Харту и, следовательно, может иметь какое-то отношение и к нему самому. Какое именно — Аарон пока не знал. Он понятия не имел, что происходит, поэтому и решил пойти домой и включить телевизор, чтобы не выглядеть дураком, расспрашивая народ в редакции.

Вот оно все — на экране, и, если только Си-эн-эн не выдрало наудачу страницу из Уэллса и не экранизировало заново «Войну миров», выходило так, что все это действительно происходит.

Исчезнувшие.

Если верить цифре в нижнем углу экрана, число людей, пропавших без следа по всему миру, достигло уже восьмисот шестидесяти трех. Половина из них приходилась на США.

«Ну, по крайней мере, о компьютерах не сказано ни слова, — подумал он, когда ведущая закончила программу. — Ко мне это не имеет отношения». Исчезновение Джексона Харта — простое совпадение. Ложная тревога — никто не станет связывать это происшествие с Аароном и его шантажом.

И все же он никак не мог избавиться от жутковатого чувства, которое охватило его, когда он впервые услышал эту новость в редакции. Возникли некоторые вопросы, которые изрядно действовали ему на нервы. Например, почему власти скрывают тот факт, что исчезновение как-то связано с компьютерами?

Это был приемчик, к которому они и должны были прибегнуть, надеясь, что объявится какой-нибудь шлимазл, который высунется и скажет, что знает больше, чем сообщают по телику. Даже спрашивать сейчас ни о чем нельзя, чтобы не навлечь на себя неприятностей.

И все-таки Аарону нужно было кое-что узнать.

Он посидел еще немного, пялясь в экран, но уже не слыша голоса ведущей. Потом выключил телевизор, надел пальто. И снова вышел.

«Не делай этого, не надо», — твердил он себе, но ноги сами несли его к дому Джексона Харта.

— Я уже говорила с людьми из вашей газеты, — сказала квартирная хозяйка.

Она отпихнула было удостоверение Аарона, но потом пригляделась повнимательнее.

— Я вас знаю, — сказала она. — Джексон говорил о вас.

Страх крепко сжал Аарону горло.

— Вот как? — спросил он, с трудом ухитряясь говорить спокойно.

Женщина кивнула. Хотя ей, судя по всему, было не больше тридцати восьми, как и ему самому, он дал бы ей больше. Он отнес бы ее скорее к поколению своих родителей, чем к своему, — что-то такое было в покрое ее юбки и блузки, в этих коричневых туфлях. Ее косметика и не поддающаяся описанию стрижка только усиливали впечатление.

— Надеюсь, ничего плохого? — спросил Аарон.

— О нет! Наоборот, он вами восхищался. Тем, что вы прочли так много книг и пишете о них умно и в то же время доступно.

— Правда?

Боже мой, подумал он. Неудивительно, что Джексон открылся ему в ту ночь в баре. А он чем ему отплатил? Обвел вокруг пальца, а потом шантажировал.

Квартирная хозяйка все кивала:

— Да-да. Вообще-то, он не часто о вас говорил. Я так понимаю, что вы были знакомы по работе.

— Дело в том, что я вообще толком не знал его.

— Что ж, тем более делает вам честь, что пришли, услышав о том, что с ним случилось.

Аарон даже заморгал от удивления. Ему показалось, он попал в какое-то другое, сюрреалистическое измерение, где квартирные хозяйки в затрапезной одежде изъясняются правильным, изысканным языком, где люди вообще говорят друг о друге только хорошее. В нормальной жизни такого не бывало. Аарон хотел нравиться людям, но он прекрасно знал, что сам убивает любые отношения — романтические или какие-либо еще — своей постоянной потребностью контролировать партнера. Доминировать. Быть главным.

Время от времени он даже делал; попытки исправиться, но ему никогда это не удавалось надолго.

— Надеюсь, с ним ничего плохого не случилось. — Вот и все, что ему удалось выдать из себя.

— И я надеюсь, — сказала квартирная хозяйка. — Джексон — хороший человек. Он так много работал, чтобы добиться успеха. Большинство людей с таким, как у него прошлым, никогда не преуспели бы.

Аарон понятия не имел, о чем она. Но хотя ему и любопытно было узнать, что она имеет в виду, больше всего сейчас ему хотелось убраться отсюда.

— Если... то есть когда он вернется, — сказал он, — передайте ему, пожалуйста, что я заходил.

Хозяйка кивнула:

— Поминайте его в своих молитвах, мистер Гольдштейн.

— Да, конечно. Спасибо, что уделили мне время.

— Было очень приятно познакомиться.

Аарон ретировался. Он поднял руку, как бы прощаясь, и стал отступать через парадную дверь, постоянно ощущая на себе тяжесть взгляда квартирной хозяйки.

Отойдя на полквартила, он остановился и оглянулся, чтобы бросить еще один взгляд на дом. Он уже не очень четко помнил, что там произошло сегодня, и совершенно не понимал, зачем сюда приходил. Что он надеялся узнать? Дверь квартиры Джексона была опечатана желтой полицейской лентой, и не приходилось рассчитывать на то, чтобы хозяйка позволила Аарону войти. Он не мог спросить о том, связано ли исчезновение Джексона с компьютером и не говорил ли ей Джексон про сайт «Вордвуд».

Он ничего не узнал о той странной жидкости, которую видела хозяйка перед исчезновением Джексона. Он вообще ничего не узнал, кроме того, что знал и раньше. Что он

негодяй, Аарон знал о себе и тогда, когда сидел вечерами дома, потому что ему некуда было пойти и никто ему не звонил.

Вздыхнув, он отвернулся от дома Джексона и пошел прочь. Боже мой, какой отвратительный выдался день! И улучшения не ожидалось. Можно было, конечно...

— Лишней мелочи не найдется?

Аарон сначала не заметил нищенки, жавшейся к двери магазина, мимо которого он проходил.

«Нет, зато найдется лишняя слюна», — хотелось ему ответить и, может быть, плюнуть в ее ладонь. Или, по крайней мере, сказать ей какую-нибудь грубость.

Эти нищие на улицах раздражали его: и здоровенные пьяницы, пытающиеся вытрясти из каждого прохожего несколько долларов, и хитрые попрошайки, которые прикидываются несчастненькими, а у самих имеется вполне приличное жилье. Они почему-то рассчитывают, что люди, подобные Аарону, должны их содержать.

Но когда он остановился и получше разглядел нищенку, его раздражение сменилось любопытством. Несмотря на грязное личико, какие-то обноски и слипшиеся, давно немые светлые патлы, было видно, что она хорошенькая. И еще он заметил, несмотря на ее мешковатую футболку и скейтбордистские штаны, что у нее и неплохая фигура, — может быть, слишком худа, но пропорции очень даже ничего.

Он мгновенно почувствовал к ней влечение, правда смешанное с жутковатым ощущением, которое он не мог бы точно определить. Возможно, дело было в том, что ее возраст как-то не определялся. Может быть, чуть за двадцать, а может, и не было двадцати. В общем, почти вдвое моложе его.

Тут надо быть осторожным: она могла оказаться несовершеннолетней. Но он так давно вынашивал идею подобрать на улице какую-нибудь девчонку, привести домой, отмыть...

Если сделать все правильно, может получиться неплохо.

Его взгляд упал на изображение мужчины на ее футболке. Он прочитал слоган: «Помни Дадли Джорджа». Уже через секунду эйдетическая память подсказала ему эту историю: тридцать пять аборигенов мирно протестуют против захвата земли — это их земля, там находится древнее захоронение. Протестовавших разогнали двести пятьдесят вооруженных полицейских. В результате этот самый Джордж был убит, и это сгубило карьеру копа, который его застрелил. Это случилось больше пяти лет назад, но только сейчас дошло до суда.

— Думаете, его семье удастся выиграть судебный процесс? — спросил Аарон.

Искра удивления и заинтересованности в ее глазах подсказала Аарону, что она у него на крючке. «А теперь остороженько», — сказал он себе.

— Что? — ответила она. — И помешать правительству спокойненько иметь индейцев?

Аарон кивнул:

— То-то и оно. Я никогда не понимал, почему они не могут взять себя в руки и просто делать все как положено.

— Деньги, — ответила она, сделав соответствующий жест пальцами правой руки. — Кто-то делает большие деньги, кто-то и мелочью рад поживиться. — Она улыбнулась. — Так кто вы? Правозащитник?

— Не то чтобы... — ответил Аарон. — Просто я считаю, что надо по мере сил противостоять несправедливости.

В каком-то смысле так оно и было, пока это не грозило снижением его собственного уровня жизни, разумеется.

Аарон выдержал небольшую паузу, после чего перешел к более личным темам.

— Кажется, у вас трудные времена? — спросил он.

Она пожала плечами:

— Вообще-то, сейчас нет особого экономического спада, но...

— Расскажите это тем, у кого нет работы, — закончил за нее Аарон. — К тому же стало так трудно получить пособие, что многие даже и не пытаются.

Она бросила на него оценивающий взгляд.

— Так кто же вы такой? — спросила она. — Социальный работник?

Аарон рассмеялся:

— Нет, я редактор, работаю в газете. Меня зовут Аарон.

Она пожала протянутую ей руку. Ее рука была маленькой, но рукопожатие — крепким.

— А меня — Сюзи.

— Приятно познакомиться, Сюзи, — сказал Аарон. — Хотя, конечно, я предпочел бы, чтобы знакомство произошло при более счастливых обстоятельствах — для вас, я имею в виду.

— О, я справляюсь!

— Вы давно на улице?

— Достаточно давно, чтобы знать расценки.

— Вы о чем?

— Ну, вы же меня клеите, так ведь? Разве что немножко опасаетесь, вдруг я окажусь малолеткой.

Аарон замотал головой:

— Да нет, я вовсе не...

— Так вот, я не малолетка, — продолжала она, — но я не трахаюсь за деньги, или за что там еще вы хотели мне предложить.

— Вы меня с кем-то спутали. Наверное, кто-то сильно вас обидел, — сказал Аарон. — Я просто остановился поговорить, хотя, конечно, меня не может не занимать вопрос, как вы докатились до такой жизни. И мне правда это очень неприятно.

Она опять внимательно посмотрела на него:

— И вы не прикидываете сейчас, как бы залезть ко мне в трусы? Ну, для начала, конечно, предложить мне принять душ у вас дома, накормить, а потом уже переспать или чтобы я сделала вам минет.

Она его явно отшивала, но он сделал вид, что не замечает этого.

— Не буду врать, что такая мысль не приходила мне в голову, — сказал он, — в смысле, предложить вам помыться и поесть.

— Что ж, так бы и...

— Но я не собирался этого предлагать, — продолжал он, Не дав ей договорить, — потому что, как только эта мысль пришла мне в голову, я сразу понял, как вы можете расценить мое предложение, а я вовсе не хотел вас обидеть. Мне кажется, вам и так нелегко приходится, не хватало вам еще расстраиваться из-за моих намерений.

— Ага. Как будто...

— Я бы с удовольствием просто дал вам денег, — солгал он, — но у меня в данный момент в кармане ни цента. — Он улыбнулся. — Слишком потратился вчера и еще не успел дойти до банкомата.

Она покачала головой:

— Вы так искренне врете!

— Послушайте, — сказал Аарон, — я лучше пойду.

Но когда он уже повернулся, чтобы уйти, она удержала его за руку. Если бы она этого не сделала, он нашел бы другой предлог остаться.

— Итак, вы редактор, — сказала она, отпуская руку.

Он кивнул:

— Да. В «Дейли джорнал». Хотя обычно я занимаюсь рецензиями. Знаете, обзоры, отзывы и всякое такое. В общем, сам я книг не пишу.

— Стало быть, вы не старый хрен, у которого стоит только на уличных девчонок-малолеток?

— Послушайте, я не так уж стар!

Она кивнула:

— Да, пожалуй.

— Ну, я пойду, — сказал он. — Если в следующий раз, когда мы встретимся, у меня будут деньги, тогда...

— Подождите, — остановила она его. — Послушайте, может быть, это покажется вам грубым. Я уже отшила дюжину здоровенных парней за то время, пока ошиваюсь здесь на улице. Эти сучки — деловые женщины — на меня только фыркают.

Он кивнул, чтобы показать, что внимательно слушает.

— Дело в том, — продолжала она, — что я уже сто лет нормально не ела и прямо умираю как хочу принять душ. Я бы пошла с вами, но в последний раз, когда я попробовала кому-то поверить, мне чуть не порезала лицо одна лесбиянка, которая решила, будто я покушаюсь на ее сокровище. Так что...

Аарон выждал несколько секунд.

— Так вы отвечаете за себя? Вы действительно предлагаете мне просто помыться и поесть?

— Не случится ничего такого, чего вы сами не хотели бы, — заверил ее Аарон. — Вы можете даже выспаться, но я действительно настаиваю, чтобы вы перед этим приняли душ. А потом постелю вам на диване.

Она издала короткий смешок:

— Да, понимаю. Я сейчас действительно не в лучшей форме.

— С вами все в порядке, — заверил Аарон. — Просто у вас тяжелые времена.

— Итак... — она судорожно сглотнула, прежде чем продолжить, — если ваше предложение все еще в силе...

— Разумеется, в силе.

Она поколебалась еще несколько секунд, потом взяла свою холщовую сумку, которая лежала у самой двери магазина.

— Давайте я понесу, — предложил Аарон.

Он понимал, что она нервничает. Он знал, что она не хотела бы расплачиваться за его услугу своим телом. Но он верил в свои способности уговорить кого угодно на что угодно. Он мог быть очаровательным целый вечер. Это длительные отношения ему не удавались. Все, что дольше уикэнда.

Единственное, что его сейчас волновало, — это вспышка беспокойства, которую он ощутил, когда увидел ее. Потому что беспокойство не прошло. Оно, правда, и не усилилось, чего нельзя было сказать о его желании обнять ее, почувствовать, как она обнимает его...

Он имел все основания опасаться. В последний раз он чувствовал это сочетание острого желания с легкой жутью, общаясь с Саскией, и ни к чему хорошему это не привело. Но на этот раз он постарается не терять голову. Может быть, У него просто нервы расшалились от этой истории с Джексон. Или это из-за того, что он не уверен в ее возрасте.

— Вы местная? — спросил он по пути.

Он нес через плечо ее сумку, а сам держался на почтительном расстоянии.

Она покачала головой:

— Я нигде не местная. Мы так много переезжали, когда я была маленькая...

Холли

Холли вздрогнула и проснулась. Оказалось, что она задремала прямо здесь, за кухонным столом. Интересно, заметил ли кто-нибудь?

Дик ушел к себе в комнату еще раньше — чтобы лечь спать, как он сказал, но Холли знала, что на самом деле он читает. Чтение и уборка — эти два занятия поддерживали домового, особенно когда он волновался. Кристи тоже ушел — должно быть, в один из своих бесчисленных походов к камину. Боджо улыбнулся, когда она бросила взгляд на него. Он-то заметил, что она отключилась на несколько секунд. Она опять покраснела: от удовольствия, что он обращает на нее внимание, и от злости на себя за то, что ведет себя как школьница.

Роберт и Джорди, однако, ничего не заметили. Холли прислушалась к их разговору.

— ...правда? — расслышала она конец фразы Джорди.

— Сколько? — Роберт пожал плечами. — Смотря о каких историях вы говорите. Я бы сказал, не так уж много, — он улыбнулся, — но достаточно, чтобы кое у кого отвисла губа.

Холли нравились его интонации. Все, что произносил, он сопровождал музыкой, которую, казалось, произвольно извлекал из своей гитары. От этого возникало впечатление, что он исполняет старинную балладу. Холли поверх очков посмотрела на часы, которые висели над плитой. Было уже почти девять. Они установили ее старый компьютер на столе в столовой, сдвинув в сторону груды книг и журналов. Они с Диком все равно всегда едят на кухне.

Почти девять. Через несколько часов приедут Эсти и остальные. А пока им остается только волноваться и ждать.

— Но понимаете, в чем дело, — продолжал Роберт. — Если задержаться подольше, все неизбежно обрастет историями. Я не в счет — огни рампы меня не привлекают. А когда тебя трудно увидеть и вообще найти, люди быстро забывают, что в тебе есть нечто необычное.

— С глаз долой — из сердца вон, — сказала Холли, включаясь в разговор. Может, это поможет ей не уснуть снова.

Роберт кивнул:

— Более того, у всех нас в голове есть некое подобие тумблера, с помощью которого мы быстренько переключаемся на другой канал с волны воспоминаний, которые кажутся нам бессмысленными. Некоторые из нас загоняют их в подсознание и вызывают только тогда, когда бывают одни. Может быть, ночью, лежа в постели и не в силах заснуть, мы слышим какой-нибудь скрип. А иные достигают таких успехов, что начисто стирают эти воспоминания из памяти.

— Значит, история о перекрестке?.. — начал Джорди.

Роберт широко улыбнулся:

— Далеко не пойдет.

— Но вы действительно?..

— О, мне случалось оказаться на перекрестке раз или два, — сказал Роберт. — Я бы сказал, что их переоценивают. С тайнами всегда так.

— Кроме тех случаев, когда их недооценивают, — сказал Боджо.

Роберт засмеялся.

— Так вы сталкивались с чем-нибудь подобным прежде? — спросил Джорди.

Роберт и Боджо оба покачали головами.

— Есть очень много такого, о чем я никогда и не слышал, — ответил Роберт. — Иногда меня поражает буквально все.

Джорди кивнул:

— Но это все-таки нечто совершенно новое. Я слышал, как Кристи, Джилли и профессор говорили о чем-то подобном. Но не о таком, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Кажется, понимаю. Итак, позвольте мне сформулировать это таким образом: дух, с которым мы здесь имеем Дело, нам незнаком. Что до исчезновений, то это не новость.

— Нет?

— Покопайтесь в истории, и вы найдете длинный список людей, исчезнувших без следа за одну ночь. Целые армии в Китае. Ацтекская цивилизация. Корабли в Бермудском треугольнике. Племена индейцев на юго-западе Америки. Деревня в Новой Англии. Еще одна в Шотландии.

Теперь все не моргая смотрели на него. Роберт положил пальцы на струны гитары, как бы успокаивая ее.

— Видите ли, — сказал Роберт, — духи — некоторые духи — жаждут внимания. Одним достаточно молитв и ритуалов. Другие находят более драматические способы напомнить о себе. Я не знаю, куда деваются люди, которых они забирают, и даже почему они

их забирают, но то, что такое случилось и раньше, — это точно.

Джорди посмотрел на кухонную дверь. В проеме стоял Кристи, он опять курил.

— Они когда-нибудь возвращались? — спросил он.

Роберт помедлил секунду, потом покачал головой. Он выждал несколько тактов и заиграл новый блюз, едва касаясь пальцами струн, так что присутствовавшие даже не слышали музыку, а, скорее, догадывались о ней.

Слова музыканта словно придавили всех своей тяжестью.

Холли вздохнула и снова прикрыла глаза, положив голову на руки. Ну почему бы ему не соврать? Не оставить им хоть каплю надежды?

Как будто прочитав ее мысли, Роберт добавил:

— Но, как я уже говорил Кристи, это не значит, что мы не должны стараться вернуть их.

— Но...

— Если чего-то никогда не делали раньше, это не значит, что этого нельзя сделать. Когда-нибудь все случается впервые.

Сюзан Чанси

Идти к незнакомому человеку домой, чтобы принять душ, — такое поведение не казалось Сюзан безупречным. Но пока все шло не так уж плохо. С Аароном было легко. Он, конечно, слегка кокетничал, но явно и бессовестно не клеился. И к тому же, господи, как она соскучилась по душе!

Она вышла из ванной с мокрыми и взъерошенными волосами, в слишком большой для нее футболке с изображением Хитер Новы и в махровом халате. Аарон разрешил ей оставить футболку себе: «Вы не поверите, сколько всякого такого приносят в редакцию каждую неделю». Грязную одежду, которую она сняла с себя, и ту, которая была у нее в холщовой сумке, уже загрузили в стиральную машину Аарона.

Это был почти рай.

Аарон вышел из кухни с чашкой чая для нее:

— Я подумал, что лучше нам поесть дома, раз у вас не во что переодеться.

— Классно, — ответила она.

— Как насчет омлета?

Она улыбнулась:

— Эти мне мужчины со своей холостяцкой едой. Это у всех вас на уровне рефлекса: чуть что — сразу жарить яичницу.

— Можно придумать и что-нибудь другое.

— Да нет, я люблю яйца. — Она отхлебнула из чашки. — Послушайте, а что, если, пока вы готовите омлет, я проверю свою почту?

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Да, — сказала она, — бродяги тоже пользуются электронной почтой. Все, что нужно, — это завести себе электронный адрес и накопить пару баксов на интернет-кафе. Черт возьми, некоторые библиотеки даже разрешают пользоваться почтой бесплатно.

— Конечно. Компьютер вон там, в углу.

Сюзан оглянулась и увидела изящный ноутбук на красивом антикварном письменном столе в углу комнаты. Стол был из красного дерева, с гнутыми ножками и прорезями для конвертов сзади.

— Вы не могли бы сами войти в Интернет? — попросила она. — Просто не хотелось бы что-нибудь испортить в вашей машине. Да нет, не волнуйтесь, — добавила она, когда увидела, что он слегка забеспокоился. — Дальше все будет нормально. Просто мне кажется, каждый компьютер как-то по-своему подключается.

— Нет проблем, — кивнул он.

Она последовала за ним к столу и молча наблюдала, как он загружает компьютер.

Наконец он кликнул два раза по иконке «Эксплорер», и на экране появилось окошко браузера.

— Ну вот, все готово, — сказал Аарон, вставая со стула.

Сюзи села на его место:

— Спасибо.

Она набрала URL почты «Хотмейл». Аарон ушел на кухню. Ожидая появления странички, она, воровато взглянув на кухонную дверь, быстро открыла «Избранное» и просмотрела сайты, на которые он заходил.

«Все нормально», — подумала она. Еще один добрый знак. Никаких порносайтов или сайтов с извращениями. Никаких «Мои любимые серийные убийцы».

Может, он и правда будет держаться в рамках. Конечно, это первое, что следовало бы выяснить. Но она была такая грязная и все еще оставалась такой голодной, что просто не могла упустить подобный шанс. Люди в этом городе не очень-то заботились о попрошайках, к тому же воскресенье в этом смысле вообще день тяжелый.

Вообще-то, этих выходных она даже ждала. Неделя выдалась трудная, но в субботу ей повезло на рынке: она насобирала достаточно денег, чтобы две ночи провести в гостинице, и еще оставалось на прачечную и на два раза прилично поесть. Если взять суп и сэндвич в пышечной, то как раз хватит. Конечно, тогда она останется без гроша к началу следующей недели, но, по крайней мере, будет чистой, отдохнувшей и сытой. Можно было бы большую часть понедельника потратить на поиски работы и только потом снова начать попрошайничать.

И все было бы хорошо, если бы кое-кто не заметил, что ей везет. По пути в пышечную двое парней затащили ее в глухой двор. Один из них показал ей нож и велел вывернуть карманы. Они забрали бумажные деньги и мелочь — все, что она насобирала за день. Тот, который был без ножа, взял деньги. Тот, что с ножом, гадко усмехнулся, а потом свободной рукой ударил ее в живот.

Она отлетела к мусорным бакам и упала на землю. Когда ей удалось подняться, их уже не было.

Наверное, ей повезло, что не случилось ничего похуже. Эти могли бы и душу из нее вытрясти. Или изнасиловать. Но вчера вечером, когда она сидела у магазина, скорчившись от боли и голодного урчания в желудке, ей не казалось, что ей повезло. И сегодня утром она тоже не чувствовала себя особенно удачливой.

Итак, она решила рискнуть с Аароном, и, кажется, не зря. Черт возьми, можно было бы даже поймать его на слове: он ведь сам предложил ей постелить на диване на ночь.

Она отхлебнула еще чаю и проверила свой почтовый ящик. Пришло кое-что, но сплошь спам. И опять ничего от Мэри.

Сюзи вздохнула. Она все еще не оставляла надежды наладить связь со своей младшей сестренкой. Но прошло уже три месяца с того ужасного дня, а Мэри по-прежнему не отвечала на телефонные звонки и письма. Сюзи боялась, что они уже больше никогда не поговорят друг с другом.

Конечно, она понимала, что Мэри расстроена. Даже травмирована. Они вдвоем сидели тогда на кухне в доме, где Сюзи жила с мужем, вернее сказать, с бывшим мужем, Дэррилом. Дэррил в тот вечер напился. Не то чтобы очень, но он выпил шесть банок пива одну за другой. Когда он снова полез в холодильник за пивом и обнаружил, что оно закончилось, он пришел в ярость.

Это было что-то новое. Не его ярость, а то, что он не стал сдерживаться при Мэри. Обычно Дэррил очень старался быть осторожным при посторонних, тем более он знал, что Мэри его обожает, так что в ее присутствии он соблюдал особую осторожность. Но не в тот вечер. В тот вечер он так сильно ударил Сюзи, что она упала со стула. Когда она начала вставать, он ударил ее снова. Он обругал ее. Потом обругал и Мэри, когда та заплакала. Пригрозил, что и ей влетит, если она не заткнется. От этого Мэри заплакала еще сильнее.

Он шагнул к Мэри, поднял руку, но Сюзи удалось встать между ним и своей младшей

сестрой. Она приняла удар на себя. И что-то в ней как будто щелкнуло. Ее страх и слабость отступили, откуда-то вдруг появилась смелость. Или, может быть, он так сильно ее ударил, что просто выбил из нее всю слабость. Больше ей нечего было бояться. Разве что за Мэри. Она должна была защитить свою младшую сестру от монстра, в которого превратился ее муж.

Что бы это ни было, но Дэррил, взглянув ей в лицо, вдруг отступил. Он пристально посмотрел на нее — и в его взгляде было обещание вновь причинить ей боль — и вышел вон, хлопнув дверью.

Сюзи повернулась к Мэри, чтобы утешить. Но сестра оттолкнула ее.

— Как ты могла? — крикнула она. — Как ты могла так поступить с ним?

И тоже убежала. Через заднюю дверь.

Сюзи долго стояла посреди кухни, тяжело опершись на кухонный стол. Потом взяла телефон. Начала было набирать 911, но потом медленно повесила трубку. Пошла в спальню. Каждый вздох причинял ей боль. Она взяла старую холщовую сумку, которая не раз сопровождала ее, и побросала туда самое необходимое. Сунула в сумку деньги, что предназначались для похода в бакалею. И тоже ушла.

Не в первый раз она уходила от мужа. Но впервые это было так серьезно. Впервые прежняя любовь к нему не залечила ей раны и не успокоила ее гнев. Любовь наконец прошла.

Но и поддержки теперь ждать было неоткуда. Неизвестно, что сказал Дэррил своим друзьям и ее родителям, — а может быть, это Мэри поговорила с мамой и папой, — но теперь Сюзи была парией для своей семьи.

Она сразу отложила денег на еду и пару ночей в мотеле и села в самый дальний автобус. Так она оказалась в Ньюфорде и стала жить на улице. Забавно, как быстро все это происходит. Забавно, как безошибочно работодатели вычисляют твое отчаяние, как бы хорошо ты ни прятал его.

Сразу подвалили сутенеры, но ей удалось не подпустить их. Она могла бы работать в стриптиз-баре, но предпочла жизнь попрошайки ежевечерним раздеваниям в комнате, полной Дэррилов.

Она потерла лоб, потом слегка ущипнула себя за переносицу.

Все это время она не сводила взгляда с экрана, но уже несколько минут его не видела. Мысли ее были сосредоточены на чем-то очень далеком, вся жизнь прокручивалась сейчас перед ее глазами.

Странно, как далека она была сейчас от всего этого. Неужели три месяца на улице сделали ее такой толстокожей?

Ей сейчас так легко было смотреть на свою жизнь со стороны, как будто это была чья-то чужая жизнь, как будто она где-то слышала о ней, а не прожила ее сама. Какую же цену надо будет заплатить, чтобы стать свободной? Она была счастлива, что все решила сама, сделала свой выбор, даже если этот выбор — жить впроголодь. И все-таки она беспокоилась о цене.

У нее всегда было великолепное чутье. Наверное, и осталось. Но в данный момент она чувствовала только огромное счастье оттого, что она — чистая, может выпить теплого чая, имеет возможность расслабиться хоть на секунду, забыть, что все вокруг — враги.

Она больше не любила Дэррила, но не испытывала никакой злости и ненависти, когда вспоминала о нем. Она даже страха больше не испытывала. Она понимала, что Мэри и родители несправедливы к ней, но ее обида имела какой-то умозрительный характер, она не затрагивала ее души.

Как все события и переживания могли настолько померкнуть?

Еще раз вздохнув, Сюзи постаралась выбросить все это из головы и сосредоточиться на экране. Она убила весь спам не читая, а потом составила письмо сестре:

Я скучаю по тебе, Мэри. Пожалуйста, напиши мне.

Она отослала его и уже хотела закрыть браузер, когда посередине экрана вдруг выскочило маленькое окошечко. Она думала, что это реклама, и уже собиралась нажать на крестик в углу, но оказалось, что это изображение.

Это было зернистое черно-белое фото молодого, симпатичного темнокожего юноши. Он стоял в каком-то дремучем лесу из микросхем, проводов и прочей электронной мути. Ракурс был таков, что ей казалось, будто она смотрит на него сверху вниз с большого расстояния.

Она ждала, что будет дальше, положив палец на мышку, готовая закрыть окошко. Но текст, который пошел понизу, оказался вовсе не рекламой:

...Аарон... Помогите... Мне... Аарон... Помогите... Мне...

Она смотрела, как слова ползут по нижнему краю окошечка. Потом бросила взгляд на кухонную дверь.

— Аарон! — позвала она.

Он высунулся из-за двери.

— Посмотрите-ка, — сказала она.

Она встала со стула, чтобы освободить ему место перед компьютером.

— Что там такое? — спросил он.

Но стоило ему взглянуть на экран, увидеть фото, прочесть текст, и он побледнел как полотно. Он повернулся к ней:

— Как вы?.. Что вы делали?

— Я ничего не делала, — ответила Сюзи. — Честное слово! Просто появилось окошечко.

Она закусила губу, стараясь понять, что же все-таки она такое сделала. Казалось, его сейчас хватит удар.

— Вы знаете этого парня? — спросила она.

Аарон медленно кивнул и снова посмотрел на экран.

— Его зовут Джексон Харт, — сказал он. — Он работает в газете, и он... он — один из исчезнувших.

— Не понимаю. Какие такие «исчезнувшие»?

Аарон хотел было ответить, но потом только покачал головой. Он встал со стула и взял телевизионный пульт. Включил телевизор, канал Си-эн-эн. Сюзи села рядом с ним на диван и попыталась вникнуть в дикую историю, которую рассказывала ведущая телепрограммы.

Кристи

Я отправился в очередную экспедицию за огнем, но на самом деле просто хотел на минуту выпасть из процесса планирования.

Здесь было бы почти спокойно, если бы не камень у меня на сердце. Город начинал просыпаться — воскресным утром это всегда происходит довольно медленно. Даже большинство магазинов не открывается до полудня. Облокотившись на балконные перила, я смотрел на переулок, куда выходили окна Холли. Никакого движения. Разве что кот обнюхивал мусорный контейнер за кафе Джо, в нескольких зданиях от магазина.

Я хотел еще раз затянуться сигаретой, но помедлил, засмотревшись на красную точку на ее кончике. Забавно, как быстро возвращаешься к таким привычкам. И что они дают? Мгновенное успокоение. Возможность чем-то занять руки. Но прежде всего во рту у тебя становится как в помойке и ты распространяешь вокруг себя запах табака. Замечательно, нечего сказать. Я почти увидел, как Саския морщит нос и между бровями у нее появляется складка.

Я бросил окурочек и посмотрел, как искры рассыпались по тротуару.

Мне так недостает Саскии. Эта пустота превратилась в постоянную боль в груди.

Я никогда не был особенно удачлив в отношениях с людьми — с женщинами особенно. Я всегда выбираю необычных женщин, других. Но Саския — это совсем не то, хотя она тоже другая. То есть мы все в каком-то смысле друг для друга тайна за семью печатями. Она просто немножко таинственнее остальных, вот и все.

Единственное, что я знаю наверняка, — мы жили хорошо, мы подходили друг другу, друг друга дополняли, оставаясь в то же время самостоятельными. Разве такое часто случается в отношениях между людьми?

Для меня невыносима мысль, что она пропала навсегда.

Кто бы ни был в этом виноват — мужчина, женщина, какой-нибудь мерзкий дух, — они за это ответят.

Забавно: я начинаю говорить, как мой старший брат Пэдди. Он решал большинство своих проблем с позиции силы. Что до меня, я всегда предпочитаю находить более мирные решения. Обычно это так. Но сейчас...

Думаю, любого можно довести до ручки, если сильно достать. Потому что сейчас, например, я готов был кого-нибудь ударить. Если бы тот, кто отнял у меня Саскию, появился сейчас передо мной и я бы понял, что ее невозможно вернуть, думаю, я убил бы его или их. Я смог бы...

Встряхиваю головой. «Нет, она пропала не навсегда, — уговариваю я себя. — Мы вернем ее так или иначе. Мы должны это сделать».

Я вспоминаю сон, который когда-то видел. Я надписываю книги для читателей, открываю очередную книгу, чтобы надписать ее, а слова соскальзывают со страницы и падают на пол. Двое людей стоят рядом. Один из них — Аарон Гольдштейн, редактор «Дейли джорнал». Он поворачивается к своему спутнику и говорит: «Я всегда говорил, что его слова не удерживаются».

Этот сон не имел ничего общего с моей жизнью на тот момент, разве что я испытал во сне очень знакомую мне наяву беспомощность.

Я стою и смотрю вниз, в переулок, наблюдаю, как Джо выходит из своего кафе через заднюю дверь, чтобы выбросить в контейнер пакет с мусором. Кот, который бродил около бака раньше, уже ушел. Джо возвращается к себе, хлопнув дверью.

Я слушаю звуки города, гул машин с Уильямсон-стрит, дальний вой сирены.

Я думаю о Саскии.

Боль снова шевелится, разворачивается у меня в груди.

Наконец я все-таки закурываю новую сигарету.

Аарон

— А какое это к вам-то имеет отношение? — спросила Сюзи, наконец оторвав взгляд от экрана и посмотрев Аарону в лицо.

Он приглушил звук телевизора и довольно долго смотрел на нее. Когда он по дороге к дому взглядывал на нее (украдкой, не так, как сейчас), у него возникало какое-то странное безотчетное чувство, которое наслаивалось на другое, гораздо более земное, — на его изголодавшееся либидо.

Он не понимал, что это такое, но сейчас снова испытывал это. В ней было что-то особенное, что выделяло ее среди других людей. Ее окружала почти видимая глазом аура. Если бы ему пришлось описывать, что это такое, первым словом, которое пришло бы ему на ум, было бы слово «голубой» — теплая голубизна, если, конечно, тепло вообще может сочетаться с таким холодным цветом.

Возможно, это потому, что он смотрел на нее сквозь пелену растущей страсти. Может быть, дело было в том образе жизни, который она вела. Он не мог припомнить, чтобы ему когда-нибудь раньше случалось заговаривать с женщинами, живущими на улице, не то что проводить время с одной из них. Она совсем по-другому реагировала на окружающее, иначе

смотрела на вещи. Например, на всю эту историю по Си-эн-эн.

Казалось, ее вовсе не встревожило то, о чем сообщили по телевизору. Возможно, когда ты бездомный, события, происходящие за пределами твоего ареала обитания, твоей улицы, просто не доходят до тебя. Или доходят, но не имеют для тебя никакого значения. Но для него-то они имели значение, и еще какое. И чем дольше он сейчас думал об этом, о масштабах явления, в которое оказался вовлечен, тем большую потребность испытывал с кем-нибудь об этом поговорить.

Сюзи была здесь, рядом. В то же время их жизни так сильно отличались друг от друга, что говорить с ней было гораздо легче, чем с кем-либо другим. Кроме того, ему все равно больше не с кем поговорить. А поговорить просто необходимо.

— Это я во всем виноват, — сказал он.

— Не понимаю.

— Этот парень в компьютере... — сказал Аарон, мотнув головой в сторону экрана. — Я подбил его запустить вирус, чтобы вырубить сайт под названием «Вордвуд».

— Все равно не догоняю.

— Что-то, наверное, пошло не так. Вы разве не видите? Всех этих людей засосало в их собственные компьютеры. Когда я впервые услышал об этом, я сразу понял: это как-то связано с вирусом. И Джексон, который сидит теперь у меня в ноутбуке, — тому подтверждение.

— Это же не человек, — возразила Сюзи. — Это всего лишь изображение, и даже не очень качественное.

— Да нет. Он там. Может быть, не в моем именно компьютере, но где-то в Интернете. Они все там. Джексон рассказывал мне о таких вещах — о жизни в Сети, я имею в виду. Это существа вроде духов вуду или что-то в этом роде. И они не любят, когда люди вмешиваются в их дела. Им даже не нравится, когда люди говорят о них.

Он видел по ее лицу, что она сейчас думает. Она решила, что он сумасшедший. Она, возможно, очень сожалела, что ее одежда все еще сушится и она не может просто выскочить из его квартиры. И трудно было осуждать ее за такие мысли. Он правда опасался, что сошел с ума.

— Погодите минуту, — сказала Сюзи. — Во-первых, в Интернете никто не живет. Это просто невозможно. И во-вторых... — она указала на молчаливый телеэкран, — по телевизору никто ни слова не сказал о компьютерах. Вообще, когда немного въедешь во всю эту туфту, понимаешь, что по сути дела они толком ничего не рассказали!

— А знаете, что беспокоит меня в этом больше всего? — Аарон продолжал, как будто не слышал ее реплик. — Его квартирная хозяйка сказала мне, что он просто обожал меня. А я... я такое дерьмо!

— Послушайте меня! — сказала Сюзи. — Компьютеры не глотают людей.

— Тогда куда они подевались?

— Понятия не имею. Но только не в Интернет.

— Но эти духи...

— Веб-сайты делаются людьми, — возразила Сюзи. — Живыми людьми, которые ничем не отличаются от нас с вами.

Аарон покачал головой:

— Не знаю...

Некоторое время оба молчали. Они сидели на диване и смотрели на беззвучно говорящие головы в телевизоре. Стиральная машина в ванной завершила цикл, и Сюзи встала. Она вынула свои сухие чистые вещи, заперлась в ванной, а через несколько минут вернулась. Аарон заметил, что под флисовой курткой на молнии у нее все еще была футболка, которую он ей дал.

— Ну ладно, — сказала Сюзи, снова усевшись рядом с ним на диван. — Давайте больше не будем говорить о том, куда подевались эти люди, и об этих поганных веб-сайтах, потому что тут мы никогда не договоримся. Давайте лучше поговорим о вашем положении.

Вы чувствуете себя ответственным за все это. Ну и что же вы собираетесь делать?

— А что я могу сделать?

— Ну, например, вы могли бы пойти в полицию и рассказать им то, что рассказали мне.

Аарон кивнул:

— И они поверили бы мне ровно настолько, насколько мне поверили вы. Я знаю, как это все выглядит. Честно говоря, я и сам-то не очень верю тому, что говорил.

— Нет, вы не рассказывайте им про привидения в Интернете. Вы им расскажите про сайт. Про то, как этот парень...

— Джексон Харт.

— Про то, как Джексон Харт внес туда вирус. Как, возможно, люди, которые ведут этот сайт, решили отомстить ему.

— А заодно и сотням других людей.

Она покачала головой:

— Нет, вы рассказывайте только про то, что знаете наверняка. Ничего больше. Пусть они сами делают выводы и разбираются.

— И пока они разбираются, я проведу остаток жизни в тюрьме. Сейчас вокруг этого большой шум. Гораздо больше, чем я рассчитывал, когда затевал это.

— Но все эти люди...

Аарон согнулся и закрыл руками лицо.

— Да, я понимаю, — сказал он приглушенным голосом.

Как же это все вышло? Еще неделю назад это был просто способ насолить Саскии и ее зарвавшейся компании.

— Что ж, — рассудила Сюзи, — есть еще один путь: вам надо связаться с людьми, которые занимаются этим сайтом. Вы знаете, кто они?

— Вообще-то, нет...

— Но что-то вы должны были знать о них, если они вам так насолили, что вы попросили своего друга заслать вирус, который должен был разрушить их сайт.

Аарон вздохнул. Ему не хотелось вдаваться во все эти подробности. Но он уже увяз, рассказав Сюзи так много. Кроме того, какая разница? Непохоже, чтобы у него с ней были общие знакомые. Одно лишь заставляло его колебаться: он больше не хотел просто трахнуть ее. Каким бы невозможным это ни показалось всякому, кто хоть сколько-нибудь знал его, для него стало иметь значение, что она думает о нем. Он зашел слишком далеко, чтобы теперь остановиться.

— Вообще-то, это не они мне насолили, — сказал он, — а только одна из них, женщина. Она обошлась со мной как с полным дерьмом, а потом настроила против меня своих друзей.

Сюзи понимающе посмотрела на него:

— Я знаю, как это бывает.

— Знаете?

— Может быть, у нас еще будет время обмениваться воспоминаниями, раз уж мы пустились в такие откровенности. Но сейчас давайте сосредоточимся на проблеме, которую надо решить прямо сейчас.

Аарон снова вздохнул:

— Боже мой, каким дерьмом я себя чувствую! Как подумаю обо всех этих людях... Я просто чудовище.

— Вам когда-нибудь случалось ударить женщину или ребенка? — спросила вдруг Сюзи. — Вы когда-нибудь били кого-нибудь слабее себя? Кого-нибудь, кого вам следовало бы не бить, а защищать?

Он покачал головой.

— Ну, тогда не так уж вы и плохи, — улыбнулась она. — Не совсем, значит, чудовище. Так расскажите мне о вашей бывшей подружке. О бывшей — я правильно понимаю?

Аарон кивнул.

— Какое она и ее друзья имеют отношение к тому, что происходит сейчас?

— Они все действительно имеют отношение к этому «Вордвуду», поэтому я и решил, что лучшим способом отомстить им будет заставить Джексона разрушить этот чертов сайт вирусом, хотя бы на время. Я не планировал ничего долгосрочного и масштабного. Я просто хотел доставить им некоторые неудобства.

— Но вы знаете кого-нибудь из людей, которые владеют этим сайтом?

— Понятия не имею, кто им сейчас занимается, но кое-кто из тех, кто его создавал, живет здесь, в городе.

— Тогда свяжитесь с ним.

— Это она. У нее магазин в северной части города.

— Тогда нам следует с нее и начать.

— Но...

Сюзи встала:

— Пошли.

— Куда это?

— Зачем откладывать? Ничего, если я оставлю у вас свое барахло, пока мы не вернемся?

Аарон с некоторым трудом поднялся с дивана и удивленно посмотрел на нее.

— Вы идете со мной? — спросил он.

— Конечно.

— Почему?

Она улыбнулась:

— Куча причин. Во-первых, вы мне кажетесь, в общем, неплохим парнем. Я знаю, вам хотелось бы трахнуть меня, — о, не отрицайте. Думаете, это не видно по тому, как вы на меня смотрите? Но при всем при этом вы ведете себя вежливо, не распускаете руки, не деретесь и так далее. Я научилась ценить это, после того как провела несколько месяцев на улице.

Аарон хотел было запротестовать, но потом только пожал плечами. Он начал говорить правду, когда речь зашла о Джексоне. Почему бы не держаться той же линии поведения и дальше?

— Во-вторых, — продолжала Сюзи, — у меня такое чувство, что с друзьями у вас негусто, а я знаю, каково это. Особенно когда люди, которых вы считали друзьями, поворачиваются к вам спиной.

Аарон почувствовал, даже не по голосу, а, скорее, по тому, как изменилось ее лицо, что она больше чем знает, что это такое. Он хотел расспросить ее об этом. Он хотел понять, к чему весь этот разговор, почему все в Сюзи вызывало в нем такие странные чувства. Он никогда ни с кем не говорил так, как сейчас с ней.

— Я тоже не слишком-то хорошо вел себя, — сказал он вдруг, вместо того чтобы начать расспрашивать Сюзи, — с Саскией. С той женщиной, которой хотел отомстить, когда все это затевал.

— Но ведь мы уже, кажется, выяснили, что вы ее не били и вообще ничего такого, правильно?

— Словами тоже можно сделать больно, — возразил Аарон.

Глаза Сюзи затуманились.

— Да, я это знаю. Но ведь вы сожалеете об этом, разве не так?

Аарон кивнул. К его собственному удивлению, он действительно понял, что сожалеет. Не потому, что влип из-за всего этого в историю, а просто потому, что это было скверно.

— Кто вы такая? — спросил он. — Я из-за вас говорю и чувствую то, что никогда не сказал бы и не почувствовал.

Она улыбнулась:

— А вдруг я ваш ангел-хранитель? Ведь у каждого должен быть ангел-хранитель, правда? И кто сказал, что он обязательно окажется небесным созданием с лирой и нимбом?

А вдруг это кто-нибудь, кого вы случайно подобрали на улице, и эта встреча изменит всю вашу жизнь? Черт возьми, если предположить такую возможность, то и вы вполне могли бы оказаться моим ангелом-хранителем, потому что я давно уже не чувствовала себя настолько... человеком. Знаете, не так часто мне представлялась возможность разговаривать с кем-то, кто, кроме всего прочего, не считает тебя сумасшедшей или неудачницей.

Аарон только и мог, что покачать головой.

— И наконец, последняя причина, — сказала она. — Я прожила на улице уже три месяца. Я знаю: по большому счету это не так уж много, но когда это происходит именно с тобой, то кажется целой вечностью. Каждый день равен вечности. И самое худшее — что ты чувствуешь себя совершенно никчемной! А сейчас я себя такой не чувствую. Мне кажется, я помогаю вам и вам нужна моя помощь. И следовательно, может быть, я не такой уж бесполезный человек, каким кажусь себе, когда ищу работу или попрошайничаю. — Она ненадолго замолчала. — Я слишком много говорю, да?

— Нет. Вы правы во всем. Но давайте сначала поедим, а потом я вызову такси.

— Лучше поедим на автобусе. Он идет, куда нам нужно?

Аарон кивнул:

— Можно доехать на метро до Алисии или Мура, а там сесть на автобус. Но чем плохо такси?

— Возможно, нам захочется продолжить разговор, а в такси все время кажется, что водитель слушает тебя.

— Но в общественном транспорте еще больше людей тебя слушает.

— Это верно, — ответила она. — Но лишь десять процентов обращают внимание на окружающих и слышат их разговоры. А мы просто сядем среди других девяноста процентов.

— А как мы их распознаем?

— Я разбираюсь в таких вещах.

Аарон рассмеялся:

— Ну ладно. Хотите тост, пока я готовлю нам поздний завтрак?

— С удовольствием, — сказала она и последовала за ним на кухню.

Она дотронулась до его руки, когда он потянулся за венчиком, чтобы взбить яйца.

— Все обойдется, — сказала она. — Просто нужно всегда делать то, что нужно.

— Посмотрим, — ответил он. — Эти люди меня сильно не любят. И... — Он поколебался, но добавил: — И думаю, за дело.

— Не будьте так жестки к себе.

Аарон удивлялся этой женщине. Она живет в наихудших условиях, какие только можно себе вообразить — не имея ни денег, ни дома, ни, по всей вероятности, хотя в это и трудно поверить, друзей, — и при этом такая стойкость и такой позитивный взгляд.

— Вы в самом деле начинаете мне нравиться, — сказал он.

— Это хорошо, когда кому-нибудь нравишься, — ответила Сюзи. — Но только не думайте ничего такого, пожалуйста... У нас с вами все равно ничего не получится.

— Это почему?

— Что бы ни случилось, я все равно останусь бездомной, которую вы подобрали на улице. Эта простая истина перевесит все, что угодно. Сейчас вам может показаться, что это ничего не значит, но уверяю, вам никогда не удастся об этом забыть.

Аарон попробовал было возразить.

— И мне тоже, — добавила она.

Кристи

Уже давно утро, а мы все ждем, убиваем время, пока не появилась Эсти и другие компьютерные друзья Холли. Дик наконец вышел из своей комнаты, но лишь для того, чтобы спуститься протереть и без того чистейшие книжные полки. Холли говорит, он всегда так. Остальные сидят на кухне и бесконечно пьют чай или кофе. Роберт наигрывает на

гитаре, хотя с моей стороны нехорошо называть это — «наигрывает». Самые простые мелодии у него полны смысла и богаты нюансами. Он превосходный музыкант. В другое время его игра захватила бы меня, но сейчас вся магия, которую он извлекает из своего Гибсона, уходит куда-то в песок — туда, куда уходит все, что не связано с Саскией.

Время от времени кто-нибудь из нас заговаривает, другой подхватывает разговор, но через несколько минут беседа неизбежно возвращается к волнующей нас теме, а тут никому из нас добавить уже нечего. Все, что нам остается, — это размышлять. Слишком много размышлений — начинаешь сходить с ума.

В конце концов в разговоре образуются огромные провалы — не того рода уютные паузы, какие возникают в дружеской беседе, хотя и такие паузы, пожалуй, я не назвал бы особо уютными. А тут — провалы, падения в тишину, когда само время замедляется, минуты тянутся целые дни, часы не кончаются. Но мы ничего не в силах поделать. Все, что могли, мы уже сделали. Немного. Вынесли из столовой книги, достали старый компьютер и поставили его на стол. Удостоверились, что он еще работает. Подключили модем и проверили его тоже. Но на сайт «Вордвуд» заходить не пробовали.

И все. Теперь осталось только ждать.

Я не очень-то умею ждать, поэтому то и дело предпринимаю вылазки за огоньком. Сам не знаю зачем. Прикурить — это только повод, настоящая причина не в этом. Не то чтобы я старался уйти от людей. В конце концов, Джорди — мой брат, Холли — мой друг, да и к Дику я привык за последний год. Двое новых знакомых, Роберт и Боджо, — из тех людей, которых, будь я в нормальном состоянии, я слушал бы часами и старательно запоминал бы, что они говорят. Но сейчас я и десяти минут не мог высидеть с ними на кухне — места себе не находил.

Слышу скрип двери за спиной, оборачиваюсь и вижу, что идет Джорди.

— Ну как ты?

Я пожимаю плечами:

— Да ничего. Думаю.

Он тоже облокачивается на перила рядом со мной и смотрит на переулок, который я изучаю уже несколько часов, периодически выходя на балкон. Практически ничего не происходит, разве что тот самый кот ходит кругами вокруг помойки, да люди по пути из магазина останавливаются покурить, да кто-нибудь изредка выйдет выбросить мусор. Вот двое тинейджеров, лет, наверное, по девятнадцать, чем-то меняются в конце переулка. Стоят вплотную друг к другу, и вид у них был самый таинственный. Может, наркотики? Кто знает. Может, и другой наркотик — какие-нибудь коды для секретных программ. Хотя такие вещи, наверное, передают по электронной почте.

— Забавно, — говорит Джорди, постояв немного рядом со мной. — Я даже не чувствую усталости.

— Да, я тебя понимаю, — отвечаю я. — Я-то уже давно стал полуночником.

Джорди кивает:

— Неприятный вкус во рту, и в глаза как будто песку насыпали, а так ничего. Я все жду, когда сломаюсь, но, видимо, адреналин все еще выбрасывается и топлива хватает. — Он невесело улыбается. — Даже притом, что мы просто ждем, ничего не делаем.

Я ищу, что бы добавить к сказанному им, но ничего не нахожу. Не закурить ли еще сигарету? Но и этого не хочется. Молчание затягивается, но, прежде чем оно становится неловким, мы опять слышим скрип открывающейся двери. Я оглядываюсь и сначала никого не вижу, а потом, опустив глаза, замечаю на пороге Дика. У него взволнованный вид. Когда твой рост — два фута, тебя довольно трудно заметить, особенно если ты волшебное существо, вообще невидимое для «большинства людей».

— Господин Риделл и... господин Риделл, — говорит Дик, — госпожа Холли говорит, чтобы вы скорее возвращались.

Я присаживаюсь на корточки, чтобы не слишком над ним возвышаться.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Эсти приехала?

Странно, что мы не слышали, как они подъехали. И Снippet не залаяла.

Он качает головой:

— Прибыли другие гости. — Он некоторое время колеблется, потом добавляет: — Возможно, не столь приятные.

Он поворачивается и идет назад, мы с Джорди следуем за ним через пустую кухню, потом вниз по лестнице. Оттуда доносятся голоса. Меньше всего я ожидал увидеть здесь Аарона Гольдштейна. Он стоит недалеко от входной двери, рядом с полкой новых поступлений. У него в руках кейс. С ним хорошенькая, незнакомая мне девушка. Она небольшого роста, стройная, возраст определить затрудняюсь. Светлые волосы растрепаны и торчат в разные стороны. Линялые зеленые штаны, серый свитер с капюшоном — все это, возможно, делает ее моложе, чем есть на самом деле. Но что я знаю наверняка — она совсем не тот человек, которого я ожидал бы увидеть с Аароном.

Холли и Боджо разговаривают с ними, а Снippet наблюдает, спрятавшись в ногах у Холли. Я оглядываюсь в поисках Роберта. Он стоит на одной из лесенок, вне поля зрения Аарона и его спутницы.

— Какого черта вы здесь делаете?! — спрашивает Джорди, подойдя ближе.

Он зло смотрит в глаза Аарону, по голосу слышно, что он с трудом сдерживает гнев. Я удивлен. Джорди такой добродушный парень, что даже не припомню, когда он в последний раз повышал на кого-нибудь голос. Но он еще и очень верный и преданный человек, и, вероятно, отношение Аарона ко мне и к Саскии вывело из себя даже моего тихого брата.

Мне пересказывают то, что Аарон успел поведать остальным. Джорди между тем делает произвольный шаг вперед, к Аарону.

— Пусть говорит, — удерживаю я его. — Он явно не предполагал столь скверных последствий.

Я и сам удивлен тем, что защищаю его. Забавно: Аарон — лощеный подлиза, я никогда не любил его, но теперь, похоже, у меня не хватает сил даже на то, чтобы как следует разозлиться. А ведь еще несколько часов назад, во время одной из своих отлучек покурить, я был бы готов убить всякого, кто виноват в этом кошмаре.

Джорди с удивлением смотрит на меня:

— Но...

Я качаю головой:

— Сейчас речь не о паршивых статьях и не о том, как нам противно смотреть на мелкую сошку, возомнившую, что весь мир у ее ног. Речь идет о Саскии. На кон поставлена ее жизнь, и если бы мне понадобилось вступить в переговоры с самим дьяволом, чтобы вернуть ее, я бы вступил.

— Я бы вам не советовал, — произносит Роберт, выходя из своего укрытия. — Насчет сделки с дьяволом, — уточняет он. — А во всем остальном — совершенно согласен.

Мы поднимаемся по лестнице и толпой вваливаемся на кухню, захватив еще стульев из гостиной, чтобы все смогли усесться. Женщину, которая пришла с Аароном, зовут Сюзи Чанси, она живет на улице, и он только сегодня с ней познакомился. Для тех из нас, кто сколько-нибудь знает Аарона, то есть для Холли, Джорди и меня, сама мысль, что Аарон остановился поговорить с попрошайкой, не говоря уже о том, чтобы привести ее к себе домой, кажется не менее невероятной, чем его появление у Холли. Зато нас совершенно не удивляет то, что он подучил Джексона Харта заразить «Вордвуд» вирусом. Это уже настоящий, подлый Аарон Гольдштейн, которого мы все знаем как облупленного.

Но я бы простил ему и это. В конце концов, кажется, он и в самом деле сожалеет, особенно после того, как узнал, что Саския — одна из жертв.

— Погодите минутку, — обращается к нам Сюзи. — Вы хотите сказать, что люди исчезли в Интернете?

— Я знаю только то, что видел своими глазами, — отвечаю я.

— Если эльфы могут выйти из Интернета, — говорит Холли, — то меня совершенно не

удивляет, что кто-то из людей может туда войти.

Эта фраза требует пояснений. Аарон и Сюзи, кажется, не очень верят истории Холли, хотя, когда Дик, вдруг сделавшись видимым, произносит свое: «Я тут был и все это видел», заметно, что в их головах происходит некоторая переоценка.

Боджо, Джорди и Роберт все это время сохраняют спокойствие. Джорди, правда, с трудом, потому что все еще взбешен. Он сидит за столом, скрестив руки, всем своим видом показывая, что не верит Аарону и мотивам, которые, по его словам, привели его сюда. Боджо расслабился, развалился на стуле и делает вид, что слушает краем уха, но я-то вижу, что он ни слова не упускает. И еще я заметил, что Роберт не притронулся к своей гитаре, с тех пор как мы вернулись в кухню. Это странно, как странно и то, что, когда вошли Аарон и Сюзи, он сначала спрятался. Он, видимо, очень осторожен: далеко не всем позволено слушать его музыку.

Аарон открывает свой ноутбук и показывает нам изображение Джексона Харта, которое появилось на его экране, когда Сюзи проверяла свою почту. Он сохранил его как документ HTML и теперь может воспроизвести когда угодно, даже если компьютер не подключен к Интернету.

Боджо на некоторое время выпрямляется, всматривается в зернистое изображение, потом снова откидывается на спинку стула.

— Место узнаете? — спрашивает Роберт.

Боджо отрицательно качает головой:

— Вообще-то, по такой фотографии ничего не поймешь.

— А почему вы должны узнать место? — спрашивает Сюзи.

Боджо улыбается:

— Просто много путешествую.

Сюзи чувствует, что временами не может вникнуть в ситуацию, некоторые нюансы ей непонятны. Когда она представилась, так простодушно, почти с вызовом сообщив нам, что живет на улице, мне показалось, что и от нас она ждет, чтобы мы побольше раскрылись. Но никто из нас этого не сделал. Я, со своей стороны, только удивился: что у нее общего с Аароном и какое она-то имеет отношение ко всей этой истории?

Ничего не имею против добрых самаритян — мне бы даже хотелось, чтобы в мире их было больше, — но она пришла с Аароном Гольдштейном, и, хотя мне приходится его выслушивать в надежде, что это как-то может помочь найти Саскию и других, я по-прежнему не доверяю ему. Может быть, это неправильно, но печальная истина такова: скажи мне, кто твой друг, — и я скажу тебе, кто ты. В основном люди именно этим принципом и руководствуются, оценивая новых знакомых.

Разговор продолжается, опять сбившись на праздные размышления и догадки. Я уже собираюсь снова ретироваться покурить, но тут слышится стук в дверь. Снимет высккивает из-под стула Холли и мчится к лестнице, наострив уши и утробно рыча. Я смотрю на настенные часы. Без четверти двенадцать.

— Может быть, это Эсти, — говорит Холли и идет посмотреть.

Снимет сбегает вниз по лестнице, стуча когтями по полу. Холли идет вслед за ней. Боджо выжидает еще несколько секунд, затем скорее не поднимается, а воспаряет над своим стулом и плывет вслед за ними. Остальные остаются в кухне. По радостным голосам, доносящимся снизу, становится понятно, что новые гости — это совсем не то, что Аарон и Сюзи. Боджо снова появляется на кухне. Он возвращается на свой стул и принимает ту же расслабленную позу, как будто и не уходил отсюда никуда. Чуть погодя Холли приводит своих друзей, и на несколько минут воцаряется хаос взаимных представлений.

Сара Тэйлор — Эсти — оказывается высокой темноволосой женщиной, с печальными глазами и спокойной грацией. Из-за девчоночьего голоса по телефону у меня создался несколько другой образ, так что, если бы мне ее не представили, не узнал бы. Она сочувственно улыбается мне, мыжимаем друг другу руки.

— Нет вестей от вашей подруги? — спрашивает она.

Я качаю головой:

— Но у нас есть несколько новых ниточек.

Мои слова заставляют встрепенуться темноволосого, с испанской внешностью, молодого человека, стоящего рядом с Эсти. Его представили как Рауля Флореса, из чего я сделал вывод, что это друг Бенни, одного из основателей «Вордвуда», того самого Бенни, который пропал, общаясь с Эсти через Интернет.

— Что вы узнали нового? — спрашивает он.

Я начинаю отвечать ему, но в это время Холли представляет меня кому-то еще. Эсти успокаивающе кладет руку на руку Рауля. Она придвигается к нему ближе и что-то шепчет ему на ухо, он кивает, но видно, что это согласие нелегко ему дается. Еще бы! Если бы кто-нибудь намекнул мне, что появилась хоть какая-то информация о Саскии, я бы послал к черту всякую вежливость, лишь бы поскорее узнать все в подробностях.

Холли знакомит меня с Томом Пэйсом — они зовут его Тип, — так что у меня в данный момент нет возможности рассказать Раулю, что удалось выяснить. Тип выше меня ростом, он худой и вообще в стиле хиппи, с хвостиком и длинной жидкой бородкой. Его глаза серьезно изучают меня из-за очков в металлической оправе, лицо у него задумчивое, но, судя по «смешным» морщинкам у глаз, он не всегда такой.

И последняя из вновь прибывших — Клодетт Сен-Мартен, полная чернокожая женщина, в деловом костюме и с очаровательным французским акцентом. Она явно ехала на работу, когда ей позвонила Эсти и просто-напросто заставила ее изменить курс и вместо офиса приехать в аэропорт.

В кухне становится тесно, так что мы берем стулья и переходим в гостиную, где нас ожидает компьютер. Вновь прибывшие сначала вздрагивают и пугаются, когда буквально из ниоткуда появляется Дик. Они заинтригованы, но слишком вежливы, чтобы расспрашивать о нем. Холли и Боджо приносят еще кофе и чаю.

Когда все узнают о том, что именно вирус, запущенный по наущению Аарона, положил начало всему этому, повисает тяжелое молчание и все головы разом поворачиваются к нему. Мне становится даже жаль его, но за него вступается Сюзи.

— Ну хорошо, — говорит она. — Он запутался. Разве никому из вас не случалось запутаться? Но, по крайней мере, у него хватило воли прийти сюда и попытаться исправить положение.

Я замечаю, что на друзей Холли эта защитительная речь не слишком-то действует. Им и сама Сюзи, судя по всему, не очень нравится, но это всё не мои заботы. Мне она кажется очень славной — слишком славной, чтобы находиться в компании Аарона, вот в чем дело. Насколько мне известно, Аарона недолголюбивают все, хотя, должен признать, сегодня, когда он ведет себя как нормальный человек, он выглядит совсем неплохо. Может быть, он и правда сожалеет о том, что сделал, и искренне хотел бы расхлебать кашу, которую заварил.

Затем разговор заходит о «Вордвуде», каким он был сначала, каким они сами его когда-то создали, и о том, как бы попытаться восстановить те, изначальные, параметры. Эсти достает папку и извлекает оттуда пачку дискет, перехваченных резинкой.

— Я откопала у себя копии первого варианта, — говорит она.

— Это здорово, — отвечает Тип. — Я свои не нашел. Но вопрос вот в чем: если сейчас в «Вордвуде» присутствует некий дух, то кто поручится, что его не было там с самого начала? У меня нет уверенности, что стоит начинать снова.

— Что совершенно точно надо сделать, — вступает в разговор Клодетт, — так это установить контакт с тем, кто заправляет там, по ту сторону URL.

— Можно не трудиться говорить обиняками, — замечает Эсти, — во всяком случае с теми, кто здесь собрался. Мы все прекрасно знаем, что имеем дело с неким духом, обитающим в «Вордвуде».

— Но мы не знаем, кто или что это такое, — возражает Холли.

— Это правда, — кивает Клодетт. — Но что бы это ни было или кто бы это ни был, с ним надо установить контакт.

— По-моему, самое лучшее все-таки начать сначала, — говорит Рауль. — Вы тогда сможете устранить все последующие напластования, все посторонние подключения и вернуться к тому HTML, который вы, ребята, сами тогда создали.

Наблюдая за этим мозговым штурмом, я просто теряюсь, несмотря на то что за последнее время кое-что узнал в этой области. Послушав немного, я поворачиваюсь к Холли, которая сидит рядом со мной, со Снippet на коленях.

— Ты что-нибудь понимаешь из того, что они говорят? — спрашиваю я.

Она мотает головой:

— Хотя мы и пользовались тогда именно моим компьютером, я всегда была на подхвате. Тогда, например, я просто отыскивала тексты и передавала их кому-нибудь из понимающих, чтобы они их отформатировали. С тех пор я научилась делать HTML, но по-настоящему так и не разбираюсь во всем этом.

Клодетт поворачивает голову и улыбается.

— Просто ты не пыталась как следует разобраться, — говорит она. — И потом...

— И потом, у меня были вы все, так зачем было самой напрягаться! — заканчивает Холли.

Явно, это у них одна из дежурных шуток.

Я слушаю еще некоторое время, потом в очередной раз отправляюсь покурить. Вернувшись, обнаруживаю полный штиль. Рауль и Тип изучают изображение Джексона Харта в компьютере Аарона. Эсти загружает данные со своих дисков в старый компьютер Холли. Все остальные сидят молча, и лица у всех усталые.

Из всех сил стараюсь не показать разочарования, но мне кажется, все это нас ни к чему не приведет. Мне хочется сказать: «Да давайте же что-нибудь делать наконец! Подключите же этот чертов компьютер к Интернету и давайте начнем!»

Правда, что именно начнем, мне известно не лучше, чем кому-либо другому в этой комнате.

И тогда Боджо откашливается.

— Я не очень разбираюсь в компьютерах, — говорит он, когда ему удастся привлечь всеобщее внимание, — так что поправьте меня, если меня занесет куда-нибудь не туда. Но этот вирус, который заслали на сайт «Вордвуд», — работает ли он так же, как те вирусы, которые можем подхватить мы с вами?

После непродолжительного всеобщего молчания Эсти качает головой.

— Не совсем, — говорит она. — Эти вирусы действуют только на компьютеры.

— Точнее сказать, на их программное обеспечение, — прибавляет Тип. — На протоколы, которые подсказывают «железу», что именно ему делать и где искать информацию. Вирус не влияет физически на машину, просто ее оперативная система перестает понимать, где искать врага. Многое, конечно, зависит еще и от того, как именно вирус был занесен.

Боджо кивает:

— Просто я подумал: когда кто-нибудь из наших заболевает, мы лечим его травами и всякими другими средствами... А ваши доктора прописывают антибиотики. Так вот, если бы компьютерный вирус действовал по тому же принципу, что и человеческий, то можно было бы, наверное, найти какой-нибудь антивирус и заслать его на сайт «Вордвуд», чтобы он сразился с вирусом Харта.

Специалисты по компьютерам переглядываются.

— Возможно, — задумчиво произносит Эсти. — Если бы мы только знали, что это был за вирус...

— Чтобы узнать это, нам потребовалось бы залезть в компьютер Харта, — говорит Клодетт. — Но есть ли у нас такой шанс? Полиция наверняка все изъяла.

Рауль кивает:

— Или, по крайней мере, опечатала комнату как место преступления. Нам не удастся туда пробраться.

— Тут, я думаю, смогу вам помочь, — говорит Аарон.

Все поворачиваются и смотрят на него.

— Ну, если только полиция действительно не забрала компьютер.

— Я думал, вы едва знали его, — говорю я.

— Да, так и есть. Но, кажется, я понравился его квартирной хозяйке, и если она нас впустит...

Я смотрю на Эсти:

— Что ты об этом думаешь?

— Трудно сказать, не видя, что, собственно, он состряпал, — отвечает она. — Но такой путь мне нравится гораздо больше, чем всякая мистическая чепуха. В языках программирования я, по крайней мере, разбираюсь.

— Итак, некоторые из нас могут заняться этим, — говорю я. — А остальные будут пытаться наладить связь с духом, который управляет сайтом.

— И если нам не удастся выманить его к нам, — впервые за долгое время подал голос Роберт, — возможно, мы сами отправимся к нему.

Его слова долго висят в воздухе, пока все удивленно смотрят на него.

— Вы ведь говорили о каком-то конкретном месте, верно? — спрашивает Роберт. — Я правильно расслышал? Вы говорите, что у этого духа есть свой дом где-то там, в Сети?

— Я думаю... — говорит Эсти, — его дом — сайт «Вордвуд».

— А тот — в Интернете? Или, по крайней мере, в каком-то компьютере, с которого можно выйти в Интернет?

— Ну, рассуждая логически... — начинает Тип, но тут же смеется. — Хотя что я говорю? Во всем этом нет ни капли логики. Вы правы. Файлы, составляющие «Вордвуд», должны занимать определенное место в компьютере. Но вот здесь-то сайт и повел себя в высшей степени странно. Он не только превратился в самостоятельную личность, но еще и пропал из компьютеров, где мы его держали.

— И поселился где-то в Интернете? — настаивает Роберт.

— Не знаю, как это возможно, — возражает Клодетт. — Он должен находиться в каком-нибудь компьютере. Не может быть никакого физического места в проводах, в спутниковой связи — в общем, во всем том, что люди используют для доступа в Интернет.

— Расскажи это людям, которые пропали, — советует Эсти.

Клодетт кивает:

— Ладно, принято. Не понято, правда, но принято.

Вдруг в дальнем углу моего сознания начинает что-то копошиться. Какой-то разговор, что ли. Не уверен. Я начинаю говорить, надеясь, что так мне скорее удастся поймать воспоминание:

— Я так понимаю, что эти духи используют Интернет для того, чтобы перемещаться с места на место — путешествуя примерно так же, как всякие данные, которые мы друг другу пересылаем, но постоянно они пребывают где-то в другом месте. Я бы сказал, где-то между.

Нет, нет, это не совсем то, но я чувствую, что вплотную подошел к ускользающему воспоминанию.

— Не понимаю, — говорит Эсти.

— Именно в этом «между» самая сильная магия, — поясняю я. — Пространство между чем-то и чем-то. Скажем так, не день или ночь, а сумерки. Не два берега, разделенные рекой, а мост, соединяющий их, или лодка. А что может быть волшебнее, чем Мир Духов? — говорю я. — Как раз перед своим исчезновением Саския пересказывала мне разговор, который у нее состоялся с... одной нашей подругой. Не важно, кто она. Но она верит, что сайт «Вордвуд» существует в Мире Духов. Или, по крайней мере, что до него можно добраться через Мир Духов. Даже не знаю, как я мог забыть об этом.

— Мир Духов, — повторяет Клодетт.

Я замечаю, что Джорди как-то странно на меня смотрит. Мне хочется сказать ему, что Саския разговаривала с моей тенью, но как-то не хочется поднимать здесь эту тему. В том,

как они все на меня смотрят, чувствуется некая неловкость.

— Не Мир Духов, господин Риделл, — говорит Дик. Он густо краснеет, когда все взгляды обращаются на него, но храбро продолжает: — Мир Духов — это не между. Это Пограничные Миры — между.

Боджо кивает:

— А через Пограничные Миры можно попасть куда угодно — лишь бы знать, куда вам нужно.

— Это что, реальное место? — спрашивает Эсти.

— Еще какое реальное, — отвечает ей Роберт. — Некоторые даже станут уверять вас, что тот мир, в котором вы живете, — лишь слабое отражение того, что существует за его границами.

Рассказав свою историю, Аарон теперь лишь молча присутствовал при других разговорах за столом. Но сейчас он подается вперед и впивается в меня взглядом.

— И вы можете взять нас туда? — спрашивает он. — Мы можем отправиться туда и вернуть пропавших?

— Нет, я не могу, — отвечаю я. — Но я знаю людей, способных пересекать эти границы. Проблема заключается в том, чтобы понять, куда, собственно, мы хотим отправиться после того, как пересечем эти границы. Вы себе не представляете, как обширен Мир Духов.

Сюзи смеется:

— Я и вообще его не могу себе представить.

Эта реплика вызывает улыбки у всех сидящих за столом.

— Вряд ли стоит заражать людей такими взглядами, — говорит Роберт. — Но то, о чем вы говорили сейчас, — это и мой взгляд на вещи. Когда людей поглощает машина — этого я не понимаю. Но если эта машина всего лишь дверь в другой мир — тогда да. Это более чем возможно. — Он переводит взгляд с меня на Боджо, а потом на Дика. — Это вполне правдоподобно, не правда ли?

— Да подождите! — вскидывается Клодетт. — Не могу поверить, что вы несете всю эту мистическую чушь серьезно. Нам нужно найти реальное решение...

Рауль дотрагивается до ее руки.

— Давайте выслушаем, — говорит он. — Я бы хотел выслушать все, что дает хоть какой-то шанс вернуть Бенни. — И он обращается к Роберту: — Вы можете это сделать? Вы можете переправить нас в это место?

Роберт кивает:

— Боджо уже сказал. Я тоже плохо понимаю в компьютерах. Но я знаю Мир Духов. И, имея в наших рядах кое-кого, кто не чужд ему, думаю, мы могли бы действовать не совсем вслепую.

Он смотрит на Дика, который в ответ печально покачивает головой.

— Я не могу, — говорит Дик. — Я плохо ориентируюсь и никогда не заходил далеко в Пограничные Миры. — Он бросает на Холли извиняющийся взгляд. — Домовые редко туда заходят.

Роберт переводит взгляд на Боджо.

— Чем гадать, я бы лучше попробовал, — говорит тот. — Кристи не преувеличивал. Это действительно огромное пространство. Все, что вам когда-либо представлялось, там где-нибудь существует. И все, что воображали себе те, кто когда-либо жил на этом свете. Они уже умерли, а места и люди, о которых они думали, остались. Там миры, миры и миры. И далеко не все они уютны и гостеприимны. Как правило, они даже опасны. И легче всего Пограничные Миры сбивают с толку тех, кто не знает точно, куда направляется.

— Думаю, что смогу найти нужную дверь, — говорит Роберт. — У всего есть свой код, а я достаточно слышал об этих местах и, надеюсь, смогу подобрать музыку, которая приведет нас если не туда, куда нам надо, то куда-то рядом. Хотя лучше бы мне не слишком долго этим заниматься.

— Почему? — спрашивает Эсти.

Роберт пожимает плечами:

— Ну, скажем так: бывают ведь разные духи там, по ту сторону, за занавеской, отделяющей этот мир от того, и далеко не всем им я нравлюсь. Они знают голос моего Гибсона. Они знают мой почерк — как я извлекаю звуки из гитарных струн. И если я буду играть слишком долго, они придут «на запах». А если явятся они, у нас точно будет куча неприятностей.

— Вы подведете нас поближе, — говорит Боджо, — а остальное — за мной. Мне не требуется музыка.

— Вот так, значит, — говорит Клодетт. — Значит, мы просто-напросто отправляемся в Зазеркалье, следуя за вами, как за Питером Пэном?

— Ты путаешь сказки, — замечает Холли.

— Ты прекрасно меня поняла.

— А если мы туда попадем, — вступает Тип, — вы сможете потом вывести нас обратно?

После секундного колебания Боджо кивает:

— И туда и обратно. Но только если вы будете делать то, что я говорю, и держаться дороги, по которой я поведу вас. Шаг в сторону — понюхать цветочек или поймать бабочку, которая вам приглянулась, — и я больше не смогу вас найти.

— А вот кто-нибудь другой еще как сможет, — вторит ему Роберт.

— Зачем вы пугаете нас? — спрашивает Тип.

— Потому что это действительно опасно, — говорит ему Роберт. — По правде говоря, я предпочел бы, чтобы никто из вас туда не ходил, но нам потребуется хотя бы один человек, который знаком с духом.

— Но никто из нас с ним не знаком, — говорит Эсти. — Никто из нас понятия не имеет, что это такое. Мы знаем, что такое компьютер. Мы знаем этот мир, — она смотрит на своих друзей, — однако никто из нас ничего не знает о духах и... о магии.

— Да, тут вы все в совершенно одинаковом положении, — подтверждает Роберт.

Никакого вопроса он не задает, но Эсти и остальные все равно согласно кивают.

— Ну, тогда пусть кто-то из вас попытается распознать, что это за дух, — говорит Роберт. — А другие отправятся в квартиру Харта и посмотрят, можно ли как-нибудь нейтрализовать этот самый вирус.

— А как же Саския, — спрашиваю я, — и другие исчезнувшие?

— Если мы правы в своих предположениях, — продолжает Роберт, — и дух спрятал «Вордвуд» в каком-нибудь тайнике по ту сторону занавеса, тогда не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что именно там мы их всех и найдем.

— Вы, кажется, говорили, что никто из людей, бесследно исчезавших, обратно не возвращался, — напоминает Холли.

— Да, я действительно это говорил. Но я сказал также, что это не должно останавливать нас. И потом, кто знает: может быть, кому-то из этих людей и удалось вернуться, но они предпочли не распространяться на эту тему. Бывали времена, когда сенсации не заканчивались просто информационным бумом. Иногда люди предпочитали попридержать язык.

— А может быть, они щелкнули каким-то тумблером у себя в голове и просто заставили себя обо всем забыть, — говорит Холли.

Роберт улыбается:

— Может, и так. — Он оглядывает собравшихся за столом. — Итак, надо решить. Кто идет с нами, кто — в квартиру Харта, кто остается держать оборону. Тем, кто пойдет с нами, потребуется снаряжение: удобная обувь и по крайней мере две пары носков. Походная одежда. Постельное белье. Вода. Еда. И не забудьте головные уборы.

— Как насчет оружия? — спрашивает Рауль.

— Берите что хотите. Но предупреждаю, это должно быть что-то простое. Очень

многие из вещей, изготовленных в этом мире, не будут действовать там, как действуют здесь. В Пограничных Мирах все очень размыто и непривычно для нас, а если мы попадем в Мир Духов, то уж там вам точно не пригодятся ни компас, ни мобильный телефон, ни пистолет и вообще ничего в этом роде.

— Вы действительно думаете, что у нас получится? — спрашивает Джорди.

— Не знаю, — отвечает Роберт. — Но, по крайней мере, вы что-то будете для этого делать. Я не представляю, как можно вернуть исчезнувших, сидя здесь. А если мы доберемся до нужного места, может быть, нам удастся сделать это... с другого конца.

Я встаю.

— Который час? — спрашиваю я.

Рауль смотрит на свои часы:

— Почти половина пятого.

Я и не думал, что мы проговорили столько времени. Все довольно долго молчат, и я наконец понимаю: что-то не так.

— Почему вы все так смотрите на меня? — спрашиваю я.

Роберт улыбается:

— Отряд нуждается в командире.

— Я думал, вы лучше подойдете на эту роль.

Он качает головой:

— Я с людьми не умею.

— Почему вы думаете, что я умею?

— Сумеешь, — говорит Джорди. — Я согласен с Робертом.

Холли тоже соглашается, и Боджо с Диком кивают. Потом один за другим это подтверждают и все остальные, даже Аарон.

Я тяжело вздыхаю. Я не готов к этому. У меня не командирский склад ума, и раньше мне не доводилось координировать ничего, кроме издания книги. Но потом я вспоминаю о Саскии. Затерянной где-то. Ей не на кого больше рассчитывать, кроме как на меня.

— Хорошо, — говорю я. — Вот как мы поступим...

Я разделяю всех собравшихся на команды.

Дик слишком нервный, чтобы отправляться в Мир Духов, — это ясно. Я знаю, что он пошел бы, если бы пошла Холли, но у нас и так есть Боджо и Роберт, так что Дика я оставляю в магазине вместе с Холли и Джорди. Джорди протестует, но в конце концов мне удается внушить ему, что я очень рассчитываю на него, — кто-то ведь должен прикрывать наши тылы.

— Если что-то не заладится, ты знаешь, к кому следует обратиться.

— К Джо, например.

Я киваю:

— Только не вздумай просить у Венди камень, с помощью которого она переходит границу. Ты все равно не будешь знать, где нас искать.

Никто не возражает, когда я говорю, что со мной в Другие Миры пойдут Боджо и Роберт. Только когда я называю Рауля, возникают разногласия.

— Но он не был с нами с самого начала, — возражает Клодетт. — Нет, не то чтобы я сама очень хотела пойти. Но разве не нужно, чтобы пошел кто-нибудь из основателей сайта?

— В любом случае не думаю, что нам удастся удержать Рауля, — говорю я.

— Вы правильно поняли, — подтверждает Рауль. — И к тому же, может, меня и не было среди основателей сайта, но я провел с ним больше времени, чем любой из вас.

В его глазах я замечаю нечто особенное, и Эсти — тоже.

— Чьим голосом он с вами разговаривал? — спрашивает она.

— Голосом моего деда.

Она кивает:

— А я слышу свою кузину Джейн. — Она обводит глазами собравшихся за столом. — Она погибла в автокатастрофе, когда ей было восемнадцать. Пьяный водитель.

— *Abuelo*,⁷ то есть мой дедушка, — говорит Рауль, — он тоже умер.

— Почему, как вы думаете, Вордвуд использует голоса умерших, чтобы разговаривать с нами? — спрашивает Тип.

— Он не использует их голоса, — поправляет Роберт. — Это вы его так слышите. Духи любят устанавливать с людьми быстрый личностный контакт. Не знаю, как им это удается, но они умеют звучать для вас как голоса когда-то знакомых вам людей, особенно тех, к кому вы испытывали какие-то чувства.

Остальных я посылаю сопровождать Аарона. Эсти — настоящий специалист в компьютерах, так что я ничуть не сомневаюсь, что большую часть работы все равно сделает она, но я хочу числом задавить Аарона и его новую подружку Сюзи просто на тот случай, если он передумает нам помогать. Разумеется, я этого не говорю вслух. Но кому надо, тот понимает. Команда Эсти уходит первой.

— Ты правда ему веришь? — спрашивает Холли.

— Ты имеешь в виду Аарона?

Она кивает.

Я пожимаю плечами:

— И да и нет. Я думаю, он и в самом деле ужаснулся тому, что наделал.

— Но надолго ли у него такие настроения? — спрашивает Джорди.

— Не знаю. Он никогда не мог продержаться достаточно долго. Но я не думаю, что он по природе такой уж скверный человек. Он просто таков, каким всегда был: эгоцентрик, к тому же подловат.

— А эта его Сюзи?

Я качаю головой:

— О ней ничего сказать не могу.

Я снова перевожу взгляд на Роберта, который наконец-то опять берет гитару и начинает играть.

— В ней есть что-то такое... — говорит он, — даже затруднюсь определить — что. В общем, она-то здесь, пожалуй, уместнее многих. Это не значит, что в ней есть что-то сверхъестественное, — спешит добавить он, увидев волнение на наших лицах. — Это просто значит, что она живет сейчас, а не таскает с собой багаж прожитого, как большинство из нас.

— Но с ней не будет проблем? — спрашивает Холли.

— Проблемы могут быть с кем угодно. Разве вы этого еще не поняли?

— Вообще-то, нам и так хватает неприятностей, — говорю я, выбираясь из-за стола. — И нарываться на новые не хотелось бы.

— Разумное решение, — замечает Роберт, — но не всегда легко выполнимое. Обычно нас не очень-то спрашивают.

Я соглашаюсь. Перевожу взгляд на Джорди:

— Давай съездим домой? Мне надо кое-что взять с собой.

— Конечно. — Он встает.

Я слишком хорошо его знаю, чтобы не заметить, что его все еще что-то сильно беспокоит.

— О чем ты думаешь?

Он пожимает плечами:

— Я просто пытаюсь понять, кто сказал Саскии о том, что Вордвуд может находиться в Мире Духов.

После недолгих колебаний я говорю:

— Моя тень.

— Твоя тень?!

Его ответный взгляд весьма красноречив. Все это мы с ним уже проходили. Еще раз —

⁷ Дедушка (*исп.*).

на те же грабли. Я верю, он — нет. Но на сей раз он воздерживается от замечаний. Может, наконец-то поверил в кое-какие вещи, которые испытали на себе многие наши общие знакомые, да и он сам, между прочим.

— Вот это интересно, — говорит Роберт. — Не часто встретишь человека, который поддерживает деловые отношения со своей тенью.

— Я бы не назвал это деловыми отношениями, — возражаю я. — Просто она появляется и уходит, когда ей захочется.

— Ну а чего бы вы могли ожидать, если однажды отбросили ее?!

— Боже мой, да о чем вы? — восклицает Холли.

— Я тебе потом расскажу, — обещает Джорди.

Я бросаю быстрый взгляд на Роберта. То, как он защищал мою тень, говорит о том, что ему приходилось иметь дело с такими явлениями. Мне это очень любопытно. По правде говоря, мне любопытно все, что касается этого блюзмена, но сейчас не до того.

— Вам нужны какие-нибудь вещи? — спрашиваю я у Роберта и Боджо.

Боджо отрицательно качает головой:

— Я путешествую налегке.

— Я — никуда без своей девочки, — говорит Роберт, поглаживая гриф гитары. — А в остальном я как Боджо.

— У нее есть имя? — спрашивает Боджо. — У вашей гитары?

— У всего на свете есть имя, — отвечает Роберт. — Но она никогда не называла мне своего, а я не спрашивал.

Боджо кивает:

— У нас все инструменты имеют имена. Но их дают им те, кто играет.

— Я не раздаю имена. Вещи в достаточной мере сами личности, чтобы навешивать на них бирки и заставлять жить с ними.

— А вы? — обращаюсь я к Раулю. — Что-нибудь подобрать для вас?

— У меня есть все, что нужно, кроме воды и еды, — отвечает он. — Но Холли сказала, это можно купить поблизости, пока вы съездите за вещами. Я бы, конечно, не возражал против рюкзака, чтобы сложить туда все это. А то у меня с собой только сумка, с которой я прилетел.

— Рюкзак у меня найдется, — говорю я и поворачиваюсь к Джорди. — Пошли.

— К вашему возвращению мы будем готовы, — говорит Боджо.

Я киваю. Я знаю, почему он нам помогает. Ему нравится Холли. Но вот Роберт все еще остается загадкой.

— Почему вы нам помогаете? — вдруг спрашиваю я.

Роберт улыбается:

— Не знаю. Наверное, по той же причине, по которой я всегда нахожу неприятности на свою голову. Любопытство, обыкновеннейшее любопытство. Мне просто всегда хочется выяснить, в чем тут дело. Я должен узнать, во что оно все выльется.

Ну что ж. Причина не хуже других. Мне тоже случалось попадать в самые разные ситуации из-за моего ненасытного любопытства.

— Хочу, чтобы вы знали: мы вам очень признательны, — говорю я.

— Обязательно скажите мне это еще раз, если мы переживем этот поход.

Аарон

— Я так себя не чувствовал с тех пор, как учился в старших классах, — сказал Аарон.

Они с Сюзи ждали в фойе отеля, пока Эсти и остальные зарегистрировались за стойкой, а потом поднялись в свои комнаты, чтобы оставить багаж и переодеться. Они сидели рядом на кожаном диване. Это был островок покоя. Вокруг бурлила жизнь отеля, ходили постояльцы, сновал обслуживающий персонал.

— Я почти не помню старших классов школы, — сказала Сюзи.

Аарон рассмеялся:

— А я иногда только это и помню. Это задало тон всей жизни.

Она вопросительно взглянула на него:

— Что вы имеете в виду?

— Знаете, бывают такие толстые, прыщавые мальчики, в очках с толстыми, как бутылочное стекло, линзами. С такими и разговаривать-то никто не хочет.

Она кивнула.

— Так вот я — взрослая версия. Глядя на меня, вы, может быть, и не видите этого мальчика, но он всегда здесь, внутри меня.

Теперь пришел ее черед смеяться.

— Забавно, — сказала она. — А я была такая жизнерадостная, энергичная, настоящий лидер. Всем казалось, что я преуспею в жизни.

— Почему же «забавно»?

— Да вы посмотрите на нас сейчас. Вы вполне преуспели, а я живу на улице. — Она дотронулась до его руки. — Не принимайте то, что случилось, так близко к сердцу. Сейчас вы поступили правильно, и они это понимают.

— Надеюсь.

— И не все вас ненавидят. Как его там — Кристи? Он вступился за вас.

— Ага. Я очень удивился. Мы довольно давно знакомы с ним и, до того как он стал встречаться с Саскией, неплохо ладили, но мне всегда казалось, что он просто подлизывается ко мне, чтобы я писал хорошие рецензии на его книги. Я только теперь начинаю понимать, что он, кажется, и правда неплохой парень. Ведь его девушка пропала из-за меня. Сомневаюсь, что мне удалось бы сохранять такое спокойствие и беспристрастность, будь я на его месте.

— Надеюсь, все это скоро закончится, — сказала Сюзи. — Эсти и ее друзья, кажется, действительно очень умные. Уверена, они все вычислят, как только мы окажемся у Харта дома.

— Если мне удастся провести их туда.

— Думайте о хорошем, — посоветовала она. — Всегда лучше вырабатывать положительную энергию. А иначе мы будем притягивать к себе неудачи.

Аарон улыбнулся:

— И это говорит женщина, которая недавно заявила, что ни во что такое не верит.

— А вы правда верите в реальность всего этого? — спросила Сюзи. — Ну, я имею в виду веб-сайты с духами, Другие Миры и все такое?

Аарон пожал плечами:

— Пожалуй, я начинаю склоняться к отметке «трудно не поверить» на шкале правдоподобия.

— Ну, тогда и я тоже.

Холли

— Я себя чувствую так, как будто попала в мультфильм из серии «Безумные мелодии»,⁸ — сказала Холли.

Она спустилась в магазин, чтобы проводить братьев Риделл. Джорди уже пошел к машине.

— Но ты же понимаешь, что все это — на самом деле, — ответил Кристи.

Холли медленно кивнула. Она наклонилась и взяла на руки Снippet, когда та захотела проскользнуть между ногами выходящего Кристи и устроить себе дополнительную

⁸ «Безумные мелодии» («Looney Tunes») — мультсериал, первоначально создававшийся как пародия на мультфильмы Уолта Диснея. Его персонажи отличались особой жестокостью по отношению друг к другу.

прогулку.

— Но от этого все не кажется менее странным, — сказала она и, помедлив секунду, добавила: — Как бы то ни было, а ты прекрасно вел себя с Аароном, учитывая случившееся с Саскией.

— Не придумывай лишнего, — ответил Кристи. — Я просто хотел услышать то, что он имел нам рассказать, а он не рассказал бы ничего, если бы мы обошлись с ним так, как он того заслуживает. Мы узнали не так уж много, но... — он пожал плечами, — о Джексоне Харте и его вирусе нам сейчас известно больше, чем до появления Аарона.

— И это может очень пригодиться, если, конечно, Эсти и остальные разберутся. — Она помолчала и добавила: — А ты не думаешь, что вам лучше дождаться результатов, прежде чем отправиться?

Кристи покачал головой:

— Я не знаю, сколько у нас времени, но почему-то чувствую, что оно очень быстро уходит.

— Будь осторожен.

Он улыбнулся:

— Не беспокойся. И за Боджо пригляжу.

Холли покраснела.

— Я его почти не знаю, — только и удалось ей выговорить.

Кристи шутя погрозил ей кулаком:

— Это не значит, что надо упускать шанс узнать его получше.

Он наклонился, чмокнул ее в щеку и тут же вышел. Холли закрыла и заперла за ним дверь. Ее взгляд упал на компьютер на столе. Даже если им удастся справиться с этим вирусом и вернуть всех исчезнувших людей, она не представляла себе, как теперь решится пользоваться компьютером.

Тени в Вордвуде

Без кожи,
Без плоти и костей,
Дух поет —
Наконец-то свободный.

Когда придет мой черед
Отправиться в путь,
Останется ли от меня что-нибудь,
Чтобы идти?

Саския Мэддинг.

Смерть — для жизни («Духи и призраки», 2000)

Кристиана

Я медленно прихожу в себя после второго обморока, выплывая из полного беспамятства в дремотное состояние, в котором еще не вполне контролирую свое тело. Я даже не уверена в том, что у меня оно есть. Словом, то, что есть я, плывет над лугом с изредка встречающимися деревьями. С краю — густой темный лес. Это очень странное место, потому что все состоит из... слов.

Трава и полевые цветы — фразы, качающиеся на ветру. Бутоны знаков препинания. Кусты гласных. Деревья — целые параграфы, полные описаний, которые, переходя от ствола

к ветвям и листьям, истончаются в отдельные предложения и слова. Глаголы и существительные скапливаются в кронах или в корнях деревьев. Другие части речи сидят на верхних ветках, издавая сладкие трели, или порхают вокруг на крыльях стихов.

Пейзаж очень странный, но я совершенно его принимаю, как это обычно бывает во сне. Мне радостно и легко.

Я не знаю, давно ли нахожусь здесь, но пейзаж начинает постепенно уплывать — или я от него уплываю. Меня пронзает острая боль разочарования. Мне было здесь спокойно, я была счастлива здесь даже притом, что в тени, под деревьями, на краю леса легенд и сказок, разглядела несколько страшных историй.

Потом я ощущаю слабую пульсацию в руках и ногах. Так я понимаю, что у меня есть руки и ноги. У меня снова есть тело. Я успеваю услышать еще одну, последнюю песенку желтогрудого глагола, угнездившегося в параграфе толстого дуба: «Лови, лови, лови что можешь...» — и тут все пропадает. Я просыпаюсь.

Открыв глаза, я обнаруживаю, что мир кружится. Лица, глядящие на меня, сливаются в одно сплошное пятно, размытое и бесцветное. Но когда вращение прекращается, лица все еще здесь, хотя по-прежнему нечетки и лишены цвета. Эта бесцветность — просто шок после ярких красок мира слов, в котором я только что была.

Я сажусь и обнаруживаю, что лица приставлены к телам, контуры которых тоже едва намечены. Тела не в фокусе, как и головы. Они уплывают от меня, стоит мне только попытаться рассмотреть их получше, а те, что вне моего поля зрения, тем временем подбираются поближе ко мне.

— Прочь! — говорю я им.

Я встаю на колени и отмахиваюсь от них. Они слушаются меня, отходят подальше и наблюдают издали. От бесплодных попыток настигнуть их меня начинает подташнивать, но я заставляю себя поставить одну ногу на землю и оттолкнуться. Мне удастся встать. Нельзя, правда, сказать, что я стою, — скорее, качаюсь.

— Я сказала: прочь! — прикрикиваю я на призрачные фигуры, которые снова начали подбираться ко мне.

Вот тогда-то я и понимаю, что я-то не бесцветна. Поднимаю одну руку, потом другую. Они такого же медно-коричневатого оттенка, как всегда. Смотрю на свои джинсы и свитер. Я гораздо более здесь, чем все эти люди. Я даже гораздо реальнее, чем само это место. Бледно-розовый свитер, голубые линялые джинсы, потертые коричневые туфли — все это просто вибрирует реальностью, цветом.

Еще бы! В этом-то мире светотени, где все либо черное, либо белое, либо какого-нибудь оттенка серого. Я здесь точно цветное пятно на черно-белой фотографии.

Но это еще не самое странное. Декорации почти такие же, как и в моем сне про Лес Слов, но только луг переходит в лес, состоящий из какого-то металлолома: деревья, ветки, листья, подлесок и все остальное. Все это — из микросхем, проводов и ошметков бог знает чего.

Я наклоняюсь и дотрагиваюсь до травы под ногами. Она как будто из крошечных проводков, но мягких и податливых, как травинки.

Больше всего меня достает бесцветность.

Мне случалось раньше бывать в бесцветных мирах — или в мирах с настолько ослабленным цветом, что это все равно что его нет. Множество оттенков сумеречного. На всем сероватый отпечаток. Но такого, как здесь, я раньше никогда не встречала. Здесь что-то такое в воздухе, какая-то тяжесть. И мне тоже становится тяжело. Может быть, из-за черно-белой гаммы. Может, из-за этих металлических зарослей. Но скорее всего, из-за неясных фигур, плавающих вокруг как в тумане.

Но даже если это самое странное место из всех, в которых я бывала, это все-таки место. Я не знаю, где оно находится — где-нибудь в Море Духов, наверное, — но раз я здесь, значит, я не умерла.

— Странно, правда? — обращаюсь я к Саскии.

Не получив никакого ответа из собственной головы, я вдруг понимаю, что некоторое давление, вызванное ее присутствием в моем сознании, исчезло.

Ну вот. Не успел появиться хоть кто-нибудь, с кем я могу поговорить, хотя бы и в моей собственной голове, — как он тут же находит кого-нибудь другого, чтобы поселиться в нем. А может, она просто осталась там, когда я... ну, в общем, когда я каким-то образом переместилась сюда?

Я пытаюсь вспомнить, и все медленно возвращается ко мне. Буря, которой не могло быть. Черный ливень, который повалил меня на землю...

Наверное, Саския была права. Может быть, мне стоит научиться быть не такой упрямой. Хотя я не представляю, как это возможно. Если Мамбо не удалось повлиять на меня в этом смысле за столько лет, вряд ли кому-нибудь удастся.

Я еще некоторое время изучаю призраков, пытаюсь понять, чего они от меня хотят. Может быть, они просто из любопытства собрались вокруг меня, пока я была без сознания. Они не кажутся мне опасными. И теперь они держатся на расстоянии. Хотя интереса ко мне все-таки не потеряли. Мне кажется, та тяжесть, которую я ощущаю, еще усугубляется тем, что они наблюдают за мной.

Сначала мне показалось, что они все одинаковые, но теперь я вижу, что нет. Даже притом что они не в фокусе, если приглядеться получше, заметно, что у каждого собственное лицо. Женщины и мужчины разных рас и возрастов. Подростки, старики и всё, что между.

Так как до сих пор они не предприняли ничего угрожающего, я решаюсь попробовать наладить контакт.

— Итак, — обращаюсь я к ближайшей ко мне группе призраков, — как называется это место?

Группа немедленно отступает. От них исходит странный шум, похожий на радиопомехи. После еще нескольких попыток заговорить с ними я понимаю, что этот шум — их голоса. Да, трудно налаживать контакт с аборигенами.

Тогда я отвлекаюсь от них и пытаюсь осмотреть окрестности. Лужок, на котором я нахожусь, лежит между лесом и полями, простирающимися до невысоких холмов, которые видны на горизонте. Возможно, там есть впадины и долины, но с того места, где я стою, все это выглядит как огромная плоская пустая поверхность.

В этом направлении ничего хорошего не предвидится, так что я опять поворачиваюсь к лесу. Чувствую, придется войти в него, но что-то мне не очень хочется. Мне не улыбается оказаться в закрытом пространстве, да еще с этими странными призрачными существами, которые продолжают виться вокруг меня.

Я хватаюсь за это слово: призраки. Может, я в стране мертвых? Я-то, судя по всему, жива. Но они запросто могут быть душами умерших. Или заблудшими душами.

Я тотчас же снова вспоминаю о Саскии.

Заблудшая душа — это словосочетание как нельзя лучше подходило к тому состоянию, в котором я ее в последний раз... мне хочется подумать «видела», но ведь ее физическое существование было выражено еще меньше, чем у этих призраков, которые плавают вокруг меня. Может быть, она — одна из них? И может быть, именно поэтому я здесь? Ее пригнало сюда и меня с ней заодно?

Я зову ее по имени. Один раз, два раза, снова и снова. Я кричу громко, как могу, звонким голосом, но единственное, чего добиваюсь, — распугиваю призраков, наблюдающих за мной. И то хорошо. Избавилась от их давящего внимания.

Изо всех сил прислушиваюсь, надеясь на ответ, но ответа нет.

И тогда я сдаюсь. Бросив последний взгляд в сторону полей, я медленно поворачиваюсь к лесу. В поле не может быть ничего для меня интересного, а вот в лесу... в лесу вполне может кто-нибудь скрываться. Как разные неприятности, так и возможный выход из этой ситуации. Это неизвестное что-то, таящееся среди деревьев из металлолома, может оказаться как опасным, так и полезным. Не стоять же тут столбом, ничего не предпринимая.

Я делаю глубокий решительный вдох. Как человек, отправляющийся в путь, не важно, долгий или короткий. И шагаю вперед.

Я успеваю сделать дюжину шагов, когда что-то вдруг бьет меня по голове и бросает на проволочную траву. Быстро на четвереньках отползаю в сторону и начинаю озираться в поисках того, кто меня ударил.

Никого.

Я поднимаю руку и ощупываю голову. Никакой шишки. Крови тоже нет. Ничего. Только голову как будто распирает изнутри. Очень знакомое ощущение...

— Саския? — спрашиваю я. Потом повторяю свой вопрос мысленно: «Саския, это ты?»

«Кристиана?»

Кажется, она удивлена.

«Ты появилась, потому что я тебя звала?»

«Так это была ты?»

«Я здесь больше никого не вижу. Где ты была?»

«Потерялась, — отвечает она. — Потерялась где-то в киберпространстве. Я пыталась держаться этого URL, но меня закрутило и...»

«Притормози-ка. Что такое URL?»

«Что-то вроде адреса. В Интернете».

«О-о боже...»

«Да это не важно. Просто меня вертело, вертело... пока я не услышала, как кто-то зовет меня по имени, наверное... — Голос ее на мгновение замирает, потом она продолжает: — А потом я поняла, что снова очутилась у тебя в голове... — Еще одна пауза. — Извини, что так неуклюже приземлилась».

«Ничего. Я рада, что опять есть с кем поговорить».

«Я так понимаю, что уже дважды обязана тебе жизнью — если, конечно, это можно назвать жизнью».

«О, только, пожалуйста, не так мрачно! Это местечко и так не из веселых. Кстати, где мы, собственно говоря, находимся? Ты не знаешь?»

«Вообще-то, я метила в сайт „Вордвуд“...»

«Мне кажется, я была там», — говорю я и рассказываю ей о сне, приснившемся мне перед тем, как я пришла в себя.

«Не знаю, что это было за место, — говорит она, — но не думаю, что „Вордвуд“. Я думаю, что вот здесь — „Вордвуд“».

«Здесь? Да ты что? Это какая-то помойка — не простая, конечно, это уж точно, но все равно помойка. А там все состояло из слов. Даже животные и птицы. Они одновременно были и самими собой, и словами, если такое вообще возможно».

«Вряд ли. Но вот это, кажется, то самое. Я ведь родилась тут».

«Так ты узнаешь это место?»

«Нет, это просто ощущение. К тому же тут явно произошло что-то очень неправильное».

«Хорошо, предположим, это и есть „Вордвуд“. И куда, как ты думаешь, мы отправимся отсюда дальше?»

«Не знаю. Что тебе удалось выяснить, пока меня не было?»

«Почти ничего», — отвечаю я и излагаю ей все, что случилось со мной с тех пор, как я проснулась на проволочной траве.

«Эти призраки так и не заговорили с тобой?» — спрашивает она, когда я заканчиваю.

«Кажется, они довольно пугливы. Я думаю, эти радиопомехи, которые они издают, и есть их язык, но я не поняла ничего».

«Возможно, это потому, что мы из двух разных операционных систем».

«Чего-чего?»

«Ну, понимаешь, это как если бы Windows PC попробовала пообщаться с iMac».

«Я понятия не имею, о чем ты».

«Это как жители разных стран, которые не понимают друг друга».

«Даже если шум, который я слышала, действительно язык, — мысленно передаю я ей, — только ли тебя дух послал в Условный Мир?»

«Куда?»

«Туда, где мы с тобой встретились, — в тот мир, который Кристи называет Миром Как Таковым. Я просто думаю, не послал ли дух туда еще кого-нибудь, кроме тебя?»

«Я никогда не задумывалась об этом. Они мне были бы как братья и сестры. — Она замолкает на несколько секунд, потом говорит: — Но если „Вордвуд“ и послал еще кого-нибудь, надеюсь, что их он подготовил лучше, чем меня».

«Если ты была первой, то он, возможно, набирался опыта, пока ты... что? Пока ты не перестала снабжать его информацией?»

«Это двусторонняя связь, — отвечает Саския. — У меня тоже был доступ ко всему, что есть в „Вордвуде“. Это было странно и жутковато, но очень полезно. Я, например, могла рассказать все-все о шоколаде, но не знала, каков он на вкус».

«Сейчас нам бы это пригодилось».

«Ты о шоколаде?»

«Да нет, я о подробной информации».

«А-а-а».

Я снова бросаю взгляд на лес:

«Слушай, нам надо двигаться. Ты готова отправиться на разведку?»

«Пожалуй...»

Я иду вперед, разгоняя взглядом какие-то тени между деревьями. Должно быть, опять призраки. Чувствую опасность.

Что-то меня беспокоит.

Подлесок негустой — этот лес слишком старый, чтобы сквозь толщу его крон проходил хоть какой-то свет. И тут... я не могу удержаться от смеха. Дотронувшись до коры одного из деревьев, я обнаруживаю, что она состоит из сросшихся микросхем. Неужели эта штука растет?

Я уже собираюсь спросить у Саскии, что она думает по этому поводу, как вдруг краем глаза замечаю какое-то шевеление — как будто кто-то юркнул за дерево. Похож на человека — тоже черно-белый, конечно, но все-таки обладающий большей плотностью, чем те призраки, которых я видела раньше.

«Ты видела?» — спрашиваю я и тут же понимаю, что это дурацкий вопрос.

Разумеется, она видела. Она видит все, что вижу я.

«Похоже на человека».

«Если мне удастся поймать его, может, он расскажет нам что-нибудь об этом месте...»

«Осторожно, — говорит Саския. — Вспомни, к чему привел твой последний храбрый поступок».

«Помню, помню. Но ведь теперь нам терять нечего, верно?»

«Но...»

«Не волнуйся. Что-что, а это я делать умею».

Это правда. Я веду активный образ жизни, и это удивляет многих, кто, подобно Кристи, видит во мне хрупкое существо. Я всегда была скорее сорванцом, чем скромницей. Может быть, потому, что начала свою жизнь мальчиком.

Я продолжаю идти вперед, как будто ничего не заметила, а сама постепенно и осторожно меняю курс, пока не оказываюсь наконец у того дерева, за которым он прячется. Он стоит спиной ко мне, но чувствует меня и хочет повернуться. Слишком поздно. Я бросаюсь на него, толкаю плечом, валяю на землю и падаю сверху.

Я, конечно, сильнее, чем кажусь, но он, безусловно, крупнее меня. Ему удастся меня сбросить. Он пятится на четвереньках, пока не упирается в очередное дерево из микросхем.

— Не бейте меня! Не бейте меня! — кричит он.

Я поднимаю руки ладонями наружу.

— Я вовсе не собираюсь тебя бить, — говорю я. — Почему ты решил, что я собираюсь бить тебя?

— Ты прыгнула на меня, разве не так?

— Да, но ты следил за мной.

— Я не следил, я... просто наблюдал.

— То есть, иначе говоря, следил.

— Я просто пытался вычислить, кто ты, — быстро говорит он. — Понять, опасна ли ты.

— Ну и как? — спрашиваю я. — Опасна?

— Боже мой, откуда я знаю!

Судя по его глазам, ему кажется, что опасна, и я пока не намерена разубеждать его.

Он состоит из плоти и крови, но тоже бесцветен. По чертам лица и более темному, чем у меня, оттенку кожи я понимаю, что в нем течет африканская кровь. Лет двадцать пять, симпатичный. Немного дерганный, но, думаю, это от неожиданности всего происходящего. В спокойной обстановке он, может быть, совсем не таков.

«По крайней мере, мы его понимаем», — говорит Саския.

«А ты не заметила, что когда он говорит, то немного фонит? Как будто ты вот-вот поймашь станцию, но еще не нашел нужной частоты».

«А у других призраков тоже так было?»

«Нет, я ни слова не могла разобрать из того, что они говорили, — если, конечно, они что-нибудь говорили. И к тому же этот парень гораздо... плотнее их».

— Кто ты? — спрашиваю я громко.

— Меня зовут Джексон. Джексон Харт.

— Ты здесь живешь, Джек?

— Я предпочитаю, чтобы меня называли Джексон.

— Ладно, Джексон. Так ты живешь здесь?

Он мотает головой.

— Тогда откуда ты?

— Я из Ньюфорда. Я...

Звук его голоса слабеет, когда он поворачивает голову, чтобы прислушаться к чему-то. Я тоже слышу это.

«Какой странный звук», — говорит Саския.

«Да, по-моему, тут что-то серьезное».

Не могу понять, что это такое. Звук не очень высокий, но есть в нем нечто от скрипа ногтя о стекло плюс... какое-то влажное подвывание, если можно так выразиться. В общем, это надо слышать. И еще некоторое шипение, как будто вода закипает.

— О господи! — говорит Джексон. — Это пиявки.

Еще когда я толкнула его, в его глазах появилась паника, а теперь в них был настоящий тихий ужас.

— Пиявки?

— Я так их называю, — говорит он. — Земляные пиявки. — Он бросает еще один тревожный взгляд туда, откуда доносится звук, потом опять поворачивается ко мне. — Я не знаю, кто ты и что здесь делаешь, но ты точно не захочешь встретиться с ними. А учитывая, как ты выглядишь, они сразу на тебя набросятся.

— Что значит — как я выгляжу?

Он вытягивает вперед свою черно-белую руку и указывает на мою:

— Ты — в цвете и этим выделяешься в этом черно-белом мире.

— Да, но...

— Нет времени объяснять. Просто делай как я.

И он вцепляется руками в проволочную траву, вырывает целые пригоршни свалевшихся проводов, микросхем и того, что очень напоминает тонкие маленькие листы металла, но только гораздо гибче.

— Я не шучу, — говорит он, видя, что я все еще продолжаю стоять на месте.

Звук приближается, начинают болеть уши.

«Может, нам стоит послушаться его, Кристиана?»

«Пожалуй, стоит».

Джексон тем временем успевает выкопать себе ямку, и тут мы обнаруживаем нечто еще более странное, чем видели до сих пор. Под всем этим мусором, по которому мы ходили, обнаруживаются... слова! Целый слой спутанных слов, похожий на толстую подстилку из листьев и стеблей. Я разом переносусь обратно в мир слов, который видела во сне. Но эти слова — другие. На вид они напоминают грязь и пахнут чем-то металлическим и еще — чернилами.

Джексон ложится на слова и начинает закапываться.

«Кристиана!»

Я вздрагиваю от вопля Саскии.

«Да, да, сейчас!» — успокаиваю я ее.

Не так-то это быстро. Я роюсь в этом железном мусоре, под ногти мне набивается даже не хочу думать что. Стараюсь докопаться до слоя слов. Они такие странные на ощупь! Теплые и сухие, а выглядят как раз влажными. Мне становится почти уютно, когда я ложусь на них и укрываюсь металлическим мусором. Я оставляю себе лишь маленькую дырочку, чтобы выглядывать наружу. Саския и та, похоже, задыхается у меня в голове, а ведь у нее даже легких нет. Но я ее понимаю.

Трудно описать мир, в котором мы оказались. Звук, который издают приближающиеся к нам существа, описать еще труднее. Но когда речь заходит об этих тварях, даже не знаешь, с чего начать. Вообразите омерзительную помесь змеи с садовым слизнем, да еще с акульным плавником на спине. Они плотные, черные, быстрые и склизкие, и я прекрасно понимаю, почему Джексон окрестил их пиявками. Они действительно похожи на пиявок, хотя плавают не в воде, а на суше. Они просто скользят по поверхности, но при этом не извиваются, и ног у них нет. По их маслянистым шкурам то и дело пробегают электрические разряды.

Я не знаю, сколько их. Я вижу двух, трех, потом отвожу взгляд, опасаясь, что они почувствуют, что за ними наблюдают.

Я уверена: они знают, что мы где-то здесь. Они излучают угрозу, у них спереди — подобие глаз, которые находятся в постоянном движении, обзор — на триста шестьдесят градусов.

Зарываюсь поглубже и стараюсь не дышать.

«Здесь ничего и никого нет, — повторяю я про себя. — И незачем тут рыскать».

Они так близко, что издаваемый ими звук заставляет меня скрипеть зубами. И еще запах! Перегоревшей проводки, серной кислоты и еще гниющих органических останков.

Не знаю, как давно я уже лежу здесь. Мы с Саскией даже не переговариваемся, но через некоторое время, которое кажется мне вечностью, я слышу, как что-то шевелится неподалеку от моего укрытия. Я уже готовлюсь к схватке и вдруг понимаю, что звук, издаваемый пиявками, постепенно ослабевает и запах тоже.

«Ну, что ты думаешь?» — спрашиваю я Саскию.

Но прежде чем она успевает ответить, я слышу голос Джексона.

— Эй, — шепчет он, — ты как, ничего?

Продравшись сквозь микросхемы, спутанную проволоку и прочий мусор, я сажусь.

— Ушли? — спрашиваю я.

Он кивает.

«Слава богу», — говорит Саския.

«Вот именно», — отвечаю я ей.

— Что это были за твари? — спрашиваю я Джексона.

— Я думаю, это последствия вируса.

— Какого вируса?

— Того, который завладел сайтом, — отвечает он. — Сайтом «Вордвуд».

— Так, значит, это — «Вордвуд»?

Он пожимает плечами:

— Вероятно. Я решил, что это «Вордвуд», когда попал сюда. Это проклятое место не давало мне покоя целую неделю с тех самых пор, как сайт вырубился.

Кажется, он собирается сказать что-то еще, но раздумывает, а я не настаиваю. Сейчас он единственный, кто имеет хоть малейшее понятие о том, что здесь происходит, так что пусть выдает свою информацию, когда сам захочет. Не следует давить на него. По крайней мере пока.

Я смотрю туда, куда улетели пиявки, и вижу, что они оставили после себя следы. Они еще дымятся, как это бывает с металлом, если на него капнуть кислотой.

— Как ты сообразил, что от них можно вот так спрятаться? — спрашиваю я.

Вообще-то, я понимаю, что и это не помогло бы, если бы твари оказались прямо над нами.

— Я был в полном отчаянии, — отвечает он. — Впервые, когда я их услышал, я не понял, кто издает этот звук. Просто почувствовал опасность. Они застигли меня на открытой местности, иначе я залез бы на одно из этих чертовых деревьев. Пришлось зарыться в землю. Сначала я просто хотел лечь, чтобы трава скрыла меня с головой, но потом наткнулся на эту подстилку с кодом.

Он выгребает немного мусора из ямы, в которой прятался, выбрасывает его и вынимает несколько слов.

— Код? — спрашиваю я.

Он кивает:

— Да. Хотмейл. Код, который используется, чтобы создать веб-страницу. Понимаешь?

Он держит в руке нечто, напоминающее прозрачную ленту со словами на ней. Там написано:

 Диккенс Чарлз

— И так на много метров вглубь, и всё на бинарной основе, — говорит он. — Сплошной клубок нолей и единиц.

— Не понимаю ни слова, — говорю я.

«Это он о языках программирования, которые объясняют компьютеру, как он должен работать. Это то, что позволяет нам общаться с машинами».

— Это место — как старая досовская программа, — объясняет Джексон. — Все элементарно, никаких графов и скриптов, которые применяются сегодня. Думаю, это вирус вернул здесь все в такое первобытное состояние.

Я с умным видом киваю, как будто и правда понимаю, о чем он говорит.

— Как ты попал сюда? — спрашиваю я.

— Я и сам точно не знаю. Сажу это я перед компьютером — и вдруг из монитора начинает хлестать липкая черная жидкость, и я в ней тону. Или мне показалось, что я утонул. Наверное, я просто отключился на время, а очнулся уже здесь. — Он слабо улыбается. — Если только, конечно, это уже не жизнь после смерти.

Липкая черная жидкость. Похоже на тот дождь, который сбил меня с ног в Пограничных Мирах. Получается, что я попала сюда так же, как он. Единственная разница между нами — я не стала бесцветной. Первое приходящее на ум объяснение этого факта не радует: должно быть, это оттого, что я тень. Наверное, я наслушалась Саскии и теперь постоянно буду чувствовать некоторую свою ущербность. Если я действительно не существую в Условном Мире, то почему здесь должно быть иначе?

— Сколько времени ты уже здесь? — спрашиваю я.

«Может быть, дело вовсе не во мне, — думаю я. — Может быть, это вопрос времени и здесь постепенно теряешь цвет, потом плотность, пока не превратишься наконец в один из призраков, которых я видела тут».

— Этого я не знаю, — говорит Джексон. — Мне кажется, уже целую вечность.

— Мы... — начинаю я, но вовремя спохватываюсь. Незачем ему знать, что у меня в голове еще один человек. — Я попала сюда только что. И эти призраки...

— Они тоже, как и мы, не здешние. По крайней мере, как я. Это люди, которых засосало в их компьютеры. Кажется, дело обстоит так: попав сюда, становишься призраком и остаешься им до тех пор, пока не начинаешь что-то соображать. По крайней мере, чем больше я узнавал о том, как здесь все устроено, тем плотнее и реальнее я становился, — он с некоторой завистью смотрит на меня, — и тем не менее я черно-белый.

Значит, все не так, как я думала, а как раз наоборот.

— И эти остальные — такие же, как ты? — спрашиваю я.

Он кивает:

— Но они держатся обособленно. И что самое странное — некоторые из них не говорят по-английски. Даже интересно: зачем они полезли в базу данных на английском языке?

«„Вордвуд“ — не только англоязычный, — объясняет мне Саския. — Он автоматически переводит текст на твой родной язык».

Я повторяю это вслух — для Джексона.

Он качает головой:

— Это невозможно.

— Мы же говорим не о программе, — возражаю я. — Мы говорим о духе. О ком-то, кто живет в... в общем, там, где мы находимся. В киберпространстве, наверное. Он общается с нами через Интернет. Во всяком случае, общался.

— Но...

— Ладно, может быть, все проще. Помнишь классическую мифологию — бог или богиня всего?

— Смутно, — признается он, но все же кивает, что понимает, о чем речь.

— Так вот, сайт «Вордвуд» был жилищем бога книг в электронном виде. Преобразованных в цифровую форму слов.

— Бога?

— Я просто пытаюсь объяснить так, чтобы тебе было понятно, — поясняю я.

— Но... бог...

— Ну, возможно, это не самая лучшая аналогия.

— И он, этот бог, решил покончить со мной...

— Может быть, это и она, — говорю я, подумав о Саскии. Дух мог создать ее по своему образу и подобию. Потом до меня наконец доходит, что именно он сказал. — А с чего бы ему или ей злиться на тебя?

— Хочешь знать правду?

— Нет, вообще-то, я предпочитаю, когда люди мне врут.

«Кристиана! — предостерегает меня Саския. — Не отпугивай его. От него можно кое-что узнать».

«Так ты теперь — мое подсознание?»

«Извини, но...»

«Да нет, ты права. Нехорошо, что я сержусь на него, и на тебя тоже».

— Итак, с чего бы вдруг духу Вордвуда злиться на тебя? — спрашиваю я как можно ласковее.

Джексон качает головой.

— В общем, это можно просчитать, — говорит он. — Я всегда боялся леса, не доверял ему, так что если я и рассердил какое божество, так, видимо, то, которое живет в лесу. Даже если это условный лес. Каким бы странным ни выглядело это место, оно вполне настоящее.

— Джексон, — я пытаюсь вернуть его к тому, с чего мы начали, — это не бог. Это просто дух. Да, они могут быть могущественными, но они тоже всего лишь существа, только другого вида. Они отличаются от нас примерно так же, как медведь отличается от комара. Нет, тоже плохое сравнение, — спешу добавить я, когда вижу выражение его лица.

«Да помоги же мне, Саския».

«Скажи ему, что с ними можно договориться».

«Ага, прямо! Тебе приходилось встречать кого-нибудь из старых...»

«Да знаю, знаю! Но он-то не знает. Ему так будет легче».

И я говорю ему то, что она велела, и весьма уверенным тоном. Саския права. Он сразу немного успокаивается.

— Может, мне удастся ему объяснить, что все это — ошибка? — говорит он. — Ну, не то чтобы совсем уж ошибка, но... у меня просто не было выбора.

— Вот отсюда поподробнее, — прерываю я. — Не понимаю, о чем ты.

— Во всем этом, — он обводит рукой вокруг, — виноват я.

— Пожалуй, тебе стоит начать с самого начала, — говорю я.

И он рассказывает нам плачевную историю о взломанном банковском компьютере и о том, как Аарон Гольдштейн шантажом добился от него, чтобы он заслал вирус на сайт «Вордвуд». Как его терзали видения об этом лесе и ветер, похожий на радиопомехи. Как он потерял счет времени и наконец однажды оказался здесь.

Мы слушаем его, не прерывая и даже не переговариваясь между собой, кроме разве что того момента, когда он впервые упоминает Аарона.

«Это тот самый тип, который...»

«О боже, как я его ненавижу! — восклицает Саския, прежде чем я успеваю закончить свой вопрос. Итак, можно считать, она на него ответила. — Разумеется, это вполне в его духе — устроить такое».

— Он здесь? — вслух спрашиваю я.

— Кто, Аарон? Сомневаюсь. Не думаю, что он проводит много времени за компьютером. И уж конечно, не на сайте «Вордвуд». То есть, если бы он ему был нужен, какого черта он велел бы мне его разрушить? Я так понимаю, что попались в основном книжные черви: библиографы, запойные читатели...

«Я вообще сомневаюсь, что Аарон Гольдштейн любит книги», — говорит Саския.

«Но ведь он же почему-то стал редактором».

«Наверное. Но не думаю, что он все еще любит книги. Кристи говорит, что он ненавидит писателей, потому что когда-то пытался писать сам и ничего у него не вышло».

«Ну, вообще-то, нельзя сказать, что Кристи очень симпатизирует Гольдштейну».

«А что, ему кто-нибудь вообще симпатизирует?»

«Я только хотела сказать, что мы многого о нем не знаем, то есть не знаем, почему он стал таким, каков он есть».

«А что это ты его защищаешь?»

«Вовсе не защищаю. Просто хочу иметь объективную картину».

Джексон не подозревает о разговоре, который сейчас ведется у меня в голове, и продолжает рассказывать.

— Прости, что ты сказал?

— Я говорю, что те немногие, с кем мне удалось поговорить, когда я оказался здесь, сказали, что сидели за компьютерами и пытались зайти на сайт, когда... когда случилось то, что случилось.

Я киваю, и он продолжает. Он рассказывает нам, как послал имейл веб-мастеру — «Наверное, я общался с самим духом, да?» — и объяснил ему, как наладить сайт и ликвидировать последствия вируса. — «И вот после этого — бум! — и я здесь».

«Бум! — комментирует Саския. — В моем случае это, скорее, напоминало фейерверк».

У нее такой несчастный голос, что я начинаю горько сожалеть о том, что защищала Гольдштейна. Да и вовсе я его не защищала, но она-то, конечно, подумала именно так.

«Когда все это закончится, — обещаю я ей, — мы найдем способ ему отплатить».

Но теперь ее черед быть благоразумной.

«Мне не нравится идея отмщения. Я считаю, что зло, которое ты причиняешь, оборачивается против тебя, какие бы у тебя ни были веские оправдания», — говорит она.

«Нам вовсе не обязательно делать что-то самим. Мы просто можем сообщить духу

Вордвуда, где искать истинного виновника».

«Ну, не знаю...»

— Боже мой! — прерывает наш молчаливый разговор Джексон. — Ты хоть понимаешь, что здесь происходит?

Джексон мне, конечно, симпатичнее, чем Гольдштейн, но, выслушав его рассказ, я понимаю, что, пожалуй, не склонна испытывать жалость ни к одному из них.

— Ага, знаю, — отвечаю я. — Вы играли в компьютерные игры и подставили целую кучу народу.

— Да нет же! То есть да, конечно, это так... Но он ведь вынудил меня!

— Ты мог отказаться.

— И отправиться в тюрьму.

— Я только говорю, что всегда есть выбор.

По его глазам я вижу, что он слишком хорошо это понимает. Что все это время он ел себя поедом. Не за то, что произошло лично с ним, а за то, что пострадало так много ни в чем не повинных людей.

— Ладно, мне не стоило этого говорить.

Он пожимает плечами:

— Почему? Это же правда.

— Ну хорошо. Это правда. Но теперь надо что-то делать. Ну так что именно, ты говорил, здесь происходит?

Ему требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя и сосредоточиться.

— Дело в том, что если «Вордвуд» не только и не столько веб-сайт, сколько живое существо, то мой вирус порастил его, как поражает болезнь. Я сделал так, чтобы он разрушил все HTML-связи. Но если речь идет о существе, то у него начнет твориться черт знает что с обменом веществ. Части его тела не смогут «общаться» друг с другом. Он не сможет, например, додумать до конца ни одной мысли, во всяком случае такой, которая была бы связана с его предыдущим опытом.

«Возможно, он прав».

«Возможно».

— Ну и что это нам дает? — спрашиваю я.

— Не знаю. Но если бы у меня сейчас был под рукой компьютер... — Он озирается по сторонам, и его воодушевление сразу проходит. — Что я говорю! Мы же внутри этого чертова компьютера!

Он наклоняется и вырывает пригоршню слов, которыми мы маскировались от скользких тварей. И вдруг меня осеняет: этот двоичный код, единицы и ноли, сменяющие друг друга с такой скоростью, что не уследить.

— Что нам действительно нужно, — говорю я ему, — так это разыскать кого-нибудь из этих людей. Или... ты не заметил ничего, что могло бы указать, где находится этот дух?

Он вздыхает и смотрит на лес.

— Тут есть развалины, — говорит он.

— Развалины? Что за развалины? И где они?

— Там, в глубине леса. Похоже на фундамент какого-то древнего здания. И еще — стеклянный гроб с девушкой.

— Что?!

— Тебе надо посмотреть на это. Это прямо как «Белоснежка и семь гномов». Пока не появилась ты, это было единственное цветное пятно здесь.

— Цветной гроб?

Он мотает головой:

— Да нет! Мертвая девушка в нем. А может, она и не мертвая. Может, она просто спит. Все, что можно сказать наверняка, — она не шевелится. Руки сложены на груди, глаза закрыты. Пробраться внутрь гроба невозможно, и разбудить ее — тоже. Я пробовал.

— Ну-ка, покажи мне ее, — говорю я.

Понятия не имею, сколько времени мы бредем по лесу. Освещение не меняется. Вообще ничего не меняется, кроме того, что земля под ногами приобретает некий уклон. Это пологий, постепенный подъем, так что больших усилий, чтобы идти, прилагать не нужно, но трудно сообразить, где ты находишься и куда направляешься. Несмотря на то что подлеска как такового в этом лесу из микросхем нет, смотреть вдаль не получается, потому что деревья слишком толстые и слишком густо растут.

Это нам на руку. Конечно, в случае чего, мы не сможем издали заметить воздушных пиявок, но ведь и они нас не смогут заметить. Мы зато можем их услышать.

По пути к развалинам нам еще дважды приходится прятаться от мерзких тварей. В первый раз мы по звуку безошибочно узнаём об их приближении. Я даже не жду, пока Джексон подаст мне знак. Просто останавливаюсь и начинаю копать яму.

Мне приходилось видеть много странного, путешествуя в Мире Духов и в Пограничных Мирах, но это было страшнее всего, что я видела. Может быть, оттого, что я точно знала, что с этими тварями невозможно договориться, нельзя перехитрить их, а это единственные два способа действия, которые я применяю, имея дело с существами сильнее себя. Ну как ты станешь разговаривать с подобным существом?

Итак, я следую примеру Джексона. Как только слышу их приближение — зарываюсь как можно глубже. Я видела дымящийся след, который они оставляют после себя! А Джексон рассказывал, как на его глазах они пожирали призраков, которые оказывались недостаточно расторопны и попадались у них на пути. Нет уж, это не для меня, спасибо.

Однако через некоторое время лес начинает редеть, стволы деревьев становятся тоньше, а уклон — круче. И наконец мы выходим из леса в поле. Здесь тоже эта проволока, притворяющаяся травой, растениями и еще бог знает чем. Мы все поднимаемся и поднимаемся. Куда ни поверни голову — со всех сторон лес до самого горизонта. Иногда то тут, то там из-за верхушек деревьев видны голые вершины.

Я пытаюсь уловить в их расположении какую-то систему — так от компьютера ждешь какой-то логики, — но горы расположены совершенно беспорядочно. Тут — две рядышком. Там — три группой. И между ними — ничего, кроме леса.

Хорошенько осмотревшись, я продолжаю подъем.

Я, конечно, несколько беспокоюсь насчет пиявок. Здесь, на открытой местности, где нам негде спрятаться, они нас достанут в два счета. Но их не видно, а Джексон уверяет меня, что траву здесь рвать так же легко, как и ковер из металлолома в лесу. Я, конечно, верю ему, но все-таки надо попробовать. Да, он прав. Под слоем проволоочной травы я снова обнаруживаю темные слова, они и тут, видимо, вместо почвы.

Когда мы достигаем одной из вершин, я наконец вблизи могу разглядеть камни, из которых состоит фундамент. Не могу точно сказать, что это, но, по-моему, какой-то металл, бесцветный, по фактуре напоминающий обыкновенные камни, какие встречаются в поле.

— Она здесь, — говорит Джексон.

Стена слишком высока, чтобы я могла увидеть что-либо, так что я следую за Джексонем туда, где, вероятно, должно быть окно. Вскрабкаться на подоконник довольно просто, и я спрыгиваю в какую-то растительность. Под ногами что-то губчатое и еще нечто вроде лишайников.

За стеной — целый лабиринт комнат. Стены, коридоры, но ни пола, ни потолка, ни обстановки.

«Интересно, кто здесь жил?» — спрашивает Саския, когда мы выглядываем в то самое окно, через которое залезли.

«Может, ты сама и жила, — отвечаю я, — прежде чем родилась в обычном мире».

«Возможно...»

Джексон ведет нас по комнатам: поворот направо, еще один, потом налево, потом опять направо, потом он останавливается на пороге огромной комнаты и пропускает нас вперед. Я останавливаюсь рядом с ним. Мне в глаза бросается яркое пятно — мертвая девушка, о

которой он говорил. Гроб — посредине комнаты.

Несколько секунд я ничего не могу разобрать. Такое многоцветье после того, как мои глаза уже привыкли к монохромной гамме. Глаза начинают болеть, как будто я взглянула прямо на солнце, перед ними пляшут цветные пятна. Но через некоторое время зрение восстанавливается.

Действительно, все это похоже на сцену из сказки — светловолосая женщина лежит на спине в стеклянном гробу, руки сложены на груди, — правда, она в джинсах, белой футболке, кроссовках, и это несколько снижает романтический эффект. Потом я перевожу взгляд на ее лицо и бледнею.

«Да это же...»

«Ты», — соглашаюсь я.

«Я».

Сара Эсти Тэйлор

— Что-то в ней есть такое... — говорит Клодетт.

Эсти пожимает плечами. Они двое идут последними. Аарон и Сюзи — впереди, Тип — между этими двумя парами. Вся компания следует к дому Джексона. Это напомнило Эсти прежние времена, когда они бродили по городу, иногда по двое, иногда по трое, а обычно — все пятеро основателей сайта «Вордвуд». Тогда они были почти неразлучны.

— Ты про Сюзи? — спросила Эсти.

— А про кого же еще?

— Откуда мне знать, — ответила Эсти.

— В ней есть что-то странное. Не понимаю что, но что-то такое...

Эсти кивнула. Она понимала, что имеет в виду Клодетт, хотя, пожалуй, выразилась бы несколько иначе. Для нее само присутствие Сюзи среди них было совершенно необъяснимо. Эсти понимала, почему здесь она сама, и Тип, и Клодетт, — ведь если бы не они, «Вордвуда» просто не существовало бы. А если бы «Вордвуд» не породил своего духа, с тем не случилось бы что-то неправильное и Бенни, и Саския, и сотни других людей сейчас были бы в безопасности, сидели бы у себя дома, копались в Интернете, вместо того чтобы торчать в каком-нибудь медвежьем углу этого самого Интернета.

Она понимала также, что Аарон хочет хоть как-то реабилитировать себя после того, что натворил.

Но Сюзи тут была абсолютно ни при чем. Эсти склонялась к мысли, что она просто примазалась.

— Может, она просто благодарна Аарону, — сказала она. — Ну, знаешь, человек подобрал ее на улице...

— Она не похожа на уличных попрошаек, насколько я их себе представляю.

— Ну, у нее ведь была возможность помыться...

— А кроме того, — продолжала Клодетт, — он ей в отцы годится.

Эсти улыбнулась. Тут Клодетт доверять было нельзя. В прошлом она была самой отчаянной сплетницей.

— Мы же не знаем, спят они вместе или нет, — сказала Эсти. — Да и вообще, это не наше дело.

— И все-таки...

— Ей, возможно, двадцать с небольшим, — сказала Эсти. — Аарону, думаю, нет еще сорока. Так что разница не такая уж огромная.

— Ну, если между ними ничего нет, — настаивала Клодетт, — тогда я вообще не понимаю, что она здесь делает. Что-то мне не очень верится в простую благодарность за душ и еду.

— Почему бы и нет?

— Да просто странно. И потом, я ей не доверяю. Ему я тоже, конечно, не доверяю, так

и знай, но ей я точно не доверяю!

Эсти кивнула:

— Да, бывает такое — встречаешь человека, и вроде с ним все в порядке, но это... не твой человек, что ли...

— Да, наверное.

— Так и надо это воспринимать. Просто она не наш человек. И ничего больше. Вокруг и так полно всяких странностей, чтобы искать еще.

— Но мы ничего и не искали. Это же сразу видно...

— Тсс, — прошипела Эсти.

Те, что шли впереди, остановились. Потом стали подниматься по ступеням коричневого, неотличимого от других дома, который, очевидно, и был целью их похода. Клодетт тоже поднялась, а Эсти ждала на тротуаре и смотрела на небо. Там не было ни облачка, солнце стояло почти над ее головой. Улицы казались раскаленными. Она уже забыла, каким бывает август в Ньюфорде. В Бостоне тоже случалась жара, но из-за бриза с океана она не была такой невыносимой.

— Ты идешь, Эсти? — позвал Тип с крыльца.

Оказалось, все уже вошли и он придерживает дверь для нее.

— Я просто вспомнила, почему уехала из Ньюфорда. Боже, как тут жарко!

Тип усмехнулся:

— Пока мы переодевались в гостинице, я включил канал «Погода». Они говорят, что сегодня перевалит за сорок.

— И все-таки, — возразила она, — дело даже не в температуре...

Тип рассмеялся, и они закончили в унисон:

— А во влажности.

— Но если ты это так плохо переносишь, — добавил Тип, — почему каждое лето приезжаешь ко мне в Остин? Там иногда бывает такая же жара и ночью.

— А зачем приглашаешь?

— По привычке.

Она улыбнулась и шагнула внутрь.

В прихожей было прохладнее, но ненамного. То облегчение, которое почувствовала Эсти после палящего солнца, быстро забылось, и она пожалела, что не купила по пути бутылку минеральной воды. В горле у нее пересохло. Они все толпились в узком коридорчике перед дверью квартирной хозяйки. Ожидая, пока та ответит на стук, Эсти перевесила свой ноутбук с одного плеча на другое.

Миссис Лэндис очень удивила ее. Когда Аарон объяснил, что они надеются с помощью компьютера Джексона каким-то образом напасть на его след, она восприняла это так, как будто с подобными просьбами к ней обращались каждый день.

— Ну что ж, если вы думаете, что это поможет... — сказала она. — Но только разве для этого нужно так много народу?

Особенно недоверчиво квартирная хозяйка посмотрела на Сюзи. Клодетт многозначительно обменялась взглядами с Эсти, дескать «Вот видишь?». Эсти слегка пожалала плечами и снова сосредоточилась на разговоре квартирной хозяйки с Аароном или, точнее, на паузе в этом разговоре.

Похоже, миссис Лэндис застала Аарона врасплох этим простым вопросом.

— Ну... видите ли... — начал было он.

— Мы все для этого, конечно, не нужны, — вмешалась Эсти. — Я разбираюсь в компьютерах, Аарон знаком с Джексоном и сможет помочь в моих поисках. Остальные могут подождать снаружи.

Квартирная хозяйка покачала головой:

— Нет, нет, собственно, я не возражаю. К тому же сейчас слишком жарко на улице, чтобы дожидаться там. Просто... Вы и правда думаете, что это поможет найти Джексона?

— Я очень на это надеюсь, — ответил Аарон. — Но точно мы сказать не сможем до тех пор, пока не посмотрим, что у него в компьютере.

— Ну, тогда как же я могу не впустить вас!

Эсти не помнила, когда ей доводилось встречать кого-нибудь столь доверчивого. Да, она, конечно, понимала, что миссис Лэндис очень волнуется за Джексона и хочет помочь его найти, но все равно Эсти подумала, как хорошо, что ее домовладелец, мистер Морелло, — неприветливый брюзга, который и двух слов с арендаторами не скажет, не говоря уж о незнакомых людях. Было утешительно сознавать, что, даже если она когда-нибудь бесследно пропадет, в ее квартиру тут же не вломится банда чужих людей.

Миссис Лэндис пошла к себе за ключами, потом провела посетителей вверх по лестнице, в комнату Джексона.

— Я не уверена, что вам удастся включить компьютер, — сказала она, открыв дверь. — Он не в очень-то хорошей форме после... после того, что случилось прошлой ночью.

— Может быть, все не так страшно, как кажется, — сказала Эсти. — Если жесткий диск не поврежден, то данные вполне доступны.

— Я все-таки не совсем понимаю, что вы надеетесь найти.

Эсти пожала плечами:

— Мы подумали: если посмотреть, чем Джексон тогда занимался, и проверить его электронную почту, можно обнаружить что-нибудь полезное. Вдруг он назначил кому-то встречу. Или найдется имейл, который прояснит нам его планы. Мы действительно ничего не можем сказать, пока не посмотрим.

— Я очень удивлена, что полиция не подумала об этом, — сказала миссис Лэндис.

— Уверена, что еще подумает, — заметила Клодетт.

— Что бы мы ни нашли, — добавил Аарон, — мы непременно дадим им знать.

Квартирная хозяйка открыла дверь и пропустила всех в комнату.

— Все это так таинственно, — сказала она.

«Не то слово», — подумала Эсти. Интересно, что сказала бы эта женщина, если бы они рассказали ей, что на самом деле думают и почему они здесь.

Она бы тут же сообщила в полицию. Или, по крайней мере, людям из службы безопасности, в пиджаках прямого покроя и одного размера.

Эсти проскользнула мимо миссис Лэндис в знакомую комнату. Не то чтобы она когда-то бывала в ней раньше, просто ей случалось бывать во множестве таких холостяцких жилищ — с компьютером, стереооборудованием, телевизором с огромным экраном и другими техническими игрушками. Для обычной мебели просто не оставалось места. Впрочем, кто бы говорил. Ее собственное жилье выглядело немногим лучше.

— Теперь понимаете? — спросила миссис Лэндис, указывая на компьютерный стол. — Право, не знаю, как вам удастся его включить.

У Эсти упало сердце. С компьютером действительно было плохо. Он выглядел как после пожара — примерно так, как Рауль описывал компьютер Бенни. В воздухе все еще ощущался запах жженных проводов. Монитор был особенно покорежен, стекло изборождено царапинами, бежевый пластик — в темных горелых пятнах.

— Я думала, это было что-то вроде маслянистой жидкости, — сказала Эсти.

Миссис Лэндис кивнула:

— Именно так. Ужасная черная жидкость.

— А выглядит как после пожара.

— Все выглядело вот так, как сейчас, когда я вошла сюда вчера ночью. Я здесь ничего не трогала, и полиция тоже. — Миссис Лэндис замолчала, скорбно глядя на картину разрушений. — По-моему, это безнадежно.

У Эсти тоже поубавилось уверенности, что им удастся выжать что-нибудь из этих жалких остатков, но она изобразила бодрое выражение лица.

— Не надо сразу отчаиваться, — заявила она. — Надо добраться до жесткого диска и проверить, сохранились ли на нем данные.

Миссис Лэндис неуверенно кивнула, и, хотя Эсти показалось, что у нее еще что-то на уме, квартирная хозяйка не произнесла больше ни слова. Во всяком случае, она выглядела очень нервной; судя по всему, ей было весьма неуютно. Эсти объяснила бы это ее состояние вполне понятными опасениями: совершенно посторонние люди врываются в комнату ее жильца, но дело в том, что и сама она ощущала что-то странное. Какое-то странное чувство возникало у входящего в эту комнату. Ощущение неправильности, что ли. И оно исходило от того места, где стоял компьютер. Как будто машина отбрасывала зловещую тень, как лампа излучает свет.

Эсти бросила быстрый взгляд на Сюзи. Ей была интересна ее реакция. Маленькая блондинка очень спокойно стояла рядом с Аароном, но взгляд у нее был слегка несфокусированным.

— Боже мой, действительно черт знает что, — проговорил Тип.

Эсти вздрогнула — голос Типа вывел ее из задумчивости. Тип обошел стол с другой стороны и теперь смотрел на что-то, что находилось вне поля ее зрения.

— Тут, внизу, еще два процессора, — сказал он, — соединенные друг с другом и с тем компьютером, что на столе, через сетевой фильтр. Даже если их жесткие диски — всего лишь по двадцать гигабайт каждый, уже можно работать.

Эсти обошла стол. Она расчистила пространство на столе для своего ноутбука, потом принялась изучать саму установку.

— Похоже, ADSL присоединена к фильтру, — сказала она.

— Ага, — кивнул Тип. — Здесь есть модем.

Эсти обрадовалась фильтру. Это сэкономит ей кучу времени. Вместо того чтобы налаживать контакт между принесенным ею ноутбуком и двумя процессорами, она просто воткнет вилку от своего компьютера непосредственно в колодку фильтра и получит доступ к процессорам Джексона, как получила бы к любым другим.

Тип наклонился к модему.

— Ого, странно... — пробормотал он.

— Что?

— Видишь этот зеленый свет? Система все еще подключена.

— Ну вот, теперь понятно, почему у него три процессора, — сказала Эсти. — Он, должно быть, оказывал еще и провайдерские услуги.

— Или было много обменов FTP.

Эсти кивнула.

— Но разве ты не говорила, — спросил Тип, — что, когда пропал Бенни, вышли из строя все телефонные линии?

— Так сказал Рауль. Но в квартире Кристи ничего такого не было.

— Ладно. Но может быть, нам все-таки отсоединить модем на всякий случай?

— Да, пожалуй.

Эсти уже приготовилась распаковывать свой ноутбук, но вдруг взглянула на Клодетт и остальных. Они все стояли около двери, явно не зная, что им делать.

— Я приготовила чай со льдом, — сказала миссис Лэндис, когда Эсти перевела взгляд на нее. — Принести?

Эсти благодарно улыбнулась ей.

— Нам бы не хотелось доставлять вам беспокойство, — сказала она, но только из вежливости. Она действительно умирала от жажды.

— Никакого беспокойства.

— Чай со льдом — это восхитительно, — призналась Эсти.

— Позвольте, я помогу вам, — вызвалась Клодетт.

Квартирная хозяйка поощрительно улыбнулась ей, и женщины вышли из комнаты. Аарон и Сюзи по-прежнему стояли у двери.

— Вам лучше сесть куда-нибудь, — сказала им Эсти. — Это может затянуться надолго.

Аарон кивнул. Эсти еще не успела отвернуться от них, как Сюзи спросила:

— А вы не чувствуете... вы не нервничаете?
Эсти удивленно взглянула на нее:
— А почему я должна нервничать?
— Не знаю. Просто что-то такое в воздухе. Я почувствовала это сразу же, как только мы вошли в комнату.
— Да, я тоже, — призналась Эсти. — Думаю, это что-то... остаточное. Не знаю. Вибрация, должно быть. После того, что здесь произошло.
Сюзи с сомнением кивнула.
— Эсти!
Она перевела взгляд с Сюзи на Типа. Он держал в руке конец телефонного провода.
— Что это? — спросила она.
— Телефонный провод идет к модему. Я отсоединил его.
— Ну?..
— А модем все равно работает.
Эсти наклонилась и убедилась в том, что он прав. Зеленый огонек на модеме по-прежнему пульсировал. Она протянула руку к кабелю, соединяющему модем с фильтром, но Тип остановил ее.
— погоди! — сказал он. — Не уверен, что тебе стоит подключаться к системе Джексона, пока она все еще онлайн, особенно если учесть, что она вообще не может быть сейчас подключена.
Эсти кивнула:
— Думаешь, это «Вордвуд»?
— А что же еще?
— Ну что ж, мы ведь хотели поговорить с ним. Это шанс.
— Не уверен, что это хорошая идея.
Эсти улыбнулась, стараясь продемонстрировать уверенность в себе, которой она на самом деле не испытывала. Может быть, она слишком упряма. Конечно, она вполне понимала и отчасти разделяла беспокойство Типа, но это действительно была возможность пообщаться с духом «Вордвуда». И упустить ее она не могла.
Она взяла кабель от своего ноутбука, воткнула его в розетку и выпрямилась.
— Есть только один способ все выяснить, — сказала она и повернулась к своему ноутбуку.

Кристи

Теперь, когда мы уже практически готовы идти, Рауль, кажется, колеблется. Я его понимаю. Это тебе не в метро проехать.
Мы в подвале магазинчика Холли. Рюкзаки собраны. На нас больше одежды, чем мы обычно надеваем в такую жару: толстые носки, джинсы, футболки, фланелевые рубашки, куртки, бейсбольные кепки. Я бы ограничился шортами, майкой и сандалиями. Но Роберт намекнул, что там, куда мы направляемся, вовсе не обязательно будет такая же августовская жара, как здесь.
При этом ни он, ни Боджо не переоделись. У Боджо, правда, появилась кожаная сумка через плечо, через нее была перекинута куртка. Роберт остался в своем костюме и лихо заломленной мягкой шляпе. В руках ничего, кроме гитары в чехле.
— Не знаю, — говорит мне Рауль, — что-то я нервничаю.
— Я тоже.
Я говорю это не только для того, чтобы подбодрить его. У меня у самого мурашки по спине бегали, пока мы с Джорди ехали из дому. Пришлось припарковаться за несколько кварталов от магазина — в это время дня трудно найти место для стоянки. И даже пока мы шагали по жаре за сорок градусов до магазина, меня начинала бить дрожь при мысли о предстоящем путешествии.

— Ты когда-нибудь бывал там раньше? — спрашивает Рауль.

Я качаю головой.

— Но нас поведут те, кто там бывал, — говорю я, взглянув в сторону Роберта, который тем временем кладет гитару на пол.

— На меня не смотрите, — говорит Роберт. — Да, я пересекал границы раз или два, но предпочитаю держаться подальше от Мира Духов.

— Не высовываться, — улыбается Боджо.

Роберт отвечает ему мгновенной ослепительной улыбкой:

— Хочется остаться в живых.

Я чувствую, как напряжинивается Рауль. Роберт, видимо, тоже это замечает.

— Не волнуйтесь, — говорит он нам. — С вами все будет в порядке. На вас никто не охотится.

Другие пришли нас проводить: Холли со Снippet на руках, Дик и Джорди. Вид у всех довольно несчастный. Когда Роберт расчехляет своего Гибсона, Холли нервно поправляет очки на переносице.

— Вам нужна музыка для перехода? — спрашивает она.

— Это не обязательно должна быть музыка, — говорит Роберт. Он настраивает гитару. — Просто нужно сосредоточиться.

Холли переводит взгляд на жестянщика:

— Но я думала, Боджо может просто входить и выходить, когда захочет.

— Могу, — подтверждает Боджо, — но только туда, где я бывал раньше. Если же место мне незнакомо, то приходится делать то же, что и всем. Идти на своих двоих или пользоваться каким-нибудь другим транспортом.

— Вот когда пригождается музыка, — объясняет Роберт. — Музыка способна перенести вас туда, где вы никогда не были. Думаю, что любое искусство на это способно, если вы, конечно, достигли определенного уровня мастерства. У меня есть некоторое представление о духе, которого мы ищем, основанное на тех следах, которые он оставил в вашем магазине. И сейчас я собираюсь выслать музыку вперед, чтобы она нашла то место, где дух скрывается.

— Это звучит слишком просто.

Роберт улыбается:

— Мир вообще довольно прост. Это мы усложняем его.

Я вижу, что Холли хочет еще что-то спросить, но Роберт уже начинает играть на своей гитаре медленный блюз в минорном ключе, и говорить никому больше не хочется. Мы пойманы, загипнотизированы. И для этого потребовалось лишь две струны и несколько нот. Конечно, я в этом разбираюсь хуже, чем Джорди, но, кажется, и я понимаю, что это уже какая-то другая музыка.

Роберт что-то напевает. Это даже не мелодия, а тихое, несколько ворчливое подвывание гитаре, как будто фрагмент разговора, понятного лишь музыканту и его инструменту. Но пусть я и не могу понять смысл — я чувствую: что-то меняется.

Вот мы в нижнем этаже магазинчика Холли. Старый электрокамин стоит в углу, как медведь, который, забравшись на зиму в берлогу, ждет — вдруг еще пригодится. Шкафы от пола до потолка, должно быть полные книг и журналов. Белые бирки с черными надписями: «Нэшнл Джоигр.», «Сай. Амер.», «Хисторикал» — до шестидесятых.

В другом углу — высокая стопка картонных коробок. Под лестницей — совки для уборки снега, грабли, лыжи, велосипед с проколотой камерой и другие предметы, не так легко поддающиеся определению. У стены рядом с лестницей — стол с подвешенными над ним инструментами. Его рабочая поверхность занята предметами, необходимыми для упаковки книг, — еще коробки, конверты, клейкая лента, лейблы с адресами и тому подобное.

Четверо из нас, которые должны отправиться в путешествие, — посредине комнаты, на открытом пространстве. Дик и Холли сидят на ступеньках лестницы. Холли удерживает

Сниппет, зажав ее между коленями. Джорди облокотился о рабочий стол.

Мгновение назад все было именно так. Потом... физически ничего не меняется, но пространство вдруг наполняется... возможностями. Не знаю, как еще это назвать. Я знаю только, что музыка сообщила нам потенциал оказаться где угодно. Возможно, Боджо и Роберт видят эти двери в другой мир. Не знаю. Я же не вижу ничего, кроме того, что было здесь, когда мы спустились по лестнице. Но я ощущаю разницу.

Проходит некоторое время, хотя не знаю сколько. У меня на периферии зрения возникают какие-то вспышки. Нет, это не двери. Это, скорее, видения, какие бывают от жары: легкая рябь в воздухе, которая пропадает прежде, чем я успеваю обратить на нее внимание.

— Мы уже близко, — говорит кто-то.

Не знаю кто. Вероятно, либо Боджо, либо Роберт, потому что кто еще из нас способен это понять? Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на них.

— Только скажите мне когда, — говорит Боджо.

Значит, перед этим говорил Роберт.

Я не настолько хорошо знаю блюзовую музыку, но эта как-то темнее, но в то же время радостнее, и спокойнее, и плавнее, чем что-либо, что я слышал. И я даже не совсем уверен, что это только Роберт играет. Иногда мне кажется, что ему помогает еще какой-то инструмент. То он здесь, то пропадает. То скрипка, то «волнистая» арфа, то еще одна гитара, то банджо — или какой-то похожий на банджо инструмент, только тише, глуше. Иной раз струны Гибсона звучат так, что одна нота перетекает в другую, как при игре на домбре.

Это как-то смущает и в то же время доставляет огромное удовольствие. И так много обещает.

— Приготовьтесь, — говорит Роберт.

Я вижу, как Боджо кивает ему. Он смотрит на нас с Раулем, и мы оба собираемся с духом, хотя и не знаем, к чему, собственно, готовиться. Должно быть, к тому, что одна из этих невидимых дверей откроется. Я оглядываюсь и вижу, что стена дрожит, колеблется, как будто она уже не такая твердая и плотная, как была.

А потом мы слышим кое-что еще. Отдаленный звук, как бы противостоящий музыке.

Я довольно долго не могу определить, что это.

— Лучше вам перестать, — советует Боджо.

Роберт, не поднимая глаз, качает головой:

— Нет, мы уже почти там.

— И они тоже.

И наконец я понимаю, что это за отдаленный звук. Это собачий лай. И я знаю, что это значит.

Ищейки напали на след Роберта.

Кристиана

— Ты знаешь эту женщину? — спрашивает Джексон.

Я медленно подхожу к гробу и кладу ладони на прохладное стекло. Он говорит «эта женщина», как будто мы наткнулись на фотографию в журнале. Но это же Саския! Это она лежит в гробу. Конечно я ее знаю!

— А почему ты спрашиваешь? — говорю я, понимая, что это не ответ.

Так обычно отвечают, когда нечего сказать или когда не хочется ничего говорить. Я уверена, Джексону не стоит знать больше, чем это необходимо.

— У тебя было такое лицо, — говорит он, — как будто ты с ней знакома.

Я пожимаю плечами:

— Просто это все... так неожиданно.

«Ты имеешь в виду то, что я мертва?» — интересуется Саския.

«Да конечно же нет!» — отвечаю я.

Но все это только слова. Никто из нас ничего не знает наверняка. Ничего мы больше не знаем. То, что происходит, просто за пределами понимания.

Глядя на тело, лежащее под стеклом, я прикидываю, чего нам ждать дальше. Меньше всего я рассчитывала в киберпространстве наткнуться на это. Но, должно быть, это по-своему логично. «Вордвуд» начинен сказками, так почему же в том, что он сделал с Саскией, и не присутствовать сказочному мотиву? Что, в сущности, происходит? Должны ли мы теперь доставить сюда Кристи, чтобы он запечатлел на устах спящей классический поцелуй принца? Или для этого хватит и меня?

На поверхности стекла не видно никаких швов, по крайней мере я не вижу. Тело лежит на алом бархатном покрывале. Может быть, гроб открывается откуда-то снизу? Может, перевернуть его и посмотреть?

Я постукиваю по крышке костяшками пальцев.

Или просто разбить стекло камнем? Правда, Джексон говорит, что он уже пробовал, не получилось. Да. Это очевидно, что не получилось.

И еще один вопрос возникает: а что, если именно благодаря этому стеклянному саркофагу она еще жива? Если, конечно, она жива.

«Нет, — говорю я себе, — даже не думай об этом».

Но я не могу не думать! Может быть, она уже мертва, а то, что у меня в голове, — призрак? Может быть, если разбить гроб, она и правда умрет? Исчезнет из моей головы и пропадет навсегда?

Кристи мне никогда не простит. Да и сама я себе не прощу.

Я недолго была с ней знакома, но она мне нравится. По многим причинам. Наверное, из-за того, что мы обе странного происхождения, и еще потому, что обе так или иначе связаны с Кристи. Я испытываю к ней почти родственные чувства. Как будто мы с ней сестры.

«Что же нам делать?» — спрашивает Саския.

«Понятия не имею», — отвечаю я.

Хотела бы я знать, что делать!

Я смотрю на Джексона.

— Ты мне чего-то недоговариваешь, — заявляю я, хотя, вообще-то, это я недоговариваю. — Ты видел что-то еще. Или тебе кто-то что-то рассказывал.

Он мотает головой.

— А что те люди, которых ты здесь встречал? Где их можно найти?

— Я уже некоторое время никого не вижу, — говорит он, — кроме привидений... и тебя.

— А других строений или развалин вроде этих — нет? Никаких других... — я едва удерживаюсь, чтобы не сказать «тел в гробах», — тайн, о которых ты мне еще не рассказывал?

— Нет. Тут только пиявки.

Ну, об этих я даже думать не хочу.

«Мы должны разыскать самого духа».

«Жду ваших предложений!»

«Может, мы могли бы... ну, я не знаю... вызвать его?»

«Вообще-то, в лучшем случае у него поехала крыша от вируса Джексона, а в худшем — этот мир просто постепенно распадается под нами, и я не знаю, как это предотвратить, даже если бы нам удалось разыскать духа».

«Джексон — программист, — говорит Саския. — Может, он знает как».

«Но...»

«Мы же для этого здесь, верно? Для того чтобы пообщаться с духом?»

«Да, таков был первоначальный план. По крайней мере до того момента, когда нас занесло в этот сказочно-механический лес. Теперь мы всего лишь пытаемся восстановить статус-кво».

«По крайней мере, спроси его».

«Ладно».

Я отворачиваюсь от гроба и ловлю на лице Джексона странное выражение, которое заставляет меня на секунду задуматься, как я выгляжу со стороны, когда веду эти свои внутренние беседы с Саскией. Может, у меня расслабляются мышцы лица или я пускаю слюни?

Я подношу руку к лицу, чтобы проверить это. Слюней в уголках рта я, по крайней мере, не обнаруживаю.

— Что? — спрашиваю я.

— Нет, ничего. У тебя был такой вид, как будто ты ушла.

— И не собиралась.

— Я имел в виду, ушла в свои мысли.

— Давай-ка лучше сосредоточимся на том, как нам выбраться отсюда, — предлагаю я.

— Не думай, что я не пытался.

Я прислоняюсь бедром к стеклянному гробу, засовываю руки в карманы.

— Ну? И как же ты пытался?

Он вопросительно смотрит на меня.

— Я имею в виду: пытался ли ты что-нибудь узнать у людей, которых здесь встречал? Пробовал ли вступить в контакт с духом? Куда ты ходил? Что делал?

— Я же тебе говорил: никто ничего не знает. И я даже не знал, что существует какой-то дух, пока ты мне не сказала.

— Так ты предпринимал хоть что-нибудь конкретное?

Он хмурится:

— Я далеко не всегда был таким... твердым.

— Я сейчас не о тебе, — говорю я. — Я пытаюсь хотя бы подступиться к ответам на некоторые вопросы.

— Ну что ж, удачи!

Я опускаюсь на колени и рою проволочную почву, чтобы обнажился темный слой слов.

— Давай начнем вот с этого, — говорю я. — Ты, кажется, говорил, это какой-то код?

— HTML.

Я добираюсь до первого слоя с бинарным кодом, ноли и единицы мелькают с бешеной скоростью.

— И вот эта штука, — говорю я, — заставляет компьютер работать?

— Это бинарные числа.

— Значит, другой тип кода?

Он кивает:

— Двоичная система. Биты. Числа читаются как электрические сигналы: один — значит, «включено», ноль — «выключено».

— И все в компьютере сводится вот к этим самым битам?

— Это основы, — говорит он. — Но все не так просто. Я ничего не могу поделать.

— Почему? Ты же программист, верно? Разве ты не этим занимаешься?

— Мне нужно составить код, чтобы манипулировать бинарными цифрами. А для того чтобы составить этот код, мне нужна клавиатура. Это все равно что смешивать ингредиенты для приготовления пирога, а самому при этом находиться в духовке. Я не могу с ними работать напрямую. Я даже прочесть этого не могу. Они движутся слишком быстро.

«Я могу прочесть», — говорит Саския.

«И что тут написано?»

«Это книга, думаю. Но между словами нет пробелов, нет знаков препинания, нет параграфов, строчек...»

«Это из-за вируса».

«Наверное».

Я снова обращаюсь к Джексону:

— Значит, все эти ноли и единицы, которые вспыхивают, — информация?

— В необработанных данных — да.

— И у нас нет никаких шансов это понять?

Не успевает он ответить, как все мы слышим знакомый звук. Высокое, пронзительное шипение. Они приближаются.

Джексон бледнеет.

— Пиявки, — бормочет он.

— Ты ведь, кажется, говорил, что их здесь не бывает, — говорю я.

— Я говорил, что раньше их здесь не видел. Давай. Надо прятаться.

«Мое тело!» — говорит Саския, и я поворачиваюсь к гробу.

— Нельзя оставлять ее здесь, — говорю я Джексону, — без защиты.

Он смотрит мне в глаза.

— Не знаю, кто она такая и почему она здесь, — говорит он, — но сейчас мы ничего не можем для нее сделать. Мы должны позаботиться о себе.

Я хватаю его за руку:

— Нет, так нельзя...

— Послушай, насколько я понимаю, ее-то они и искали повсюду. Может, она и виновата: она, возможно, притягивает их своими снами или мыслями. Откуда мы знаем? Нам надо убираться отсюда.

Он пытается вырвать у меня свою руку, но я крепко ее держу. Ужасные звуки приближаются.

«Почему они все летят сюда?»

Саския в панике.

Я тоже об этом думаю, и у меня, пожалуй, есть одна идея.

«Не знаю, что означает твое пребывание в гробу, — говорю я, — но держу пари, что твое появление здесь вместе со мной — это тревога, которую бьет твой дух. Может быть, ты должна воссоединиться со своим телом. А может, это именно то, чего они не хотят больше всего».

«Ну и как мы узнаем, чего все-таки они хотят?»

«Никак. До тех пор пока не попробуем».

— Помоги мне перевернуть гроб, — говорю я Джексону. — Вдруг нам удастся открыть его снизу?

Он снова пытается выдернуть свою руку из моей. И на сей раз это ему удается.

— Занимайся этим сама! — кричит он.

Он отходит в дальний угол комнаты и начинает разгребать проволочную траву.

— Если не поможешь мне, когда закопаешься, все с тебя сброшу, — обещаю я ему. — А потом начну орать, завывать, махать руками — в общем, делать все, чтобы привлечь сюда пиявок.

— Ты что, ненормальная?

— Я же сказала: помоги мне.

— Ты что, не поняла? Я же сказал...

— Ты теряешь время.

Джексон обжигает меня взглядом, полным ненависти. Он понимает, что я не собираюсь отступать и что ему ничего не остается, кроме как помочь мне. Но все это ему сильно не нравится.

— Черт бы тебя побрал! — цедит он сквозь зубы.

Но звучит это как-то неубедительно. Он подходит к гробу. Мы подсовываем руки под него, ищем, за что бы зацепиться, и наконец находим. Похоже, что дно у гроба плоское.

— На счет «три»! — командую я.

Я считаю до трех, и мы делаем рывок.

Ничего.

— Вот видишь? — говорит Джексон. — Ну, можно теперь наконец...

— Не трать зря силы, — советую я. — Давай еще. Раз. Два...

Судя по силе звука, пиявки уже почти у стен разрушенного дома.

«Боже мой, они совсем близко!» — говорит Саския.

«Не мешай мне».

«Прости».

Кажется, руки сейчас выскочат из суставов — так я напряглась. И когда я уже совсем было собираюсь сдать, гроб начинает подаваться. Сдвиг настолько незначительный, что боюсь, не показалось ли мне. Я цепляюсь за этот проблеск надежды и в то же время отказываюсь верить.

— Давай. Постарайся. Еще, — шепчу я Джексону.

Он даже не отвечает. Ему не нужно отвечать. Мы оба теперь чувствуем, что дело сдвинулось с мертвой точки. Так бывает, когда увязнешь в трясине ногой и тебе ее не вытащить, как ни стараешься. Охватывает тихая паника, но вдруг появляется нечто, всего лишь намек на надежду, а потом все меняется. Трясина ослабляет свою хватку, и ты вдруг свободен.

Вот то же самое и с гробом. Еще минуту назад нам казалось, что с таким же успехом мы могли бы попытаться сдвинуть глыбу весом в десять тонн. А теперь такое впечатление, что то, что нам мешало, возможно какой-то клей, исчезло, и оказалось, что сам по себе гроб почти ничего не весит. Теперь такое чувство, что раньше мы ломились в открытую дверь. Гроб переворачивается. Я вижу, как тело скатывается с покрывала, смещается к той боковине гроба, которая сейчас ниже. Мы с Джексонсом тоже теряем равновесие и падаем вместе с гробом. Он ударяется о край каменного постамента, на котором стоял, и стекло дает трещину.

И все это время мы слышим этот напоминающий скрип ногтя по школьной доске звук — крик пиявок. Но теперь его заглушает свист вырывающегося из гроба воздуха, если это, конечно, воздух. Его становится куда больше, чем мог бы вместить закрытый объем гроба. Его рев наполняет мою голову — это все равно что стоять около реактивного двигателя.

Джексон и я валимся в разные стороны на проволочный пол. Мы почти одновременно встаем на ноги и расширенными глазами смотрим, как раскалывается гроб. Он, оказывается, состоял из пяти-шести частей. Тело Саскии падает на пол. Я хочу подойти к нему, но оно начинает светиться. Электрическим голубым светом. Потом золотистым. Потом снова голубым. Потом вверх устремляется столб света, прямо в монохромное небо.

Нет. Это не свет. По крайней мере, не только свет.

Внутри этого столба — те самые бинарные числа. Код. Вспыхивающие единицы и ноли, они — частички этого золотисто-голубого столба света.

«Что?..» — начинает было Саския, но не может договорить.

Я понимаю ее. Я тоже не могу произнести ни слова. Но Джексону удается сказать целую фразу:

— Что, черт возьми, мы наделали?

А потом сквозь пылающий столб, пронзающий небо, как луч прожектора, мы слышим их.

Пиявок.

Я оборачиваюсь и вижу, как одна из них проникает сквозь ближайшую стену. Камень плавится как воск от соприкосновения с ее скользким черным телом. Воздух наполняется смрадом: сера и горячий металл.

Сюзи

Сюзи занервничала, как только вошла в дом, из которого таинственным образом прошлой ночью исчез Джексон Харт. Не говоря уже о том, что, за исключением Аарона, все довольно ясно дали ей понять, что она им не очень нравится. Им всем казалось подозрительным, что она таскается за ними. Даже квартирная хозяйка, весьма любезная со всеми остальными, на нее смотрела недружелюбно. Аарон, конечно, оказывал ей моральную

поддержку уже хотя бы тем, что все время держался рядом, но она знала, что даже он не совсем понимает, при чем здесь она.

Он не виноват. В конце концов, она и сама не до конца отдавала себе отчет в том, что заставляет ее проявлять такое упорство. Теперь речь не шла уже о помощи Аарону — в данный момент он больше поддерживал ее, чем она — его. И дело было даже не в том, что ей хотелось узнать, чем все закончится, хотя, конечно, и это тоже.

Просто что-то заставило ее прийти сюда, она почему-то должна была в этом участвовать, несмотря на то что чувствовала себя все неуютнее и неуютнее по мере приближения к дому Харта.

Входя в дом, она уже была на грани срыва. Когда поднимались по лестнице, у нее бегали мурашки по спине, а уж когда вошли в комнату, единственное, чего ей хотелось, — это повернуться и выбежать вон. Здесь было жутко! Ничего конкретного, ничего такого, на что можно было бы указать пальцем. Никаких видимых следов того, что эта комната — нечто иное, чем то, чем она казалась: жилище технаря, с последней моделью компьютера, стереосистемой, видеомagniтофоном. Но с того момента, как они вошли сюда, ее не покидало чувство, что им грозит опасность.

Сюзи прислушивалась к репликам, которыми перебрасывались остальные. Смотрела, как Эсти и Тип разбираются с компьютером Джексона. Когда Клодетт вызвалась помочь квартирной хозяйке с чаем, Сюзи хотела набраться смелости и попроситься с ними, но прекрасно знала, что им это не понравится. Все были не в восторге от ее пребывания здесь. По крайней мере, если бы она пошла с хозяйкой и Клодетт, она вышла бы из этой ужасной комнаты и смогла бы думать о чем-нибудь, а не бороться с жутким ощущением, которое пустило корни в сознании.

Она просто обязана предупредить их. И Эсти даже согласилась с ней, что здесь как-то странно, но тут же вернулась к разговору с Типом о подсоединении компьютера. Что касается Типа, то он даже головы не повернул на реплику Сюзи.

— Не волнуйся, — сказал Аарон. Он говорил тихо, чтобы не мешать Эсти и Типу. — Похоже, они знают, что делают.

«А знают ли?» — подумала Сюзи.

Что-то непохоже, что знают. Все шло как-то... неправильно.

— Просто у меня такое чувство, что сейчас что-то откроется, — сказала она. — В этой комнате. Может быть, во мне самой. Или это... нет, я не знаю. Что-то приближается. Что-то большое, что нельзя потрогать и удержать. Что-то ужасное.

Ей с трудом удалось жалко улыбнуться ему — дать понять, что она и сама знает, что перегибает палку, но Аарон ответил на ее улыбку встревоженным взглядом.

Сюзи вздохнула:

— Послушай, я понимаю, как это глупо звучит, особенно если учесть, какой дикой мне самой казалась мысль о духах Интернета еще несколько часов назад.

— Вовсе это не глупо звучит, — возразил он. — Просто я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. Это что-то вроде предчувствия?

— Пожалуй.

Она слышала, как Клодетт и квартирная хозяйка поднимаются по лестнице. Аарон отвернулся, чтобы послушать, что Эсти и Тип говорят друг другу. Сюзи потребовалась всего секунда, чтобы осознать смысл слов. Они вонзились в нее как острые, зазубренные осколки стекла. Воздух в комнате сгустился и давил.

— Нет, — произнесла она, — не вносите это сюда!

Но было уже поздно. Эсти подсоединила свой ноутбук к системе Джексона.

— Что не вносить? — спросила Клодетт сзади.

Эсти подняла голову.

— У нас еще одна тайна, — сказала она. — Компьютер Джексона все еще подключен к сети, но, как обнаружил Тип, связь ADSL сломана.

Тип показал телефонный провод, отсоединенный от роутера.

— Но это же невозможно, — сказала Клодетт. — Правда?

Эсти пожала плечами:

— Получается, что возможно. Тип считает, что теперь, когда я подсоединила свой ноутбук, дух Вордвуда явится навестить нас. — Она перевела взгляд на Сюзи. — Вот и Сюзи, кажется, думает то же самое.

Тип выбрался из-под стола. Клодетт вошла в комнату, за ней — миссис Лэндис. Квартирная хозяйка в замешательстве переводила взгляд с Эсти на Сюзи.

— Я не понимаю, — сказала она, — о каком духе вы говорите?

— Может быть, нам стоит спросить Сюзи, — ответила Эсти. Она просто впиалась в Сюзи взглядом. — Итак, что вы обо всем этом знаете?

Сюзи захотелось спрятаться. Комната вдруг показалась ей слишком маленькой. Слишком тесной. А воздух в ней — тяжелым, давящим.

— Я... я ничего не знаю, — сказала она. — Я только что-то чувствую. Как будто в углах комнаты есть какие-то вещи, которых мы не видим. Они выжидают. Они наблюдают за нами...

«Да заткнись же! — сказала она себе. — Ты разговариваешь как сумасшедшая».

Но она не чувствовала себя сумасшедшей. Зато она явно чувствовала, что все они в опасности. Беда заключалась в том, что слов, чтобы описать эту опасность, не было.

— Здесь действительно душно, — сказала квартирная хозяйка. — Надо открыть окно и найти вентилятор. Чтобы было хоть какое-то движение воздуха.

— Сюзи говорит не о духоте, — возразила Эсти, — не так ли, Сюзи? Во всяком случае, не об обычной духоте.

Аарон решил вмешаться:

— Перестаньте мучить ее. Здесь правда жарко и душно.

— Безусловно, — подтвердила Эсти. — Нам всем жарко. Но не все мы что-то скрываем.

Взгляд Сюзи заметался. Все они пристально смотрели на нее, даже Аарон, хотя по крайней мере его взгляд не был враждебным. Тяжесть такого напряженного внимания была еще невыносимее сознания, что за тобой наблюдают из углов комнаты.

— Я ничего не скрываю, — сказала она. — Но... разве вы ничего не чувствуете?

Миссис Лэндис шагнула к ней:

— Может, выпьете чаю со льдом?

Сюзи инстинктивно отступила, когда квартирная хозяйка придвинула поднос со стаканами.

Почему они ничего не чувствуют? Это проникало внутрь ее, как будто стремилось вынуть что-то у нее из груди.

Но, судя по выражению их лиц, единственное, что они чувствовали, — что она, должно быть, сошла с ума.

Но ведь в углах комнаты действительно что-то есть — хотя, может быть, и не то, что ей показалось сначала. Это были не монстры и не злые духи. Может быть, сама комната... изнасилась по краям. Иначе не скажешь.

Когда Сюзи смотрела на любой предмет в комнате, этого истончения материи не было заметно, но боковым зрением она видела, что стены и углы комнаты дрожат. Они теряли плотность. Они исчезали.

Они отличались от своего обычного состояния так же, как настоящее фото отличается от газетного снимка. Стены больше не казались цельными, как на фотографии, — они состояли из сотен крошечных цветных точек. И эти точки постепенно расползались друг от друга в разные стороны.

— Сюзи... — позвал Аарон.

Она попробовала сосредоточиться на его лице. Может быть, если она не будет больше ни на что смотреть, все пройдет. Эти дрожащие стены. Это незнакомое ощущение, как будто кто-то проникает к ней в грудную клетку...

«Не отрывай от него глаз, — твердила она себе. — Сосредоточься на Аароне».

У нее слегка закружилась голова. Она пошатнулась и совершила ошибку: посмотрела вниз, чтобы сохранить равновесие.

И увидела собственные руки.

Она подняла их, не поверив своим глазам.

— Боже мой! — воскликнул кто-то.

Ее руки тоже бледнели, как и стены.

— Что... — выговорила она с трудом, — что со мной происходит?

Никто не ответил. Она обвела взглядом всех присутствующих по очереди и прочла у них в глазах только непонимание и ужас.

И ее охватила паника.

Ноги у нее подогнулись, но прежде, чем она упала, столб света вырвался из ноутбука Эсти и поразил три процессора вокруг стола Джексона. Этот свет состоял из переплетенных голубых и золотых нитей. Мгновенно все четыре машины оказались соединены этим сиянием, и образовался не то круг, не то квадрат. Этот световой поток вдруг выбросил луч, направленный, как лазер, прямо ей в грудь.

Времени увернуться не было. Не было времени ни на что.

На какой-то миг для нее все перестало существовать. Свет вошел в нее, захватил точки, в скопление которых она превратилась, и она пропала, потерялась в беззвучной бездне, в пропасти. Никаких тактильных ощущений не осталось. Но прежде чем Сюзи успела отреагировать на новую среду, тьма рассеялась, как будто резко включили свет. Она была снова в квартире Джексона, в нескольких футах над полом, но все изменилось.

Исчез реальный мир, или если и не исчез, то совершенно изменился. Как будто она перенеслась в какой-то мультфильм из тех, что показывают утром в субботу. Или в примитивную компьютерную игру, которая из всех сил, но с нулевым успехом пытается сделаться трехмерной.

Странно было то, что ее паника исчезла вместе с исчезновением реального мира. Здесь, в новой версии мира, она была лишь спокойным наблюдателем среди кричащих красок, слишком смелых линий и плохой анимации.

Лица ее спутников теперь казались ей преувеличенно испуганными, почти комичными. Ей были смешны округлившиеся глаза Эсти и Типа, раскрытый рот Аарона. Миссис Лэндис, кажется, потеряла сознание. Она распласталась на полу, и ее руки и ноги казались непомерно большими. Клодетт привалилась к стене, смешно выставив перед собой руки.

Но смешливое настроение покинуло Сюзи, как только она снова взглянула на переплетение голубых и золотых нитей, соединявших компьютер Эсти с аппаратурой Джексона. Луч теперь не был прямым, как лазер, а превратился в спираль, которая оплела ее руки и ноги. Он теперь соединял ее с... не то чтобы сферой — скорее, со своего рода порталом, в котором лучи преломлялись так, что становились голубыми и золотыми завитками. Они образовали некую фигуру, нечеткую, но с человеческими очертаниями. За этим смутным образом виднелись бесконечные ряды книжных шкафов, сотни тысяч книжных шкафов, исчезающих в бесконечности.

— Дитя мое, — сказал образ.

Голос был тихий, но звучный. Он был сильным, как голос матери, теплым, как голос отца, и это единственное произнесенное им слово, подобно ключу, отомкнуло что-то в Сюзи. Она поняла, кто это. Теперь она знала, кто скрывается среди золотых и голубых завитков.

Это был дух Вордвуда.

Сначала она подумала, что голос обращается только к ней, но то же самое знание, которое позволило ей распознать, кто он, подсказало: она лишь одна из многих. Где-то, она точно не знала где — кто далеко, кто близко, — другие люди парили в воздухе, подобно ей связанные с «Вордвудом» ближайшими компьютерами и прочными пучками света. Все они сейчас были отдельными людьми, но когда-то являлись частью этой огромной призрачной библиотеки. История своей жизни, которую она помнила, была сконструирована для нее, и

для других тоже были придуманы истории. Их заслали... заслали...

Она с трудом оторвала взгляд от завитков света и сконцентрировалась на карикатурном лице Аарона.

Их заслали, чтобы выследить тех, кто отвечал за вирус, изуродовавший духа Вордвуда. Чтобы найти этих людей и привести их сюда, где дух получил бы к ним физический доступ.

— Наши враги найдены, — сказал дух, — и я разберусь с ними. Теперь ты можешь вернуться домой или, если хочешь, продолжить свою новую жизнь. Выбор за тобой. Считай это платой за твою помощь мне.

— Что ты с ним сделаешь? — спросила Сюзи.

Взгляд духа обратился на нее, и она поняла, что теперь он видит только ее, а не всех, кто был когда-то его частями и кого он, даровав им личность, отправил в реальный мир.

— Это еще не решено, — сказал он ей. Подождал немного и прибавил: — Он был не один.

Сюзи кивнула. Она знала это. Должно быть, дух вышел через нее и на Аарона, и на Джексона.

— Я думаю, — продолжал дух, — поступить с ними по Ветхому Завету: око за око... Я сделаю с ними то, что они сделали со мной. Я пресеку все ниточки, связывающие их тела с их душами. Уничтожу то, что делает их мысли внятными. Что соединяет клетки их организмов воедино.

— Это убьет их, — сказала Сюзи.

— Не обязательно. Меня ведь не убило.

— Но ты — не человек.

— Им следовало бы подумать об этом прежде, чем они все это затеяли.

— Они не знали! Они думали, что ты всего лишь вебсайт.

Дух пристально смотрел на нее:

— Неведение — это состояние, а не оправдание.

Состояние Аарона и Джексона, и ее самой — тоже.

У нее в груди запылал раскаленный уголь гнева. Дух Вордвуда использовал ее — ее и остальных, кого выслал на разведку. Он дал им жизнь, индивидуальность, заставил их поверить в то, что они настоящие. Что они действительно когда-то родились, что у них есть семьи, друзья. В ее случае — семья и друзья, безвозвратно потерянные для нее. И все-таки это была ее жизнь. Ее история.

Или ничего этого не было?

Вордвуд сделал из нее и остальных жалких кротов. Шпионов, замаскированных так хорошо, что они и сами не знали, кто они, пока их не активировал тот, кто их создал и забросил в мир. Для чего? В ее случае для того, чтобы она предала других, как предавали и ее. Именно затем ей был дан муж, который мучил ее, друзья и родственники, которые от нее отвернулись, сестра, которая ее ненавидит.

«Нет, — сказала она себе. — Это не настоящие воспоминания». Ее никогда не предавали — если не считать того, как поступил с ней дух Вордвуда.

Может быть, Аарон и вел себя по-свински с другими людьми. Наверняка. Но не с ней. И он не предавал ее. Он не знал, что случится, когда подбил Джексона испортить сайт «Вордвуд». Кто мог бы предположить, что обыкновенный компьютерный вирус может принести столько вреда? А когда все выяснилось, он попытался это исправить.

Но было совершенно ясно, что дух Вордвуда смотрит на вещи иначе. Та часть ее, что была связана с духом, знала, что это было вовсе не доброе книжное существо, которое только защищалось. Это было создание, лишённое всякой морали, готовое поступить со всяким так же, как тот поступил с ним. Разговаривай с ним — и оно будет разговаривать с тобой. Используй его ресурсы для научных исследований — и оно с готовностью раскроет для тебя двери своей библиотеки.

Но попробуй напасть — и оно нанесет ответный жестокий удар и не станет принимать во внимание никаких смягчающих обстоятельств.

Она сомневалась, совершил ли дух хоть одно доброе дело за все время своего существования.

— А остальные? — спросила она. — Люди, которых затащило в... твой мир?

— Это тебя не касается.

Еще как касается! По крайней мере, она чувствовала, что это ее касается.

Как это могло быть, если она просто часть этого бесстрастного духа? Разве она не должна была бы чувствовать только то, что чувствует он? Или она действительно стала отдельной личностью, с тех пор как Вордвуд отослал ее, и была связана с ним лишь этим заданием, которое должна была выполнить?

У нее не было ответов на эти вопросы. Пока не было. Может быть, она и вообще этого никогда не поймет. Но одно она знала твердо.

— Ты не получишь его, — сказала она духу.

— Как ты можешь помешать мне?

Она посмотрела на сноп света, связывающий ее с Вордвудом. Дотянувшись до него, она поняла, что эти переплетенные золотые и голубые нити состоят из некоторой субстанции. Как будто у тебя в руках теплый густой гель.

— А если я вот такое сделаю...

Она крепко сжала струю света и сильно дернула.

Она не знала, чего ждать. Она, пожалуй, даже не думала, что делает. Она делала это от злости и отчаяния, а не с какой-либо целью.

Луч порвался надвое.

Свет вспыхнул так ярко, что ее ослепило и резко отбросило назад. Она ударилась спиной о стену. Затем она медленно начала сползать по стене на пол. Но боль от удара была просто ничто по сравнению с тем, что творилось у нее в груди. Как будто из нее что-то выдирали. Сердце. Легкие. Было так больно, что она на миг потеряла сознание.

Когда Сюзи пришла в себя, у нее буквально искры посыпались из глаз от боли. Но мир из мультфильма пропал. Как и портал, сквозь который она общалась с духом Вордвуда.

Она вдохнула и чуть не закричала — такую боль ей причинил этот вдох. Рукам тоже было очень больно — там, где она схватилась за луч, — но, посмотрев на них, она не обнаружила никаких физических повреждений. И дырки у нее в груди не было, хотя, судя по ощущениям, могла бы быть.

Аарон наконец обрел способность шевелиться и шагнул к ней. У него все еще был потрясенный вид, но беспокойство за нее, кажется, постепенно выводило его из шока.

— Нам... надо... отсюда убираться, — выговорила она, когда он присел около нее.

Она попыталась подняться.

— Осторожнее, — сказал он. — Может быть, тебе не стоит сейчас двигаться?

Она посмотрела сквозь него. Неужели никто из них не чувствует, что надо срочно бежать отсюда? Тип стоял как раз в том месте, где дух Вордвуда открывал свой портал для общения с этим миром. Эсти, с абсолютно белым лицом, разглядывала свои руки, поворачивая их так и сяк и убеждаясь, что они состоят из плоти и крови. Клодетт помогла миссис Лэндис встать на ноги. Они вели себя так, как будто у них было полно времени.

Сюзи больше не была связана с Вордвудом, но тем не менее чувствовала приближающийся взрыв его ярости.

— Нет, нам... — она еще раз с трудом вдохнула, — нам надо убираться отсюда.

— Но...

— Сейчас же!

Она повела себя резко, но, по крайней мере, это пробудило от спячки хотя бы Аарона. Он помог ей подняться, и она сделала несколько неверных шагов к двери. Аарон последовал за ней, чтобы просто не дать ей упасть.

— Заставь их убираться отсюда поскорее, — сказала она ему, когда они дошли до двери.

Он кивнул. Все еще поддерживая ее, он оглянулся на тех, кто оставался в комнате.

— Сюзи говорит, что нам надо поскорее уходить отсюда, — сказал он. — Прямо

сейчас.

Эсти оторвалась от разглядывания своих рук и хмуро посмотрела на Сюзи.

— Что вы с нами сделали?! — воскликнула она.

— Она ничего не сделала, — ответил за Сюзи Аарон. — Вы же видели, что произошло. Это был дух Вордвуда. Сюзи прикрыла ваши задницы.

— Вашу задницу, так вернее будет, — поправила Клодетт.

Эсти кивнула, не сводя глаз с лица Сюзи:

— Куда вы нас привели? Что это было за место?

— Я... я не... — начала Сюзи.

— Да уж конечно, вы ни при чем! — зло выпалила Клодетт.

Она поддерживала миссис Лэндис, как Аарон поддерживал Сюзи, но квартирная хозяйка была в гораздо худшем состоянии. Она, похоже, до сих пор не могла ни на чем сосредоточиться. Клодетт из-за ее спины сверкала глазами на Сюзи. Она больше не считала нужным скрывать свою враждебность.

Сюзи отвела взгляд и, цепляясь за косяк, начала выбираться в прихожую. Ей стало легче, но дышать все еще было больно.

— Скажи... скажи им, чтобы убирались отсюда, — бросила она Аарону через плечо.

— Вы, кажется, слышали, что она сказала, — произнес Аарон остальным.

— Да пошли вы! — ответила Клодетт. — Если она говорит, чтобы мы убирались, думаю, самое лучшее нам будет оставаться, где мы есть.

— Располагайтесь поудобнее, — пожелал Аарон.

Он повернулся, чтобы выйти вслед за Сюзи в коридор.

— Нет, — сказала Сюзи, когда увидела, что он оставляет других в комнате. — Нельзя их тут оставлять.

— Мы же не можем заставить их... — начал было Аарон.

Но не закончил.

Ноутбук Эсти взорвался, но не металлом, пластиком и микросхемами — это было бы еще куда ни шло. Вместо этого он превратился в гейзер, фонтанирующий вязкой черной жидкостью. Жидкость хлестала прямо из компьютера с такой силой, что, ударив в потолок, разбрызгивалась по всей комнате, на людей и мебель. Эсти и остальные с паническими криками бросились вытирать черную клейкую массу с лиц.

Аарон стоял в дверях как громом пораженный. Потом он метнулся назад в комнату, но Сюзи вовремя схватила его за руку. Это резкое движение заставило ее поморщиться от боли, но она знала, что должна остановить его.

— Слишком поздно, — проговорила она. — Вспомни, что случилось с людьми, которых обрызгала эта липкая дрянь.

— Но...

— Нам нужно забраться повыше, — сказала она, указывая на жидкость, которая уже образовала лужу на полу и теперь текла по направлению к ним.

Аарон кивнул: теперь он все понял.

— Ты права, — сказал он. — Лучше всего — на лестницу, если, конечно, эта мерзость не умеет течь вверх.

Он слегка наклонился, схватил Сюзи под колени, так что большая часть ее веса пришлась ему на плечо, и заковылял к лестнице. Он поднял ее на несколько ступенек, а жидкость тем временем успела скопиться перед первой ступенькой. Что делается в комнате Джексона, они больше видеть не могли, но все еще слышали плеск фонтанирующей жидкости и крики тех, кто остался там.

Потом осталось только хлюпанье.

Жидкость добралась до первой ступеньки и начала приближаться ко второй.

Они молча поднимались по лестнице, Аарон поддерживал Сюзи, они очень медленно двигались вверх. Свет в коридоре и на лестнице был либо выключен, либо перегорел, так что продвигались они еле-еле. Кроме того, Сюзи было по-прежнему больно двигаться.

Они не останавливались, пока не дошли до дверцы под самой крышей. Ручка не поддавалась, и на какое-то мгновение они подумали, что дверь заперта. Аарон изо всех сил налег на нее плечом, потом еще раз, и наконец дверь со скрипом открылась, и они оказались на крыше. Аарон подождал, пока выйдет Сюзи, и захлопнул за ними тяжелую дверь.

Пока они были в доме, успели сгуститься сумерки, но даже вечер показался очень светлым после темноты на лестнице. Воздух был влажный, все еще не остывший после дневной жары, и они оба сразу вспотели — тем более после подъема.

Сюзи прижала руки к груди. Дышать ей все равно было трудно, но такая поза облегчала боль. Однако она не была уверена, что хоть что-то сможет когда-нибудь облегчить то чувство потери, которое она испытывала. Она не испытывала никакой любви к духу Вордвуда, понятия не имела о своей связи с ним, пока он сам не сказал об этом. Но теперь, когда эта связь была прервана, она ощутила острую боль, которая грозила проглотить ее целиком.

— Ты в порядке? — спросил Аарон.

Она кивнула и пошла к краю крыши. По краю шел низкий парапет, и кто-то оставил на крыше циновки, чтобы загорать, наверное. Она встала на одну из них на колени, а локтями уперлась в парапет.

— Это было ужасно, — сказал Аарон. — Боже мой, я и подумать не мог, что все настолько выйдет из-под контроля.

— Что-то просто случается — и все, — ответила Сюзи. — Можно с ума сойти, если взваливать на себя ответственность за все.

— Ты права, если на минуту забыть, что и в самом деле все это именно я натворил.

— Ты же не знал.

— Как сказал дух, неведение — не оправдание.

Она не видела его лица в этот момент, но по голосу поняла, насколько ему паршиво.

— Что сделано, то сделано, — сказала она. — Теперь надо думать о том, что делать дальше, а не мучиться угрызениями совести.

— Да, наверное.

Она понимала, каково ему. После того, что они только что пережили, было трудно сосредоточиться на чем бы то ни было. Что до нее, ей очень хотелось, чтобы до нее дотронулись, чтобы ее обняли. Хоть какой-то человеческий контакт. Убедиться еще раз, что она — из плоти и крови, что она способна чувствовать прикосновение. Но, помня о том, что испытывал к ней Аарон еще тогда, когда подобрал ее на улице, она решила, что сейчас это не совсем то, что нужно. Это только все усложнит, а день и без того выдался сумасшедший.

— Ты спасла мне жизнь, — вдруг сказал Аарон.

Сюзи оторвалась от созерцания вида с крыши, чтобы взглянуть на него:

— А ты волок меня по этой лестнице, так что, можно считать, мы квиты.

— Я имею в виду... там, в комнате... когда весь мир сделался таким странным. — Он замолчал, пристально глядя ей в глаза. — Это было, ведь так: ты парила в воздухе и все напоминало какую-то дикую мультипликацию?

Она кивнула:

— Наверное, дух перенес комнату в киберпространство.

— Дух. Вот об этом я и говорю. Он собирался убить меня, не так ли?

— Похоже на то.

— Спасибо тебе.

Сюзи пожала плечами:

— Ты бы сделал то же самое на моем месте.

— Надеюсь, но не уверен, что сумел бы вести себя так храбро. — Последовала еще одна пауза, и она поняла, что он колеблется: продолжать дальше или нет. И все-таки решил продолжить: — А то, что этот дух сказал о тебе, — это правда?

— Судя по всему, да.

— Тогда что же... кто же...

На этот раз он не смог закончить фразу.

— Что я собой представляю? — закончила она за него. — Не знаю. Я чувствую все, что чувствует обычный человек. Я становлюсь грязной, если не моюсь, и голодной — если не ем. Я испытываю... — она стукнула рукой по стене, — я испытываю боль.

— Но это так странно...

— Ну, это в данном случае не аргумент.

Некоторое время оба молчали. Сюзи села, опершись спиной на парапет. Ей было жарко, она взмокла, а сердце учащенно билось. У нее в груди как будто молотом стучали. Она думала о том, сколько понадобится времени, чтобы рассосалась эта вязкая жидкость и они смогли бы спуститься и выйти из дома.

Аарон подошел и остановился около нее.

— Значит, ты ничего не знала? — спросил он.

Она покачала головой:

— Даже не подозревала, хотя, конечно, должна была подозревать. То есть да, у меня были все эти воспоминания, но они до сегодняшнего утра все ненастоящие. То есть это просто факты, без всякой эмоциональной окраски. — Она коротко и горько усмехнулась. — Хотя, с другой стороны, кто бы догадался, что на самом деле родился день или два назад, а все, что о себе помнит, было просто заложено в него как программа. И наконец, кто мог бы вообразить, что цифры можно преобразовать в плоть и кровь?

— Не знаю, как ты теперь справляешься с этим.

— Изю всех сил стараюсь об этом не думать, — призналась Сюзи. — А когда задумываюсь, мне хочется свернуться клубком и забиться в какой-нибудь темный угол. Ну, когда я осознаю, что я ненормальная...

— Я вовсе не считаю тебя ненормальной.

— Тогда ты — исключение. Остальные, кажется, начинают не любить меня сразу, едва увидят.

Она посмотрела на Аарона, не услышав его ответа. Он еще некоторое время смотрел на город, потом повернулся к ней и улыбнулся.

— Я просто вспомнил, — сказал он. — Ведь я тоже почувствовал сначала этот неприятный импульс. Невозможно это объяснить, но я как-то сразу понял, что ты...

— Не человек.

— Нет, я не то хотел сказать. Речь идет о некотором диссонансе. Может быть, это потому, что ты из цифр превратилась в плоть и кровь.

Сюзи задумчиво кивнула. Это выглядело вполне логично. Люди должны были ощущать это на подсознательном уровне.

— Забавно вот что, — продолжал Аарон, — впервые я ощутил нечто подобное, когда познакомился с Саскией. У нее была та же проблема, что и у тебя, — люди сразу начинали плохо к ней относиться.

— У меня сложилось впечатление, что люди к ней очень даже хорошо относятся.

— Да, — согласился Аарон. — Потом этот импульс ослабевает.

— Так ты считаешь, что она, как и я, рождена в киберпространстве?

Аарон рассмеялся:

— Да нет, я думаю, ты уникальна.

— Но я не одна такая, — возразила Сюзи. — Дух Вордвуда создал и других.

— Тогда, возможно, она такая же, как ты. Возможно, все люди, которые исчезли, родились в киберпространстве, и потому их так легко засосало туда.

— Зов программы, — прошептала Сюзи.

Аарон, который смотрел в другую сторону, опять повернулся к ней.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Ничего. На что это ты там смотришь?

— На огни.

— Да, красиво, — согласилась Сюзи. — Когда смотришь на город ночью и не думаешь,

что там скрывается под этой сеткой огней.

— Я не о горящих окнах и не о фонарях.

Она привсталала и опять оперлась на парапет — посмотреть, о чем он. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы различить то, что он имел в виду, — голубые с золотом точки, вспыхивающие то там, то здесь. Их было не много, но достаточно, если они представляли собой именно то, что она подумала. Сначала она насчитала полдюжины, потом обнаружила еще несколько, которых раньше не заметила. Всего получилось девять. Они были слишком далеко, чтобы она могла быть на сто процентов уверена в своей правоте. Но чем дольше она смотрела, тем больше убеждалась, что точки постепенно, но неуклонно движутся к ним.

— Это другие, — сказала она.

— Какие «другие»?

— Я же говорила: Вордвуд послал в этот мир не меня одну, а целую команду разведчиков.

Аарон кивнул:

— Да, я помню. — Он посмотрел на огни и добавил: — Значит, все они такие, как ты?

— Такие, какой я была там, внутри сайта. — Она пожала плечами. — Понятия не имею, как они выглядят.

— Они движутся к нам, верно?

— Боюсь, что да.

Аарон отвернулся и сел на парапет:

— И что нам теперь делать?

— Убираться отсюда поскорее и близко не подходить ни к какому компьютеру — даже выключенному.

— Но ведь если он выключен...

— Ты помнишь, что произошло там, внизу?

— Угу. Но... как такое оказалось возможным?

— Не знаю, — ответила она. — Я думаю, с помощью технической магии, так же как дух Вордвуда сотворил меня и остальных.

— Дух вуду... — произнес Аарон.

— Называй как хочешь. Но мне кажется, дух Вордвуда способен оставлять часть себя в любом компьютере, имеющем доступ к его сайту, и проявляться в нем, когда захочет.

— Итак, компьютеров постараемся избегать. — Аарон мотнул головой в сторону огней за парапетом. — А как быть с ними?

— Их тоже надо избегать. Не думаю, что они способны выследить нас. Я больше не чувствую связи ни с ними, ни с самим Вордвудом, почему же тогда они ее должны чувствовать со мной? Но именно здесь нас видели в последний раз, потому они, наверное, и движутся сюда.

— Надо посмотреть, свободен ли коридор.

Сюзи кивнула:

— А потом пробраться обратно в магазин Холли. По крайней мере, у нас появилась информация, которую мы можем сообщить.

— Боже мой, теперь они будут ненавидеть меня еще больше, — сказал Аарон.

В его голосе не было жалости к себе, он просто констатировал факт.

— Они будут ненавидеть нас обоих, — поправила Сюзи, — как только узнают о моей роли во всем этом.

— У тебя не было выбора — ты ничего не знала.

— Как и ты, когда подговорил Джексона заслать вирус.

Аарон кивнул:

— И все-таки это был подлый поступок. А в тебе нет ни капли подлости.

Сюзи не была так уж уверена в этом. Гнев, который она испытала чуть раньше по отношению к Вордвуду, все еще пугал ее, настолько он был силен.

— Не имеет значения, что они о нас подумают, — сказала она. — Мы все равно

должны помочь всем этим людям, которые попали в ловушку, не будучи ни в чем виноваты. И самое лучшее, что мы сейчас можем для этого сделать, — отправиться в магазин и узнать, добились ли они хоть чего-нибудь.

Аарон кивнул:

— Пойду проверю коридор.

Сюзи воспользовалась его уходом, подняла рубашку, чтобы оценить физический ущерб, который принесло ей отделение от Вордвуда. Но живот был по-прежнему гладким, не осталось никаких ушибов и ссадин. Вся боль сосредоточилась внутри — и физическая и душевная. Она быстро опустила футболку, услышав, что Аарон возвращается.

— Там все еще ужас что делается, — сообщил он. — Уровень жидкости — уже несколько дюймов. Но можно уйти через пожарный выход, надо только спуститься на один пролет. Я выглянул наружу: мы окажемся в переулке.

Сюзи посмотрела за парапет. Два-три огонька были уже в нескольких кварталах от них. Она поднялась, и Аарон тут же бросился к ней, чтобы поддержать.

— Все в порядке, — сказала она, — теперь мне легче двигаться.

Но она позволила ему взять себя за руку, пока они шли по крыше к двери. Аарон оставил пожарный выход открытым, и теперь они оба беспрепятственно выбрались наружу.

Переулок был длиной со стену дома, он соединял улицы, идущие вдоль фасадов здания. Не сговариваясь, Аарон и Сюзи пошли в сторону заднего фасада, мимо мусорных контейнеров, каких-то обломков и изуродованного остова автомобиля. Когда они были уже почти на улице, Сюзи вдруг взяла Аарона за руку и положила голову ему на плечо.

— Будем вести себя естественно, — шепнула она.

— Хорошо.

Выйдя из переулочка, они посмотрели поочередно в обе стороны. На другой стороне улицы, вдоль поребрика, были припаркованы машины. У входа в переулок наискосок стоял фургон, по улице ездили автомобили. Жильцы домов сидели на крылечках. Стайка ребятишек играла в казаки-разбойники, подростки сидели на поребрике спиной к домам и делились друг с другом сигаретой или травкой. Людей с вращающимися, как локаторы, золотисто-голубыми аурами поблизости не наблюдалось.

— Пошли, — сказала Сюзи.

Она пошла в ту сторону, откуда надвигалось меньше огней. Она все еще держалась за руку Аарона, как будто они были просто прогуливающейся парочкой. Вдруг появилось знакомое голубовато-золотистое сияние. Сжав руку Аарона, Сюзи оттащила его к стене здания.

— Поцелуй меня, — велела она, — ну притворись.

— Почему ты думаешь, что мне нужно притворяться?

Она улыбнулась:

— Ну тогда просто поцелуй. Давай же!

Ей понравилось, как он ее обнимает. Ей понравились его губы, прижимающиеся к ее губам. У нее были воспоминания о любви — с бывшими бойфрендами, с мужем, еще до того, как они все стали обращаться с ней гадко, вытирать об нее ноги, — но ни одно из них не могло сравниться с этим сладким чувством, от которого подгибались колени и которое она испытывала сейчас. Потому что ведь ничего из того, что она помнила, на самом деле не происходило. А это объятие и этот поцелуй были настоящие.

Она почти забыла, почему они целуются, когда поняла вдруг, что один из разведчиков Вордвуда стоит на тротуаре и наблюдает за ними.

Она оторвалась от Аарона, чтобы посмотреть на этого человека. Он был среднего роста, с приятным, но незапоминающимся лицом. Без этой ауры никто бы на него и внимания не обратил. Но сейчас, на этой улице, все только на него и смотрели.

Она не ощутила никакой связи с ним, никакой ниточки. Но он что-то почуял, и она поняла, что надо действовать решительно.

— Слушай, ты, придурок, тебе чего? — грозно спросила она.

Аарон тоже посмотрел на него. Она почувствовала, как напряглась его рука.

Ей хотелось сказать ему: «Не волнуйся, я знаю, что делаю».

По крайней мере, ей казалось, что знает.

— Ну ладно, — продолжала она, когда человек не ответил и продолжал разглядывать их. — Полюбовался на нас, и хватит, теперь почему бы тебе не пойти поискать что-нибудь неодушевленное, например торт, и пялиться сколько влезет?

— Ты не удивлена, что видишь... человека вроде меня? — наконец спросил мужчина. — Они — другие... — Он указал пальцем на людей на улице, которые не сводили с него глаз.

— Господи! — сказала она ему. — В этом городе поживешь — еще не то увидишь. Ты что, думаешь, придурок вроде тебя со встроенным фонариком — это что-то особенное? Мне приходилось видеть и покруче.

Мужчина явно смутился, чего, собственно, Сюзи и добивалась. Дух Вордвуда отправил своих агентов на поиски двух людей, которые будут прятаться, а не привлекать к себе внимание.

— Я хотел бы... — начал было мужчина, но она не дала ему договорить:

— Ты хотел бы, чтобы тебе подправили физиономию. Но знаешь, смотрю я на тебя и думаю, что, пожалуй, не разрешу своему парню помочь тебе в этом. Я, пожалуй, сама справлюсь. Ну-ка, иди сюда, светящийся мальчик!

Молодой человек отступил на шаг.

— Вот это правильно, — одобрила она. — Убирайся, откуда пришел. — Она взяла Аарона под руку. — Пошли, Томми. Давай поищем местечко, где не водятся такие уроды.

Она слегка потянула его за собой, и они удалились туда, откуда появился наблюдатель.

— Пойдем, найдем какой-нибудь торт и будем пялиться сколько влезет, — тихо процитировал Аарон.

Он все еще был очень напряжен, но на губах появилась улыбка. А губы его ей понравились, вспомнила она.

— Ты, кажется, не жаловался, Томми, а?

— Не мог же я испортить такое шоу. — Он оглянулся.

— Не надо проверять, ушел он или нет, — предупредила она. — Мы должны вести себя так, как будто нам все по фигу. И вообще, давай-ка остановимся здесь и изобразим еще один поцелуй — исключительно чтобы продемонстрировать свою беззаботность и полнейшую непричастность ни к чему.

Она остановилась и наклонила голову.

Аарон улыбнулся:

— Только для этого?

Она усмехнулась в ответ:

— Там увидим.

На этот раз она позволила себе растаять в его объятиях, ее груди тесно прижались к его груди, низ ее живота ощутил его растущий интерес. Она чуть не забыла бросить взгляд туда, откуда они пришли. И когда она все-таки взглянула туда, то едва успела заметить, что голубая с золотом аура соглядатая исчезла в переулке, ведущем к дому Джексона.

— Боже мой, — отдышавшись, сказал Аарон, — да ты просто развратница!

— Но это же неплохо, верно?

Он кивнул.

— Ну, пошли. — Она снова взяла его за руку. — Нам еще надо в книжный магазин.

— Не напоминай, — ответил Аарон и послушно пошел за ней.

Они прошли еще пару кварталов, не встретив других соглядатаев. По крайней мере, Сюзи показалось, что хвоста за ними нет.

— Там...

— Было очень здорово, — договорила она за него, — и — кто знает? — может быть, когда все это закончится, мы найдем время для небольшого романа, но все, что я говорила

раньше, остается в силе. Я не верю во что-нибудь длительное между нами. Теперь — тем более. Теперь я не только бездомная, которую ты подобрал на улице, теперь я вообще неизвестно кто.

— Мне это все равно.

— Да, я знаю. По крайней мере сейчас.

Он покачал головой:

— Я не знаю, как это объяснить, но с тех пор, как я встретил тебя, я изменился. Как будто стал другим человеком и теперь не представляю себе, как мог совершать некоторые поступки.

— Значит, получается, я — твоя совесть? — Она улыбнулась, чтобы фраза не прозвучала уж очень издевательски.

— Разве это так плохо? — спросил он. — Но, пожалуй, скорее, все обстоит так, как ты говорила у меня дома. Возможно, мы ангелы-хранители друг друга. По крайней мере, я точно знаю, что ты пробуждаешь все лучшее, что есть во мне.

— Может быть, это потому, что я хочу в тебя поверить. У меня такое впечатление, что до сих пор в тебя никто не верил — в такого, как ты есть.

Он кивнул:

— Да, пожалуй. И сказать по правде, я воспрянул духом. Не то чтобы мне казалось, что все так уж прекрасно, — поспешил добавить он, — мне есть о чем сожалеть. У меня за спиной сплошные руины, не считая мелких разрушений. Но теперь я хочу, чтобы было лучше. Я хочу исправить все, что сделал неправильно. Я не хочу больше делать зла. Вот только...

— Ты боишься, что без меня у тебя не получится?

Он улыбнулся:

— Нет, я хотел сказать, что вряд ли у меня будет шанс исправить зло, которое я причинил многим... Вряд ли все они захотят предоставить мне еще одну попытку.

— Вот это самое трудное, — сказала Сюзи, — сохранить добрые намерения, даже когда никто в них не верит.

Аарон кивнул:

— Да, такого будет много. Но с тобой...

— И что же — со мной? — Она не могла удержаться от легкого кокетства.

— Просто я думаю, что мы подходим друг другу, — сказал Аарон, — что, возможно, мы действительно можем стать друг для друга ангелами-хранителями. Я не хочу загадывать на всю жизнь. Мне просто не хотелось бы думать, что, как только вся эта история закончится, ты просто возьмешь и уйдешь из моей жизни, как будто тебя и не было никогда. Мне хотелось бы узнать тебя получше.

— Я не хочу ничего обещать.

— Не надо никаких обещаний, — согласился Аарон. — Только скажи, что ты не уйдешь просто так, закрыв за собой дверь.

— Никаких дверей, — улыбнулась Сюзи.

Они были так заняты разговором, что не заметили, как дошли до Уильямсон-стрит. Автобус, идущий в северную часть города, затормозил на остановке прямо перед ними. Сюзи огляделась и не обнаружила поблизости ни одной золотисто-голубой ауры. Может, он снова призвал их к себе. Или, возможно, все соглядатаи собрались возле дома Джексона.

— Этот автобус довезет нас до магазина Холли?

Аарон посмотрел на номер автобуса и кивнул.

— Я думаю, нам просто надо оставить все как есть, — сказала Сюзи. — Ну, насчет нас с тобой. А теперь — готовься.

Когда они встали в очередь, чтобы войти в автобус, она все-таки взяла его за руку.

Кристи

Я уже почти полжизни пишу о необъяснимом. О духах и тайнах, о колдовстве и заколдованных местах. О привидениях, феях и гоблинах. О таинственных диковинных расах, которые живут и в диких местах, и прямо у нас под носом, в городе. Некоторые из них — капризные и вздорные, другие — опасные, и все — очень странные.

Но практического опыта мне как раз не хватает.

Да, конечно, Таллула, одна из моих первых подружек, считала себя духом города. А Саския родилась на веб-сайте, может быть на том самом, куда теперь вернулась. Но ведь это все только слова. Всякий может назваться кем угодно и чем угодно. Я никогда не замечал за Таллулой ничего необъяснимого. Разве что, когда мы были вместе, у меня возникало ощущение, что я летаю по воздуху, но, знаете, такое ведь случается от любви. И Саския, до того как исчезла на моих глазах, тоже никогда не делала ничего такого, чему нельзя было найти рационального объяснения.

Так что я вовсе не на такой короткой ноге со сверхъестественным, как иногда считают мои читатели. Когда Венди с помощью своего красного камешка впервые открыла дверь в Другой Мир, которая, вообще-то, выглядела как дверь на профессорскую кухню, я был так потрясен, что в буквальном смысле оцепенел. Как будто мне голову набили ватой.

Венди протянула мне руку и сказала что-то, чего я не расслышал. Но я понял: она звала меня пойти с ней, шагнуть за порог — туда, где открывался потрясающий вид на горы и каньоны. Я не сразу смог ответить ей. «Крупный писатель», как Джорди любит меня называть, только и мог стоять и мотать головой.

Никто не понял, почему я отказался пересечь границу. Разве что Джилли. На самом деле все обстоит именно так, как я вчера объяснял Джорди, — в этих явлениях меня интересуют их взаимодействие с Условным, то есть с нашим, Миром и реакция обычных людей на вторжение сверхъестественного в их жизнь. Мне не нравится идея обыкновенного мира — мира без удивления, без тайны. Но я точно знаю, что не стал бы счастливее в мире, который весь — сплошная тайна и бесконечное удивление.

До настоящего момента во мне легко уживались скептицизм и доверчивость. Этим, возможно, и объясняется успех моих книг. Читатели чувствуют это равновесие. Скептики считают, что я согласен с ними, но почему бы и не поразмышлять на досуге обо всех этих чудесах? А те, кто в чудеса верит, тоже допускают, что я с ними, разве что опыта у меня побольше.

Теперь-то уж точно побольше.

Я снова слышу вой ищеек. Все ближе и ближе.

И опять я с удовольствием отказался бы от путешествия по неизведанным землям Других Миров. Но сейчас надо думать прежде всего о Саскии.

— Перестаньте играть, — говорит Боджо.

Но Роберт качает головой и продолжает перебирать струны на гитаре. Эта его музыка даже ангелов небесных заставила бы настроить свои арфы на блюзовый лад, лишь бы попытаться поймать хоть отголосок того, что он играет. Это земная и небесная музыка. Это голоса церковного хора, обнимающие собой двенадцатитактовый блюз. Они обещают — и не обманывают. Они проникают в самые потайные места твоей души и говорят: я тебя знаю, мне знакома твоя боль, но и твоя радость тоже.

Я уверен, что он может вызвать этой музыкой все, что угодно, — не только открыть дверь в какой-то запертый вебсайт.

Беда только в том, что мы обнаруживаем, что слушаем эту музыку не одни.

Вой ищеек. Еще ближе.

— Говорю же, — повторил Боджо, — выждите немного.

Роберт даже не удостоивает его взглядом.

— Черт возьми, да нет же! — говорит он. — Мы уже почти на месте. Я уже чую дух Вордвуда.

— Если вы не перестанете играть, то ищейки тоже вас почуют и откусят от вас кусок.

Я смотрю на Рауля. Он нервничает даже больше, чем я, хотя такое трудно себе

представить. На ступеньках лестницы Дик закрывает лицо руками. Джорди и Холли широко раскрытыми глазами смотрят на колеблющуюся позади нас стену. Снippet пытается одновременно и держаться в тени, и проявить характер, но ни то ни другое ей не удается.

— У нас еще есть время, — объявляет Роберт. — Просто откройте дверь.

— О да, время, — произносит незнакомый голос за моей спиной. — Интересно оно устроено. Иногда тянется, как патока, и приходится очень сильно напрягаться, чтобы совершить хоть одно движение.

Я медленно оглядываюсь и вместо Холли и Джорди вижу троих мужчин. Похоже, они появились прямо из стены. Не могли же они спуститься по лестнице!

До сих пор самым большим и самым черным человеком, которого я когда-либо видел, был Люциус Портсмут. Это друг нашего профессора, про которого Джилли говорит, что он Рейвен — дядюшка девиц-ворон, ее любимый персонаж местного фольклора.

Так вот наши незваные гости тоже большие и черные. Но Люциус по сравнению с ними — благостный черный Будда. У них хмурые лица, злые глаза, и они сложены как грузчики — широкоплечие и здоровенные. Их кожа не просто черная, а цвета настоящего черного дерева — полное отсутствие света, как будто находишься внутри глубокой тени. Как и Роберт, они в костюмах, только их костюмы — солидные, черные, двубортные, с белыми рубашками, узкими черными галстуками, и, представьте себе, они в лакированных ботинках.

Один из них выставляет вперед ногу, и я слышу нечто напоминающее низкое глубокое ворчание охотничьей собаки. Снippet скулит и прячется за Холли.

— А иногда, — говорит тот же самый знакомый голос, который, как я теперь понимаю, исходит от мужчины, стоящего посередине, — время летит так быстро, что за ним просто не поспеть.

Роберт, держа гитару за гриф, встает, чтобы лицом к лицу встретиться с гостями.

— Это только наше с тобой дело, — говорит он. — Давай не вмешивать в него этих людей.

— Они с тобой, не так ли?

В этом голосе чувствуется угроза, несмотря на кажущуюся мягкость. Теперь другой мужчина шаркает ногой, и снова я слышу низкое горловое ворчание. Вот когда я догадываюсь, что это и есть ищейки. Не знаю, оборотни они, или те самые животные, о которых так любит говорить Джилли, или что-то третье. Единственное, в чем я уверен: они опасны и у нас неприятности.

Но Роберт, похоже, не собирается отступать ни на шаг. Он стоит с прямой спиной, излучая силу, с гитарой в левой руке. Другая рука заложена за борт его пиджака.

— Еще раз повторяю, — говорит он, — у нас с тобой могут быть кое-какие разногласия, но зачем втягивать в это дело еще кого-то? Не советую.

— А то что будет? Вытащишь свой старый кольт и выстрелишь в меня? И после всех этих лет ты все еще думаешь, что нас что-то может остановить?

— Это твое последнее слово? — спрашивает Роберт.

Голос у него мягкий, но так же полон угрозы, как и голос ищейки.

— Ну а ты как думаешь?

— Я просто хочу, чтобы ты это сказал ясно и четко.

Предводитель ищеек поворачивает голову направо, потом налево, улыбается обоим своим спутникам, потом отвечает:

— Ну, тогда говорю: вам всем крышка.

Роберт улыбается:

— Именно это я и ожидал услышать.

На лицах ищеек появляется такое же озадаченное выражение, какое, я уверен, сейчас и на наших лицах, но Роберт продолжает улыбаться. Рука, которая, как мы все думали, полезла за пазуху за оружием, появляется без него. Роберт берет гитару, выставляет ее впереди себя и дергает струну. Могу поклясться, что от этого звука дрожат кирпичные стены, окружающие нас. Дрожит даже цемент у нас под ногами. Ищейки делают вид, что ничего такого не

происходит, а сами лихорадочно прикидывают, что это Роберт такое замышляет. Они знают, он что-то затевает, но не могут вычислить что. И я, честно говоря, не могу.

А Роберт всего-навсего дергает за другую струну своей гитары — и она мрачно и угрожающе гудит. Он поворачивается к ищейкам спиной и обращается к нам:

— Я должен кое-что вам объяснить. Это так называемые *лез бака маль* — духи-ищейки, которые охотятся за тем, что плохо лежит, по крайней мере не упустят случая попробовать, когда думают, что Легба их не видит. Вот эти, например, украли имена трех барабанов Рада. Этот, посредине, называет себя Мамон. Двое других — Була и Секонд.

Не могу поверить, что Роберт взял тайм-аут только для того, чтобы просветить нас. Я опасливо поглядываю на ищеек через плечо Роберта, но они все еще в замешательстве. Двое по краям от того, которого Роберт называет Мамоном, пытаются привлечь внимание главаря. Но он на них не смотрит, его взгляд нацелен Роберту в затылок. По глазам его видно, что он все еще не может взять в толк, что намерен делать гитарист.

Это не понятно ни ищейкам, ни мне.

— Они знают о моем договоре с Легбой, — говорит Роберт как бы между прочим. — Не буду вдаваться в подробности. Все, что вам нужно знать об этом пункте нашего пакта, — я не имею права защищаться от *лез бака маль*. Вот почему я стараюсь держаться от них подальше. Это не потому, что они сильнее меня. Дело в том, что я не могу нарушить данное Легбе слово и поднять на них руку. Если я это сделаю, смерть будет наименьшим наказанием. Легба не только возьмет мою душу — он разорвет ее на куски.

Роберт наконец поворачивается к ищейкам.

— Но ты упустил из виду, Мамон, — говорит он главной ищейке, — что Легба никогда ничего не говорил насчет того, что я не могу защищать от вас других.

Они всё понимают одновременно со мной. Что бы это ни была за сделка между Робертом и Легбой, она делала Роберта совершенно беззащитным перед ищейками — если только они не угрожали кому-нибудь другому, а не лично ему.

Я вижу их нерешительность. Атаковать, выжидать или спастись бегством? Удивительно, что они колеблются. Их трое. Нас, конечно, больше, но, кроме Боджо, никто из нас, в общем, не боец. Это не значит, что мы не попытаемся вступить в бой, — по крайней мере мы с Джорди точно попытаемся. Наш брат Пэдди когда-то давно учил нас: вас могут растерзать на куски, но лучше потерпеть поражение, чем вообще не вступать в бой. Забавно, но пару раз мне даже удалось удержаться на ногах.

Но до этого не доходит.

— Мы не одни, — говорит Мамон. — Знаешь, сколько ищеек на больших дорогах?

Роберт кивает:

— Но сейчас-то вы одни.

— Мы можем хоть сейчас собрать стаю...

Роберт прерывает его:

— Да, но вам потребуется остаться в живых хотя бы столько времени, чтобы успеть позвать на помощь.

Я не замечаю, когда человек слева от Мамона успевает достать нож. Только что у него в руке ничего не было — и вот стальное острие уже нацелено на Роберта. Роберт успевает дернуть еще одну струну и одновременно приподнять гитару. Нож вонзается в корпус гитары, внося диссонанс в и без того расстроенную музыку. Ищейки колеблются еще мгновение, а потом поворачиваются и спасаются бегством через дыру в стене.

— Я не могу дать им уйти, — говорит нам Роберт. — Если я это сделаю, они станут вдесятеро сильнее и натворят дел.

Боджо делает шаг вперед:

— Но не можете же вы нас...

— То место, которое мы ищем, уже близко, — перебивает Роберт. — Ты должен найти его.

Он вынимает нож из гитары, бросает его на пол и лезет в дыру, в которой исчезли

ищейки.

— Роберт! — окликает его Боджо.

Музыкант останавливается на пороге и оглядывается.

— Вы не понимаете, — говорит он. — Это был мой главный козырь — чтобы они застали меня не когда я один, а когда они угрожали бы тем, кто со мной. Если я не остановлю этих троих, я больше не смогу использовать этот козырь.

— Но...

Роберт качает головой:

— Они ведь не ввали. Они очень давно за мной охотятся, а теперь им пришлось с позором бежать. Они этого никогда не забудут и не простят. Дать им хотя бы полшанса — и они соберут против нас целое войско. И должен вам сказать, вы им тоже понадобится, ведь вы всё видели.

И он пропадает.

Наступает тишина.

Бывали ли у вас такие моменты, когда вы просто знаете, что произойдет в следующую секунду? Я знаю, что сейчас все заговорят разом. Мы разделимся на группы: кто-то сочтет, что мы должны идти за Робертом, кто-то — что надо продолжать следовать выбранным маршрутом. Я чувствую, что вот-вот начнется, и пытаюсь заранее решить, что делать, когда послышится стук в дверь магазина.

Мы всё еще очень медленно реагируем, время течет патокой. Наконец Джорди говорит:

— Пойду посмотрю, кто это.

Я киваю. Когда он начинает подниматься по лестнице, я обращаю внимание на Боджо, который как раз наклоняется, чтобы поднять с пола нож ищейки. Потом он переводит взгляд с полированного лезвия на меня.

— Мы не можем допустить, чтобы Роберт пошел за ними один, — говорит Боджо и встает.

— Не думаю, что у нас есть выбор, — говорю я. — Множество людей пойманы в ловушку в «Вордвуде», и, кроме нас, им надеяться не на кого.

— Да, но...

— Мне показалось, Роберт знает, что делает, и сумеет за себя постоять. Я мало знаю о нем, но, судя по реакции этих ищек, он не просто шустрый фраер, умеющий лабать на гитаре. Они не то чтобы испугались, но точно занервничали. Вид у них был довольно растерянный.

— Пожалуй.

Холли медленно поднимается по лестнице со Сниппет на руках. У меня такое ощущение, что, если бы она спустила Сниппет на пол, та в мгновение ока оказалась бы наверху. Дик все еще сидит на ступеньке, прижавшись плечом к стене и широко раскрыв глаза. Рауль стоит рядом со мной. От него исходит волна нервозности. А может, это просто мое собственное волнение.

Холли подходит поближе, чтобы получше разглядеть дыру в стене с мерцающими краями. Тут работает какая-то оптическая иллюзия, потому что видна не только стена, но и то, что по другую сторону от нее. Получается, что два изображения занимают одно и то же место.

То, что по другую сторону, выглядит вполне безобидно. Мы видим залитый лунным светом перекресток и две узкие дорожки следов. Над местом их пересечения высится старый дуб. Под деревом — куча камней, а за ним — лес и поля.

Но ищейки появились из этого самого мира, на который мы смотрим, значит, он не так безобиден, как кажется. И перекресток... если не ошибаюсь, Роберт сказал, что Легба наблюдает за перекрестками.

Я не слишком внимательно изучал вуду, но имя Легба мне знакомо. Это один из их *лоа* — бог ворот и перекрестков. Все церемонии начинаются с приветствий ему, ибо он — воплощение принципа пересечения, связи с божественным миром. Его обычно изображают с

тросточкой и в шляпе с высокой тульей, а его брат, барон Самеди, — лоа мертвых.

Признаться, у меня нет большого желания познакомиться с ними.

— Не могу поверить, что это — настоящее, — говорит Холли.

— Добро пожаловать в странный мир, — отвечаю я ей.

Она поворачивается ко мне:

— Может быть, для тебя это пройденный этап, но у меня мороз по коже.

Я качаю головой:

— Просто я пишу об этом. А то, что я испытал на собственном опыте, можно пересчитать по пальцам одной руки. У нас остался один понимающий человек — Боджо.

Боджо возражает:

— Принцип жестянщиков — всегда быть в тени. Если мы живем в ваших городах, то стараемся держаться подальше от шерифов и юристов. В Других Мирах — подальше от духов. Чем они сильнее, тем меньше мне хочется иметь с ними дело; в этом и вся штука.

— В чем? — спрашивает Рауль.

— В способности правильно определить, кто насколько силен. Некоторые из мелких, на вид вполне безвредных, — самые могущественные. Самое лучшее — по возможности избегать их всех.

— Эта дыра, то есть портал... — говорю я, указывая на проем в стене с мерцающими краями, — как долго он здесь продержится?

— Я могу держать его открытым, — говорит Боджо. — Музыка Роберта была тем шулером, который тасует колоду, чтобы выпала нужная нам карта. Она нужна была нам, чтобы добраться до Вордвуда, потому что я никогда там не был, но музыка не единственный путь. Метод проб и ошибок тоже может пригодиться. Просто так будет гораздо дольше. Другие Миры — место обширное; можете себе представить, какое оно большое. Миры иногда накладываются друг на друга, так что в иных местах, сделав один-единственный шаг, вы можете пройти через три-четыре мира сразу и даже не поймете этого без провожатого.

— Значит, без Роберта нам крышка.

Боджо качает головой:

— Раз он сказал, что мы уже близко, значит, теперь мы действительно можем найти это место сами.

Я чувствую, что у меня в голове тикают часы. Они начали тикать с того момента, как Саския пропала из моего кабинета. С каждой новой секундой, проведенной без Саскии, этот мир, Условный Мир, как любит его называть профессор, кажется все более пустым. И я не могу избавиться от страха, что чем больше времени ее нет, тем меньше становятся шансы вернуть ее. И всех остальных тоже.

Я киваю:

— Да, надо идти.

— Мы и пойдем, — отвечает мне Боджо.

Он хочет сказать еще что-то, но тут мы слышим шаги наверху лестницы. Мы оборачиваемся и видим, что Джорди ведет к нам Аарона и его подругу Сюзи.

— У нас опять проблемы, — говорит Джорди.

У меня падает сердце, когда Аарон и Сюзи рассказывают, что произошло в квартире Джексона. И должен сказать, этот рассказ пробуждает все мои прежние подозрения относительно этих двоих. Значит, Сюзи, как и Саския, — часть Вордвуда? Как им удалось спастись, когда все остальные пропали? Искренне ли раскаяние Аарона?

— Так вы просто взяли и ушли? — спрашивает Джорди, вкладывая в эту простую фразу все, что мы все сейчас чувствуем.

— Они не стали слушать нас, — говорит Аарон. — То есть не стали слушать Сюзи.

Да, я понимаю, эти двое ничего не могли поделать — если только все действительно так, как они рассказывают.

— И много еще таких вот... скаутов? — спрашивает Боджо.

Джорди смотрит на меня, и я прекрасно понимаю, что он думает, но я лишь пожимаю

плечами. Я и правда не понимаю, что сообщение о происхождении Саскии прибавит в нашем разговоре на эту тему. Но и так просто оставить это тоже нельзя. Притом что я знаю, каково было Саскии, и вижу, как подозрительно относятся к Сюзи Холли, Рауль и Боджо. Дик все еще сидит на лестнице, привалившись к стене; мне трудно судить о его реакции.

— Они не обязательно враги, — говорю я. Я уверен в том, что говорю, потому что Саския — точно не враг. — Они располагают только той информацией, которую вложил в них дух Вордвуда. Велика вероятность того, что, ознакомившись с картиной во всей ее полноте, они перейдут на нашу сторону. Сюзи это доказала.

Сюзи бросает на меня благодарный взгляд, который заставляет меня чувствовать себя виноватым. Я выражаю ей доверие, которого на самом деле не чувствую, — все мои заключения основаны только на Саскии и на том, что, кажется, они и правда одинакового происхождения.

Но все сразу принимают сказанное мной — удобно считаться специалистом в какой-то области. Хотя со всеми этими трудностями, которые обрушиваются на нас на голову и с которыми никто не знает, как справляться, я вовсе не чувствую себя специалистом.

— Что вы можете рассказать нам о Вордвуде? — обращаюсь я к Сюзи. — Известны ли вам какие-нибудь его слабые стороны, которые мы могли бы использовать?

— По правде говоря, я не много знаю о нем, — говорит она. — Это... — она издает нервный смешок, — это действительно странно. Я имею в виду то, что я только что узнала, кто я такая, и что все воспоминания о жизни мне просто вложили в голову. Когда я время от времени задумываюсь об этом, мне кажется, я больна.

— Понимаю вас.

Она наклоняет голову набок и некоторое время изучает меня. Потом говорит:

— Знаете, я думаю, вы, может быть, действительно меня понимаете.

— Так вы можете нам чем-нибудь помочь? — спрашивает Боджо.

Она вздыхает:

— Проблема в том, что, узнав, кто я такая, я обрела и некоторые воспоминания о Вордвуде. Но в них Вордвуд не выглядит столь ужасным местом. Возникает, скорее, впечатление некой умиротворенности и мудрости. Я... — она обводит нас взглядом, — вы, может быть, не поверите мне, но мне не кажется, что дух Вордвуда такой уж плохой. Это вирус виноват. Вместо того чтобы строить планы борьбы с духом, нам следовало бы попытаться вылечить его.

— Есть какие-нибудь идеи? — спрашиваю я.

Она мотает головой:

— И встреча, которая у меня с ним была в квартире Джексона, не очень убедительно подтверждает мою теорию. Но я не могу избавиться от чувства, что та субстанция, с которой я там сегодня встретилась, — это не весь дух. Как будто мудрость и доброта, которую я вспоминаю, когда думаю о своей родине, подавлены этим новым, жестоким и мстительным образом. Как будто дух отложил на время все хорошее в себе, чтобы иметь возможность осуществить месть, не терзаясь угрызениями совести.

Я вспоминаю о рыжеволосой женщине, навещающей меня время от времени, о той, что утверждает, что состоит из фрагментов меня самого, которые мне не нравились в себе в детстве.

— Как тень, — говорю я и излагаю теорию Юнга, не вдаваясь в свой собственный опыт общения с тенью.

Сюзи время от времени кивает, слушая меня.

— Ну разве это так уж невозможно? — спрашивает она, обращаясь к остальным. — Разве такое не могло случиться с духом Вордвуда?

— Что ж, говорят, духи очень похожи на нас, — отвечает Боджо, — но только диапазон их существования шире.

Я поднимаю рюкзак, брошенный у дверей, и скидываю его себе на спину.

— Попробуем ориентироваться по обстановке, — говорю я. — Я не хочу, чтобы кто-

нибудь пострадал, но не вернусь обратно без Саскии и стольких пропавших, скольких мы сможем найти.

Боджо смотрит на нож, который держит в руке. Он достает из своей сумки рубашку. Завернув в нее нож, он прячет его в сумку и встает. Рауль уже ждет нас у портала в стене. Вид у него не слишком счастливый, но, как и у меня, у него там есть некто, без кого он не намерен возвращаться. Не знаю, глупые мы или храбрые. Я просто знаю, что мы должны это сделать.

— Мы тоже идем, — говорит Сюзи.

Я колеблюсь. Но они с Аароном решительно подходят к portalу.

— Я знаю, вы нам не верите, — говорит Аарон. — Мне, по крайней мере. Но я должен это сделать.

Даже странно: его слова прозвучали как эхо того, о чем я подумал минуту назад.

— Воспринимайте нас как оруженосцев, — продолжает он. — Если придется потерять кого-то по пути, то первыми жертвуют оруженосцами. У вас будет больше шансов добраться самим.

— Ну, если дело обстоит так, тогда я не возражала бы и в самом деле иметь какое-нибудь копье, — говорит Сюзи.

Я смотрю на Боджо и Рауля, но они оба только пожимают плечами, предоставляя решать мне. Я снова поворачиваюсь к Аарону и Сюзи.

— Пойдем, — говорю я им.

Нехочу долгих прощаний. Вообще не хочу думать, что я делаю, куда иду. Итак, коротко машу рукой своему брату, Холли и Дику. Потом поворачиваюсь и прохожу сквозь стену.

Кристиана

У меня такое чувство, что я застряла между плохим и хорошим, что это полуразрушенное здание в Вордвуде стоит на границе, где Небеса встречаются с Адом.

Спирально закрученные нити голубовато-золотистого света, вырывающиеся из безжизненного тела Саскии, освещают небо, как лучи прожекторов, отбрасывают мерцающие отблески на все вокруг. Огни вспыхивают в проволочной почве, горят на металлических низких стенах вокруг нас. Все это создает великолепное сияние, такое чудесное, что пейзаж может сравниться лишь с ландшафтом Волшебных Миров, которые мне приходилось видеть за границами Условного Мира. Но его яркая прелесть резко контрастирует с вирусом, проявляющим себя, например, в виде черных и скользких пиявок, воняющих серой, жженой проволокой и горячим металлом.

Это неправильно. Зачем нас окунули в этот удивительный свет, если вирус все равно сейчас убьет нас!

Эхом моего собственного отчаяния Саския плачет у меня в голове, это долгое болезненное рыдание. Она была втянута обратно в Вордвуд, когда от нее впервые стал исходить такой вот свет, — она снова обрела связь, пусть хоть на несколько кратких секунд, эту давно прерванную связь, которая когда-то соединяла ее с огромной кладовой знаний Вордвуда и его кротким духом. Как будто она вернулась в первые месяцы своей жизни, когда в реальном мире она была еще новенькой, вновь прибывшей, зато одной лишь мыслью могла дотянуться до мудрости Вордвуда.

Ее вопль произволен. Она дает мне знать, что вовсе не хотела бы снова стать частью Вордвуда, — крик вырвался у нее инстинктивно, — она не смогла бы отрицать, что сожалеет о том, что произошло.

Наверное, это как вылупиться из кокона во второй раз: тебе так хочется остаться там, где тепло и безопасно, но в то же самое время ты жаждешь увидеть мир. Я еще помню это ощущение из тех времен, когда была младенцем мужского пола, по крайней мере частью этого младенца.

Но Саския говорит, что это больше напоминает то комфортное состояние, которое испытывает Кристи, когда работает над каким-нибудь романом и наконец-то видит, что у него собран весь необходимый материал. Не то чтобы он все знает, но он знает, где это достать, и эта уверенность дает ему силы начать писать. Пока Саския была связана с Вордвудом, она пользовалась неограниченным доступом почти ко всему, что ей нужно было знать о мире, и это, при всех неприятностях первых нескольких месяцев, помогло ей в конечном счете стать такой, какой она стала.

Итак, Саския возопила у меня в голове. Возник столб света — невероятно высокий, яркий и ужасный. Джексон лихорадочно вертит головой, отчаянно ища путь к спасению, но бежать некуда. И этот вирус — проникающий сквозь стены, пробирающийся к нам!

После секундного колебания я погружаю руки в свет, беру тело Саскии и прижимаю его к себе. Вот тогда-то мне и становится ясно, что свет исходил не от самого тела, — он просто каким-то образом проходил сквозь него, потому что он продолжает струиться, как раньше. Единственная разница: теперь Саския — или, по крайней мере, ее тело — не является его частью.

Я тихо покачиваю, баюкаю ее тело и стараюсь ни о чем не думать. Я знаю, что остановить пиявок не в моих силах, и все-таки, чтобы добраться до Саскии, им сначала придется разделаться со мной.

Забавно. Я ожидала, что свет обожжет меня, но он оказался прохладным. И тело Саскии все еще прохладное. Кажется, оно ничего не весит — не более чем нежная мысль, чем мечта. Она затихла у меня в голове, она легка как перышко.

Я поворачиваюсь лицом к ближайшей из пиявок. Я всегда говорила: когда придет время, я встречу свою смерть, глядя ей прямо в лицо. Правда, я несколько удивлена, что оказалась действительно способной на это теперь, когда наступил тот самый миг.

«Прости, что втравила тебя во все это», — говорит Саския.

Я рада, что она опять проявляет себя.

«Все это очень странно, — говорю я ей. Еще бы! Разговаривать с ней, находящейся у меня в голове, когда ее тело — у меня на руках! — Но все же я рада, что мы встретились».

Тут все должно было бы и закончиться. На нас должен был наброситься вирус — и конец всей истории.

Но спустя некоторое время после того, как я взяла тело Саскии на руки, я чувствую, что свет как-то меняется. Не могу объяснить, как именно. Дело не в температуре, не в яркости — скорее, в массе его, если можно так сказать. Он перестает быть нереальным, неосязаемым сиянием, начинает чувствоваться его физическое присутствие. Но если для меня он весит не больше перышка, то на все остальное оказывает гораздо большее давление.

Сверкающие волны золотисто-голубого света, отходящие от столба, омывают меня и устремляются дальше. Все, чего бы они ни коснулись, обретает свои нормальные форму и цвет. Растительность из спутанной проволоки становится действительно растительностью, бледно-зеленой и желтой. Камни из железа превращаются в настоящие камни, покрытые мхом. Джексон становится нормальным чернокожим человеком с темными курчавыми волосами. Его кожа обретает оттенок мокко.

А река света продолжает распространяться волна за волной. Сияющий прилив.

Свет окутывает пиявок и растворяет тела этих тварей, вызванных к жизни вирусом. А свет все продолжает распространяться. Развалины здания тоже обретают цвет — даже представить себе невозможно, сколько цвета сосредоточено в обыкновенном сером камне. Обычно никто на такие вещи внимания не обращает, но я сейчас еще как обращаю.

Я бережно кладу свою ношу на траву и встаю. Я уже собираюсь попросить Джексона помочь мне вынести Саскию из здания, когда все вдруг начинает дрожать, как исчезающий мираж, и через несколько секунд от здания и следа не остается. Да, именно так, оно словно уходит под землю, его как будто никогда и не было. Мы просто стоим на холме, на который вскарабкались, мне сейчас кажется, уже целую вечность назад. Мы видим, как свет заливают лес со всех сторон, оставляя после себя разноцветные пятна.

Все это напоминает фигуры какого-то замысловатого гавота: холм начинает оседать, его вершина постепенно сглаживается, и мы наконец оказываемся на равнине, которая находится на той же высоте, что и вся остальная местность. Из земли вылезают деревья, так же плавно и естественно, как исчезло чуть раньше здание. Это похоже на замедленную документальную съемку, показывающую, как бутон раскрывается в цветок. Но деревья из ростка с двумя листиками вырастают в столетних гигантов за считанные секунды.

Я ощущаю некоторую слабость в ногах — такую, какая бывает, когда после долгого плавания на лодке вновь ступаешь на берег. В воздухе появляется лесной запах. Пахнет мхом, сыростью, землей. Этот запах напоминает мне, как я впервые пересекла границу Других Миров с Мамбо. Для девчонки-сорванца все вокруг было так удивительно! Моя провожатая шариком катилась рядом со мной, помогая себе длинными паучьими руками. Тогда мы провели в лесу очень много времени. Мамбо назвала его Великим и объяснила мне, что он ближайший отзвук того, что называется Первоначальным Лесом, — огромного древнего леса, который Рейвен вызвал из темноты, когда творил этот мир.

Киберлес кажется мне похожим на тот лес. Здесь те же запахи и звуки. Разве что я чувствую подспудное течение чего-то чужого. Это даже не смутное ощущение, это что-то более низкого порядка, может быть цифровой пульс. Я понимаю: за все, что я испытываю сейчас, отвечает бинарный код. Но это не умаляет моего удивления перед огромным лесом, растущим вокруг нас.

«Что происходит?» — спрашивает Саския.

«Понятия не имею», — отвечаю я ей.

Я долго стою разинув рот, потом наконец поворачиваюсь к Джексону. Но прежде чем успеваю обратиться к нему, из-под земли появляются виноградные лозы и оплетают наши ноги. Они опутывают Джексона и буквально привязывают его к ближайшему дереву. Он так и повисает, прикрученный к стволу. Его ступни — в паре ярдов от земли, и он даже не пытается освободиться. Должно быть, уже наше чудесное избавление от пиявок стало для него шоком, да и превращение развалин на холме в этот лес — тоже.

Я тоже не пытаюсь бороться, может быть, потому, что со мной лозы как-то не находят, за что уцепиться. Мои стопы и лодыжки как будто смазаны жиром. И все же они продолжают виться вокруг них и пытаются ползти по моим ногам выше.

Я отступаю, придвигаясь поближе к телу Саскии, на которое они не покушаются. Они следуют за мной, еще несколько лоз появляются из-под земли, но ни одна из них не может меня ухватить.

«Почему они не могут меня схватить?» — спрашиваю я у Саскии.

Не то чтобы я на это жаловалась. Участь Джексона, прикрученного к стволу, попавшего, как муха, в сети к пауку, вовсе меня не прельщает.

«Не знаю», — отвечает Саския.

«Может, это потому, что я ненастоящая?»

«А может, потому, что начала свою жизнь тенью?»

Никакой разницы, по-моему. Я и до сих пор тень, как бы мне ни нравилось притворяться, что я живу собственной жизнью. Учитывая мое происхождение, как я могу когда-нибудь стать чем-нибудь, кроме тени?

Я держу свои мысли при себе. В последнее время мы с Саскией вообще не слишком в себе уверены, особенно когда разговор заходит о том, кто мы такие: животные, овощи, минералы... Или просто вымысел. Выбирай что хочешь.

Поэтому я просто отвечаю:

«Возможно».

К тому же мы обе не совсем понимаем, что происходит. Я, по крайней мере, точно. Мне приходилось бывать в некоторых странных местах Других Миров, но ни в одном, которое могло бы сравниться с этим. Как будто мы упали в какую-то киберверсию кроличьей норы из «Алисы в Стране чудес», где здравый смысл больше не действует. Я уже жду, что объявится Чеширский Кот или армия игральных карт потащит нас на суд к Королеве. Но

пока есть только лозы. Они все еще ползают у меня в ногах, и мне приходится отпихивать их. Они мне очень неприятны. И этот звук, с которым они трутся о грубую ткань моих джинсов.

Смотрю на висящего на дереве Джексона. Он не в состоянии разговаривать, потому что рот у него забит листьями, но его взгляд достаточно красноречив: Джексон в панике. Он напоминает мне Зеленых людей — лесных духов, которых я время от времени встречала в Великом Лесу. Это люди из корней и листьев, такие как Зеленый Рыцарь в своих деревянных доспехах, верхом на олене, или Джил-в-Лесах, с волосами, похожими на птичье гнездо, и в плаще из листьев. Только они рождаются из сока растений и свободно передвигаются, а не прикручены к стволам деревьев, как бедный Джексон.

Его глаза умоляют меня о помощи.

Я разрываюсь между желанием остаться с телом Саскии и порывом пойти посмотреть, не могу ли я для него что-нибудь сделать. Пока что лозы не трогают ее тела, но я вовсе не уверена, что это надолго. Могу ли я пойти на риск потерять ее, пробуя выручить Джексона? В общем-то, я ему ничего не должна. В конце концов, именно он втравил нас во все это!

Но он красив, а ради красивого мужчины я способна на многое.

«Мы не можем просто оставить его вот так висеть на дереве», — говорит Саския, когда я обращаюсь к ней за советом.

Как и следовало ожидать, у нее такое доброе сердце, что одна мысль о такой возможности наполняет его негодованием.

«А если лозы доберутся до твоего тела, пока я буду им заниматься?»

«Вряд ли...»

И вот я стою, повернувшись к Джексону. Теперь, когда мое первое удивление происшедшими изменениями прошло, я понимаю, что на всем вокруг еще лежит этот золотисто-голубой отсвет, вероятно отбрасываемый столбом света. Я оборачиваюсь посмотреть на сам столб и вижу, что он тоже изменился.

Там появился человек! По крайней мере, световой столб принял очертания человека, но тот, разумеется, не может быть человеком, излучая такой свет.

Это может быть только... дух Вордвуда.

Не знаю, каким я ожидала его увидеть, но уж точно не таким. В образе ангела или монстра, потому что, по моему опыту пребывания в Других Мирах, именно такие обличья зачастую и принимают подобные существа. Самых разных очертаний и размеров, конечно, но они неизбежно стремятся вызывать страх, даже ужас. Поэтому я стараюсь избегать их. Большинство из них — огромные твари, которым нет никакого дела до ваших скромных нужд. Разве что мы встанем у них на пути — и тогда они не знают пощады.

Я не утверждаю, что они все такие. Если честно, то самые ужасные больше всего похожи просто на природные явления, так что вряд ли мы вправе применять к ним наши морально-этические критерии. Это все равно что критиковать торнадо или зиму за то, что они такие, какие есть. Но это не значит, что надо относиться к ним с меньшей осторожностью. Я не могу понять бурю, но ни за что не выйду в бурю прогуляться.

Но я отклоняюсь от сути. А суть-то в том, что дух Вордвуда решил явить себя нам в стереоскопическом образе мужчины-библиотекаря — знаете, такой старый холостяк — худой, немного сутулый, волосы, висящие спутанными прядями, белая рубашка, твидовые пиджак и брюки, очки в проволочной оправе. Я бы и улыбнулась, но дело-то в том, что, как бы он ни выглядел в данный момент, он состоит из голубовато-золотистого света. Он — могущественный дух.

Я вдруг задумываюсь: интересно, он и правда так выглядит или это всего лишь маска, как этот лес вокруг нас — только маска бинарного кода? А если это маска, то зачем он ее надел? Сомневаюсь, что для того, чтобы мы чувствовали себя увереннее, потому что он даже внимания на нас не обращает. Он сосредоточен на Джексоне, прикрученном к дереву.

— Итак, — говорит дух, — одного, по крайней мере, мы заполучили.

Я озираюсь, пытаюсь понять, сопровождает ли духа еще кто-нибудь, но, кроме корней и

лиан, не вижу ничего. Похоже, он один. Должно быть, это царственное «мы».

Джексон отвечает на эти слова стеклянным взглядом — это все, на что он способен сейчас, когда его рот забит листьями. Но дух, похоже, не слишком озабочен реакцией своего пленника. И он вовсе не собирается обращать внимание на то, что здесь есть еще и я, в полудюжине ярдов, и у моих ног лежит тело Саскии, а душа ее — у меня в голове.

Может быть, это к лучшему, что он не обращает на нас внимания. Но, к сожалению, я не могу все так оставить. У нас есть вопросы, требующие ответов, а этот хилый библиотекарь, состоящий из света, — единственный, от кого я могу эти ответы получить. Учитывая то, что произошло с Джексонсом, я, конечно, предпочла бы остаться в тени. Но не думаю, что это выход. Если мы хотим все-таки вернуть Саскии ее тело и выбраться отсюда.

Я делаю глубокий вдох, чтобы набраться храбрости.

Одно я знаю об этих духах: если хочешь, чтобы тебя приняли всерьез, с ними надо держаться на равных. Если только они не являются символами какой-нибудь религии. Тогда лучше избрать роль верного последователя: преклонить колени, потупиться и тому подобное. Но здесь не тот случай. Я люблю книги, но благоговения перед ними не испытываю.

— Эй! — обращаюсь я к духу. — Эй, вы, сияющий!

Хорошо, что я никогда не была застенчивой. Хотя Саския, возможно, вела бы себя осторожнее и умнее.

«Кристиана! — предупреждает Саския у меня в голове. — Не зли его!»

«Не волнуйся, — отвечаю я, — я знаю, что делаю».

Дух поворачивается ко мне. Еще некоторое количество корней и лоз выскакивает из-под земли и бросается мне на ноги. Этим везет не больше, чем прежним, но они автоматически продолжают работать в хватательном режиме.

— Интересно, — говорит дух.

Надеюсь, он не начнет говорить о себе в третьем лице. Ненавижу, когда они так делают, хотя тогда можно узнать их имена.

— Еще как интересно! — отвечаю я. — Сидишь дома, занимаешься своими делами и вдруг — раз — оказываешься невесть где.

— Вы имели в виду ваше присутствие здесь?

— Да, признаться, я с удовольствием присутствовала бы где-нибудь в другом месте. Не могли бы вы указать мне кратчайший путь отсюда?

— А почему вы думаете, что я вас отпущу?

Я одариваю его самой шаловливой из своих улыбок и даю легкий пинок кустам под ногами.

— А почему вы думаете, что сможете меня остановить? — спрашиваю я.

Я чувствую, как Саския вибрирует у меня в голове, она ждет, что сейчас он разозлится и устроит нам что-нибудь ужасное. Должна признаться, что я и сама этого жду. Но я твердо знаю одно. В мире куча разных духов, один могущественнее другого, и часто самые безобидные с виду бывают самыми страшными. Никто не знает их всех. Так что и духу, который в данный момент лучится тут передо мной, не повредит быть осторожным. Я могу оказаться всего лишь тем, чем в действительности и являюсь, — выросшей тенью семилетнего мальчика. Но ведь он-то этого не знает. И значит, я могу оказаться каким-нибудь древним духом, принявшим обличье молодой женщины.

По внешности не угадаешь.

Дух изучает меня. Потом его взгляд падает на тело Саскии.

— Я знаю эту женщину, — говорит он.

— Это неудивительно, — отвечаю я, — она родом из здешних мест. Но как раз сейчас у нее «никого нет дома».

Дух кивает:

— Она где-то близко. В Сети, если не непосредственно на этом сайте.

Близок локоть, да не укусишь. Потом, чуть-чуть поразмыслив, я прихожу к выводу, что

он только что подтвердил, что мы на сайте «Вордвуд». Знаю, знаю. Не такой уж это и сюрприз, мы и сами это давно уже поняли. Но все же неплохо получить подтверждение. Теперь вопрос в том, является ли «Вордвуд» частью Других Миров или чем-то совершенно особым. И как нам отсюда выбраться?

Но, судя по его вниманию к Саскии, я понимаю, что можно взяться за дело и с другого конца.

— Вам приходилось когда-нибудь видеть такое? — спрашиваю я его. — Духа нет, а тело тем не менее живет?

Он как-то не очень уверенно качает головой, и это заставляет меня несколько пересмотреть свое к нему отношение. Возможно, он не такой уж древний дух. Может быть, его существование началось вместе с началом существования «Вордвуда». Может быть, он плавал, как плавают некоторые духи, ожидая, где можно будет укорениться, за что зацепиться. Помню, Мамбо рассказывала мне о таких вещах, но как-то не очень понятно, а меня тогда, признаться, это мало интересовало.

— Я обнаружила ее в стеклянном гробу, — говорю я. — Тогда здесь... — я обвожу рукой окрестности, — все было по-другому.

Взгляд духа опять обращается на висящего Джексона.

— Мы... я... был болен, — говорит дух. — Я многого не помню из того, что происходило в последнее время.

Я смотрю на него с сочувствием.

— Но вот что забавно, — продолжаю я, видя, что он продолжать не собирается. — Вы появились именно тогда, когда я разбила гроб. То есть появился столб света, который стал вами.

— Я действительно не помню.

— Как будто вынуть ее из гроба значило... — Я запинаюсь. Я уже хотела было сказать: «освободить вас», но заменяю эту фразу на другую: — ускорить ваше выздоровление.

«Ну, ты и наглая! — говорит Саския. — Ты правда думаешь, что он тебе спасибо скажет?»

«Я не припомню, когда в последний раз слышала это слово».

Дух опять внимательно меня изучает, он смотрит на меня с некоторой опаской.

— Да, мне показалось, было какое-то вмешательство извне, — наконец говорит он, — в самом конце.

Я экспансивно раскрываю ему объятия:

— Ага! Так это были мы.

Он продолжает изучать меня.

— Знаете, я не могу сказать «на здоровье», пока вы не скажете «спасибо», — замечаю я.

— Значит, вам от меня что-то нужно, — говорит он.

Я мотаю головой:

— Не для себя. Для нее...

Он закрывает глаза, уходит в себя. И только когда снова начинает говорить, до меня доходит, что, наверное, он просто просматривал какие-то тексты на своем сайте.

— Вам нужен камень души, — говорит он, снова открывая глаза, — чтобы она могла вернуться в свое тело.

«Никогда не слышала о таком», — говорит Саския.

«Я тоже», — отвечаю я.

— Камень души, — повторяю я вслух.

Он кивает.

— Что это такое?

— Он выглядит как обычный камешек, отполированный речным течением или океанским приливом, но стоит положить его в рот тому, чья душа покинула тело, — и душа возвращается. Их очень трудно достать.

— А вы не знаете, как мне достать такой?

Он кивает:

— Вам нужно разыскать рассветную тропу Тайной Дороги и идти на восток через Утренние Холмы. Это долгий путь, но не сворачивайте с тропы, и в конце концов на севере вы увидите вершины Брисмандарианских гор. Вы вовремя доберетесь до тропки, которая отходит от дороги, — не знаю, обозначена ли она как-то, возможно, и нет. Но когда вы найдете ее, она выведет вас сначала к холмам, а потом и к горам. Придя туда, найдете разрушенную гоблинскую башню. Она скрывается где-то среди не самых высоких вершин. Под ней — вход в драконью пещеру, где...

— Ой, хватит! — перебиваю я. У меня такое впечатление, будто я читаю анонс на запыленной обложке какого-нибудь романа-квеста. — Из какой книжки фэнтези вы это взяли? Давайте опустим всю эту муру. Скажите мне прямо: что за камень души? Он существует на самом деле? И если да, то как мне достать такой?

«Кристиана... — вступает Саския. До сих пор она позволяла мне говорить что хочу, но, видимо, ей не нравится, когда я наглею. — Так не пойдет. Ты только разозлишь его».

«Ну и что? Он тоже, знаешь ли, не особенно миндальничает со мной».

«Ну пожалуйста!»

Похоже, дух как-то занервничал, что опять заставило меня задать себе вопрос, так ли он могуществен. Или, по крайней мере, такого ли он преклонного возраста. У него появился взгляд, какой бывает у подростков, когда речь заходит о том, в чем они не сильны, а перед этим они сильно воображали.

— Так сказано в книге, — говорит он.

Я тяжело вздыхаю и спрашиваю, стараясь подавить раздражение в голосе:

— В какой книге?

Он довольно долго колеблется и наконец отвечает:

— «Ее славные запасы» Кэтлин Мидгир.

— Это роман?

Он кивает.

— Значит, в действительности вы ничего об этом не знаете.

Он качает головой.

— И совсем не можете помочь нам в деле с возвращением души в тело.

— Мне очень жаль.

У него действительно очень расстроенный вид.

— Но вы можете, по крайней мере, показать нам, как отсюда выйти? — спрашиваю я.

— Я не покидаю сайт.

Он говорит «не покидаю», но я слышу в этом — «не могу покинуть». Это наводит меня на мысль, что дух Вордвуда — это *genius loci* — дух довольно ограниченного пространства. Он скорее привязан к своему месту, чем чувствует ответственность за него. Тот, кто чувствует ответственность, может иногда уходить. Просто ему приходится время от времени возвращаться — обходить, так сказать, свои владения. Привязанный же отойти не может. Поэтому он и посылает кого-нибудь вроде Саскии на разведку в мир. И тут мне приходит мысль: а действительно ли он не узнаёт ее? Может быть, он не хочет нам помочь, потому что у него совсем другие планы на Саскию?

Но открывать ему своих мыслей я не хочу.

— Никаких зацепок? — спрашиваю я. — Ни малейшего намека?

— Я бы посоветовал уходить тем же путем, каким и пришли.

Здорово!

— А теперь мне пора, — говорит он. — У меня дела.

Но он не трогается с места. То ли не может — столб света, из которого он возник, может существовать лишь там, где он стоит, а луч не в силах отделиться от источника, который его испускает, — то ли идти ему некуда, но он не хочет, чтобы мы об этом знали.

Я снова вспоминаю о царском «мы», которое он начал было использовать в речи, но

вовремя одернул себя. И его внешний вид, и вообще все поведение. Строит из себя крупную фигуру, а производит впечатление неопытного и слабого существа.

А что, если он блефует еще больше, чем я?

— Вы — не дух Вордвуда, — вдруг громко говорю я.

Я просто бросаю пробный шар, пытаюсь выяснить реакцию. У него опять появляется тот самый взгляд — загнанный. Он хочет протестовать и в то же время чувствует, что крыть ему нечем.

Тоже мне игрок!

— Так кто же вы? — спрашиваю я.

«О боже мой! — восклицает Саския у меня в голове. — Наверное, ты права. Он, должно быть, еще один конструктор, только его работа заключается в ежедневном поддержании сайта».

То, что он говорит дальше, только подтверждает наши подозрения.

— Может быть, это так и есть, — говорит он. — Может, я и не дух этого места. Может быть, я лишь часть духа.

— Какая часть?

— Когда сайт еще действовал и к нам поступали заказы и вопросы, я был одним из тех, кто разыскивал нужную информацию.

«Он что-то вроде макроса», — говорит Саския.

«Это что еще за зверь?»

«Это маленькая программа, которая может взять на себя какую-нибудь функцию, чтобы тебе не приходилось снова и снова этим заниматься».

— Значит, вы — что-то вроде макроса, — произношу я вслух, пробуя его на это слово.

У него оскорбленный вид.

— Я гораздо больше. Меня можно называть Либрариусом, господином библиотекарем «Вордвуда». Я его администратор, я отвечаю за новые поступления и связи. Без моего опыта и моей работы этот сайт никогда не имел бы никакого сообщения с мириадами территорий за его границами. Это был бы просто карманный мир — да, жилище Великого, это правда, но он существовал бы в нем один. Некому было бы заботиться о нем. Некому было бы поддерживать неизменным этот поток внимания, который необходим для поддержки его жизнедеятельности.

— Жизнедеятельности? Вы хотите сказать, что он питается имейлами?

Либрариус энергично трясет головой:

— Нет. Но, как и другие божества, он требует внимания. Без него он зачахнет и умрет.

Теперь я понимаю. Знаю я этих духов, возмнивших себя богами. Они настолько сами верят в это, что это становится реальностью. Им действительно становятся необходимы молитвы подданных, чтобы жить. В случае с духом Вордвуда, вероятно, все имейлы, приходящие на сайт, считаются молитвами и поддерживают божество. Прибавляют ему сил. Без них, да еще пораженный вирусом, он может умереть.

— Он сильно пострадал от вируса, — говорю я.

Либрариус кивает:

— Мне удалось убрать с сайта его остатки, но Великий все еще не оправился.

— Можно нам его увидеть? — спрашиваю я.

— Вообще-то, при обычных обстоятельствах я сказал бы «нет», — отвечает Либрариус. — При обычных обстоятельствах все, что вы видите, — это и было бы Великим, ибо он — мера всего, и он — во всем. Но сейчас...

Он что-то такое делает руками, какие-то ритуальные движения в воздухе, а может быть, просто нажимает на невидимые нам кнопки или клавиши. Окружающий нас мир снова меняется, но на сей раз очень быстро — как по щелчку пальцами. Никаких постепенных переходов от леса к тому месту, где мы уже находимся. Мы просто уже здесь.

«О боже...» — вырывается у Саскии.

Да, это не шуточки!

Мы в библиотеке, в помещении, заполненном книжными стеллажами, — оно такое огромное, что конца и края не видно, в какую сторону ни посмотри. Все освещено приглушенным голубовато-золотистым светом, который я уже привыкла связывать с Вордвудом, но источника света не вижу. Книжные полки громоздятся друг на друга, пока не исчезают наверху, во мгле. До верхних можно добраться только с помощью стремянок на колесиках, таких высоких, что мне трудно даже представить себе, что кто-то способен забраться на какую-нибудь из них, и это притом, что я не боюсь высоты. На полу — ковровое покрытие с восточным рисунком. Если этот ковер ручной работы, то, вероятно, его ткала столетиями целая армия ковровщиц.

Я поворачиваюсь к Либрариусу. Теперь он — из плоти и крови. Нежный свет касается его, как всего остального, но сам он больше не состоит из света. Тело Саскии по-прежнему лежит у моих ног. Я бросаю взгляд туда, где к дереву был привязан Джексон. Теперь вместо дерева — стул с кожаной обивкой. Руки и ноги Джексона так прикручены к этому стулу, что встать он не может. Рот больше не набит листьями, но Джексон ничего не говорит. Он просто сидит на стуле, испуганный, но, судя по всему, и разозленный. Еще бы!

— Где же дух? — спрашиваю я Либрариуса.

— Сюда, — показывает он.

И он пускается в путь по одному из коридоров между книжными полками, чуть помедлив, когда заметил, что я не последовала за ним немедленно.

— В чем дело? — спрашивает он.

— Я не хочу оставлять свою подругу здесь.

Он кивает и производит руками какие-то манипуляции в воздухе. Тело Саскии и стул вместе с Джексонсом поднимаются на несколько дюймов над ковром. Я делаю пробный шаг и отмечаю, что тело Саскии медленно, но неуклонно движется за мной.

Либрариус отворачивается и продолжает путь. На этот раз я безропотно следую за ним. Саския плывет рядом со мной, а Джексон со стулом — чуть позади.

«Он не просто слуга, — говорит Саския, имея в виду библиотекаря. — У него есть доступ к энергии».

«Это его собственная энергия или энергия духа?»

«Разве это важно?»

«Да наверное, нет».

После нескольких поворотов в лабиринте коридоров мы попадаем в некое пещерообразное помещение. Рассеянный свет не дает возможности реально оценить ее размеры. Я только понимаю, что мы на берегу. Реки? Озера? Может быть, даже океана. Трудно сказать. Вода убегает от нас, теряется в тени.

Слева от нас к берегу тянутся книжные шкафы. Справа — обломок скалы, который выдается прямо в воду. Чуть позже я понимаю, что это не скала. Это огромное туловище, и его нижняя часть и ноги погружены в воду. Джексон тихо покашливает сзади, когда до него доходит. У меня у самой перехватывает дыхание, но я стараюсь этого не показывать.

Я храбро подхожу к телу.

«Кристиана!» — предостерегает Саския у меня в голове.

Она всегда предостерегает меня от чего-нибудь, но что, по ее мнению, я собираюсь делать сейчас?

«Я просто хочу получше рассмотреть», — говорю я ей.

Я подхожу к голове этого странного существа, и Либрариус не отстает от меня. Размеры просто невообразимы! Одна голова — величиной с автобус.

Я готова умереть от страха, когда открывается один глаз и смотрит на меня.

Аарон

С того самого момента, как Джорди, скрыв под тонким слоем вежливости свою враждебность, впустил их в подвал, Аарон не мог отвести глаз от стены. Сквозь это

мерцание ему были видны Другие Миры. Настоящие Другие Миры. Даже после того, что им довелось увидеть в квартире Джексона, все это казалось слишком невероятным, чтобы быть реальностью. И тем не менее это существовало. Такое удивительное и в то же время такое обыкновенное, будничное. Как будто в нижнем этаже каждого дома в Ньюфорде открывался портал в Другой Мир.

Аарон даже улыбнулся этой мысли.

Может, так и было. И в его собственном доме — тоже. Он не мог об этом знать. Он спускался вниз всего несколько раз, и то не ниже кладовки. А там, дальше, могло быть что угодно.

Аарон пристально смотрел на портал все время, пока они с Сюзи вводили присутствующих в курс дела. В основном, правда, говорили Сюзи и Кристи. Но когда речь зашла о том, что делать дальше, Аарону все же удалось отвлечься от портала. Он был удивлен, что Кристи, оказывается, не только защищает Сюзи, но и разрешает им обоим участвовать в походе в Другие Миры.

Учитывая, какие отношения долгое время были у них с Кристи, более того — учитывая, что именно на нем, Аароне, лежала ответственность за исчезновение Саскии, он решил, что со стороны Кристи это, безусловно, поступок. Он вовсе не был уверен, что на его месте поступил бы так же. До встречи с Сюзи — точно нет. Она, непонятно, каким образом, заставила его увидеть себя и весь мир в каком-то ином свете.

Когда решение отправиться было принято, все взяли свои вещи и пошли к portalу.

Аарон вдруг понял, что у них с Сюзи ничего нет: ни одежды, ни еды, ни воды. Ничего.

Он уже собирался спросить Сюзи, не смущает ли ее такая их неподготовленность, но тут к ним подошла Холли с каким-то пакетом в руках. Она протянула пакет Сюзи.

— Что это? — спросил Аарон.

Холли пожала плечами:

— Просто я думала дождаться последнего момента и уговорить Кристи взять меня с собой, поэтому кое-что собрала. Для вас ничего нет, но Сюзи подойдет кое-что из моей одежды. Тут еще несколько бутылок воды, аптечка, спички и кое-что поесть.

— А вы уверены, что сами не хотите пойти? — спросила Сюзи.

Холли покачала головой:

— После того как я посмотрела на этих ребят, которые явились за Робертом... нет, спасибо. Я лучше останусь здесь, в тылу.

Аарон взял у нее пакет:

— Спасибо.

— Приведите их обратно: Саскию, моих друзей, всех.

— Мы постараемся.

Холли остановила на нем серьезный взгляд.

— И лучше без всяких этих ваших фокусов, — сказала она. — Потому что если вы опять притворяетесь и если вы там все испортите, то я своими руками...

Сюзи дотронулась до руки Холли.

— Никаких фокусов, — сказала она. — Мы очень хотим, чтобы все это поскорее закончилось.

— Да, конечно. Разумеется. Извините меня. Просто мне...

— Очень тяжело, — закончила за нее Сюзи.

Холли кивнула:

— Я люблю этих ребят. Если они пропали совсем, я просто не знаю, что буду делать.

— Мы вернем их, — заверила ее Сюзи.

«Еще неизвестно, — подумал Аарон. — Зачем же так твердо обещать?» По глазам Холли он понял, что она сейчас подумала то же самое, но он очень хорошо знал, как убеждает твердое обещание, и поддержал Сюзи:

— Мы не вернемся без них.

Остальные уже ждали их в дальнем конце портала — три едва различимых мерцающих

силуэта. Сюзи взяла Аарона за руку, прежде чем перешагнуть порог.

— Страшно? — спросила она.

Аарон кивнул:

— Для тебя-то все это, наверное, дело привычное.

— Если бы! Того и гляди, описаюсь от страха.

И, не дожидаясь, когда сдадут нервы, она шагнула в мерцающий портал. Аарон почувствовал, что каждая клеточка его организма болезненно сжалась. Но там, на границе миров, ничего такого особенного не оказалось, разве что некоторое уплотнение воздуха, — и вот они уже по ту сторону портала. У Аарона вдруг сильно закружилась голова. Его затошнило, он, наверное, упал бы, если бы Боджо не поддержал его.

— Это ненадолго, — сказал жестянщик. — Присядьте на камень, нагнитесь и зажмите голову коленями.

Аарон вяло кивнул и позволил отвести себя к осколку скалы под большим деревом. Он сел, согнулся и зажал голову между коленями, хотя больше всего на свете ему сейчас хотелось просто лечь прямо на грязную землю. Но Боджо оказался прав. Тошнота скоро прошла. Когда он смог поднять голову, то увидел, что Рауль тоже выглядит неважно, но у остальных нет никаких признаков недомогания.

— Не на всех одинаково действует, — заметила Сюзи.

У нее был слегка виноватый вид, когда она подала ему руку — помочь подняться.

— А на некоторых вообще не действует, — пробормотал Аарон.

— Ну что тут можно сказать? Зависит от конституции.

Аарон ответил ей слабой улыбкой и огляделся вокруг.

Вот, значит, они какие, Другие Миры. Все это не слишком отличалось от пейзажа на северной окраине города. Обширные поля. Горы на горизонте. Справа — лес, в основном из вечнозеленых пород деревьев. Слева — вариации на ту же тему.

Там, где они находились, сливались в одну две тропинки — в четырех разных направлениях расходились в стороны следы. Дерево, под которым сидел Аарон, было какой-то разновидностью дуба.

— Я ожидал чего-то совсем другого, — признался Аарон.

— Все постоянно меняется, — ответил Боджо. — И это, пожалуй, самое неудобное в Других Мирах. Вот сейчас вы здесь — а уже через секунду попадаете в снежную бурю в тундре. Переходы могут быть и очень резкими, и плавными, как в реальном мире.

Аарон задумчиво кивнул.

— Самое важное сейчас, — продолжал жестянщик, — ни в коем случае не сходить с тропинки! Это действительно очень важно! Тропинка может начать меняться у вас под ногами, вам может вдруг показаться, что она ведет вас в противоположном выбранному вами направлении, но, что бы ни случилось, оставайтесь на ней. — Он указал рукой на поля. — Думаете, здесь нельзя заблудиться? Поверьте мне на слово — очень даже можно, и вы непременно потеряетесь, если сделаете хоть один шаг в сторону.

Аарон не был уверен, что все так серьезно, как пытается представить Боджо, но спорить не собирался. Потом его вдруг поразила одна мысль. Он огляделся.

— Портал! — сказал он. — Он закрылся.

Внезапно его охватила паника. Как же они вернутся обратно?

— Он не исчез, — заверил его Боджо.

Жестянщик сделал неуловимое движение руками — и проем снова замерцал неподалеку. Аарон шагнул поближе, чтобы заглянуть туда, откуда они ушли. Сквозь мерцание он различил Джорди, Холли и Дика, стоящих на лестнице и разговаривающих. Прямо перед ними сидел рассел-терьер Холли и смотрел на стену. Снippet залаяла, увидев Аарона и остальных, люди на лестнице обернулись на ее лай. Боджо помахал им рукой и снова закрыл портал.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Я легко найду дорогу обратно.

Аарон кивнул, но на всякий случай постарался запомнить дерево и камень под ним.

Вдруг что-то случится с Боджо и им придется возвращаться без него. Правда, тогда им пришлось бы еще догадаться, как именно открыть портал.

— И как работает портал? — спросил он.

— Самое простое — найти такое место, как это, — ответил Боджо. — Именно на перекрестках граница между мирами тоньше всего. А потом надо всего лишь сосредоточиться на том месте, где вы хотите оказаться, — очень ясно себе его представить. Вот почему лучше, чтобы вы бывали там раньше. Место, где вы никогда не бывали, вам не удастся себе так хорошо представить.

— Куда нам надо идти? — спросил Кристи.

Боджо встал, посмотрел в разные стороны, наморщил лоб, сосредоточиваясь на чем-то непонятном остальным. Им-то казалось: что туда, что сюда — везде одно и то же.

— Туда, — наконец ответил он, указав направо — туда, где тропинка терялась в вечнозеленом лесу. — Благодаря музыке Роберта мы уже миновали то, что лежит позади.

— Не видно ли следов Роберта или ищеек? — спросил Кристи.

Боджо покачал головой:

— Они, наверное, уже за много миров отсюда.

— Не могу сказать, что меня это печалит, — признался Рауль.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — сказал Кристи.

Боджо кивнул:

— Да, я тоже. — Он поправил сумку. — А нам пора.

Дорога, как и обещал Боджо, оказалась совершенно непредсказуемой. В первый раз, когда пейзаж изменился, все, кроме Боджо, застыли на месте, пораженные. Поля и горы вдаль вдруг исчезли, и оказалось, что тропинка ведет их по вершине дюны. Слева от нее лежал широкий пляж, а за ним — обширная водная гладь. Справа была теперь пустошь, которая простиралась на долгие мили и терялась где-то в дымке, за горизонтом. Одинокий ястреб делал широкие круги высоко в небе.

— Господи, — выговорил Рауль, — да как же это случилось?

Аарону тоже показалось, что перемена произошла на протяжении всего лишь одного шага.

— Эта тропинка, — пояснил Боджо, — ведет нас по местности, где миры прилегают друг к другу вплотную, а иногда и перекрываются. Некоторые из них — размером всего в несколько акров, другие — такие же большие или даже больше, чем наш мир. Дело в том, что иногда они меняют положение, и размеры тоже. Вот почему их невозможно нанести на карту.

— А как насчет эффекта Рипа ван Винкля?⁹ — спросил Кристи.

— Время действительно течет по-разному в некоторых из миров — в одних быстрее, в других медленнее. В некоторых — по спирали, так что если вы идете в одном направлении, то получается, что вы движетесь в будущее, а если в противоположном — то в прошлое.

— А сейчас мы в каком мире? — спросила Сюзи.

— Это, собственно, не мир, — ответил Боджо, — мы идем по краям миров. На этой тропинке время течет так, как в нашем Условном Мире, может быть чуть-чуть быстрее. Вернувшись, мы не обнаружим, что в нашем мире прошло сто лет, но будем несколько старше, чем должны были бы стать, если бы оставались там. Но есть и плюс, компенсирующий эту неприятность, — воздух в Других Мирах способствует долголетию.

— Что вы имеете в виду? — спросил Рауль.

Боджо пожал плечами:

— То и имею, что будете дольше жить.

— Вы шутите!

⁹ Рип ван Винкль — персонаж новеллы Вашингтона Ирвинга. Персонаж стал символом человека, полностью отставшего от времени и даром пропустившего свою жизнь.

— Нет, не шучу. Хотя, конечно, все не так просто. Если у человека определенный состав крови, то есть определенный генетический код, то слишком долгое пребывание в Других Мирах может нарушить стабильность его психики.

— Прямо как в сказках, — сказал Кристи. — Возвращаешься назад поэтом или сумасшедшим.

— Да, примерно так.

«Если вообще возвращаешься», — добавил про себя Аарон. В некоторых из этих сказок герои вообще не приходят назад. Или если и приходят, стоит им ступить на грешную землю, как они обращаются в пыль.

Постепенно большинство из них привыкло к изменениям ландшафта, резким и внезапным. Аарона перестало удивлять, что Боджо, например, относился к этому спокойно; Ведь у него был большой опыт путешествий по Другим Мирам. Сюзи тоже воспринимала эти перемены как нечто само собой разумеющееся. Может быть, потому, что она вообще недавно родилась, для нее было новым абсолютно все; она одинаково реагировала как на обычное, так и на удивительное. Другим приходилось тяжелее, даже Кристи. И вот это как раз удивляло Аарона.

— Но вы ведь уже несколько лет пишете обо всем этом, — сказал Аарон, когда Кристи оказался между ним и Сюзи.

Кристи улыбнулся:

— Вы, наверное, не читали моих книг.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это беллетристика. Да, в них присутствует Другой Мир, но они не основаны на личном опыте. Это либо переработанный опыт других людей, либо мои фантазии.

— Я не об этом, — возразил Аарон. — Я читал ваши книги, по крайней мере те, которые рецензировал. Те, в которых вы собрали городские мифы и связали их со старинными легендами и фольклором. В них вы намекаете на некий личный опыт, хотя и не вдаетесь в подробности.

— Это потому, что до сих пор случаи моих столкновений с необъяснимым можно было перечесать по пальцам одной руки. Я всегда одновременно и верил в него, и не верил.

— По вашим книгам этого не скажешь.

Кристи усмехнулся:

— А это потому, что люди склонны находить в книгах именно то, что они в них ищут, — такова человеческая натура. Склонные верить — верят, скептики ловят меня на моих же собственных сомнениях, а те, у кого на меня зуб, отыскивают в тексте то, что, по их мнению, заставляет меня выглядеть глупо.

Сюзи хихикнула:

— Мне кажется, Аарон — из последних.

— Может быть, я подходил к этому с излишним рвением, — сказал Аарон, — но...

— Да нет, у тебя просто был на него зуб, — со смехом закончила за него Сюзи.

— Да, скорее всего.

— Это ничего, — сказал Кристи, — вы не одиноки. Сама идея Условного Мира, даже если оставить в стороне вопрос о том, что внутри его, а что за его границами, раздражает очень многих.

Сюзи с любопытством посмотрела на него:

— Вы уж очень благодушно реагируете на критику.

— Да нет, у меня тоже случаются плохие минуты, но что тут поделаешь? Нельзя — иногда мне кажется, что не стоит даже пытаться, — изменить человеческое восприятие. Люди просто повернутся к тебе спиной, вот и все. Лучше предоставить им информацию — и пусть разбираются с ней как захотят и когда захотят.

— А если люди не удосужатся разобраться с вашей информацией? — спросила Сюзи.

— Тогда остается только продолжать жить, подавая им положительный пример. И

всегда оставаться открытым общению и познанию.

— Люди не поверят в сказки только потому, что вы в них верите, — сказал Аарон. — Они даже думать об этом всерьез не станут.

— Я знаю. Вот почему в своей публицистике я предпочитаю писать о Мире Как Он Есть, как любит называть его профессор Дейпл. Идея Условного Мира состоит в том, что вещи таковы, каковы они есть, только потому, что мы об этом договорились. Она представляется совершенно нелепой очень многим. Но забавно, что теория хаоса, которую наука как раз принимает всерьез, сейчас приходит к тем же самым положениям: на микроскопическом уровне именно присутствие наблюдателя делает вещь такой или иной. До начала наблюдения она может быть как такой, так и другой — вероятность одинаковая.

— Ученые сейчас полагают, что концепция параллельных миров вполне жизнеспособна.

— Ну что ж, учитывая, где мы сейчас находимся, следует признать, что теория эта права.

Кристи покачал головой:

— Это Другие Миры. Теория же параллельных миров утверждает, что всякий раз, как принимается решение, новый мир откалывается от изначального и присоединяется к уже существующему огромному количеству альтернативных или параллельных миров. Они находятся очень близко друг от друга, но если вы подумаете о решениях, принятых в своей собственной жизни, то придете к выводу, что даже самый незначительный выбор может вызвать эффект ряби на поверхности и в результате совершенно изменить вашу жизнь.

— Взмах крыльев бабочки в Китае, — подхватила Сюзи, — может повлиять на погоду здесь. То есть не здесь, конечно, а, например, в Ньюфорде.

Кристи кивнул.

«Или остановка на улице и разговор с Сюзи — изменить всю мою жизнь», — подумал Аарон. Все ведь началось с того, что он, как обычно, прикидывал, что можно было бы с нее поиметь, а закончилось тем, что вот он здесь рискует своей жизнью ради других людей, с большинством из которых даже незнаком.

Но существует ли какой-то параллельный мир, в котором он этого не делает? Где он ведет себя так, как обычно?

Существует ли мир, в котором он никогда не заставлял Джексона Харта создавать вирус и засылать его на сайт?

Не успев додумать эту мысль, он увидел, что шедшие впереди Боджо и Рауль остановились. Тропку, по которой они шли, пересекала автострада. Справа, среди полей и далеких гор, терялся хайвей. Слева уже давно исчез океан, и теперь на его месте на некотором расстоянии простирался большой город. По автостраде в обоих направлениях мчались автомобили, и на них никто и не думал обращать внимание.

— Да, более чем странно, — сказал Аарон.

— Что именно? — поинтересовался Боджо.

— Да вы только посмотрите на это. Что здесь делает автострада? Я думал, сказочная страна — это что-то такое пасторальное: замок какой-нибудь, деревенька...

Боджо улыбнулся:

— Это не сказочная страна — это Другие Миры. В них можно найти любой пейзаж, какой вы только в состоянии вообразить себе, и множество таких, какие вы себе вообразить не можете.

— Да, но этот город...

— Это Мейбон.

Аарон заметил, что при этом слове Кристи вздрогнул.

— Мейбон? — переспросил Кристи. — Правда? Значит, это город Софи? Или, по крайней мере, был таковым, когда она была маленькой девочкой... — Он обвел остальных взглядом. — Она начала придумывать его, когда была заброшенным ребенком вечно занятых родителей... Наверное, все эторосло потом вокруг нескольких улочек, которые она

придумала.

— Вы знакомы с «автором» Мейбона? — спросил Боджо.

Кристи кивнул:

— Конечно. Мы с ней дружим.

— Погодите, — сказал Аарон. — Вы говорите о Софи Этуаль, художнице?

Кристи снова кивнул, и Аарон уже готов был вступить с ним в спор, что, мол, быть того не может. Он-то знает Софи и...

Но он вовремя взял себя в руки и просто пожал плечами. Похоже, теперь уже ничего невозможного нет.

— Вам придется подождать здесь некоторое время, — сказал Боджо, — пока я не разведу, как там, по ту сторону автострады.

— Что-то не так? — спросил Рауль.

— Пока не знаю, — ответил Боджо. — Кажется, это энергетически мощное место — такое движение, столько людей, столько всего переносится на другие перекрестки. Вы ведь уже в курсе, что может случаться на перекрестках.

Он намекает на ищеек, с которыми они столкнулись в подвале магазина Холли, понял Аарон. Они с Сюзи не застали этой сцены, и он об этом вовсе не сожалел.

— Я быстро, — сказал Боджо.

Аарон посмотрел ему вслед, а потом снова перевел взгляд на город.

— Значит, это Софи его придумала, — сказал он.

Кристи кивнул.

— А у вашей подруги Джилли тоже есть здесь что-нибудь подобное? Уж она-то столько общается с магией...

— Нет, — ответил Кристи. — Но она была в Мейбоне.

— Боджо машет, что все в порядке, — прервал их Рауль.

Аарон еще раз бросил взгляд на город, прежде чем последовать за остальными. По другую сторону от перехода пейзаж в очередной раз резко изменился, и квартала два они шли по реликтовым городским джунглям, весьма напоминавшим Аарону район Катакомбы в Ньюфорде, разве что этот город казался старше, чем заброшенные здания и пустыри Катакомб. Казалось, жители покинули этот город очень давно — несколько десятилетий назад. По крайней мере нормальные люди. Когда они прошли половину второго квартала, у Аарона появилось чувство, что за ними кто-то следит, но кто и откуда — он не смог бы сказать. Он просто чувствовал, как мурашки бегают по спине, — сигнал тревоги, унаследованный от далеких предков, предупреждение об опасности.

Но они благополучно добрались до конца квартала и... зашагали по мерзлому полю, по хрустевшему под ногами снегу. Аарон плотнее запахнул легкую куртку. Он уже собрался спросить у Сюзи, не хочет ли она достать что-нибудь из теплых вещей из пакета Холли, но тут пейзаж снова изменился, и они продолжали путешествие... по пустыне, где каждое растение было снабжено колючками. Колючими были даже деревья. Но, по крайней мере, здесь было не холодно, и нервозность, которую чувствовал Аарон в пустых городских кварталах, рассеялась.

По пути они перестроились. Боджо по-прежнему возглавлял шествие, а Рауль теперь держался сам по себе, чуть позади Боджо. Следом шли Кристи и Сюзи, они все еще говорили об Условном и параллельных мирах. Устав от этих разговоров, Аарон пристроился замыкающим.

Он шел довольно медленно и все больше отставал от остальных, так как часто отвлекался на меняющийся ландшафт. К тому времени, когда вокруг образовалось нечто вроде типичного английского сельского пейзажа, другие были уже далеко впереди и не слышали, как он остановился и позвал их. Он очень удивился, что никто не заметил маленького человечка у самой дороги. Но, может быть, когда они проходили, его еще и не было — так часто менялся пейзаж.

Аарон внимательно рассматривал человечка, не веря своим глазам.

Человечек еще сильнее, чем домовой Дик в магазине Холли, напоминал сказочных персонажей, какими представлял их себе Аарон. Он был не более фута ростом, лицо, казалось, все состояло из острых углов, конечности напоминали ветки. Одет в красную шапочку и кожаные штаны, а куртка, как показалось Аарону, состояла из листьев, сшитых травинками.

Его нога угодила между выступающими корнями дерева, возвышавшегося над ним, и застряла там. Аарон не мог определить, что это за дерево. Оно было большое, стояло на широком открытом пространстве, и его нижние ветви нависали над тропинкой. Когда Аарон остановился, человечек попытался затаиться, чтобы его не заметили, но было уже поздно. С ногой ему тоже не повезло. Не слишком удачливый.

Аарон посмотрел вперед, куда ушли его спутники. Они были примерно в двухстах ярдах от него. Он шагнул с тропки на поле. Миндалевидные глаза маленького человечка округлились от страха, он снова стал лихорадочно пытаться освободить ногу. Все его маленькое тело сотрясало от дрожи.

— Не волнуйся, — ласково, как ребенку, сказал ему Аарон. — Я не сделаю тебе ничего плохого.

Аарон протянул руку, и маленький человечек замер... Он лежал, расширенными от ужаса глазами глядя на Аарона; его трясло.

— Честное слово, — заверил его Аарон, — я пришел помочь.

Он сделал маленький подкоп под ногу человечка, нащупал крошечную лодыжку, которую оплели корни. Аарону потребовалось лишь немного раздвинуть их, чтобы освободить ногу. Но даже когда оказалось, что нога свободна, человечек продолжал лежать на земле, дрожа от страха.

— Все в порядке, — сказал Аарон. — Теперь можно идти.

И он отступил на шаг, разведя руки, чтобы показать, что не собирается причинить никакого вреда.

— Или ты что-нибудь себе сломал? — спросил Аарон.

Но как только Аарон отошел на расстояние вытянутой руки, человечек вскочил и стремглав помчался прочь. Через минуту Аарон уже мог видеть только след, который тот оставлял в высокой траве и лопухах. Потом и тот исчез.

— Ну, стало быть, все в порядке, — произнес Аарон. — Хоть бы спасибо сказал.

Он в последний раз бросил взгляд на поле, пытаясь различить маленького человечка, потом собрался вернуться на тропу.

Но тропы больше не было.

«Ни шагу с тропы!»

«Да ладно! Я и сделал-то всего-навсего пару шагов».

Но когда он отсчитал столько же в обратном направлении, то почему-то не оказался на утрамбованной дороге, по которой они шли несколько минут назад. Он стоял посреди этого бескрайнего поля, по колено в траве, колыхавшейся от легкого ветерка. Тут и там в поле росли огромные деревья, похожие на то, от корней которого он только что освободил человечка.

«И ростом не вышел, и умом не блещет, — подумал о человечке Аарон. — Если бы он не ударился в панику, и сам сообразил бы, как высвободить ногу. А может, сказочные существа вообще глуповаты по природе? Да уж. Кто бы говорил!»

Он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на дерево и определить, на сколько шагов отошел от тропки. Он уже совсем было собрался вернуться к дереву и от него сделать столько же шагов в обратную сторону, но тут чья-то рука опустилась ему на плечо, и в этот момент он понял, что означает фразеологизм «душа ушла в пятки».

Мощный выброс адреналина, Аарон подскочил, взмахнул руками, но кто-то тут же схватил его за запястья. Боджо отпустил его сразу, как он перестал сопротивляться.

— Боже мой! — воскликнул Аарон. Сердце бешено колотилось у него в груди. — У меня чуть разрыв сердца не случился!

— Я же сказал: не покидать тропы!

— Я же только на минутку.

— Для вас это была минутка, — возразил Боджо, — а для нас прошло два часа.

— Два часа? — оторопело переспросил Аарон.

Жестяник кивнул.

— Но...

— Можете мне поверить, — сказал Боджо. — Вас не было довольно долго.

— Но...

Боджо улыбнулся:

— А я думал, у журналистов словарь должен быть несколько богаче.

— Да. Должен быть... То есть... богаче. Просто я...

— Растерялся. Понимаю. В первый раз всегда так. Но если это вас утешит, вы четверо держитесь в Других Мирах гораздо лучше, чем большинство людей. Теперь пойдемте. Вернемся к остальным.

Он сделал какое-то едва заметное движение рукой, слегка прищелкнул пальцами — Аарон не успел уловить, как именно. А потом это сразу перестало иметь значение, потому что они вновь оказались на тропинке и Сюзи бросилась ему на шею.

— Я уже подумала, что ты пропал навсегда, — сказала она, уткнувшись лицом ему в грудь.

Он обнял ее, виновато глядя поверх ее головы на всех остальных.

— Послушайте, извините меня, — сказал он. — Там был такой человечек, как будто из сказки, весь из веточек и листьев. Ему ногу защемило корнями дерева, вот я и сошел с тропы, чтобы помочь ему выбраться. Честное слово, я не хотел никаких неприятностей.

— Он был в красном колпачке? — спросил Боджо.

Аарон кивнул:

— Да, точно. Это что-нибудь значит?

— Это значит, что вам повезло. Должно быть, это все-таки был домовый в красном колпачке, а не гоблин. А у гоблинов колпачки такого цвета, потому что они красят их кровью, а кровь они берут у людей — у таких, как вы, которых выманивают с безопасной тропы.

— О господи!

— Но гоблин никогда и не попал бы в такое положение.

«Гоблины и домовые, — подумал Аарон. — Скоро, чего доброго, и дракона увижу».

— Но все ведь обошлось, — сказал он вслух.

Кроме Боджо, улыбнулся и Рауль:

— Конечно. В какой-нибудь сказке вы теперь — герой.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ну, как это бывает по сказочным законам: остановишься помочь калеке или немощной старушке, а потом придет время, и окажется, что только они и могут помочь твоему горю.

Аарон покачал головой:

— Ничего похожего. И вообще, я думаю, суть этих сказок не в том, что ты помогаешь кому-то в расчете на то, что потом помогут тебе. Нет, всякое существо заслуживает внимания и помощи, каким бы незначительным оно ни казалось. — Он слегка отстранил от себя Сюзи, чтобы видеть ее лицо. — Помнишь наш разговор об ангеле-хранителе? Что-то делаешь, потому что можешь. Не потому, что должен, не потому, что думаешь, что надо это сделать, а потому, что хочешь это сделать.

Сюзи просияла. Все долго молчали. Потом Кристи подошел и легонько толкнул Аарона в плечо.

— Может, ты и не безнадежен, — сказал он.

Боджо кивнул:

— Только впредь — без самовольных отлучек. Нам повезло, что мы так быстро нашли

вас.

— Я кричал вам, но вы слишком далеко ушли вперед.

— Должно быть, мы были слишком потрясены, чтобы услышать вас, — сказал жестянщик и, прежде чем Аарон успел попросить разъяснений, добавил: — Мы нашли Вордвуд, но... в общем, сами увидите.

Боджо снова пошел по тропинке, и остальные за ним. Сюзи держала Аарона за руку.

— Ты действительно молодец, — сказала она.

— Высокая похвала, — ответил он, — особенно из уст ангела-хранителя.

— Смотри не зазнайся, — сказала она, улыбаясь.

— Боджо чего-то недоговаривает насчет Вордвуда? — спросил Аарон.

— Кажется, туда невозможно войти, — ответила Сюзи и указала вперед.

Сначала Аарон не мог понять, на что нужно смотреть. Он видел лишь Боджо, Кристи и Рауля на тропинке, и саму тропинку, и что-то сероватое вдалеке. Но чем дальше они шли, тем понятнее ему становилось, что это сероватое нечто — вовсе не вдалеке. Это была тонкая стена тумана с бледными голубовато-золотистыми огоньками внутри. Подойдя к стене вплотную, Аарон разглядел дремучий лес по другую сторону от нее и продолжающуюся в нем тропинку.

— А вы уверены, что это Вордвуд? — спросил он.

Боджо кивнул:

— У меня то же самое ощущение, какое было в магазине Холли, где наследил дух.

— Так чего же мы ждем? — спросил Аарон.

Боджо наклонился и поднял с обочины тропинки небольшой камешек. Он бросил его в туман, и они так и не увидели, чтобы он приземлился с другой стороны.

— Куда он делся? — спросил Аарон.

— Будь я проклят, если знаю, — ответил жестянщик. — Наверное, застрял где-то между.

Аарон ошарашенно повторил:

— Где-то между?

— В пространстве между местом, где мы находимся, и лесом, который мы видим. Оно может быть шириной в несколько ярдов, а может — в целый континент. Там может оказаться океан или вулкан. Или просто часть тропинки, по которой мы сейчас идем, — что называется, небольшой крюк.

— Но это точно Вордвуд? — спросил Аарон.

— До такой степени уверен, что даже не нуждаюсь в подтверждении со стороны местных жителей.

Аарон снова посмотрел на пелену тумана.

— Наверное, кто-то из нас должен пройти насквозь и проверить, — сказал он.

— Вот это мы и обсуждали, пока разыскивали тебя, — сказал Кристи. — Либо мы на свой страх и риск идем насквозь, либо покидаем тропу и пытаемся найти обходной путь.

— Неизвестно, сколько времени мы будем его искать, — вставил Рауль.

Аарон повернулся к Боджо:

— Вы ведь в этом разбираетесь. Каково ваше мнение?

— Не могу сказать, что безопаснее.

— И пока мы тут стоим и обсуждаем это, — сказал Аарон, — кто знает, что происходит с пропавшими людьми, которые где-то рядом.

— Не думай, что мы об этом забыли, — возразил Кристи.

— Я вовсе не потому это говорю, — ответил Аарон. — Я себе напоминаю... — Он взглянул на Сюзи, потом пожал плечами, как бы приняв решение. — Мне кажется, кому-то из нас надо пойти и проверить, куда ведет тропинка, и я думаю, пойти должен я.

Роберт Лонни

Ищейки двигались слишком быстро, чтобы заметить следы. К тому же у Роберта после всех тех лет, когда он старался избегать их, развился на них такой нюх, что он выследил бы этих тварей с закрытыми глазами и заткнув уши.

Быстрота тоже им не помогла. Роберт знал, где можно срезать. В конце концов на очередном перекрестке он оказался раньше их. Он сидел на невысокой каменной стенке под скелетом дуба с облезлой корой, с гитарой на коленях. Кости тех, кому не повезло, валялись в сухой траве у него под ногами. Роберт дождался, пока ищейки прорвутся сквозь клочья тумана, окутавшего перекресток, позволил им увидеть себя сидящим здесь, в спокойном ожидании, а затем... сыграл для них.

После первого аккорда они упали на колени.

Второй аккорд змеей вполз в их мозг и почти проник в их души.

После третьего аккорда они уже лежали в грязи как мертвые.

Роберт сделал так, чтобы этот последний аккорд длился, отдавался эхом. А когда о нем изгладилась даже память, Роберт наконец положил пальцы на струны. Он уже собирался встать, как вдруг за спиной раздался хлопок.

Роберт повернулся. Около облезлого дуба, прислонившись к стволу, стоял чернокожий человек с белозубой улыбкой. Золотая коронка поблескивала на переднем зубе. Как и ищейки, он был одет в белую рубашку и черный костюм, разве что в руке он держал трость с набалдашником из слоновой кости, а на голове у него был цилиндр. В его внешности не было ничего настораживающего. Казалось, он появился непосредственно из дерева. Зная, кто он такой, Роберт не удивился бы, если бы так оно и было.

— Не думал, что тебя на это хватит, — произнес лоя.

— На что «на это»?

— Чтобы их прикончить.

— Я не нарушил нашей с тобой сделки, — сказал Роберт. — Они совершили ошибку — стали преследовать моих друзей.

— Знаю.

— И, кроме того, они не умерли.

— И это знаю.

— Просто я лишил их всей их подлости, — объяснил Роберт.

— А это все равно что убить их, — ответил лоя.

Он оттолкнулся от дерева и пошел к Роберту. Его движения казались скованными, как будто у него под черным костюмом не было ничего, кроме костей, — ни мускулов, ни плоти. Ему потребовалось довольно много времени, чтобы усесться на стене рядом с Робертом. Прежде чем сесть, он осторожно перенес вес тела на свою трость.

— Не то чтобы я возражал, — продолжил он. — Мне было бы только на руку, если бы ты их убил.

— Но я не убил их, — заметил Роберт. — Я просто освободил их от лишнего груза и дал им шанс начать новую жизнь. Сделал им такое одолжение.

Лоя вопросительно поднял брови.

— Я лишил их подлости, — сказал Роберт, — то есть убавил им работы в следующей жизни.

— Ты всегда думаешь о других, — похвалил лоя.

— Стараюсь.

Лоя наградил Роберта еще одной вспышкой своей золотозубой ухмылки.

— И еще тебе пока удастся уберечь от меня свою душу.

— Да, скучать не приходится, — пожал плечами Роберт.

— Но в конце концов твоя душа будет моей.

— Я и не спору.

— Но ты, однако, не торопишься.

— Разве это не естественно? — удивился Роберт.

— Не знаю. — Лоя решил все-таки ответить на риторический вопрос Роберта. — Я

никогда не жил так, как ты, поэтому мне не дано знать, стоит за это цепляться или нет.

Роберт опять пожал плечами:

— Люди иногда говорят о бессмертии как о каком-то наказании, но я так понимаю, что становится тяжело только тогда, когда ты перестаешь учиться чему-нибудь. А по-моему, нет конца тому, что можно еще узнать о мире, в котором я живу.

— Ты не бессмертен, — заметил лоа.

— Я над этим работаю.

— Могу тебе это устроить.

Роберт покачал головой:

— У меня только одна душа, и она уже занесена в твой гроссбух, так что предмета для торговли больше нет.

— Может быть, мне захочется, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Возможно, я и пойду на это, если это меня интересует.

— Ты удивишься, — сказал лоа. — Это может быть тебе полезно. И не только потому, что я мог бы забыть этот наш договор о твоей душе.

Роберт не собирался работать на него, и они оба прекрасно понимали это, но понимали и то, что Роберт непременно выслушает лоа. Он подавил в себе импульс дернуть струны своей гитары — просто положил на них пальцы.

— Итак, что ты предлагаешь? — спросил он.

— Этот Интернет — занятное место, — сказал лоа.

— Не знаю.

— Тогда поверь мне на слово. Занятное и часто посещаемое.

— У людей куча свободного времени, — заметил Роберт. — И они тратят его на что угодно, лишь бы не заниматься друг другом.

— Наверное, ты прав. Я не знаю их так хорошо, как ты, и не то чтобы мне так уж хотелось их узнать. А вот Интернет — другое дело. Я вижу, многие духи поселяются здесь. Так что, если хочешь вступить в контакт с кем-нибудь из невидимых, всего-то и надо — зайти в Интернет.

— Верно, — подал голос Роберт, когда лоа сделал паузу. Надо же было показать, что он слушает его. — Очень интересно.

— Ты намекаешь, что пора бы ближе к делу?

Роберт покачал головой:

— Мне не часто случается вот так сидеть и зевать, слушая кого-нибудь вроде тебя. Я получаю большое удовольствие.

Лоа испытующе посмотрел на него, потом улыбнулся:

— Держу пари, ты говоришь правду.

— Итак, на что тебе сдался Интернет?

— А ты сам подумай, — сказал лоа. — Если у людей появилась возможность наладить непосредственный контакт с духами через эту штуку, больше нет никакой необходимости в посреднике вроде меня.

— Думаешь, до этого дойдет?

Лоа пожал плечами:

— Возможно. Трудно прогнозировать что-то, что развивается так быстро, как компьютерные технологии. Еще десять лет назад, если бы ты упомянул об Интернете, большинство даже не поняло бы, о чем идет речь. А теперь выход в Сеть есть у всех.

— У меня нет.

— А вдруг ты ошибаешься?

— Что ты хочешь этим сказать?

Лоа улыбнулся:

— Самое забавное с этими «призраками в Сети», что Мир Духов начинает просачиваться в Интернет. Я предчувствую времена — причем я говорю о каких-то месяцах, даже не о годах, — когда они сольются в одно большое пространство.

— Этого не произойдет, — помотал головой Роберт.

— Можешь, конечно, закрывать на это глаза, если хочешь, но это уже начинается.

Роберт посмотрел в другую сторону вверх все еще лежащих в грязи тел ищек — туда, где он различал за туманом отблески мира, плотную прижатого к перекрестку.

Когда ключья тумана чуть сдвинулись, он увидел городишко, состоящий из развалюх, потом ключья тумана сдвинулись снова, и он увидел кладбище.

Роберт вновь посмотрел на лоа:

— Так чего ты от меня хочешь?

— Я просто хочу кое-кого предупредить, — ответил лоа. — Разберись с парочкой духов, которые здесь окопались. Пусть все знают, что контакты между мирами возможны только через меня.

— У тебя нет монополии на такие вещи.

— Наверное. И это неправильно. Может быть, нам стоит наконец навести в мире хоть какой-то порядок?

Но Роберт решительно покачал головой:

— Я никого не убиваю — ни для тебя, ни тем более для собственной пользы.

— Ты ведь даже не знаешь, кто предполагаемая жертва.

— Не интересуюсь.

— Даже если это кто-то, с кем ты так или иначе хотел разобраться?

Роберт мрачно посмотрел на лоа:

— О ком это ты?

— О духе Вордвуда.

— Почему ты думаешь, что он меня интересует?

Лоа засмеялся:

— Почему ты думаешь, что я не держу руку на пульсе и не слежу, где ты и с кем видишься? О, не смотри на меня так! Я играю честно. Я не приставлял к тебе шпионов. И к тому же я терпелив — я подожду, пока ты не умрешь. Но ведь ты же не думал, что я выпущу из виду того, в кого хоть что-то вложил?

— И все же я никого не собираюсь убивать для тебя.

Лоа пожал плечами:

— Разве я произнес слово «убить»? Может быть, я всего лишь хочу, чтобы ты извлек из него подлость, как из этих ищек. Отправь этого духа туда, откуда он явился. Все, что мне нужно, — это подать знак. Чтобы меня поняли, вовсе не обязательно убивать духа Вордвуда.

— А почему он так тебе важен?

— Да дело не в его важности или неважности, — ответил лоа. — Просто он чертовски большой.

Роберт покачал головой.

— Мне даже не нужен сейчас твой ответ, — сказал лоа, прежде чем Роберт раскрыл рот. — Просто вспомни о нашем разговоре, когда окажешься лицом к лицу с этим духом. Может так случиться, что твои и мои интересы совпадут. Все, о чем я тебя прошу, — это поразмыслить об этом, когда придет время.

— Не знаю...

Опершись на свою трость, лоа поднялся.

— Я вовсе не так уж плох, — сказал он. — Люди обращаются ко мне и чего только не добиваются с моей помощью.

— Я никогда не говорил, что ты плох.

Лоа кивнул:

— Итак, здесь у нас полное взаимопонимание. И помни, это не я тебя нашел — тогда, раньше.

— Я помню.

Лоа снова кивнул. Он поднес свой костлявый палец к цилиндру и откланялся. Быстрее, чем можно было ожидать, судя по его медленным движениям, он растаял в тумане.

Роберт довольно долго сидел на прежнем месте, прежде чем понял, что готов идти дальше. Пора было взглянуть, какие неприятности успели навлечь на себя остальные, пока его не было, и чем он может им помочь.

Он немного помедлил около ищеек. Тот, что называл себя Мамоном, уже пошевелился. Роберт наклонился над ним как раз в тот момент, когда глаза верзилы распахнулись. Роберт помог ему сесть.

— Ничего, ничего, — успокоил он ищейку.

— Где... где я? — спросил Мамон.

— На перекрестке, — ответил Роберт.

— Но... как я здесь оказался?

Роберт пожал плечами:

— Честно говоря, не знаю. Я наткнулся на тебя и твоих друзей, когда вы здесь валялись в грязи. Как ты? Ничего?

Верзила поднес руку ко лбу:

— Ничего не помню...

Роберт кивнул:

— Ну и как тебе это ощущение?

— Забавно... а вообще-то, ничего.

Другой пошевелился и застонал.

— Наверное, тебе стоит позаботиться о своем друге, — посоветовал Роберт.

Мамон повернулся ко второй ищейке, а Роберт выпрямился. К тому времени, как Мамон снова повернулся в его сторону, он уже исчез в тумане.

Кристиана

Эти огромные веки приподнимаются, взгляд ищет меня. Невыносимый момент. Как будто дерево выдергивает из земли свои корни, чтобы пойти прогуляться. Как будто гора вдруг открывает рот, чтобы заговорить. Как будто огромная приливная волна набрасывается на торговую зону какого-нибудь пустынного городка. Как может существовать человек столь огромный — гигантская статуя, форма рельефа с человеческими очертаниями? Но то, что он еще и живой, что он обращает на тебя внимание...

Саския у меня в голове задыхается от ужаса. Мой собственный пульс пускается вскачь, но не потому, почему ужасается Саския. Я не меньше, чем она, поражена тем, что гигант — живой и обращает на нас внимание, но, когда он открывает глаза и смотрит на меня, я его узнаю. Я знаю, кто он такой.

И это знание почти лишает меня чувств. У меня слабеют ноги, дрожат колени. Его взгляд притягивает, он тащит меня в огромный и непонятный мир, который лежит по ту сторону зрачка. Но веко медленно опускается, и вот глаз опять закрыт.

Я с облегчением вздыхаю. Мне все еще хочется к чему-нибудь прислониться.

«Что это, Кристиана?» — спрашивает Саския.

«Что-то тут не так», — отвечаю я.

«Это серьезно... Он такой огромный. И когда глаз открылся, мне показалось... не могу этого объяснить, но было такое чувство, как будто нас вот-вот вытащат вон из твоего тела. Никогда не видела ничего более огромного и древнего».

«Это не дух Вордвуда».

«Ты о чем?»

Я поворачиваюсь к библиотекарю.

— Это довольно старый дух, — говорю я.

Он кивает:

— И очень могущественный.

Да-а! Шутки в сторону.

— Он всегда был такой? — спрашиваю я.

— О нет, — отвечает Либрариус. — Как я вам уже говорил, до появления вируса он был невидимым. Он просто был везде.

— А когда появился вирус?

— Сначала появилась эта вода, которая съела несколько акров библиотеки. А потом он показался из воды и очень долго добирался до берега. Когда он наконец достиг его, это было что-то вроде небольшого землетрясения. Я боялся, что ближайшие шкафы вот-вот рухнут.

Я снова смотрю на поверженного гиганта.

«Что здесь происходит? — не отстает Саския. — И что ты имела в виду, сказав, что это не дух Вордвуда?»

«Это Левиафан», — отвечаю я ей.

Как бы мне хотелось, чтобы здесь оказался кто-нибудь из Пограничных Миров, чтобы помочь мне выпутаться! Мамбо или Макси Роуз. А еще лучше — кто-нибудь из тех, кто собирался на вечеринки в Хинтерленде, в черных одеждах, пошептаться и посплетничать по углам огромной бальной залы, обсудить темные предметы, о которых другие и не задумались бы, до которых никому, кроме них, дела нет. Именно их повышенного внимания к частностям и мелочам мне сейчас и не хватало.

«Ну хорошо, — говорит Саския. — Я знаю, что такое левиафан, но ты явно употребляешь это слово в контексте, которого я не понимаю. Если только ты не хочешь сказать, что это в буквальном смысле дух кита или какого-нибудь морского чудовища».

«Нет-нет. Настоящий Левиафан гораздо древнее и непостижимее, чем то, что значит это слово».

«Не понимаю тебя».

«Подумай о том, как образовался мир».

«Согласно какой версии?»

«Согласно истинной версии. Той, по которой мир сотворил Ворон».

«Разве кто-нибудь знает истинную версию? То есть я хочу сказать, что каждая культура и религия смотрит на это по-своему».

Я подавляю вздох. Интересно, что думает Либрариус, пока я веду этот разговор внутри головы. Потому что теперь-то я знаю, что он вовсе не безобидный администратор, за которого хочет себя выдать. Но мне не хочется на него смотреть. Пусть думает, что я все еще под гипнозом Левиафана, пока тут беседую с Саскией.

«А кроме того, — говорит Саския, — какое все это имеет отношение к тому, что здесь происходит?»

«Левиафаны предоставили Ворону материал для строительства мира — куски... точно не могу сказать чего. Наверно, самих себя. Или тех мест, откуда они появились. Какой-то вид энергии, которая может превращаться во что угодно».

«Похоже на многие концепции Бога».

«Наверное. Но левиафаны не с Небес и не из Нирваны. Они существуют в каком-то другом месте. Они — чистый дух, и здесь их быть не должно».

«Разве что на этом сайте в Море Духов».

«Что-то вроде того. Что-то лежащее сбоку, снизу, сверху любого мира, в котором может проявиться нечто физическое».

Во время этого разговора мне неожиданно приходят в голову обрывки наших бесед со схоластиками из Хинтерленда. Странно: ты иногда и не знаешь, что в памяти что-то отложилось, а в определенной ситуации оно всплывает.

«Все дело в том, — говорю я Саскии, — что его не должно быть здесь».

«А собственно, почему ты решила, что это Левиафан?»

Я вспоминаю о том, что как-то сказал мне Делиан Сент-Клауд, когда он с братом Элвином пытались объяснить мне, что такое Левиафан.

«Если когда-нибудь встретишь его, — сказал тогда Делиан своим внятным голосом ученого мужа и одновременно веселого бродяги, — а поверь мне, это в тысячу раз менее вероятно, чем то, что Элвин вдруг заинтересуется женщинами, — ты это сразу поймешь. Ты

просто сразу поймешь, что перед тобой Левиафан».

Помню, тогда я подумала, что все это шутка, что никто из них двоих на самом деле ничего не знает, — но теперь я понимаю, что они имели в виду. Нет слов, чтобы описать то, что я увидела в глазах этого существа. Но ничего этого рассказать Саскии я не успеваю, потому что вдруг слышу у себя за спиной какое-то шевеление.

Оглянувшись, я вижу, что к нам подходит Либрариус. За ним на полу, около одного из книжных шкафов, лежит тело Саскии. Неподалеку от него — стул Джексона. Бедный Джексон в совершенном смятении, он смотрит на Левиафана круглыми глазами. Мне очень неприятно, что он вынужден пройти через все это вот так — связанным, совершенно беспомощным и одиноким, но сейчас у меня нет времени нянчиться с ним. К тому же в глазах Либрариуса, как я вижу, зарождается подозрение.

Он пытается скрыть это, но я умею распознавать такие вещи. Почти так же хорошо умею, как прятать собственные мысли и эмоции. У меня идеальное лицо для игрока в покер, так что мне редко удастся найти партнеров в карточной игре.

— Я кое-что узнал, когда появился вирус, — говорит Либрариус, — один трюк.

Я качаю головой:

— Это меня не интересует. Мне хотелось бы узнать, как вы принесли сюда этого духа.

— Я же сказал вам, что он всегда был здесь. Но когда появился вирус, он проявил себя вот в таком обличье.

— Я этому не верю.

Он пожимает плечами:

— Это, в общем, не важно, чему вы верите, а чему — нет. Важно то, что я решил: вы не можете быть мне полезны, как я сначала думал. По крайней мере в вашем теперешнем состоянии.

Сначала мне кажется, что внезапно появившаяся золотисто-голубая аура — это просто так, для понта, но через секунду до меня доходит, что это он начинает произносить некое заклинание. Он что-то делает в воздухе руками, прищелкивая пальцами, как плохой фокусник, который старается отвлечь публику от того, что делает в действительности. Я делаю движение ему навстречу, готовая к активным действиям. Я уже прошла весь путь от страха перед ним до могучего желания врезать ему как следует. Но двигаться надо побыстрее. Он произносит слово на несуществующем, но известном мне языке — и молния ударяет прямо мне в голову.

Я стою, неспособная пошевелиться, и вибрирую, волосы дыбом, глаза закатились. Такое чувство, будто внутри меня, в грудной клетке, шарит чья-то рука, ища мою душу, чтобы выдрать ее из тела.

А потом я узнаю, что этому трюку он научился у вируса. Он умеет изымать дух, не убивая тела. Думаю, он наблюдал, как вирус расправился с Саскией, а потом доставил сюда ее тело.

Но я себе даже представить не могу, на что ему мое тело... разве что...

Если только он не нуждается в нем, чтобы выбраться отсюда. Если он привязан к этому месту, но хочет вырваться...

А это так и есть. Я уверена.

Тело Саскии ему не подойдет, потому что она родом из Вордвуда. Хотя, не сомневаюсь, он пытался использовать его. Может быть, этим и объясняется вся эта история со стеклянным гробом. Он, верно, вообразил себя тем самым принцем, от поцелуя которого она должна проснуться, но проснуться с ним, принцем, внутри. Единственная причина, по которой он не добрался до нее раньше, — это вирус. Сначала ему нужно было разобраться с вирусом. А потом, вероятно, он понял, что это тело ему не подойдет.

Но я — другое дело. Я родилась вне Вордвуда и не изменилась, как все остальные, когда попала на этот сайт. Вероятно, он решил, что я — его обратный билет.

Есть только одна небольшая проблема, о которой он пока не знает: нас двое в моем теле.

«Пусть возьмет меня», — говорит Саския, и я понимаю, что она одновременно со мной все это просчитала.

«Но...»

«Сейчас не время обсуждать и спорить, — говорит она, — кроме того, это все-таки твое тело — ты и оставайся в нем».

Итак, пока я изо всех сил сопротивляюсь заклинанию, которое хочет разорвать меня, она сама хватается за него. После короткого замешательства давление у меня в голове снижается. Либрариус завладевает духом Саскии и покидает мое сознание вместе с ним.

Я снова начинаю четко видеть, но притворяюсь, что заклинание сработало, и грациозно оседаю наземь, стараясь при этом не слишком сильно удариться головой. Не стоило беспокоиться. Либрариус предусмотрительно подхватывает меня, прежде чем моя голова успевает коснуться земли. Наверное, бережет свою «новую одежду».

Он склоняется ко мне. Я лежу на полу, пытаюсь придумать, как бы отвлечь его внимание. Хоть бы Джексон сделал что-нибудь. Но помощь приходит с самой неожиданной стороны, хотя, пожалуй, мне следовало ожидать чего-то подобного теперь, когда Саския свободна. Мои глаза закрыты, я оставила только щелочки. Сквозь ресницы я вижу, как Либрариус поворачивается к Саскии, которая пошевелилась. Я-то думала, это удивит его, но, оказывается, он к этому готов.

— Вот видите, — говорит он ей, — не такой уж я жестокий. Будь я действительно жесток, я бы не обеспечил вашей душе временное жилище.

Я не знаю, что делает Саския. Села ли она, ведет ли себя нормально и адекватно. Или полностью дезориентирована.

Это не важно. Сейчас важно, что она отвлекает его внимание.

Я открываю глаза, бесшумно поднимаюсь на ноги и вижу, что библиотекарь стоит ко мне спиной. Вот тут-то и пригождается моя природная храбрость. Не раздумывая ни секунды, я подхожу к нему сзади и бью ногой ему между ног, туда, где больнее всего.

И знаете, что оказывается? Он не евнух!

Он сгибается пополам и вопит от боли — еще как! Я его сильно ударила, по-настоящему. Но он все не выбывает из игры. Несмотря на ужасную боль, которую он сейчас испытывает, его золотисто-голубая аура расширяется. Он все еще прищелкивает пальцами. И пытается что-то сказать.

Этого нельзя допустить.

Я снимаю с ближайшей полки добротный тяжелый том — «Золотой Сук», как я успеваю прочесть, — и обрушиваю его библиотекаря на голову. Мне приходится ударить трижды, прежде чем он оседает на пол и затихает. Я отрываю от него взгляд и вижу, что Саския сидит, привалившись спиной к книжному шкафу.

— Как ты? — спрашиваю я.

Она не отвечает, только губы слегка изгибаются. Ее взгляд еще только ищет мое лицо, ее слух ловит мой голос.

— Ты уже там, внутри, да? — спрашиваю я. — Все нормально, все функционирует?

— Сейчас... м-минутку...

Голос у нее хрипловатый от долгого молчания. Наверное, у нее перед глазами все плывет.

— Да сколько угодно, — разрешаю я.

А я пока отвязываю Джексона от стула.

— А ты как? — спрашиваю, ослабив веревки. — Можешь стоять?

— Н-не... не знаю...

Кажется, он тоже не в лучшей форме, но постепенно приходит в себя. Я распутываю последние веревки, и он начинает, пока сидя, растирать себе руки и ноги.

— Он... он умер? — спрашивает Джексон.

Мне не приходится переспрашивать — кто.

— Не знаю, — отвечаю я.

Я не останавливаюсь, пока не отвязываю веревки от самого стула. Я беру их, иду к расprostертому на земле Либрариусу и принимаюсь за работу: связываю ему запястья за спиной, еще одной веревкой крепко прикручиваю руки к туловищу, а третью — обматываю вокруг щиколоток. Оторвав кусок от рукава его рубашки, делаю из ткани кляп и затыкаю ему рот, а последний кусок веревки использую, чтобы этот кляп закрепить.

— Думаешь, это его удержит? — спрашивает Джексон.

Я пожимаю плечами:

— У тебя есть идея получше? Кажется, чтобы сотворить что-нибудь волшебное, ему нужно шевелить руками и говорить.

— Но ты ведь сказала, что он бог.

— Нет, я сказала, что он могущественный дух — действительно что-то вроде бога, но я употребила это слово лишь для того, чтобы стал ясен масштаб.

— Но ведь даже могущественный дух...

— Да знаю, знаю, — отвечаю я ему. — Он для нас недостижим. Но пока мы не можем придумать для него ничего понадежнее, пусть полежит так.

— Бросьте его в озеро, — подает голос Саския.

Я смотрю на нее. Кажется, она уже здесь, пришла в норму, но, видно, у нее в голове помутилось, раз она сделалась такой кровожадной. Может быть, она просто слишком много времени провела у меня в голове.

— Он еще может нам понадобиться, — говорю я.

— Зачем? В нем причина всех наших неприятностей.

Я качаю головой:

— Не думаю, что он все это спланировал. Он только воспользовался тем, что вирус все здесь покорежил.

— Ты так и не объяснила, зачем он может нам понадобиться.

Прежде чем я успеваю обдумать ответ и тем более произнести его, мы слышим какой-то отдаленный шум. На гром это не похоже, скорее, так лед на озере ломается. Джексон возбужденно мотает головой.

— Что это? — тревожно спрашивает он.

Не понимаю, почему они думают, что я знаю ответы на все вопросы.

— Понятия не имею, — отвечаю я.

Я подхожу к Саскии и помогаю ей подняться. Закидываю ее руку к себе на плечо, сама обнимаю ее за талию — в общем, поддерживаю ее. Сначала она просто висит на мне мертвым грузом, но постепенно начинает передвигаться все лучше и лучше.

— Господи, как я хочу пить! — говорит она.

— Здесь целое озеро, — отвечает Джексон.

В его голосе даже больше чем истерика.

— Отсюда я пить не стану.

Этот странный звук, похожий одновременно на треск и на гул, слышится опять. На этот раз он где-то довольно близко, хотя наверняка сказать нельзя. Здесь такое эхо! Я оставляю Саскию в полусидячем положении около стула, на который можно опереться, и обращаю наконец внимание на великана.

— Надо что-то делать с Левиафаном, — говорю я.

Саския и Джексон удивленно смотрят на меня.

— Ему нельзя здесь быть, — объясняю я.

У меня в памяти звучит голос одного из братьев Сент-Клауд. Он отвечает на мой невинный вопрос, что будет, если Левиафан появится в физическом мире. Они говорили о нарушении космического равновесия и дырах в пространственно-временном континууме. И тогда я поняла не больше, чем могу понять сейчас. Я запомнила только, что это будет очень, очень плохо.

— Вообще-то, нам тоже здесь не место, — замечает Джексон.

Он прав. Но мы пока не можем уйти отсюда, даже если бы знали как. Мы должны

решить проблему с Левиафаном, удостовериться, что Либрариус не затевает какую-нибудь очередную гнусность, наконец, собрать всех людей, которых затянуло на этот сайт, и найти способ отправить их по домам.

Гул все приближается. Эхо множится под потолком, где-то в темноте над нами. О, на этот раз за гулом следует какой-то странный клокочущий звук. Мы, как по команде, поворачиваемся к озеру и видим, что каменистый берег разрезала трещина. В нее тут же хлынула вода.

Скорее всего, первое, чем нам стоит заняться, — это сделать что-нибудь, чтобы все здесь не разлетелось на куски.

Кристи

Аарон все-таки удивляет меня. Он ведет себя совсем не похоже на циничного эгоиста Аарона Гольдштейна, которого я знал, и остается лишь поражаться тому, как Сюзи удалось создать эту новую, улучшенную версию. Или, может быть, само ее присутствие оказывает на него такое сильное корректирующее действие.

Взять хотя бы эту историю со сказочным человечком, спасать которого он отправился. Или то, что вот сейчас он вызвался пойти и посмотреть, что там, за стеной тумана. Прежний Аарон даже не стал бы рассматривать такой возможности. Он бы даже не остановился, чтобы подумать об этом, а не то что совершить что-нибудь подобное. Он и пальцем не пошевелил бы, если из этого нельзя было извлечь никакой пользы для себя.

— Не думаю, что это хорошая идея, — говорит Боджо в ответ на предложение Аарона. Он отрывает взгляд от тропинки, теряющейся в тумане, и поворачивается к нам. — Самое худшее, что мы можем сейчас сделать, — это разделиться.

— Значит, рисковать придется всем? — спрашивает Аарон.

Жестянщик вздыхает:

— Подумайте. Мы не знаем, что там, по другую сторону тумана. И что важнее, мы даже не знаем, сможем ли вернуться обратно, если пройдем сквозь него. А если и сможем, то вернемся ли мы в то же самое место. Так какой прок в вашей разведке, если вы не вернетесь, чтобы рассказать нам, что увидели?

— Но мы не знаем точно, что не сможем вернуться.

— Мы также не знаем, опасно это или нет, — возражает Боджо. — Вот поэтому я и сказал, что надо подумать: ищем обходной путь или продолжаем идти по тропе сквозь туман. Но что бы мы ни выбрали, идти надо всем вместе. И мое предложение — остаться на тропе.

Все долго молчат. Наши взгляды притягивает лес по другую сторону тумана. Я вспоминаю камешки, которые бросал Боджо и которые так и не долетели до другой стороны. Я не горю желанием узнать, куда подевались камешки, но если таков путь в Вордвуд, то этот путь я должен пройти. Ведь там Саския. А уж если мне все равно суждено идти, то лучше идти со всеми. Особенно если среди этих всех — Боджо, ведь он единственный из нас обладает опытом пребывания в Других Мирах.

— Я с вами, — говорю я ему. — Я тоже за то, чтобы идти всем вместе и не сходить с тропы.

— Запишите и меня, — говорит Аарон.

— И меня, — нахмурившись, подает голос Сюзи и толкает Аарона в плечо. — Неужели ты бросил бы меня?

— Это вряд ли.

— А вы, Рауль? — спрашивает Боджо.

— Если уж я зашел так далеко, — говорит Рауль, — то какой смысл теперь отступать?

Мы с ним на секунду встречаемся взглядами, и я понимаю, о чем он думает. У него, так же как и у меня, там любимый человек.

Мы снова смотрим в туман. Так странно — видеть этот лес на той стороне, зная, что,

как только мы перешагнем границу, тут же окажемся в каком-то ином мире.

— Всем держаться за руки, пока мы идем сквозь туман, — командует Боджо. — Это чтобы быть уверенными в том, что все попадем в одно и то же место.

Мне вдруг приходит в голову несвоевременная, нелепая мысль о гранках, которые я вычитывал перед тем, как все это началось, и о том, что я так и не дал знать Алану, что задержу их.

— Кристи... — вдруг обращается ко мне Сюзи.

Я вздрагиваю и возвращаюсь в настоящее. Левую руку протягиваю Сюзи, правую — Раулю. Теперь мы соединены, как бусинки в ожерелье.

— Держитесь друг за друга крепко, — говорит Боджо.

Пальцы Сюзи все сильнее сжимают мою ладонь. По одному, вслед за жестянщиком, мы проходим сквозь туман. Я чувствую, что и сам изо всех сил стискиваю руки Сюзи и Рауля.

Проход сквозь слой серого тумана — одно из самых странных ощущений, какое я когда-либо испытывал. И может быть, один из самых храбрых в моей жизни поступков — следовать за остальными, видя, как они исчезают за стеной тумана. Не могу даже описать панику, которая охватывает меня, когда я вижу, как они уходят. Боджо, Аарон, Сюзи. Я вижу только руку, которая парит в воздухе и за которую я держусь, и, значит, моя очередь.

Мне не хочется туда идти, и, чтобы дать задний ход, мне достаточно лишь выдернуть свою руку у Сюзи. Но я заставляю себя, и вот уже и рука Сюзи исчезла, и постепенно исчезает моя собственная.

Туман практически не касается моей кожи, он, скорее, проходит сквозь кожу. На какое-то мгновение я сам становлюсь туманом, наши молекулы смешиваются. Я слышу у себя в голове странные звуки, напоминающие радиопомехи. Температура падает градусов на десять. Я ожидал приступа дурноты, такого как после перехода границы с Миром Духов, но ничего подобного не происходит. Вместо этого я чувствую острое, всеобъемлющее одиночество. Глубокое понимание, что, сколькими бы людьми я ни окружил себя, я одинок во Вселенной.

И вот я прошел, за мной последовал Рауль.

Кажется, мы очень долго стоим на другой стороне, не разнимая рук, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь сквозь мглу. Мне кажется, что надо заново учиться дышать, но, по крайней мере, это ужасное чувство одиночества отступило. Воздух какой-то затхлый, как в подвале. Ощущение сырости.

— Да, как-то не хочется проделывать такое часто, — говорит Боджо.

Его голос словно отменяет какое-то заклинание, сцепившее наши руки. Мы отпускаем друг друга и осматриваемся.

Освещение слабое, но, когда глаза приспособляются, оказывается, что вокруг вовсе не так темно, как показалось вначале.

— Вы знаете, где мы находимся? — спрашивает Рауль у Боджо.

— Где-то под землей, — качает головой жестянщик.

Как только он говорит это, я начинаю внимательно рассматривать то, что нас окружает. Оказывается, мы в широком коридоре или туннеле. Стены из кирпича, надежно склеенного цементом. Под ногами — мусор: камни, осколки битого кирпича, обрывки газет — в общем, всякий сор. Я поднимаю ближайшую ко мне газету и пробегаю глазами строчки. Либо освещение хуже, чем я предполагал, либо это написано на неизвестном мне языке.

Я поднимаю голову, пытаюсь сообразить, откуда идет свет. Высоко на стенах я замечаю фосфорное свечение. Потолка не вижу. Если бы не застоявшийся, неподвижный воздух, я бы решил, что его и нет.

— Посмотрите, — говорит Сюзи.

Она прошла немного вперед и указывает на грубую постройку на опорах из необтесанных бревен, крытую толем.

За ней — целая деревня таких же строений, тянущихся вдоль стены, насколько мы можем видеть.

— Здесь люди живут? — спрашивает Рауль.

— Скорее, жили, — отвечает Боджо. — Похоже, что здесь давно никто не был.

— Напоминает канализацию.

— Скорее, заброшенную линию метро, — говорю я, ковыряя носком ботинка в мусоре под ногами. — Мне кажется, если бы мы разгребли этот мусор, то докопались бы до рельсов. А может, это что-то вроде Старого города в Ньюфорде.

— Только в Старом городе никто не живет, — уточняет Аарон, — с тех пор как землетрясение загнало все постройки под землю.

— Ты в этом уверен? — спрашиваю я.

Аарон устало и раздраженно смотрит на меня:

— Да ладно! Ты, конечно, будешь рассказывать про всяких там гоблинов — как бишь ты их окрестил?

— Скуинсы.

— Точно. Ты и правда считаешь, что они живут в Старом городе?

— Так мне говорили.

— А ты их видел?

— Нет, — отвечаю я, — но я видел бездомных людей. Там безопаснее, чем в Катакомбах, потому что меньше преступных элементов — всяких сумасшедших и байкеров.

— А ты-то что там делал?

Я улыбаюсь ему в ответ:

— Искал гоблинов.

Аарон качает головой.

— Итак, что дальше? — спрашивает Рауль. — Идти по туннелю?

Боджо кивает:

— Тропа все еще продолжается. Ее не видно, но я чувствую, что она есть под всем этим мусором.

Я знаю, что у всех нас есть вопросы, начиная с того, как этот туннель вообще мог оказаться здесь, если все, что мы видели сквозь туман, было старым дремучим лесом, но Боджо отправляется, мы следуем за ним, как тогда, когда в первый раз перешли границу Другого Мира. На этот раз Сюзи и Аарон идут за жестянщиком, а мы с Раулем замыкаем шествие.

— Думаете, мы и правда найдем их, — спрашивает Рауль через некоторое время, — всех этих людей, которые пропали?

Разумеется, он хочет спросить, найдем ли мы его Бенни.

Я бросаю на него быстрый взгляд.

— Мы должны их найти, — отвечаю я. — Иначе я сойду с ума.

— Мне кажется, я уже сошел, — говорит он, обведя рукой все, что вокруг. — Все это... все эти миры...

— Да, это выглядит несколько иначе, чем я ожидал.

— Вам страшно?

Я киваю:

— Но не столько за себя, сколько за Саскию. Что мы ее не найдем. Или найдем, но...

Я не в силах закончить фразу.

— Я всю жизнь боялся, — говорит Рауль. — Боялся почти всего. Мира вообще, мальчишек, которые стали бить меня, когда я подросток. Я был тощим заморышем, меня всегда больше интересовало рисование, чем спорт, девочки и тусовки. — Он невесело улыбается. — Меня называли слабаком и пидором задолго до того, как я осознал свою сексуальную ориентацию.

Я вспоминаю Джимми Брауна, мальчика в начальной школе, про которого пели дразнилку «Голубой, голубой, не хотим играть с тобой», и она преследовала его все школьные годы. Я его не дразнил, но и не сделал ничего, чтобы это прекратить. И никто не сделал. Разумеется, у меня в те годы своих проблем хватало, взять хотя бы отношения с

родителями. Они обращались со мной и Джорди немногим лучше, чем дети в школе.

— Я понимаю, о чем вы, — отвечаю я. — Я и сам вовсе не считаю детство золотым временем, кроме разве что тех моментов, когда был предоставлен сам себе.

— Да, так спокойнее — быть самому по себе, — соглашается Рауль. — Но ты так одинок, когда растешь без друзей, когда ты выброшен из мира. Я тогда, кажется, все отдал бы за то, чтобы испытать эрекцию, глядя на девушку.

Я не могу удержаться от улыбки:

— У меня с этим проблем не было. А вот насчет заговорить с ней...

— Ах вот что вам нужно было? — улыбнулся Рауль в ответ. — А как насчет необходимости бредить футболом?

Рассуждать о любви? Одно неверное слово или взгляд — и они думают, что ты за ними ухаживаешь.

— Однажды меня побил футболист-полузащитник, — сказал я, — но только за то, что я попытался подцепить его девушку, которая пользовалась успехом.

— Это нормально. То есть вы, конечно, нарушили правила, но вы молодец — и почему бы вам было не отомстить ему, отбив его девушку?

— Эти ребята влюблялись только в тех девушек, которых хотели все.

Рауль кивнул:

— А теперь представьте себе, что сделал бы с вами полузащитник, если бы вы попытались поухаживать за ним, а не за его девушкой.

— То, что вы этого не пытались делать, не было страхом. Это просто здравый смысл. В те времена...

— Не думаю, что сейчас что-то сильно изменилось.

— Может, и нет, к большому сожалению.

Рауль пожимает плечами:

— Но самое странное — сейчас-то я не боюсь. Наверное, это потому, что впервые я чувствую, что нужен. Нужен Бенни. Впервые мы поменялись ролями, и теперь он рассчитывает и надеется на меня. Надеюсь не подвести его.

— Мы делаем все, что в наших силах.

— Я знаю. И все-таки, похоже, этого далеко не достаточно.

Я вполне разделяю его мнение.

Туннель действует на нервы. Трудно идти мимо этих построек и сознавать, что людям приходилось здесь жить. Конечно, кое-где и сейчас так живут, и в еще худших условиях. Боджо не может объяснить нам, где именно находится этот туннель — где-то между мирами, в пограничной области, — но он говорит, что это место всего лишь отражение какого-то места в нашем Условном Мире.

Мы бредем по туннелю еще с полчаса, пока не видим свет где-то далеко впереди. Пройдя еще немного, мы слышим какой-то звук. Мне требуется несколько секунд, чтобы сообразить, что это за звук. Это дождь.

Еще через несколько минут мы оказываемся в конце туннеля и довольно долго стоим у выхода, глядя на промокший до нитки лес. Не знаю, тот ли это лес, который мы видели сквозь туман с той стороны, или какой-то другой. Дождь сильный и затяжной, такой может промочить до нитки за считанные секунды. С ветвей течет и капает. И такой прекрасный запах — влажной земли! Тропинка, которую мы так долго не видели, появляется из-под мусора и уходит петлять между стволами.

— Это Вордвуд? — спрашивает Сюзи.

Боджо кивает:

— Или, по крайней мере, имеет к нему отношение. Давайте отдохнем здесь несколько минут. Может быть, если нам повезет, дождь кончится.

Мне не очень нравится эта идея — у меня в голове словно часы тикают, — но все остальные, кажется, не прочь передохнуть, и я молчу. Но когда мы останавливаемся, я

чувствую, что мой организм меня подводит: сидение за компьютером — не самая лучшая тренировка перед длительным переходом, который мы предприняли сегодня. Ноги болят. С огромным облегчением скидываю со спины рюкзак и сажусь на землю.

Мы устраиваемся у выхода из туннеля, достаем наш походный паек и запиваем его минеральной водой из бутылок. Разговариваем мало. В основном смотрим на дождь, слушаем, как капли стучат по земле. Глядя на темный, мокрый лес, я вспоминаю рассказы Джилли о том, что символизируют путешествия сказочных персонажей. Так, если они бредут через дремучий лес — это аналогия трудностей, которые человек должен преодолеть, чтобы достигнуть цели.

На данный момент я, безусловно, предпочел бы символ настоящему мокрому лесу, который нас ожидал.

Я достаю сигареты и вытряхиваю одну из пачки. Закуриваю. В пачке осталось всего две, а кто знает, где тут ближайший магазин. Придется, видно, снова бросить курить.

— Как вы думаете, как дела у Роберта? — спрашивает Рауль.

Боджо пожимает плечами:

— Мне кажется, что Роберт из тех, кто умеет постоять за себя.

— Но эти типы... ищейки...

Боджо кивает:

— Да, я знаю. Я таких видел много раз. Шерифы маленьких городков, вышибалы в барах. Но эти трое были не только большие и сильные. В них была настоящая мощь, и они вполне могли осуществить свои угрозы. — Он колеблется несколько секунд, потом обводит нас всех взглядом. — Я должен кое в чем признаться, — говорит он.

У меня падает сердце. Воображение начинает бешено работать, подсовывая мне картины одну ужаснее другой.

— В детстве я слышал... — говорит Боджо и улыбается, как будто мы поймали его на чем-нибудь постыдном. — Да, я знаю это не из книг. Я и сейчас не слишком много читаю, а тогда и вовсе был слабоват по этой части. Но когда я был маленький, истории рассказывали у костра и в кибитках, и, как любой мальчишка, я ужасно любил их слушать. Они были не о героях и королях, как можно было бы ожидать, а о людях обыкновенных, таких как мы, о жестянщиках в основном. Мне больше всего нравилась история о моем тезке, Боррибле Джонсе. О нем существует масса историй.

— Неужели мы услышим еще одну версию происхождения вашего имени? — спрашивает Рауль.

Боджо усмехается:

— Нет, но кое-что действительно интересно: дело в том, что мое имя — Боррибл — на старинном жаргоне, принятом у жестянщиков, означает «алхимик». Оно происходит от слова борриблал, что означает «тигель».

— Так вы, значит, алхимик?

— Нет. Но тот Боррибл Джонс, скорее всего, был им. И еще он был солдат, музыкант, волшебник и владел еще десятком ремесел, смотря какое требовалось по ходу рассказа. Но в основном он выступал в роли фокусника, хотя, наверное, достаточно просто сказать, что он жестянщик, ибо в каждом жестянщике заключен фокусник.

— А это все имеет отношение к тому признанию, которое вы собирались нам сделать? — спрашивает Аарон.

— И да и нет, — вздыхает Боджо. — Дело в том, что я вел вас наугад. Видите ли, я не специалист во всем этом. — Он указывает на лес. — Не то чтобы я не был знаком с духами или не бывал в Других Мирах — лучшие годы своей жизни я провел как раз странствуя по этим дорогам в компании волшебных существ. Но о древних духах и правилах общения с ними я знаю не больше, чем любой из вас.

У меня падает сердце. Я думал, с Боджо и с Робертом у нас есть хоть какой-то шанс. Роберта мы потеряли...

— Тогда почему же вы сами вызвались нам помочь? — спрашивает Рауль.

— Из-за Холли. — Он опускает голову на минуту, потом снова поднимает на нас взгляд. — Она... она мне очень понравилась, и, наверное, я хотел произвести на нее впечатление. Когда она рассказала мне о ваших трудностях, я пообещал помочь ей. А мужчина не должен отступать от своего слова.

— Ну что ж, — говорит Сюзи. — Если это все, в чем вы хотели признаться, я рада.

Боджо удивленно смотрит на нее:

— Все? Вы что, не поняли? Никто из нас не готов выступить против такого могущественного духа, как дух Вордвуда. А я заставил вас поверить в меня.

Сюзи улыбается:

— Но ведь вы могли, например, сказать нам, что вы с духом заодно и теперь мы все ваши пленники или еще что-нибудь в этом роде. Или что вы нарочно вели нас в неправильном направлении.

— Я бы никогда так не поступил.

— Кроме того, — продолжает Сюзи, — мне даже нравится, что вы все это делаете, потому что запали на Холли, которая, между прочим, и правда очень крутая.

— Не знаю, что это такое, — говорит Боджо, — но со мной раньше так никогда не бывало — это поразило меня в тот самый момент, как я ее увидел. То, что я сделал, — это единственное, что я мог сделать, чтобы в ту же секунду не сжать ее в своих объятиях.

— И правильно сделали, что не сжали, — замечает Сюзи. — Мы любим, чтобы за нами сначала немножко поухаживали.

— Разумеется, — говорит Боджо. — Но все равно очень странно, что все это обрушилось на меня вот так сразу. Не то чтобы мне не приходилось встречать привлекательных женщин. — Он улыбается. — Вот хоть вы, например.

Сюзи смеется, но я вижу, как злится Аарон, и понимаю, что не только Боджо, Рауль и я делаем все то, что мы делаем, из-за любви. И это очень хорошо объясняет изменения, происшедшие с Аароном за последние день-два. Любовь всегда требует от нас перемен — от изменения музыкальных вкусов до изменения всего нашего существа.

— Полегче, ковбой! — говорит Сюзи Боджо. — Не тратьте на меня понапрасну свое обаяние.

Теперь, когда загадка преображения Аарона разгадана — а в версию с глубоким раскаянием и желанием исправить свои ошибки я никогда не верил, — осталось только понять, что здесь делает Сюзи. Ей-то это зачем? Вот и новая головоломка.

— Дождь кончается, — говорит Рауль.

Он прав. Ливень превращается в морозящий дождик. Боджо встает и запихивает пустую бутылку в свою сумку.

— Ну ладно, — говорит он, — пора переходить от слов к делу.

Я тоже поднимаюсь на ноги, не чувствуя себя и наполовину таким бодрым, как жестянщик. Наклонившись, чтобы поднять с земли свой рюкзак, вдруг слышу какой-то громкий гул.

Гром, думаю я. Неудивительно при таком-то дожде. Похоже, сейчас опять польет как из ведра.

Но тут земля начинает содрогаться в ответ на содрогания неба — приходится взмахнуть руками, чтобы сохранить равновесие. Я слышу грохот сдвигающихся скал, и мы все оборачиваемся и смотрим обратно в туннель. Раздается новый раскат грома, и мы снова ощущаем, как дрожит земля. На этот раз, не удержав равновесия, я падаю на одно колено. Слышу, как осыпаются камни в глубине туннеля, потом раздается какой-то треск. Живое представляю себе образовавшуюся трещину, которая ползет к нам.

— Скорее! — кричит Боджо.

Нас не приходится просить дважды. Я снова вскакиваю на ноги, помогаю Аарону подняться. Сюзи хватает мешок, который дала ей Холли, и все мы вылетаем вон из туннеля под дождь, где нас ждут уже Боджо и Рауль. Мы едва успеваем выйти: раздается новый раскат грома, только на этот раз он явно исходит из недр туннеля. Мы бежим к деревьям.

Оказавшись наконец под их кронами, я оглядываюсь назад. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как вход в туннель обваливается. Мусор и обломки камня разлетаются по траве там, где мы только что стояли.

Моросящий дождь, намочив наши лица, добирается до одежды. Волосы у меня уже намокли и прилипли к голове. Но мне все не оторвать взгляда от того места, где только что был выход из туннеля. Задержавшись хотя бы на секунду, мы были бы погребены под обломками.

Проходит довольно много времени, прежде чем кто-то решается заговорить.

— Господи, — наконец произносит Рауль, — как это было близко.

Аарон кивает:

— Но мы успели.

И вот тогда-то мы слышим новый раскат грома и трещина, которую я так живо себе представил, действительно ползет змеей и в нескольких шагах от нас изгибается влево. Мы вынуждены схватиться за нижние ветки деревьев и друг за друга, чтобы не упасть. Под нами — бездна, пропасть, которая только что образовалась, которой не было еще секунду назад.

— Что... что происходит? — говорит Сюзи.

— Этот мир, — отвечает Боджо, — Вордвуд. Он гибнет.

Новый раскат грома, новая трещина, новая яма, открывающаяся прямо перед нами.

Больше ждать нечего. Мы поворачиваем и бежим по тропинке в лес.

Холли

Холли вернулась с прогулки с собакой и обнаружила, что магазин пуст. Она не удивилась, хотя всего лишь пятнадцать минут назад оставила Джорди и Дика за сортировкой новых поступлений, которые пришли еще вчера, до того как все это началось. Она не стала смотреть, не поднялись ли они наверх, в квартиру. Спустив Снippet с поводка, она последовала за собакой в подвал. Там Джорди сидел на корточках, уперевшись подбородком в собственные колени. Они с Диком изучали стену, которая несколько часов назад служила порталом в Другой Мир. Теперь это была просто голая бетонная стена, больше ничего.

Снippet протиснулась между двумя исследователями и внимательно обнюхала стену. Потом она вернулась к лестнице и стала ждать, когда же Джорди обратит на нее внимание.

— Оттого, что вы будете есть глазами эту стену, они быстрее не вернутся, — заметила Холли.

Джорди кивнул. Он почесал Снippet за ухом.

— Я знаю, — вздохнул он. — Но их уже так долго нет.

Было за полночь, около двух. Холли и Снippet прогулялись по совершенно пустым, тихим улицам. Холли называла это: «пойти проверить, не пришел ли для Снippet пимейл».

— Это только кажется, что долго, — ответила она Джорди. — Всего несколько часов. Надо запастись терпением. Их может не быть и несколько дней.

— Я знаю. Надо было нам пойти с ними.

Холли села на ступеньку. Она думала о своих друзьях в ловушке Других Миров, по ту сторону стены. О красивом жестянщике, которого едва знала, о своем друге Кристи.

— Возможно, — ответила она.

— О нет, госпожа Холли! — воскликнул Дик, повернув к ней свое широкое, честное лицо. — Там слишком опасно для таких, как мы.

Джорди невесело усмехнулся:

— Это замечание как-то не утешает нас насчет тех, кто туда уже отправился.

На простодушной физиономии Дика появился настоящий ужас.

— О, я не хотел...

— Ничего, — махнул рукой Джорди, — я понял, что вы имели в виду. Мы знали, что идти туда опасно, но ведь выхода не было. Кто-то должен был пойти.

— Но ждать — тоже очень трудно, — сказала Холли.

— Ждать трудно, — согласился Джорди. — И что меня больше всего беспокоит, так это то, что, скорее всего, одними Другими Мирами дело не обойдется. Есть еще и вебсайты. А вообще-то, у меня в голове не уместается, как они смогут физически присутствовать в Других Мирах.

Холли кивнула. Она вполне понимала его.

— Но если предположить, что это возможно, — продолжал Джорди, — тогда, значит, безопасность Кристи и других отчасти зависит от компьютеров, и не знаю, как вас, а меня эта мысль не слишком радует. Сами подумайте. Эти проклятые машины иногда ломаются, стоит на них как-нибудь не так посмотреть. Вы бы доверили какой-нибудь из них свою жизнь? И это если вынести за скобки всяческую магию.

— «Вордвуд» всегда был очень стабилен... — начала было Холли.

— Пока его не разрушил вирус, — парировал Джорди.

— Все это, конечно, очень радует и вселяет надежду...

— Извини. Просто эта мысль мне покоя не дает. Когда речь заходит о компьютере, то даже и вирусы не нужны, чтобы все пошло насамаку. Только вспомни, что иногда происходит, когда пытаешься поставить новую программу. Можно пробовать десять раз кряду, и только на одиннадцатый сработает, хотя всякий раз ты точно выполнял инструкцию. И волшебства никакого не надо, чтобы все испортить, а у нас тут, как известно, волшебство присутствует.

— Да, — согласился Дик. — Компьютеры очень опасны, в них живут гоблины и всякие другие отвратительные создания.

Джорди вздохнул:

— Вот видите!

— Но тут мы ничего не можем поделать, — сказала Холли. — Или можем?

Когда Джорди покачал головой, она перевела взгляд на Дика.

— Я ничего не понимаю в компьютерах, госпожа Холли, — виновато проговорил тот.

Проведя почти год в обществе домового, Холли научилась понимать, когда он действительно ничего не знает, а когда уклоняется от прямого ответа. Сейчас она была уверена, что он что-то знает, просто не хочет говорить.

— Но?.. — поторопила она его.

Дик отвел взгляд:

— Нет, не спрашивайте меня, госпожа Холли!

— Дик!

— Это... это...

— Это — что?

У домового был совершенно пришибленный вид.

— Это тоже очень опасно, — наконец выдавил он.

Джорди собирался что-то сказать, но Холли подняла руку, призывая его подождать. Сейчас ей надо было вытащить из Дика то, что он не хотел говорить.

— А насколько это опасно? — спросила она.

— Разговаривать с матушкой Крон — очень опасно.

— Так ее зовут?

— Нет. Вы уже должны бы знать, госпожа Холли, что в именах заключена сила. Никогда не называйте эльфам своего настоящего имени. Они тоже, если вы замечали, всегда называют лишь свои клички.

Холли нервно усмехнулась:

— Пожалуй, я не настолько близко знакома с эльфами, чтобы это заметить. И может быть, это даже к лучшему. Из таких знакомств ничего хорошего не получается. Я, разумеется, не имею в виду присутствующих, — спохватилась она.

Дик кивнул.

— Итак, значит, клички? — продолжала выпытывать Холли. — Это, наверное, что-то вроде имени пользователя в компьютере?

Когда Дик кивнул во второй раз, она вспомнила о многочисленных версиях имени Боджо. Выбор версии зависел от того, с кем в данный момент разговаривал Боджо.

Нет, сказала она себе. Ей не следует думать о нем. Мысли только замутняют то влечение, которое она испытала, как только он оказался в ее доме. А теперь он ушел вместе с другими и, может быть, находится в смертельной опасности, и она, возможно, больше никогда его не увидит...

— Так зачем нам разговаривать с этой матушкой Крон? — спросила она Дика.

— Она пророчица. Она могла бы помочь нам — за определенную плату.

— Ну почему за плату?

— Не знаю, госпожа Холли. Просто так всегда бывает.

— Не знаю, хорошо ли это, — с сомнением произнесла Холли. — Когда нам помогала Мэран, она ничего не просила взамен.

— А какую плату может потребовать матушка Крон? — спросил Джорди.

— И этого я не знаю, — ответил домовый. — Только знаю, что чем больше услуга, тем дороже за нее платят.

— Может быть, сама матушка Крон объяснит нам, почему нельзя без этой торговли, — сказала Холли.

— О нет! — воскликнул Дик. — Ей нельзя так просто задавать вопросы, как мне, например. Большинство наших добрых соседей очень невыдержанны и малейшую попытку вмешаться в их дела считают оскорблением.

Холли кивнула.

— Я не стану пытаться вмешиваться в их дела, — заверила она домового. — Итак, где нам найти ее?

— В торговом центре.

— В торговом центре? — переспросил Джорди.

Холли засмеялась:

— Что ж, это вполне логично, не так ли? Если могут быть эльфы в Интернете, то почему бы пророчице не обитать в торговом центре?

— Но в каком? — спросил Джорди. — В том, что на Уильямсон-стрит?

Холли знала, почему он назвал именно этот торговый центр. Он был самый старый в городе, и, если уж пророчице суждено жить в торговом центре, ей естественно было бы поселиться именно в самом старом из них.

Но Дик покачал головой:

— Нет, она живет в новом, недалеко от автострады. — Он обеспокоенно посмотрел на Холли. — Волшебство у таких, как матушка Крон, — неправильное. Если пользоваться им долго, ничего хорошего не выйдет.

— Но ты сказал, что она могла бы нам помочь.

— Если не превратит нас в жаб.

Холли содрогнулась:

— А она может?

— Матушка Крон может и это, и многое другое, — сказал домовый. — Вот почему прибегнуть к ее помощи — это последнее средство.

— Что ж, мне кажется, мы уже всю прибегали к последним средствам, а? — Холли перевела взгляд с Дика на Джорди. — Вы только посмотрите, как у нас обстоят дела: сайт проглотил огромное количество людей, среди них наши друзья. Кристи и остальные могут быть потеряны для нас навсегда. А один-единственный волшебник, который был за нас, отправился ловить огромных страшилищ и до сих пор не вернулся.

— Ты имеешь в виду Роберта? — спросил Джорди.

Холли кивнула:

— Короче говоря, теперь нас трое и ни один из нас понятия не имеет, что делать дальше и вообще что происходит. Так что я вполне созрела для того, чтобы побеседовать с какой-нибудь пророчицей.

Джорди кивнул.

— Что нам надо принести ей в дар? — спросила Холли. — Пожалуй, у меня наберется пара сотен долларов наличными. Или, может быть, она предпочтет что-нибудь из книг?

— Это должно быть что-то более личное, — сказал Дик. — Услуга.

— Услуга какого рода?

— Я не знаю.

— Ничего, — ответила Холли. — Я знаю, ты расстраиваешься, и мне очень жаль. Но ведь если мы не будем предпринимать ничего, то просто сойдем с ума, правда?

Домовой согласился.

— Только помните, — сказал он, — когда имеете дело с «обратной» магией, магией «против солнца», ваша тень оказывается сзади вас, вне вашего поля зрения, и кто угодно может украсть ее. Так что, даже если больше ничего вам не удастся, по крайней мере постарайтесь удержать ее при себе.

Холли удивилась:

— Моя тень? Ты говоришь о том самом, о чем недавно упоминал Кристи?

Дик покачал головой и указал на тень, отбрасываемую лампой на лестницу.

— Я имел в виду вот эту тень, — сказал он. — Ту, которая охраняет дверь в вашу душу.

— Ну, теперь я уже совсем ничего не понимаю, — сказала Холли. — Как же я могу удержать ее? Там же не за что схватиться.

— Вы просто должны постоянно чувствовать ее, — объяснил Дик. — Даже если вам ее не видно, помните, что она у вас есть, и какая она, и как она темнеет и вытягивается.

— А если этого не делать, то что будет? — спросил Джорди.

— Какой-нибудь бродячий дух может воспользоваться ею и занять ваше тело.

Холли вздохнула:

— Ничего себе!

— Так вы передумали? — с надеждой в голосе спросил Дик. — Мы можем остаться дома и подождать, пока они не вернутся.

Холли покачала головой:

— Вы можете остаться. Только расскажите, как мне найти матушку Крон.

Джорди встал и одернул джинсы.

— Я тоже иду, — сказал он.

— То одно, то другое... — горестно произнес Дик, вставая.

— Ты вовсе не должен идти с нами, — сказала Холли.

— Еще как должен. Сами вы ее никогда не найдете, госпожа Холли.

— Ладно. Можно идти прямо сейчас? Там же закрыто.

— Для волшебников ничего не бывает закрыто, — возразил Дик.

Холли пошла вверх, за ней увязалась и Сниппет, скрипя когтями по деревянным ступеням.

— А как быть со Сниппет? — спросила Холли Дика. — Откуда она узнает, что надо следить за своей тенью?

— Ей лучше остаться здесь, — сказал домовой. — Не все волшебные существа так хорошо относятся к собакам, как я.

Холли едва заметно улыбнулась. Не то чтобы Дик и Сниппет не ладили друг с другом. Но сказать, что они ищут общества друг друга, тоже было нельзя. Кроме того, по этой реплике Дика она поняла: он полагает, что они уходят ненадолго.

На Вудфорест-Плаза, расположенной на юго-востоке города, где Ричардс-роуд пересекает Хайвей 14, когда-то был торговый центр — гордость северной части города. Но в начале прошлого года предприниматели скупили фермерские земли к северу от Ричардс-роуд, ликвидировали все дома и курятники и скорее, чем можно было сказать «налетай — не скупись», построили двухэтажный торговый центр из стекла и бетона, такой большой, что он мог бы считаться маленьким городом. Конечно, были люди, которые проводили там дни

напролет, с открытия до закрытия.

Джорди проехал на стареньком «додже» Кристи от Синефлекса, в южном конце торговой зоны, до пристаней. Он заехал на стоянку под стеной высотой восемь футов. Стена отгораживала сохранившиеся фермерские земли. Джорди выключил двигатель, и они вышли из машины. Всем показалось, что дверца хлопнула очень громко.

— Жутковато, — призналась Холли. — Никогда не любила торговые центры ночью. И что-то неправильное есть в этих огромных пустых автомобильных стоянках.

Джорди кивнул:

— У меня был друг, который жил на одной из ферм. Сейчас его земля — под этим бетоном. Кажется, где-то под овощным павильоном.

— Да, и это тоже, — согласилась Холли, — и фермы, и курятники.

— Да, птичники, говорят, были просто в ярости. Кто-то мне рассказывал, что в знак протеста они увели огромный цементовоз, подогнали его к дому одного из устроителей торговой зоны и вывалили полный кузов раствора ему в гостиную. Но точно я не знаю. В новостях об этом не сообщалось.

Джорди повернулся к Дику, который стоял около машины. И без того большие глаза домового еще больше округлились. Он смотрел на складывающиеся металлические двери ближайшего павильона. Несмотря на новизну, дверь была уже покрыта граффити.

— Нам куда? — спросил Джорди.

Домовой указал на дверь:

— Сюда.

— Хорошо. Итак, что мы делаем? Просто поднимаемся и стучим или что?

— Или что, — ответил Дик.

Развернув свои узенькие плечи, он пошел через стоянку. Кожаные подошвы его туфель негромко шаркали по асфальту. Холли и Джорди переглянулись и последовали за ним.

Холли понятия не имела, что ее ожидает, когда входила в металлические двери. У нее был небогатый опыт общения с волшебными существами, несмотря на домового в компаньонах. Друзья Дика не навещали его — по крайней мере, когда она была дома, — а Дик тоже не совершал ничего такого волшебного, разве что умел сидеть так тихо, что становился невидимым. Поэтому, когда сейчас домовой положил руку на ручку, окрашенную из пульверизатора, и открылся портал прямо как у нее в подвале, она от удивления ахнула.

— Это... это... Другие Миры? — спросила она.

Дик покачал головой:

— Нет, это просто дверь для таких, как я.

— Понятно. То есть для?..

— Для домовых и прочих.

Джорди все еще смотрел на железную металлическую дверь.

— А железо вам не мешает? — спросил Джорди.

— Нет, господин Джорди. Я слишком долго прожил среди людей, чтобы это раздражало меня так, как раздражает моих деревенских сородичей. — Дик собрался было войти, потом посмотрел на них. — Так вы идете?

— Да, конечно... сразу за тобой, — ответила Холли.

Она зажмурилась и шагнула в проем, который в ее представлении все еще оставался проемом большой металлической двери. Ее вытянутые вперед руки не встретили никакого препятствия. Джорди вошел вслед за ней. Открыв глаза, она поняла, что находится в каком-то подсобном помещении. Должно быть, склад, решила она, потому что вокруг были штабеля картонных коробок, содержащих всякую всячину — от чайников до приборов для стрижки газонов.

Дик взял ее за руку.

— Пойдемте, госпожа Холли, — сказал он. — Должно быть, матушка Крон собрала придворных в главном зале для аудиенций. Там, где лебеди.

Холли понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем это он.

Потом она вспомнила скульптуры, изображающие больших белых птиц, свисающих с куполообразного потолка над центральным входом, их длинные вытянутые шеи, распростертые металлические крылья. Казалось, лебеди кружат под сводами здания. Она не могла вспомнить, сколько их было, — может быть, семь — обычное сказочное число?

Дик провел их в дальний конец склада и вывел в галерею, которая вела в торговые ряды. Холли всегда казалось, что было бы интересно пройти тут ночью, но сейчас у нее было такое же жуткое ощущение, как и от пустой стоянки, на которой они припарковались. Все частные склады были закрыты, так что, в случае чего, нельзя было сделать вид, что просто зашел посмотреть.

— Слышите? — спросила она, когда они шли по гулкому коридору к центральной площадке.

Они шли мимо тележек, деревянных скамеек, мусорных контейнеров и запертых на ночь киосков. Их отражения, улавливаемые темными окнами складов, бежали по другой стороне коридора. Холли оглянулась на свою тень. Так как свет падал сверху, тень съезжилась у ее ног. Но все же она была на месте.

— Это музыка, — сказал Джорди. — Что-то вроде хип-хопа.

Холли кивнула. Сначала она подумала, что музыку могли транслировать по радио торговой зоны. Может быть, им просто нет резона отключать ее на ночь. Но вскоре она обнаружила, что музыка доносится из дальнего конца коридора и становится все громче по мере их приближения к площадке.

— Это праздничная музыка, — сказал Дик.

Холли уже собралась спросить, что он имеет в виду, но в этот момент она вдруг всех их увидела перед собой — всех размеров и форм, танцующих под музыку — и по их энтузиазму поняла, что, в общем, слово «праздничная» говорит само за себя. И только когда они подошли к тому месту, где коридор переходил в площадку, она увидела, что источником звука был всего-навсего кассетник. Принимая во внимание очертания танцующих, можно было предположить нечто более экзотическое — например, каких-нибудь эльфоподобных существ, чья жизнедеятельность сопровождается подобными звуками, — а не обыкновенный магнитофон.

Но танцующих, судя по всему, вполне устраивало столь прозаичное музыкальное сопровождение.

Там было множество существ, вполтину меньше Дика ростом, как будто состоящих из веточек, листьев и мха, хотя время от времени попадались странные существа из проволоки, с носами из электрических вилок и торсами из микросхем.

Там были и высокие мужчины в викторианских сюртуках, и женщины с заостренными ушами, одетые в вечерние туалеты, и люди в куртках и плащах из грубой ткани, которая тоже очень напоминала мох, листву и перья. Попадались и экземпляры в мешковатых скейтбордистских штанах и футболках.

Встречались существа, которые походили скорее на животных, чем на людей. Шумные обезьяноподобные, например, но с птичьими лицами. Другие — с тыквообразными телами и головами енотов и барсуков. Тонкие как былинки создания, с физиономиями ящериц и змей.

Некоторых Холли помнила по иллюстрациям детских сказок: гоблины, домовые, эльфы и даже некто напоминающий тролля, одетый в деревенское коричневых и зеленых тонов платье, с непомерно большим носом и короткими толстыми ножками.

Словом, здесь были сказочные существа, каких только может породить человеческое воображение, и такие, каких и вообразить невозможно. Но у всех них было одно общее свойство: грация и легкость — даже у самых неповоротливых и напряженных из них, как, например, у создания, напоминающего ходячее бревно на паучьих лапках, с головкой, выглядывающей из коры. Все они двигались очень ловко и, главное, почти бесшумно.

Мягкие туфельки, спортивные тапочки, босые ноги — отчасти это объясняло бесшумную походку, но все равно какой-то звук должен был быть. Шепот, шарканье,

шлепанье босых ступней или мягких лап по каменному полу. Но сказочные существа не издавали ни единого звука. Была только музыка, хип-хоп, под который можно было танцевать что угодно: от вальса до брейка, что они с успехом и проделывали.

Гуляки не обращали на вновь прибывших никакого внимания, пока Дик не кашлянул несколько раз. Музыка продолжалась, но все танцоры разом остановились и посмотрели в их сторону. Наконец крошечная девчушка из веточек и листьев, с волосами, забранными в хвостик и напоминающими лианы, выключила музыку. На площадке воцарилась мертвая тишина, и гости почувствовали на себе множество взглядов.

Холли на какой-то миг испугалась своей уязвимости. Под этими взглядами она испытала неприятное чувство в основании позвоночника, волоски у нее на руках и на шее встали дыбом. В этих существах не было ничего угрожающего — по крайней мере пока, — но и ничего человеческого тоже. Глаза, устремленные на них, были глазами кошек, зайцев, птиц. Да, это были глаза диких животных, но в них светился интеллект, которым не могло обладать ни одно животное.

— Ну что ж, — раздался голос, — я ждала вас.

Она прошла сквозь толпу, высокая женщина с темными волосами чуть ли не до пояса, заплетенными в дюжину черных кос. Холли не могла понять, почему она сразу не выделила ее в толпе танцующих, — это была потрясающая женщина, с пронзительным взглядом и тонкими, резкими чертами лица. Она была в брюках со множеством карманов, спортивных туфлях на толстой подошве и топе, таком тесном, что казалось, это просто слой краски лежит на ее коже, а на живот краски не хватило.

— Ждали? — с трудом выговорила Холли. — Но откуда вы знали, что мы придем?

— Это матушка Крон, госпожа Холли, — сказал Дик.

— Вы — матушка Крон? Но вы совсем не похожи на...

Холли осеклась.

— На ходячий анахронизм? — спросила женщина.

Женщина стояла рядом с Холли и буквально возвышалась над ней.

— Пожалуй, я собиралась употребить другое слово, но... — призналась Холли.

Матушка Крон улыбнулась:

— Это всего лишь имя. Вы ведь тоже не из остролиста, как следует из вашего имени, верно?

— Да, пожалуй...

Хотя в данный момент Холли ничуть не удивилась бы, если бы оказалось, что и она из какого-нибудь растения.

— Так почему вы нас ждали? — спросила она.

— Я пророчица.

— О, конечно! — спохватилась Холли. — Разумеется.

Матушка Крон рассмеялась:

— Должна признать, что единственное, что я знала наперед, — это то, что кто-то придет. А кто именно и что ему надо от меня — конечно, нет.

Она уселась на пол, скрестив ноги. Это ее движение было столь легким и грациозным, что показалось, она просто мягко осела. Холли поколебалась несколько секунд и тоже уселась на пол, хотя чувствовала, что у нее это получается далеко не так грациозно. Джорди и Дик устроились по бокам от нее.

— Итак, чем я могу вам помочь? — спросила матушка Крон.

Волшебница казалась столь дружелюбной, что Холли даже удивилась, почему это Дик так волновался. Потом, правда, она вспомнила, как он трепетал перед Мэран, которую принимал за принцессу из волшебного леса.

— Не робейте, — подбодрила матушка Крон.

И Холли начала, отпустив наконец свои мысли на свободу. Она бросила быстрый взгляд на Дика, но он, казалось, был только рад предоставить объясняться ей. Что ж, прекрасно. Но тут она вспомнила еще одну вещь, о которой упомянул Дик, говоря о матушке

Крон. И решила сразу внести ясность по этому вопросу.

Холли прокашлялась:

— Э-э-э... а не могли бы вы сразу сказать, во что нам это обойдется?

— Сначала я должна знать, о чем идет речь.

— Ах да, конечно. Это довольно сложно...

— К тому времени, как с какой-нибудь проблемой обращаются ко мне, она, как правило, становится сложной, — ответила матушка Крон. — Лучше начните с самого начала.

Холли так и сделала. Правда, она все-таки начала не с самого начала, не с того момента, как эльфы вырвались с экрана ее монитора. Она начала с того, как Аарон Гольдштейн заставил своего знакомого Джексона наслать вирус на «Вордвуд», и даже немного раньше — с того, как они с друзьями создали этот сайт, а потом изложила все основные события последних дней.

Матушка Крон слушала очень внимательно, задала несколько вопросов, притом только таких, которые были совершенно необходимы из-за недостаточно понятных объяснений Холли. Но когда Холли закончила, пророчица склонила голову набок и посмотрела на нее с некоторым недоумением.

— Теперь я понимаю, в чем ваша проблема, — сказала она. — Конечно, она весьма сложная и запутанная. Но только я-то чем могу вам помочь?

— Дело в том, что Дик...

Холли бросила взгляд на домового и увидела на его лице столь знакомое ей выражение: он сейчас меньше всего хотел, чтобы волшебное существо более высокого ранга обратило на него внимание.

— Я думала, вы могли бы дать нам какой-нибудь совет, — закончила Холли. — Можем ли мы сейчас хоть что-нибудь сделать?

— Гм...

Матушка Крон оглянулась через плечо и позвала человечка из микросхем и проволоки.

— Эдган, — сказала она, — ты знаешь место, о котором говорила наша гостья?

Человечек кивнул. Он отбежал в сторонку и открыл дверь на ближайший склад компьютеров, вернулся с ноутбуком под мышкой и поставил его на пол. Пока он включал и загружал его, девочка с хвостиком, распорядившаяся магнитофоном, подошла к матушке Крон и подала ей деревянную миску и пластиковую бутылку с водой.

— Спасибо, Хэзл, — сказала матушка Крон.

Холли как зачарованная смотрела, как человечек вдруг извлек микросхему размером с кредитную карточку из сгустка микросхем и проволоки, который представляла собой его грудная клетка. Он засунул ее в щель для дискет и вытащил из «карточки» небольшую антенну. Его пальчики-проволочки забежали по клавиатуре ноутбука. Он поднял головку.

— Вот он, — сказал он.

Холли подалась вперед, чтобы разглядеть, что там, на экране. Единственное, что она увидела, — это сообщение «Страница не может быть отображена», которое они наблюдали с того момента, как сайт заразили вирусом. Матушка Крон задумчиво кивнула.

— Лучше отключись, — сказала она.

Человечек нажал на клавишу, потом вынул свою «карточку» из щели и засунул обратно к себе в грудную клетку. Холли удивленно заморгала — так странно все это выглядело — и перевела взгляд на матушку Крон. Пророчица поставила деревянную миску на пол, между собой и Холли. Отвернув крышку у пластиковой бутылки, она вылила содержимое бутылки в миску.

— Вы что-нибудь там увидели? — спросила Холли. — На экране?

— Не особенно. Впрочем, достаточно, чтобы понять, что там очень неладно. Я не слишком понимаю в технике. Но теперь, когда у меня есть за что зацепиться, я могу применить вот это... — она указала на миску с водой, — чтобы взглянуть на все с помощью более традиционных средств.

Холли изумилась.

— И вы сумеете увидеть наших друзей? — спросила она. — Вы скажете нам, где они сейчас?

— Я могу попытаться, — ответила матушка Крон, ничего не обещая.

Она провела рукой над поверхностью воды, и на воде появилась рябь, которая стала ходить то в одну, то в другую сторону. Она подняла руку вверх — и вода успокоилась.

— Гм... — опять произнесла она.

Холли наклонилась над миской, но не увидела ничего, кроме воды в миске.

— Что вы там видите? — спросила она матушку Крон.

Пророчица не ответила. Она сжала губы, вся поглощенная невидимой драмой, которая для нее разворачивалась на поверхности воды. Когда она наконец подняла голову от миски, в глазах у нее было беспокойство.

— Мне очень жаль, — сказала она.

У Холли дух перехватило.

— Что? Что там?

— Там... — Пророчица отвела взгляд, он стал отсутствующим. — Не знаю, как объяснить... — Она все же посмотрела Холли в глаза. — Вы знаете что-нибудь о Других Мирах? О том, что это как бы не место, а множество мест, множество миров, больших и маленьких, но соединенных друг с другом, как кусочки в лоскутном одеяле?

— Смутно...

— И что ваш сайт стал одним из этих миров?

Холли кивнула:

— Это еще... не помню кто... кажется, Кристи догадался.

Матушка Крон задумчиво кивнула:

— Этот самый Вордвуд сейчас закрыт от остальных миров, и это к лучшему. В нем что-то такое... я точно не могу сказать что. Только знаю, что оно — древнее и сейчас умирает. И, умирая, оно забирает с собой Вордвуд. А может быть, умирает Вордвуд и уносит его с собой. Все, что я могу сказать, — поздно пытаться что-то с этим поделать.

— Но наши друзья...

— А что это... ну там, внутри? — спросил Джорди.

Матушка Крон повернулась к нему:

— Не знаю. Что-то древнее. Что-то, чего я никогда не видела и не встречала, хотя есть истории...

— Это что-то злое?

Она покачала головой:

— Само по себе — не доброе и не злое. Но очень могущественное.

— Мне кажется, даже не имеет значения, — сказал Джорди, — кто именно умирает: Вордвуд или этот дух. Нам надо найти остальных и вытащить их оттуда...

Он не договорил, потому что матушка Крон покачала головой.

— Вы нам не поможете? — спросил он. — Скажите, сколько это стоит?

— Это не вопрос цены.

— Мой брат там! Наши друзья.

Матушка Крон вздохнула:

— Я знаю. Я все понимаю. Но открыть сейчас туда дверь — значит позволить тому, что там происходит, распространиться на все остальные миры. Я не могу взять на себя такую ответственность.

— Но...

— Согласился бы ваш брат и ваши друзья остаться в живых ценой смерти миллионов, которые погибнут, если это распространится? Кроме того, я почти уверена, что вы все равно не смогли бы спасти ваших друзей. — Она указала на свою миску. — Все, что я там могу разглядеть, — это древнее существо. Мы вообще не можем быть уверены, что там сейчас остался еще кто-нибудь живой.

— Но ведь мы не можем просто так их там бросить!

Холли увидела боль в глазах матушки Крон.

— Да, я знаю. Сотни людей пропали. Но если мы сейчас не оставим все как есть, пострадают миллионы. Это может распространиться даже на наш мир.

Холли подумала, что сейчас ей станет дурно. В какой-то момент ей вдруг захотелось кого-нибудь ударить, но вместо этого она медленно отошла к окну и посмотрела на стоянку. Некоторое время она глядела в ночь, стиснув кулаки.

— Мне правда очень жаль, — повторила матушка Крон.

Холли кивнула:

— Я... я понимаю. То есть на самом деле я ничего не понимаю. Но почему, почему мы ничего не можем сделать? Хотя бы присутствовать...

— Нет ничего труднее, чем пережить такое, — ответила пророчица, — когда ты отдал бы все, чтобы помочь тому, кого любишь, но ничего, совсем ничего не можешь сделать.

Холли опять кивнула. Лучше бы она сюда не приходила. Лучше бы ей остаться в магазине, жить в неведении и от неведения надеяться.

— Должно же быть хоть что-то, что мы могли бы сделать, — сказала она, прекрасно понимая, что сделать ничего нельзя. — Может быть, с кем-нибудь поговорить?

Матушка Крон заколебалась.

— Не знаю, станет от этого лучше или хуже, — наконец сказала она, — но мы могли бы отправиться на границу Вордвуда. Может быть, что-нибудь придет нам в голову, когда мы окажемся в непосредственной близости от сайта.

Холли вскочила:

— Я готова. Джорди!

Матушка Крон тоже встала.

— Это будет труднее, чем ждать здесь, — сказала она.

— Но не труднее, чем нашим друзьям сейчас там, в Вордвуде.

Матушка Крон покачала головой.

Когда Джорди подошел к ним, Холли быстро объяснила ему, что они решили делать.

— Я тоже иду, — сказал он, как и ожидала Холли.

— Тебе надо обратно в магазин, — сказала она Дику.

Домовой ответил:

— Я не пойду, госпожа Холли. Я не могу отпустить вас одну.

— Я не буду одна, — возразила она. — И потом, кто-то должен позаботиться о Снippet, если мы... — она хотела сказать «мы не вернемся», но передумала, — если мы задержимся.

Дик задрожал, но, прежде чем Холли начала его успокаивать, матушка Крон шагнула к нему и положила руку ему на плечо.

— Не волнуйтесь, господин домовый, — сказала она Дику, — я приведу их обратно.

Он хмуро кивнул.

— Я знал, что не надо, не надо было сюда приходить! — горестно произнес он. — Я чувствовал.

В конце концов матушка Крон послала Эдгана проводить Дика до магазина. Подавив протесты других волшебных существ, она позволила лишь одной Хэзл сопровождать себя, Холли и Джорди в Другие Миры.

— Но если это не опасно... — сказала одно из существ размером с человека.

— Не опасно, — сказала матушка Крон. — Мы отправляемся туда всего лишь наблюдать, а не воевать.

— Но если это не опасно, — твердили человечки, — почему же нам тоже нельзя пойти?

— Мне бы не хотелось, чтобы мы явились туда толпой, — ответила матушка Крон.

Она сказала это мягко, но так, что никому больше и в голову не пришло спорить. Она повернулась к Холли и Джорди.

— Кто-нибудь из вас раньше пересекал границу? — спросила она.

Они оба покачали головой.

— Тогда предупреждаю, — сказала она, — в момент перехода может возникнуть легкая дурнота.

Больше, чем уже тошнит, тошнить не может, решила Холли. Она не могла прогнать мысли о других, о тех, кто сейчас заперт на этом дурацком умирающем сайте, к созданию которого она в свое время тоже приложила руку. От этой мысли ее мутило. Было трудно дышать.

— Что нам надо делать? — спросил Джорди.

— Делать? — переспросила матушка Крон. — Делать ничего не надо.

— Вы собираетесь применить эту... как ее... обратную магию? — спросила Холли.

— Обратную чему? — спросила матушка Крон.

— Не знаю. Просто... слышала.

— Со мной вы будете в безопасности, — заверила матушка Крон. — Но только пока вы со мной и сами ничего не предпринимаете.

Она подняла руки над головой, а потом опустила их широким движением. Когда ладони коснулись коленей, в воздухе началось какое-то мерцание, как тогда, в подвале, когда начала светиться одна из стен, и они увидели место, которого здесь не должно было быть. Здесь, в торговом центре, ночью, они видели сквозь портал... залитое солнцем поле, а за ним — горы. Другие Миры.

Матушка Крон и Хэзл перешли границу, за ними последовал Джорди. Холли нагнулась и поцеловала Дика в лоб, потом глубоко вздохнула, собираясь с духом, и присоединилась к остальным.

Роберт

Дорога оказалась дольше, чем Роберт думал, — от перекрестка, где он оставил трех трансформированных ищеек, до Вордвуда. Но он умел передвигаться быстро и к тому же знал, где можно срезать, поэтому проделал этот путь быстрее, чем это удалось бы кому-либо другому. Иногда, впрочем, было довольно тяжело. Когда он наконец подошел настолько близко, что увидел серый туман, его модные туфли были все в пыли, костюм помялся, под мышками темнели пятна пота, гитара болталась где-то на спине, на кожаной стропе, которую он иногда поправлял.

Роберт чувствовал, где именно несколькими часами раньше прошли другие. Он понял, в каком месте Аарон сошел с тропы, где Боджо отправился его искать, где эти двое снова ступили на тропу. Он выждал немного, внимательно оглядывая поля, раздумывая, что же такое заставило Аарона свернуть. Посмотрев в сторону Вордвуда, он увидел на тропе фигуру, движущуюся ему навстречу, передвинул гитару вперед, на случай если она быстро понадобится, и погладил кобуру под пиджаком, где лежал Миротворец. Но когда человек подошел ближе, когда Роберт смог дотянуться до него мыслями, он понял, что ничего этого не понадобится.

Это оказалась крупная женщина — почти такая же высокая, как Боджо, и чуть ли не вдвое массивнее жестянщика. У нее были густые каштановые волосы, целый водопад локонов и кудряшек, рассыпанных по плечам, спине и груди.

Она шла босиком, переваливаясь, и одета была в яркий балахон. Вместо крупных цветов, изображения которых можно было ожидать на ее одежде, орнамент состоял из каббалистических знаков и астрологических символов.

Все у нее было большое, и особенно душа. Ее дух был столь могуч, что даже такое огромное тело с трудом его вмещало. Когда Роберт смотрел на нее, ему казалось, что она сияет, как солнце.

Когда они подошли достаточно близко друг к другу, чтобы заговорить, женщина подняла мясистую руку и поприветствовала его столь заразительной улыбкой, что он не смог удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Эй, незнакомец, — сказала она. — Надеюсь, ты не совершаешь паломничество?

— А что? — спросил Роберт, когда они оказались лицом к лицу.

Он снова передвинул гитару на спину.

— Там все закрыто, — сообщила женщина. — Какая-то чертовщина. Я думаю, некоторое время будет не войти и не выйти, что, может, и к лучшему.

— Да?

— Не знаю, что там творится, за стеной из тумана, но уверена, что ничего хорошего. Я просто чувую, что там что-то неправильное, ну, ты меня понимаешь. Кстати, я — Линди. Линди Браун.

Роберт улыбнулся, приподняв брови. Она улыбнулась в ответ.

— Просто люди так меня называют, — сказала она. — Я, конечно, понимаю, что не след сообщать свою фамилию первому встречному, даже такому симпатичному, как ты. Но согласишься, это звучит грубовато: «Можешь называть меня Линди». И вообще, что, разве мы не доверяем друг другу?

Роберт улыбнулся и протянул ей руку:

— Я — Роберт.

— Очень приятно, — сказала она, пожимая его руку. — Здесь было спокойно последние несколько недель. Кажется, я вообще никого не встречала, и у меня в голове слов накопилось полным-полно. Да нет, не волнуйся, — спохватилась она. — Я вовсе не жду, чтобы ты их все выслушал. Я просто хотела сказать, что иногда бывает так славно крикнуть кому-нибудь: «Привет!»

— Ты, пока шла оттуда, никого не встретила?

— Да боюсь, что нет. А ты что, кого-то ищешь?

— Несколько человек, они должны быть там, впереди. Я надеялся, что догоню их.

— Ну, если они до сих пор не вернулись — а если бы они вернулись, ты уже встретил бы их, — значит, они прошли сквозь эту стену тумана, чего я на их месте ни за что не стала бы делать. Здесь все так быстро меняется. Можно оказаться бог знает где.

— Я довольно хорошо здесь ориентируюсь.

— Не сомневаюсь. Что до меня, то я держусь тропинок, которые знаю, и стараюсь остаться в реальном времени. Вот и тащусь назад, до ближайшего перекрестка.

— Тут недалеко перекресток Мейбон.

Она кивнула:

— Да, я знаю. Я там и входила. Но тут есть одна тропинка, на которую мне хотелось бы выбраться. Так я сэконоблю несколько часов, которые потеряла бы, если бы шла через город. Не то чтобы я сильно спешила. Просто не люблю, когда много народу.

— Понимаю.

— Хочешь — пошли вместе.

— Спасибо, — ответил Роберт. — Но мне все же очень хочется взглянуть на эту стену тумана.

— Только не подходи слишком близко. Не нравится мне эта стена — черт знает почему, но не нравится. Что-то там не так. Будь осторожен.

— Я всегда осторожен, — заверил ее Роберт.

Но он понял ее опасения, когда через некоторое время дошел до стены. За этой серой туманной стеной совершенно точно был Вордвуд. Он без особых трудностей почувствовал это место, дух которого ощутил еще в магазине Холли. И еще он ясно понял, что Кристи и остальные вошли туда. Он довольно долго наблюдал за стеной, а потом, совершенно так же как это раньше проделал Боджо, нагнулся, поднял с земли камешек и бросил его в туман.

И камешек не упал.

Роберт понимающе хмыкнул. Ему случалось видеть такое: промежуточное пространство на границе миров. Он попытался мыслями достать тех, кто перешел границу, но либо промежуточный слой был слишком толстым, либо они уж очень далеко ушли. К тому же ему не удалось установить с Вордвудом хорошей связи. Все, что лежало по ту сторону стены тумана, тонуло в раздражающем гуле, напоминающем радиопомехи, так что

было трудно на чем-то сконцентрироваться. Но все же он почувствовал присутствие какого-то огромного древнего духа и еще чего-то, напомнившего ему Папу Легбу. Он не сразу понял, почему вспомнил о нем. Но потом все же понял.

Потому что тот, второй, дух тоже был духом-привратником.

И первый, и второй духи явно были больны. В воздухе пахло гниением, было такое чувство, что все мягко сползает в глубокую, долгую тьму. Линди была права: что-то здесь не так.

Роберт мог это исправить. Он знал, какие ноты ему нужно извлечь из своего Гибсона, чтобы очистить это место. Но он колебался. Какая, в конце концов, разница, какой из духов-привратников совет здесь себе гнездо — тот, который здесь сейчас, или Папа Легба. Все дело в том, что если лоя действительно хочет, чтобы Роберт расправился с Вордвудом, значит, это ему зачем-то нужно. Субъект вроде Папы Легбы, заключая сделку, обычно имеет на это не один резон, а несколько. Один он предъявит вам сразу, совершенно открыто. А другой — или другие — будет держать в секрете. Какие-то свои сложные соображения, которые в конце концов дадут ему дополнительную власть над тобой.

Роберт постарался вспомнить свой разговор с Папой Легбой. Сделка, которую предложил ему лоя, казалась очень простой и понятной. Если Роберт избавит его от духа, поселившегося в Вордвуде, и освободит место для самого лоя, то Папа Легба откажется от всех своих притязаний на душу Роберта. Ничего сложного. Если здесь и был какой-нибудь подвох, Роберт его не чувствовал. Он полагал, что избавление от конкурирующего духа и контроль над Вордвудом стоят души одного гитариста.

Роберт изучал стену тумана еще некоторое время. Он пытался заглянуть за серый занавес, увидеть древний дремучий лес. Стоило ему зажмуриться — и очертания деревьев расплывались, и он видел накладывающиеся на них контуры книжных шкафов и длинных, ведущих в никуда проходов между шкафами. Стоило сморгнуть — и библиотека пропадала.

Он все еще не обнаружил никаких следов тех, кого искал, но не был уверен, что это потому, что их там нет, что их занесло в какой-нибудь дальний мир. Может быть, это просто постоянный звуковой фон мешал ему почувствовать их присутствие.

Он снова передвинул гитару вперед и обхватил ее гриф пальцами, пока не трогая струн. Он думал.

Так ли уж важно, какой дух владеет этими местами? Один ничем не лучше другого, так, по крайней мере, пока казалось Роберту. И если он и потратит несколько аккордов на то, чтобы тут прибраться, то какая разница, сделает он это в своих собственных интересах или потому, что пообещал Боджо и остальным помочь привести в порядок Вордвуд?

Да, он мог ответить себе на этот вопрос. Разница все же есть. Он был не столь наивен, чтобы хоть на секунду забыть: когда имеешь дело с волшебством, нет ничего важнее твоих намерений. Действуя в своих интересах, никогда не добьешься столь сильного результата, как тогда, когда ты совершенно бескорыстен. Впрочем, это ведь относится ко всему в этой жизни. Но с другой стороны, нет закона, запрещающего сочетать одно с другим.

И все же он колебался.

— Обдумываешь все задние мысли?

Он оглянулся и увидел, что к нему присоединился лоя. Папа Легба был в своей черной шляпе и преувеличенно тяжело опирался на трость. Роберт не удивился тому, что не услышал, как появился лоя. Духи-привратники довели до высокого искусства свою способность возникать буквально из воздуха. Роберт тоже умел проделывать это здесь, в Других Мирах, но ему это давалось не так легко и естественно.

— Просто прикидываю, что именно ты мне недоговариваешь, — ответил он.

— Ну-у, знаешь, — протянул лоя. — Если принять во внимание, как редко нам удается повидаться, то наберется куча всего, о чем мы даже и не начинали говорить.

Роберт указал на стену тумана:

— Например, о том, что ты планируешь устроить там, за стеной тумана?

— Что ты хочешь знать?

Роберт несколько секунд молча смотрел на собеседника. В темных глазах лоя не было никакого подвоха. Его полуулыбка тоже была сама честность.

— Я хочу знать то, что ты держишь в секрете, — ответил Роберт.

Лоа это явно позабавило.

— В секрете? — переспросил он.

— Ты понял, что я имел в виду.

— Кажется, понял. Мне, наверное, надо было сказать Калфу.

Роберт не знал, имел ли лоа в виду «перекресток» — одно из значений этого слова — или имя, которым называли самую опасную ипостась его духа. Легба принадлежал к Рада — духам-привратникам, через которых колдуны вуду общаются с другими духами. Калфу — это была другая его ипостась — фокусник, который развлекается тем, что нарушает естественный порядок вещей, вызывая самые неожиданные события.

Роберт не придавал этому значения, пока лоа держал эту свою ипостась глубоко сокрытой. Он все разглядывал Папу Легбу и раздумывал. Лоа смотрел на него обманчиво кротко, на губах у него все еще играла полуулыбка.

Роберт кивнул:

— Ладно. Поклянись именем Калфу, что, если ты заменишь собой духа Вордвуда, никто от этого не пострадает.

— Кроме этого духа, разумеется?

— Я могу избавиться от него, не причинив ему вреда.

— Не сомневаюсь, — сказал лоа.

— Тогда поклянись.

— Я могу поклясться, что у меня нет намерений причинить кому-либо вред, но ты же знаешь, как это бывает. Меня просят о милостях, я их дарую, а на что просители их употребят...

— Тогда поклянись, что с твоего ведома...

Лоа перебил:

— Разве я могу все знать?

— Ты уклончив, — сказал Роберт.

— А ты излишне прямолинеен.

— Я вынужден быть осторожным.

Лоа кивнул, но, вместо того чтобы ответить на эту реплику, сменил тему.

— Чувствуешь? — спросил он. — Здесь что-то неладно. Пахнет болотом, и становится все хуже и хуже.

— И что из этого?

— Я могу это устранить, — сказал Папа Легба. — Я могу исправить то, что здесь неправильно.

— По доброте душевной?

Лоа улыбнулся:

— Ну да. Я рассчитываю от этого выиграть и не скрываю своих намерений. Но уж что-то, а это ты обо мне знаешь — не переносу беспорядка.

— Когда ты не Калфу, конечно. Потому что когда ты Калфу, то ты первый готов... — Роберт помолчал, подбирая наиболее безобидную формулировку, — поразвлекся.

— Разве я похож на Калфу?

Роберт пожал плечами:

— Почему я знаю? Я никогда не видел тебя в этом обличье.

— Нет, не похож. А время между тем уходит. С каждой минутой, что мы стоим здесь и болтаем, смрад оттуда становится все сильнее.

Это была чистая правда. Даже несмотря на постоянный фон, мешающий Роберту сосредоточиться на том, что происходило за стеной тумана, было ясно, что там делается все хуже и хуже. Древний дух, присутствие которого чуял Роберт... он становился все мрачнее и беспокойнее. И Роберт уже склонен был поверить, что намерения лоя, по крайней мере в

данный момент, вполне честны.

— Так поклянись же, — настаивал он, — поклянись, что ты не намерен никому причинять вреда.

— Это я могу сделать. Клянусь Калфу — именем моей тени.

— Хорошо, я очищу для тебя это место, — сказал Роберт.

Когда он слегка расслабил руку на грифе своей гитары, струны выжидательно заныли — почти неслышно, но из-под земли этому звуку ответило мощное эхо. Роберт сложил пальцы крайне неудобным для большинства гитаристов образом, но для него это были только азы.

— Я научился этому у одной старой женщины, — тихо сказал он. — Там, в дельте. Она играла на одной струне, всем своим существом подстраиваясь под звук.

— Для чего она это делала?

— Для изгнания злых духов.

Потом он положил на струны большой палец правой руки. Струна, на которой он играл, зазвучала гораздо громче и мощнее, чем можно было ожидать от маленького Гибсона. Гитара издала глубокий гортанный звук, и эхо, которое уже было стихло, вернулось вновь отдаленными раскатами грома.

— Будь осторожен, — предупредил Папа Легба. — Такой музыкой можно многое разрушить.

Роберт кивнул. То, что он играл сейчас, было той самой музыкой, под которую древний чернокрылый Ворон когда-то в незапамятные времена вынул этот мир из небытия. Это был звук, с которым из моря восстали материки, на них выросли горы и образовались долины. Это был шум первого дождя над ростками первого леса. Это был голос дующего ветра и текущей воды. Первый птичий крик и звериный вой. Это был тот самый одинокий звук, который вызвал все к жизни.

В те времена язык еще был великой тайной и каждое слово обладало огромной мощностью. Говорение было действием. То, что было сказано тогда, имело огромный вес, последствия каждого слова сказались на многих поколениях. Слова говорились не о мире, сам мир был высказан — слово за словом.

Но еще более древней, чем слова, была музыка. Первая музыка.

Роберт никогда не играл этого прежде, приберегая все, что он об этом знал, на крайний случай. Но он не боялся играть эту музыку. У него были добрые намерения, и он все время помнил об этом. Этот звук даже не надо было повторять. Он продолжал звучать, проникая сквозь туман в тот мир, что лежал за ним.

Но Роберт выпустил из виду фон. Тот самый фон — помехи, которые мешали ему получить четкую картину того, что там происходило. Они мешали музыке, нарушали ее гармонию.

Когда было уже слишком поздно, Роберт понял, что получается нечто иное — не то, чего он хотел. Он прижал струну, но она продолжала петь. Теперь он уже был не властен над ней.

— Это, пожалуй, больше, чем я хотел, — сказал лоя.

— Я знаю, — ответил Роберт. — Что-то действует на музыку, оно внутри того мира.

— Ты можешь исправить это? Сыграть что-нибудь другое?

Роберт покачал головой:

— Если я не смог контролировать последствия звука, который издала одна струна, то сыграть что-то еще — только сделать хуже.

— Итак, остается ждать.

— И молиться.

Папа Легба засмеялся, но как-то невесело.

— М-да, — сказал он. — Мне что-то не приходилось молиться до сих пор.

Роберт прикрыл глаза:

— Тогда я помолюсь за нас обоих.

Саския

Как странно снова оказаться в своем теле. Но долго наслаждаться этой роскошью мне, видимо, не суждено. Потому что, в довершение ко всем нашим неприятностям, Вордвуд, похоже, собирается разверзнуться под нашими ногами.

Мы не моргая смотрим на огромную трещину, открывшуюся на берегу озера, наблюдаем, как в нее набирается вода. Из глубин библиотеки доносятся раскаты грома. Не знаю, образуются ли при этом новые трещины, или это падают огромные книжные шкафы. Может быть, и то и другое.

— Надо убираться отсюда, — говорю я.

Джексон быстро кивает в знак согласия, но Кристиана качает головой.

— Мы ничего не можем сделать, — говорю я ей. — Это настолько вне нашей компетенции, что я даже не знаю, где искать выход.

— Может, в книгах? — спрашивает Джексон.

— У нас слишком мало времени, — отвечаю я.

Как будто в подтверждение моих слов, слышится еще один раскат грома и земля содрогается у нас под ногами. Мы с трудом удерживаем равновесие.

— Может, мы и не в силах исправить положение, но я знаю кое-кого, кто это может, — говорит Кристиана.

Это выражение лица я у нее знаю. У Кристи бывает такое лицо, когда ему наконец становится ясно то, чего он раньше не понимал, — правда, перед этим ему надо несколько часов помучиться. У Кристи это обычно связано с его исследованиями, и все кончается исправлениями в рукописи. У Кристианы... у Кристианы, как я теперь понимаю, это может быть связано с чем угодно и чем угодно может закончиться.

Я провела некоторое время «в ее шкуре», но ведь я была всего-навсего «пассажиром», могла лишь разделять ее физические ощущения — зрительные, слуховые и тактильные. Но ее эмоциональная жизнь оставалась для меня вне досягаемости. Все, что я знаю, — она иногда может быть порывистой и легкомысленной. И в отличие от Кристи, которому сначала нужно все обсудить, она принимает быстрые решения и незамедлительно приступает к их осуществлению.

Мне очень хочется сказать ей, что неплохо бы ей стать немножко больше похожей на Кристи. Мне хотелось бы, чтобы она вела себя спокойнее, чтобы, по крайней мере, поговорила со мной, прежде чем что-то предпринять.

Но она — не Кристи. Она переводит взгляд с Левиафана на Либрариуса. Он уже открыл глаза и наблюдает за нами. Кристиана идет к нему, связанному и беспомощному. Вытаскивает кляп у него изо рта, приподнимает обмякшего библиотекаря, прислоняет его к книжному шкафу. Я и забыла, какой она может быть сильной.

— Говори! — требует она, и голос у нее низкий и угрожающий.

— Я ничего не зна...

Прежде чем он успевает закончить фразу, она отступает на шаг, а потом, схватив его за плечи, с силой швыряет на книжный шкаф. Сверху падают несколько книг, буквально в нескольких футах от того места, где они оба стоят. Кристиана не обращает на них никакого внимания.

— Ты, может, чего-то не понимаешь, — говорит она. Голос ее пока спокоен, как будто она просто непринужденно беседует с Либрариусом. — Я больше не желаю слушать всю эту чушь. Я хочу наконец услышать, что ты сделал с этим местом.

— Ты не сможешь...

Она снова бросает его на книжный шкаф.

— У тебя осталась еще одна попытка, — предупреждает она. — А потом я просто разорву тебя на части, на маленькие кусочки. Посмотри мне в глаза. Прочитай, что там написано. Убедись, что все, что я говорю, — не пустые угрозы.

Она меня пугает. Если это и есть та часть личности Кристи, от которой он в юности предпочел отказаться, что ж, пожалуй, я рада, что он это сделал. Но я думаю, что она блефует. Надеюсь, что блефует, но также надеюсь, что Либрариус ей поверит. Но он тоже понимает, что она блефует.

— Да, я смотрю в твои глаза, — говорит он, — и вижу, что раньше тебе не приходилось никого пытаться.

У меня вырывается вздох облегчения. Я и не заметила, что, оказывается, затаила дыхание. Мне не хотелось верить, что Кристиана может быть такой резкой и жестокой. Но радуюсь я недолго.

— И поэтому ты думаешь, что я на это не способна? — спрашивает она.

Теперь она говорит по-настоящему опасным голосом, как будто провоцирует его, хочет, чтобы он разозлил ее еще больше.

Следует долгое молчание, потом он медленно качает головой.

— Н-нет, — наконец отвечает он. — Верю, что могла бы.

Она отпускает его, и он сползает на землю, не в силах удержаться на ногах, потому что связан. Он скрючивается и принимает позу эмбриона, как будто ожидает, что она сейчас его ударит. Вместо этого она ставит ногу ему на руку. Я вижу, как он морщится, когда она нажимает ногой.

— Пальцами не шевелить! — командует она. — И еще я хочу услышать правду.

— Я... я...

Она все сильнее нажимает ногой на его кисть.

— Итак, расскажи, что ты сделал.

Мне очень не нравится все, что происходит, но я понимаю, почему она наступила ему именно на руку. Произнося заклинания, он должен шевелить пальцами. И еще я вспоминаю о том, как несколько минут назад была готова бросить его в озеро, утопить — и дело с концом. Значит, и у меня нет иммунитета к насилию.

— Я сказал тебе правду... — Он съеживается, когда она еще чуть сильнее придавливает его руку к полу. — Просто... просто не всю правду.

— Так говори сейчас! Расскажи все о Левиафане.

Он с трудом глотает слюну и бросает взгляд на меня. Я изо всех сил стараюсь сохранять бесстрастное выражение лица.

— Левиафан уже был здесь раньше, — говорит он, снова глядя на Кристиану. — Я не солгал. Он был призван сюда еще тогда, когда образовался «Вордвуд».

— Это невозможно, — возразила Кристиана. — Я не слишком много знаю о левиафанах, но что они никак не проявляют себя физически — это мне известно.

— Он и не проявлял, — говорит Либрариус. — Он просто и был «Вордвудом». По крайней мере, пока не запустили вирус.

— Так что случилось?

— Ты должна понять, — говорит Либрариус. — Такое место, как это, которое так легко доступно кому угодно...

— Через Интернет?

Он кивает:

— Это очень лакомый кусок. В наше время духам трудно утвердиться. Люди редко проявляют склонность к ритуалам и поклонению. «Вордвуд» — это просто золотое дно. Каждый посетитель воздает почести тому, кто держит сайт под контролем.

— Ты пытаешься убедить меня, что Левиафан хотел поклонения?

— Не Левиафан. Я. И любое существо вроде меня хотело бы этого.

— То есть ты?..

— Дух-привратник.

— Ага.

— Что это значит? — спрашиваю я.

Кристиана поворачивается ко мне.

— Люди всегда стремились к Великим Тайнам, — объясняет она. — Но не многие способны вступить с ними в контакт самостоятельно. И они прибегают к помощи посредников. Это может быть религия. Какие-то ритуалы, которые придумывают для себя или какого-то узкого круга. Иногда почести воздают духу-привратнику, а он за это связывает с духами, с которыми люди хотят вступить в контакт. Обычно имеет место сочетание всего, что я перечислила, — лишь бы добраться до нужного духа.

— Как поисковая программа, — говорит Джексон.

Кристиана кивает:

— Пожалуй. Только все это носит гораздо более личный характер, так как...

Она не договаривает, потому что из-под земли доносится новый раскат грома. Я хватаюсь за ближайший шкаф. Когда содрогающаяся земля опять на некоторое время успокаивается, Кристиана снова переключается на пленника.

— Итак, тебе нужен был Вордвуд, — говорит она. — И когда вирус лишил Левиафана силы, ты пришел и захватил тут все.

— Что-то вроде того. Только вирус не лишил Левиафана силы. Левиафан просто оказался дезориентирован. Я присматривался к этому месту веками. Когда объявился вирус и я увидел, что тут происходит, я воспользовался этим...

Я не очень поняла, но Кристиана понимающе кивает раньше, чем я успеваю открыть рот.

— Ты дал ему физическое тело, — говорит она.

— Я думал, это сработает. Ведь ни мне, ни кому-либо другому не под силу взять и просто выбросить отсюда Левиафана.

— А так ты просто убьешь его, — говорит Кристиана, и голос ее снова звучит угрожающе.

— Я не знал! — оправдывается Либрариус. — Клянусь, что я не знал.

— Вот почему Вордвуд рушится у нас на глазах.

Либрариус качает головой:

— Умирание Левиафана превращает это место в мир теней. Всякий, кто взглянет на него извне, увидит тьму и отчаяние. Уже предпринимались шаги подобраться сюда из других областей Мира Духов — не кем-то конкретно, а именно самим Миром Духов.

— И что? — спрашивает Кристиана.

— Если сейчас откроется дверь в Вордвуд, если кто-нибудь войдет или выйдет, то миазмы распространятся на Другие Миры.

— Но почему Вордвуд распадается?

— Не знаю. Возможно, кто-то пытается изгнать из него духов. Я ощущаю внутри некие толчки, требование уйти. Это звучит во мне как древняя музыка, первая музыка, которая когда-то сотворила мир.

Кристиана медленно наклоняет голову:

— И куда она тебя отошлет? В бездну, которая когда-то тебя изрыгнула?

— Не совсем. Я уже какое-то время жил в Мире Духов, прежде чем обрести теперешний облик. Но меня может распылить. Мне потом пришлось бы очень долго собирать себя по частям.

— Что ж, невелика потеря, — говорит Кристиана. Она некоторое время разглядывает его. — Но ты, кажется, не особенно расстроен?

— А чего мне расстраиваться? Левиафан сопротивляется тому, что его могучий дух втиснут в физическую оболочку. Мы все погибнем раньше, чем меня изгонят.

— А погибнуть — это лучше?

Либрариус улыбается:

— Для меня — да. Если бы сработало изгоняющее заклинание, то я мог бы больше так никогда и не собрать частицы своего духа, чтобы вести прежнее существование. А умирать мне уже случалось. И не составит труда воскреснуть из мертвых — ведь я дух-привратник, в конце концов. — Он улыбается еще шире. — Как жаль, что для вас все иначе.

— Да, просто ужасно несправедливо, — говорит Кристиана.

Она хочет встать, но новый толчок сотрясает землю. Мы все вынуждены схватиться за шкафы. Когда гром стихает, Кристиана наконец встает на ноги.

— Кто-нибудь вставьте ему снова кляп, — говорит она. — И следите за его руками. Если начнет шевелить пальцами — не церемоньтесь. Переломайте, и все. — Она испытующе смотрит на нас с Джексоном. — Как думаете, сможете?

Я понимаю, зачем это нужно, но сомневаюсь, что смогу. Но Джексон кивает.

— Да, я смогу, — говорит он.

Кажется, у него наконец открылось второе дыхание, хотя, может быть, я и заблуждаюсь. В каком-то смысле ему пришлось тяжелее, чем всем нам, ведь на него, кроме всего прочего, еще и давит чувство вины за все происходящее.

— Что ты собираешься делать? — спрашиваю я Кристиану.

— Найти что-нибудь, чем можно было бы убить Левиафана, — говорит она и тут же уходит, прежде чем я успеваю о чем-то расспросить ее.

Пройдя полдюжины шагов по проходу между книжными шкафами, она переходит на бег.

Кристи

Мы идем по мокрому лесу, старательно выбирая, куда ступить, постоянно поскользываясь, разбрызгивая грязь, то и дело натываясь на стволы деревьев, которые, если глянуть на них боковым зрением, не что иное, как... книжные шкафы. Но стоит опять посмотреть на них в упор — вековые деревья.

Не знаю, как долго нами владеет паника, но в конце концов Боджо берет меня за руку и останавливает. Рауль, не успевший затормозить, налетает на нас сзади. Он упал бы, но мы с Боджо вовремя подхватили его под руки. Сюзи и Аарон тоже останавливаются, перестав, таким образом, обдавать нас грязью.

Мы все тяжело дышим. Не знаю, как у остальных, а у меня колет в боку, так что мне приходится прислониться к ближайшему дереву. Я разглядываю кору. Не знаю, что это за деревья, но они огромные. У некоторых такие толстые стволы, что мы впятером не могли бы обхватить их руками. И они устремляются вверх, в бесконечность. В реальном мире их можно сравнить только с калифорнийскими мамонтовыми деревьями.

Мы довольно долго стоим, переводя дух. Потом Аарон о чем-то заговаривает, но Боджо предостерегающе поднимает руку. Он возвращается на несколько шагов туда, откуда мы пришли, наклоняет голову и прислушивается. Мы опять слышим гром, но кажется, что он очень далеко.

— Кажется, худшее позади, — говорит Боджо, вернувшись к нам.

Он вновь идет, и я стараюсь не отставать от него.

— Кто-нибудь еще видит книжные шкафы вместо деревьев? — спрашивает сзади Рауль.

— Это и есть книжные шкафы, — отвечает Сюзи.

Мы снова останавливаемся.

— Что? — спрашиваю я.

— И в то же время деревья, — добавляет она. — Они существуют одновременно. Не забывайте, я здесь родилась.

«Как и Саския», — говорю себе я, и снова, стоит мне подумать о ней, меня пронзает боль утраты.

— Вы знаете, куда мы сейчас идем? — спрашивает у Сюзи Боджо. — Чего нам ждать?

Она качает головой:

— Я только знаю, что мы в Вордвуде. У меня очень знакомое ощущение, — потом она пожимает плечами, — и в то же время очень незнакомое. С духом Вордвуда что-то не так.

— Ага, точно, не так, — насмешливо подхватывает Рауль. — Он пытается нас убить.

— Нет, не думаю.

— Пойдемте дальше, — говорит Боджо. — Можно разговаривать и на ходу.

— Но как они одновременно могут быть и деревьями, и книжными шкапами? — спрашивает Аарон, когда мы снова трогаемся с места.

— Не знаю. Просто это так, — отвечает Сюзи.

— Мне кажется, я понимаю, — говорю я. — Это вопросы апперцепции. Мы видим то, что ожидаем увидеть.

Аарон усмехается:

— То есть это опять из той же оперы: Мир Как Он Есть, потому что нам удобнее видеть его таким?

— В общем, да.

— Но ведь никто из нас не знал, чего ждать, — возражает Аарон. — Так почему же все мы воспринимаем это как лес?

— Может быть, из-за названия? — высказывает предположение Рауль.

Разговор сходит на нет, а мы продолжаем идти. Очень медленно окружающий пейзаж начинает меняться. Земля под ногами становится более твердой. Грязи больше нет, вернее, она высохла и затвердела. Теперь тропинка такая же, какой была, когда мы преодолели стену тумана. Деревья такие же большие, какими были и раньше, но с ветвей больше не капает. Как будто и не было никакого дождя.

Не знаю, как остальные, а у меня то и дело перед глазами появляются призрачные силуэты шкафов, под ногами вместо грязи мне все чаще видится пол, как будто мы плутаем между стеллажами огромной безлюдной библиотеки. Не знаю, все ли чувствуют то же самое. Тут Боджо снова резко останавливает нас.

— Что? — спрашиваю я, понизив голос.

— Я кое-что слышу, — говорит он. — Шаги. Кто-то приближается, и довольно быстро.

Мы все уже слышим это. Как будто кто-то несется во весь опор. К нам, судя по всему. Или это кто-то убегает от какой-то новой опасности? И вот она показывается, впереди на тропинке, ярдах в шести от нас, появляется из-за деревьев... нет, скорее, из бокового коридора, потому что деревья вдруг исчезают, а шкафы, наоборот, обретают реальность. Мы совершенно сбиты с толку — все мы, но я особенно. Не только потому, что так резко меняется все вокруг, но еще и потому, что я узнаю эту женщину. Когда она поворачивается к нам, я вижу такое же потрясение и на ее лице.

— А ты что здесь делаешь? — одновременно спрашиваем мы друг друга.

— Ого! — восклицает Рауль. — Это Саския?

Я слышу надежду в его голосе. Потому что, если это Саския, значит, и его Бенни может быть где-то поблизости. Мне очень тяжело разочаровывать его.

— Это моя тень, — говорю я.

Она подходит к нам. Впервые встречаю ее в таком виде. Нет, она часто бывает несколько взъерошенной, но, мне кажется, это сознательный выбор. А сейчас я точно знаю, что ей просто не до того, как она выглядит. У нее такой вид, как будто она спала в одежде, хотя, думаю, мы все выглядим не лучше. Особенно после прогулки по туннелю.

Взгляд ее блуждает, останавливаясь то на одном, то на другом из нас.

— У кого-нибудь есть оружие? — спрашивает она.

Она, как всегда, обходится без предисловий. Сразу приступает к делу.

— Что значит — твоя тень? — спрашивает Аарон.

Но оказывается, не я один узнал ее.

— Я тебя знаю, — говорит Боджо, — ты — одна из подруг Макси.

Моя тень кивает:

— Да, я тоже тебя где-то видела, только не могу припомнить где. Может быть, в Хинтерленде?

Кто эта Макси, интересно? Я столько еще не знаю о своей тени, что целая библиотека наберется.

— Скажи, у тебя есть клинок? — говорит она. — Вы, жестянщики, славьтесь своими клинками.

Боджо качает головой:

— Нет, но у меня, возможно, есть кое-что и получше: нож на ищеек.

— Ты шутишь!

Боджо ставит сумку на землю и достает из него свернутую рубашку. Развернув ее, он вынимает нож, который ищейка метнул в гитару Роберта. Я и забыл, что Боджо поднял его тогда.

— Превосходно, — говорит моя тень.

— Так с кем мы деремся? — спрашивает жестянщик, засовывая рубашку обратно в сумку.

— Мы не деремся ни с кем, — отвечает она. — А лично я собираюсь убить Левиафана.

И она снова ныряет в тот коридор, из которого появилась. Мы все стоим неподвижно, как манекены, потом устремляемся за ней, но она уже далеко. Слишком далеко, чтобы мы могли ее догнать. Я удивляюсь, почему она просто не испарилась, как обычно поступает дома, но потом понимаю, что в этом нет никакой необходимости, — она и так легко оторвется от нас.

— Ну?.. — говорит Аарон. — И что, черт возьми, все это значило?

Боджо задал очень быстрый темп, и мы едва поспеваем за ним. Мы так вымотались, что сил уже не хватает. По пути я как умею объясняю происхождение своей тени.

— Как-то это нездорово, — говорит Аарон.

— Ты это говоришь после двух последних дней?

— Да, я понимаю, — кивает он. — Но послушай! Твоя тень разгуливает сама по себе?

— Ты что, спал тогда, на лекции по философии? Джанг сказал...

— Да помню я, что он сказал! Но ведь он говорил символически, не буквально.

— Забудьте об этом, — советует Рауль. — Если что-то невероятно, это не значит, что это неправда. Больше не значит. И потом, как насчет Сюзи? Разве ее происхождение менее невероятно?

Аарон вздыхает:

— Я понимаю. Но просто...

— Это слишком ново для большинства из вас, — говорит Сюзи. Она берет Аарона за руку. — Мне и самой временами кажется, что у меня поехала крыша.

— Итак, что ваша тень здесь делает? — спрашивает Рауль.

— Понятия не имею, — говорю я. — Я мало знаю о ней и, возможно, большего и не узнаю. Я даже не знаю, как ее зовут.

— Кристиана, — бросает Боджо через плечо.

— Откуда ты... — начинаю я, но потом вспоминаю, что они ведь встречались раньше.

— Стремишься узнать, как зовут женщину, — говорит жестянщик в ответ на мой неоконченный вопрос, — когда она так привлекательна и очаровательна.

Я и так и сяк верчу это имя в голове. Как это странно — вдруг узнать ее имя! Узнать, что оно так похоже и в то же время непохоже на мое.

Мне хочется спросить Боджо, что еще он знает о ней и о ее подруге Макси и вообще обо всем, чем он мог бы поделиться с нами, но Аарон не унимается.

— Итак, она собирается убить кита тем самым ножиком, который вынули из убитой ищейки? — спрашивает он.

Боджо качает головой:

— Не кита, а Левиафана.

— Но это одно и то же.

— Здесь это не одно и то же, — поясняет жестянщик. — Хотя, сказать по правде, я вообще никогда раньше не верил, что они реальны.

— В то, что они существуют физически, — уточняет Сюзи.

— Можно вот отсюда поподробнее? — говорю я. — Кто такой Левиафан?

— Это очень большое и очень древнее существо, — объясняет Боджо. — Из тех духов, которые существовали до сотворения мира. Легенда гласит, что именно они дали Рейвену музыку, с помощью которой он сотворил мир. И, как только что сказала Сюзи, они не должны проявлять себя физически.

— Значит, это боги, которые сотворили бога, — подытоживает Аарон. — Оцените: я вполне верю в такую программу. Я не протестую и не качаю головой.

— Ворон — не бог, — говорю я. — Он сотворил мир, как заводят машину. Просто оказался рядом с ключами в руке.

— Ты, стало быть, и с богом побеседовал? — говорит Аарон.

Я качаю головой:

— Да нет, он просто тот самый парень, на которого все ссылаются, как на Ворона. Как на Ворона, единственного и неповторимого.

— Боже мой! Как я, оказывается, был далек от всего, — улыбается Аарон.

Я уже готов сказать, что это самое я и пытался втолковать ему все эти годы, но тут опять раздается оглушительный грохот, который я так хорошо запомнил еще по туннелю. На этот раз он доносится из-за шкафов справа. И на этот раз никто не останавливается, чтобы обсудить это или хотя бы обдумать. Мы просто бежим со всех ног. За нами, в том месте коридора, где мы только что стояли, открывается трещина, она раскалывает пол. Шкафы по обеим сторонам коридора падают, из них сыплются книги. Мы все, кроме Боджо, который вырвался далеко вперед, теряем равновесие и падаем друг на друга, распластавшись по полу.

Боджо возвращается и поднимает Рауля. Остальные вскакивают сами, и мы снова бежим.

Забавно. Несколько секунд назад я едва мог поспевать за Боджо, когда мы пытались угнаться за моей тенью. А сейчас несусь во весь опор, подгоняемый адреналином и страхом.

Холли

Другие Миры оказались вовсе не такими, как Холли себе представляла. Она ожидала... ну, волшебства, что ли. И что все будет странно и не похоже на обычный мир, как будто ты вошла в одну из картин Дали или этих сбивающих с толку композиций Эшера, где верх — внизу и в то же время этот низ и есть верх. А в том месте, куда их привела матушка Крон, не нашлось даже замка в баварском стиле или старого дремучего леса, о котором все время рассказывали Софи и Джилли.

Вместо этого они просто перешли из торгового центра на довольно грязную тропинку. По краям тянулись самые обычные поля, заросшие травой, а вдалеке виднелись горы. Вдоль тропинки росли кусты боярышника и ежевики.

Честно говоря, торговый центр с пляшущими человечками выглядел гораздо более волшебным. Единственное, что было очень странно, — это стена тумана, которая поднималась в паре сотен ярдов перед ними, загораживая нечто, что напоминало лес с вековыми деревьями. Она улыбнулась, увидев их. Ну вот, это уже больше похоже на лес-собор Джилли. Холли проследила взглядом путь от вершин деревьев до того места, где тропинка терялась в тумане.

Возле стены стояли двое мужчин.

— Спрячьтесь за меня, — сказала матушка Крон, встав между своими спутниками и незнакомцами.

— Да ничего страшного, — сказала Холли, поняв, что пророчица старается защитить их от этих двух мужчин. — Это наш друг Роберт.

— А этот человек с ним?

Человек, как и Роберт, тоже был одет в темный костюм. Он тоже был в шляпе, только вместо гитары у него была трость.

— Мы его не знаем, — сказал Джорди.

Матушка Крон кивнула:

— Зато я знаю.

Холли не понравилось, как она это сказала. Что-то такое было в ее голосе, что намекало на неприятности, которые их теперь ожидают. «Может, лучше уйти?» — хотелось ей сказать, но мужчины уже повернули голову в их сторону, так что отступить незаметно было уже невозможно.

Джорди встал рядом с матушкой Крон. И поднял руку.

— Привет, Роберт! — крикнул он.

Он двинулся вперед, и Холли последовала за ним. Матушка Крон подождала немного и тоже пошла за ними, сопровождаемая маленькой Хэзл.

Роберт приветственно кивнул:

— Меньше всего ожидал встретить здесь именно вас.

— Мы очень беспокоились, — объяснила Холли.

— Да, было от чего.

Холли вздохнула. Не очень-то приятно услышать такое. Несмотря на тревожные нотки в голосе матушки Крон, Холли все еще надеялась, что пророчица ошиблась в оценке ситуации.

— Что там происходит? — спросил Джорди.

— Тот мир распадается на куски, — сказал Роберт. — И отчасти по моей вине. Я попытался изгнать оттуда злых духов, которые там поселились, но после первого же аккорда потерял контроль над происходящим.

— Там Кристи, — сказал Джорди. — И остальные. Боджо и Рауль. И все эти люди, которые исчезли.

— Я знаю, — сказал Роберт. — Не думайте, что я этого не знаю.

— Но если тот мир рушится...

— Он не обязательно разрушится полностью, — сказал спутник Роберта. — Я думаю, хаос продлится лишь до тех пор, пока не будут уничтожены злые духи. А они будут уничтожены. Просто это оказалось более хлопотно, чем мы ожидали.

Роберт бросил на него быстрый и неприязненный взгляд.

— Ну ладно, ладно, чем я ожидал, — примирительно проговорил незнакомец. — Но как только они будут устранены, я тут же проскользну туда и наведу порядок. И если ваши друзья подыскали себе сейчас место, где можно переждать неприятности, то, как только я туда попаду, с ними все будет в полном порядке.

— Да, вот только у нас нет никакой уверенности, что все обернется именно так, — вставил Роберт.

Тем временем матушка Крон отошла от них и приблизилась вплотную к стене тумана. Заглядывает внутрь, сначала подумала Холли, но когда подошла поближе к пророчице и маленькой Хэзл, не отстававшей от той ни на шаг, то увидела, что взгляд матушки Крон обращен в себя.

— Очень маловероятно, что хоть кто-нибудь там выживет, — наконец сказала она, обращаясь к Роберту. — Там гибнет Левиафан.

У Роберта расширились глаза.

— Что?!

— Да, — подтвердила матушка Крон. — Я никогда не видела и не встречала Левиафана и не знаю никого, кто встречал бы. Но этот дух — такой древний и такой мощный, да и как может быть иначе? — Она перевела взгляд на спутника Роберта. — Что ты думаешь по этому поводу, Калфу?

— Вы меня с кем-то путаете, — сказал человек, к которому она обратилась. — Меня зовут Легба.

Матушка Крон понимающе кивнула:

— Сегодня — возможно.

— Послушайте, — сказал Легба. — Не знаю, каких вы там историй наслушались, но я — просто дух, такой же, как вы. Мне вовсе не нужны неприятности. Единственное, чего бы

мне хотелось, — знать, что в мире какой-никакой порядок.

Матушка Крон опять закивала:

— Ну и в тысячу раз расширить сферу своего влияния, став духом-привратником этого мира.

— От этого никто не отказался бы.

— Возможно. Но твои чары не действуют на Левиафана. Это все равно что удержать торнадо в стакане воды. Невозможно.

Роберт кивал, пока она говорила:

— Они вообще физически никак себя не проявляют.

— Ну, тогда скажите мне на милость, кто же сейчас там находится?

— Некий дух-привратник, — ответил Роберт. — Я никогда его не встречал.

— И еще кто?

— И кто-то древний и могущественный, — продолжил Роберт, поколебавшись. — Это я чувствовал. Но... послушайте. Кто же мог знать, что это Левиафан?

— Думаю, вы не могли этого знать, — сказала матушка Крон. — И все же пустить в ход изначальную музыку...

Она не договорила, и взгляд ее снова обратился внутрь себя, но что именно ее привлекло, Холли понять не могла. Ее и двоих мужчин. Все они теперь пристально смотрели в никуда.

Холли тяжело вздохнула. Весь их разговор между собой лежал за пределами ее понимания, и, повернувшись к Джорди, она обнаружила у него то же выражение, которое, она знала, было сейчас и на ее собственном лице. Она перевела взгляд на сопровождающую пророчицы — маленькую Хэзл.

— Ну а ты? — спросила она девочку. — У тебя есть соображения насчет того, что там происходит?

Хэзл покачала головой:

— Что-то очень плохое.

— Ну да, это-то мы поняли, — сказал Джорди. Он обернулся, чтобы еще раз посмотреть на стену тумана. — Какое ужасное чувство — знать, что они где-то рядом, а мы ничего не можем сделать!

Холли кивнула:

— Честно говоря, я и правда надеялась, что мы совершим такую кавалерийскую атаку...

— Ничего нельзя изменить, — сказала Хэзл. — Не стоит и пытаться.

Холли было ненавистно это стоическое принятие неизбежного.

— Например, эта рыба-кит, от которой все приходят в такой священный ужас, — раздраженно сказала она.

— Это не рыба, — возразила Хэзл.

— Ну да, точнее — млекопитающее, — сказал Джорди.

— Это один из древнейших духов, от которых произошел весь мир, — продолжала девочка-ветка совершенно невозмутимо, как будто ее никто и не прерывал. — Таких, как Грейс, например.

— Я слышал о ней, — сказал Джорди, обращаясь к Холли. — Она олицетворяет собой все лучшее, что есть в... в общем, во всем.

— Ну хорошо, а этот дух что собой олицетворяет? — спросила Холли. — Этот самый Левиафан, который, как сказала матушка Крон, сейчас в Вордвуде?

— Не знаю, — ответила Хэзл. — Не думаю, что духи вообще что-либо олицетворяют. Они, скорее, выходы в целительные зоны — туда, откуда мы все пришли, когда создавался мир.

Холли все еще пыталась как-то осмыслить это объяснение, когда матушка Крон вдруг шевельнулась.

— Странно, — пробормотала пророчица.

Потом глаза ее распахнулись. Они с Легбой обменялись изумленными взглядами.

— Черт! — воскликнул Роберт. — Надо убираться отсюда!

Матушка Крон одной рукой схватила за руку Хэзл, другой — Джорди и оттащила их от стены тумана. Прежде чем Холли успела спросить, что происходит, она уже, увлекаемая Легбой, со всех ног бежала по грязной тропинке за матушкой Крон и остальными. Роберт бежал последним.

Холли понимала, что стоит ей оглянуться — и она ослепнет. И сейчас глаза слезились от белого свечения, которое догоняло их сзади. Никаких звуков не было — только этот слепящий свет. А потом порыв ветра поднял их, как если бы они были листьями и ветками, и разметал по тропинке.

Кристиана

Стало еще хуже. Я понимаю это, пока бегу обратно — туда, где оставила Саскию и Джексона присматривать за Либрариусом и Левиафаном на берегу озера. Вокруг рушатся книжные шкафы, разверзаются бездны. Огромная трещина открывается прямо за моей спиной. Надеюсь, Кристи и его друзья не пострадали, но у меня сейчас нет времени возвращаться и проверять. Еще одна пропасть открывается прямо передо мной.

Я ее перепрыгиваю, но, когда приземляюсь, земля все еще колеблется, и этого достаточно, чтобы вывести меня из равновесия. Я налетаю на книжную полку и больно ударяюсь о нее плечом. Книги разлетаются и падают на пол вокруг меня. Не знаю как, но мне все же удастся удержать нож ищейки, который я получила от жестянщика.

Я пытаюсь подняться на ноги и вижу, что трещина расширяется, шкафы по обе стороны от меня соскальзывают в нее. Защищаюсь рукой от падающих книг. Пока они летят с ближайших полок, но я знаю, что в любую минуту начнут падать и с верхних. И если одна из них попадет в меня, то ушибами и ссадинами я не отделаюсь.

Идти трудно. Пол теперь располагается под каким-то странным углом, он наклоняется назад. Как будто норовит столкнуть меня в расселину. Едва удастся удержаться, когда шкаф справа от меня ныряет в пропасть. Разрешив себе оглянуться назад, слышу оттуда, из-под земли, характерный треск.

Я, только сейчас, на обратном пути, поняла, как далеко забралась в поисках оружия. Кажется, несколько миль пробежала. Вообще-то, я очень вынослива, но, когда добегаю до берега озера, у меня сильно колет в боку. У Саскии удивленно расширяются глаза при виде большого ножа у меня в руках. Джексон все еще караулит Либрариуса.

— Не давай ему даже шевельнуться, — говорю я ему, пробираясь к огромному распростертому — половина в воде, половина на суше — телу Левиафана.

— Не беспокойся, — заверяет он.

Похоже, я его недооценила, он оказался гораздо более способным, чем я думала.

— Кристиана! — зовет Саския.

— Не волнуйся, — говорю я. Так легче — притворяться, что я полностью контролирую ситуацию. — Я там видела Кристи и других. Им нужно время, чтобы добраться сюда, да еще притом, что эти проклятые шкафы все время падают. Но думаю, они скоро дойдут.

— Кристи здесь? С ним все в порядке?

— Он выглядел прекрасно.

— А кто с ним?

— Я никого из них не знаю, но думаю, все они пришли спасать пропавших.

— Но...

— Нет времени, — останавливаю я ее.

Я прибавляю шаг, чтобы оторваться от нее, но, пожалуй, не стоило стараться. Она теперь неотрывно смотрит туда, откуда я пришла, и больше не идет за мной. Явно думает о Кристи.

И вот я совсем рядом с Левиафаном, его огромное тело возвышается надо мной.

Да, я верю — он такой большой и есть. То есть я хочу сказать, я знала, что он большой: это видно с любого расстояния, но что он настолько огромный — понимаю только сейчас, когда рушатся всякие представления о размерах. Такое впечатление, что мое сознание не в силах вместить этой огромности и сводит ее к чему-то приемлемому — знаете, что-то вроде двадцати футов в высоту вместо двухсот, как на самом деле.

Но он не двадцати футов в высоту. Он — настоящая гора. Чудовище.

Я смотрю на нож, зажатый у меня в руке.

Да, нечего сказать — оружие!

Но ведь ничего другого не было. Пока я не наткнулась на Кристи и его друзей, мне вообще попадались тут только книги. Кучи книг. Так что мне было делать? Зарезать его вырванным из книги листом бумаги?

Вообще-то, я не собираюсь убивать его. Я просто хочу освободить его от бремени плоти, которая как раз и убивает его. Это звучит странно, но смысл в этом есть.

Бросаю еще один взгляд на нож, потом сжимаю его зубами — довольно странное ощущение — и подступаю к огромной ручище Левиафана.

Мне случалось заниматься и более неприятными делами, но редко. Если вкратце, вот что я сейчас делаю: раздвигаю полуразложившуюся кожу этого монстра, чтобы добраться до его грудной клетки, постепенно, шаг за шагом. Желудок сводят спазмы отвращения.

Я все жду, что он поднимется. Нет, не то что встанет и осмотрится — это уж слишком. Просто поднимет гигантскую руку, чтобы смахнуть надоедливое насекомое. Я просто вижу, как он это проделывает. У меня всегда было живое воображение.

Но вот я уже почти подобралась к его грудной клетке, а он даже не шелохнулся. Я чувствую лишь, что губчатая плоть тяжело вздымается, следовательно, он жив. Едва жив.

Я разжимаю зубы, вынимаю нож и медленно подбираюсь к горлу, выставив вперед руки, чтобы его дыхание не свалило меня с ног. Я уже у самой ямки у него на шее. Без труда я нахожу сдвоенную сонную артерию, которую должна рассечь. Пробую пальцем лезвие ножа. Оно острее бритвы.

Я подношу нож к тому месту, где под кожей пульсирует артерия.

И... не могу сделать этого.

Не важно, что это из лучших побуждений. Нет, похоже, я недостаточно подробно рассмотрела другие возможности. Да, конечно, он умирает. И поскольку он умирает, «Вордвуд» разваливается. Но кто сказал, что стоит мне убить его — и его дух вернется в Вордвуд таким, каким он был до появления Либрариуса? Насколько я понимаю, я лишь ускорю разрушение Вордвуда.

Сайт погибнет, и мы вместе с ним.

Если бы я знала, что делать!

Если бы кто-нибудь другой появился и взял на себя ответственность!

Забавно. Я самый самостоятельный и независимый человек из всех, кого я знаю, но сейчас действительно отдала бы что угодно за то, чтобы кто-то за меня принял решение. Или хотя бы дал мне умный совет. И как это Мамбо не подготовила меня в свое время к подобной ситуации? Мне казалось, что она старалась обучить меня буквально всему, вплоть до ремонта раковины на кухне. Я, например, знаю все о том, как притворяться человеком и как вести себя в Пограничных Мирах и в Других Мирах, но, когда речь заходит о левиафанах, я пас.

Я смотрю на остатки библиотеки. Да, становится все хуже и хуже. Трещины разрезают каменный пол, шкафы рушатся, слышится жуткая какофония. С моего места прекрасно видны глубокие дыры в полу в тех местах, где стояли шкафы.

Я думаю о том, что сказал мне Либрариус. Как он не боится умирать, потому что, умерев, просто родится вновь, причем самим собой. Он боится другого — того, что сила, разрушающая Вордвуд, разрушит и его дух, потому что тогда он уже вряд ли сможет снова стать самим собой.

Вот и ответ на мой вопрос. Если Левиафан умрет, то есть если у меня все-таки хватит

смелости пустить в ход свой нож, он останется собой. А если я не убью его, тогда его, как и Либрариуса, разорвет в клочья, как только Вордвуд развалится.

Я не могу этого допустить. Левиафан этого не заслужил. Насколько мне известно, это именно он снабдил Ворона всем необходимым, чтобы тот сотворил мир, всего лишь ничтожной частью которого является этот уголок Других Миров. Какая ирония судьбы!

Прежде чем решиться, я делаю глубокий вдох, потом вонзаю нож в артерию и перерезаю ее. Нож входит так легко, как будто я режу пудинг. Никакого сопротивления. А потом отверстие, сделанное мной, начинает расширяться. Из него вырывается фонтан крови, целый красный гейзер. Огромное тело подо мной вздрагивает, и я падаю, съезжая по скользкой от крови коже.

Как странно и жутко! Мое восприятие замедляется, как у человека, попавшего в автокатастрофу. К тому же я чувствую огромные перемены... в воздухе, у себя внутри. Что-то во мне сдвинулось. Где-то очень глубоко. В костном мозге.

На меня льется кровь. Я вся в его крови.

Я иду по плечу Левиафана. Стараюсь ухватиться за что-нибудь, хоть за что-нибудь, но его кожа очень скользкая от крови.

Потом я оказываюсь в воздухе.

Падаю.

Все вокруг становится белым.

Кристи

Мы едва не теряем Боджо в очередной трещине. Пропась открывається прямо у наших ног, отделяя Аарона и Сюзи от остальных. Аарон прыгает, потом они с Боджо протягивают руки Сюзи. Пропась расширяется, из-под ног в нее сыплются камни. Книжные шкафы тоже сползают вниз. Сюзи прыгает, Боджо и Аарон ловят ее и оттаскивают от края. Но не успевают они оказаться на твердой земле, как у них под ногами образовывается новая трещина.

Боджо толкает Аарона и Сюзи туда, где их подхватываем мы с Раулем, но сам срывается. Его спасает только то, что он успевает схватиться за книжный шкаф. Сыплются книги. Пролетев мимо Боджо, они исчезают в бездне. Боджо пытается выбраться, цепляясь за нависший над пропастью угол шкафа, но и вторая ножка шкафа ползет вниз.

— Держись! — кричит Рауль.

Он распластывается по земле и свешивает свой рюкзак Боджо. Мы с Аароном и Сюзи держим Рауля за ноги. Боджо дотягивается до одной из лямок рюкзака. Рауль держит другую обеими руками. Еще один дождь из книг — хорошо, что это тонкие брошюры. Просто чудо, что никто из нас еще не получил сотрясения мозга от какого-нибудь толстого тома.

Боджо хватается за лямку, и мы начинаем тянуть Рауля назад, таким образом поднимая и Боджо повыше. Нам удастся поднять его на пару ярдов, потом он сам находит опору для ног и взбирается на твердую почву. Не знаю, как у остальных, а у меня сердце колотится в два раза быстрее обычного.

Но передохнуть не получается. Опять треск.

— Берегитесь! — кричит Сюзи.

Новая трещина прямо перед нами. Мы отползаем в боковой коридор, чтобы уйти от нее. Эта щель расширяется быстрее, чем остальные, книги сыплются и пропадают в бездне.

— Сюда! — командует Боджо.

Он ведет нас по боковому коридору. Один, другой перекресток. На третьем он сворачивает туда, куда мы следовали раньше, туда, куда ушла моя тень. Вокруг нас — скрежет, грохот падающих книжных шкафов.

— Я всегда именно так и представлял себе конец, — говорит Рауль, пока мы бежим за Боджо. — Если имеешь дело с чем-то настолько мощным, ты можешь быть каким угодно храбрым, очень стараться, но все твои усилия ни к чему не приведут.

— Я в это не верю, — возражает Сюзи сзади. — Важно делать усилия. Ты можешь не решить основной проблемы, но что-то все-таки улучшишь.

— Это особенно утешит тебя после смерти, — вставляет Аарон и тут же вскрикивает: — Ай!

Вероятно, Сюзи дает ему пинка.

Только я собираюсь тоже принять участие в дискуссии, как Боджо, бегущий впереди, окликает нас:

— Эй! По-моему, это выход!

Мы все смотрим вперед. Вдалеке, между книжными шкафами, я различаю нечто совершенно невозможное. Озеро посреди библиотеки! И гигант, из горла которого хлещет кровь.

Потом — белая вспышка. Ослепленные, мы наталкиваемся друг на друга и падаем.

Пытаясь подняться, я вдруг осознаю, что глаза у меня по-прежнему открыты, но я ничего не вижу.

А потом мир исчезает.

Холли

Холли очень медленно поднялась из грязи. Она далеко не сразу вспомнила, где находится и что с ней случилось. В ней все еще дрожало эхо взрыва. Рот был полон пыли, перед глазами плыли круги. В ушах звенело, ей казалось, что ее избили, но только синяки и ссадины — внутри, под кожей. Но после легкого приступа дурноты в глазах перестало мелькать, и ей удалось найти свои очки. Она надела их и осмотрелась.

Неподалеку стоял Легба и рукой в перчатке отряхивал пыль со своего костюма. Потом он наклонился, чтобы отряхнуть пыль и с брюк, рукав пиджака задрался, и у Холли расширились глаза от того, что она увидела. Вместо руки там были одни кости, соединенные между собой бог знает чем.

«Я не видела этого», — подумала Холли и отвернулась. Но она все же вспомнила, что он ведь недавно брал ее за руку. И это совершенно точно была совершенно настоящая рука.

Джорди помогал матушке Крон подняться. Маленькая Хэзл сидела на тропинке, вытянув ноги. У нее был несфокусированный взгляд и крайнее замешательство на крошечном личике. Еще чуть подальше Роберт рукавом вытирал гитару. Их взгляды встретились.

— Достается ей, бедной, — сказал он, кивнув на гитару. — После ножа ищeyки и такого падения ей понадобится серьезный ремонт.

Холли кивнула, не зная, что сказать. Она чувствовала себя виноватой перед ним за гитару, хотя гитара, пожалуй, была не самой серьезной из их бед. Кроме Легбы, все остальные находились здесь из-за нее. Не говоря уже о Кристи и остальных, запертых в Вордвуде.

Наконец она снова обратила взгляд на стену тумана, которая загораживала им Вордвудский лес.

Теперь стена стала другой. Совершенно мутной и непроницаемой. Холли понятия не имела, что это значит, но была уверена, что ничего хорошего.

— Что... что случилось? — спросила она, поднявшись наконец на ноги.

Матушка Крон покачала головой.

— Все изменилось, — сказала она. — Но каким образом и почему — понятия не имею.

Она занялась Хэзл: гладила ее локоны, напоминающие виноградные лозы, пока девочка не вздрогнула и не пришла в себя.

— Я могу сказать вам, что изменилось, — подал голос Легба. — Левиафан покинул свою физическую оболочку и заполнил собой все пространство за стеной. Он теперь — этот мир, а этот мир — он. Там больше нет места для духа-привратника, потому что больше туда никто не войдет и никто оттуда не выйдет.

— Следовательно, тебе этот мир больше неинтересен, — подытожил Роберт.

Легба ответил ему быстрой и отнюдь не добродушной улыбкой, в последний раз провел рукой в перчатке по своему рукаву...

«Только не думай о том, что под тканью, — сказала себе Холли. — Или, точнее, о том, чего там нет».

...и поднял свою трость.

— Вряд ли я еще когда увижу кого-нибудь из вас, — сказал он. Потом посмотрел на Роберта. — Кроме тебя, разумеется. С тобой-то мы точно еще увидимся. Хотя бы однажды.

Он дотронулся рукой до шляпы, поковырял грязь тросточкой, шагнул в сторону и... исчез. Холли удивленно заморгала.

— Что он хотел этим сказать? — спросил Джорди.

Роберт пожал плечами:

— Знаете, эти старые духи... Они любят порисоваться.

Холли не стала долго раздумывать над этим. Сейчас ее интересовало только одно.

— Вы можете узнать, что случилось с нашими друзьями там, внутри? — спросила она матушку Крон.

Пророчица боялась встретиться с ней взглядом.

— Мне очень жаль, — сказала наконец она. — Я чувствую только Левиафана, и никого больше.

— То есть они... их нет?

Когда до Холли дошел смысл сказанного, все ее существо наполнила боль. Все эти люди, которые пропали. Кристи и остальные...

Как будто у нее внутри открылась могила и она теперь не знает, сможет ли удержаться и не упасть в нее. Она раньше и не подозревала, что в состоянии вынести столько горя сразу.

— Не знаю, — сочувственно ответила матушка Крон. — Все обстоит именно так, как сказал Легба. Невозможно проникнуть внутрь и что-либо разглядеть. Левиафана нельзя не почувствовать — его присутствие слишком огромно, — но больше ничего наверняка сказать нельзя.

— Но... — Джорди с усилием прочистил горло, прежде чем продолжать. На его несчастном лице Холли увидела отражение своих собственных эмоций и поспешила отвести взгляд. — Но та опасность, о которой вы раньше говорили?..

— Этого, по крайней мере, больше нет.

Пророчица взяла Хэзл за руку. Похоже, она собиралась добавить еще что-то, но тут ее внимание привлек Роберт. Холли тоже повернулась к нему и увидела, что он наклонил голову и прислушивается. «Что еще?» — хотелось ей спросить. Ей казалось, что больше она не вынесет ничего. И к тому же больше ничто не важно. Но тут она сама услышала это. То же, что и в подвале магазина, — вой. Она с удивлением обнаружила, что все еще способна бояться за себя после всего, что она уже потеряла.

— Честное слово, я думал, он проявит хоть какое-то благородство, — заметил Роберт.

— Легба редко бывает так щедр, — ответила матушка Крон.

— Кому-кому, а мне это известно.

— Это ведь ищейки? — спросил Джорди.

Роберт кивнул.

— Но я думал, вы с ними покончили.

— Я покончил с одной сворой, но в Других Мирах полно духов с перекрестков, которые спят и видят, как бы заключить сделку с лоа. Всегда найдутся охотники.

Он повесил гитару на плечо и передвинул ее на спину.

— Они меня выследят, — сказал он. — Но это не значит, что, когда они явятся, вы должны быть здесь.

Холли посмотрела на тропинку.

— Что вы будете делать? — спросила она.

— Не беспокойтесь за меня, — ответил Роберт. — Со мной все будет в порядке. Я не

новичок в таких играх.

Потом, совершенно как Легба, он шагнул в сторону и исчез. Только что был здесь — и вот его уже и след простыл.

— Он прав, — сказала матушка Крон, — нам лучше уйти.

— Но наши друзья... — начала было Холли.

— Мы и прежде ничего не могли для них сделать, — сказала пророчица, — а сейчас — тем более. Либо они спаслись, либо... либо нет.

Холли еще раз посмотрела на стену тумана. Ничего не изменилось. Сквозь нее по-прежнему ничего не было видно.

— Пошли, — сказала матушка Крон.

Одной рукой она взяла за руку Хэзл, другой — Холли.

— Держитесь поближе к нам, — велела она Джорди.

— Вы можете отвести нас обратно в мой магазин? — спросила Холли.

Матушка Крон кивнула:

— Мысленно представьте себе его.

— Постараюсь.

Холли еще раз бросила взгляд на стену тумана, стараясь не думать о своих друзьях, мертвых или живых, запертых там, но она не могла думать ни о чем другом.

Вой теперь уже был совсем близко.

— Лучше бы нам не встречаться с ищейками, — заметила матушка Крон.

Холли хотела ответить «да» или «конечно», но почувствовала, что ей тяжело вымолвить даже слово, поэтому просто кивнула.

Матушка Крон повторила все то, что она делала в торговом центре, — подняла руки над головой, потом широким движением, через стороны, опустила их вдоль тела. Когда ее руки сошлись, воздух засветился, и скоро перед ними уже мерцал портал. Они видели книжный магазин, освещенный уличным светом через витрину.

— Это он? — спросила матушка Крон, снова взяв Хэзл и Холли за руки.

— Да, он, — ответил Джорди, потому что Холли по-прежнему не могла говорить — так огромно было ее горе.

Она послушно перешла вслед за матушкой Крон из одного мира в другой. Джорди последовал за ними. Портал закрылся так же неслышно, как и открылся, и вместе с ним исчезла всякая надежда когда-нибудь увидеть друзей.

Кристиана

Я была почти уверена, что умерла, когда, сползая по плечу Левиафана, ослепла от белой вспышки. Помню, я подумала, что это, вероятно, тот самый свет, о котором обычно говорят люди, испытавшие клиническую смерть, — свет в конце туннеля. Сначала ты видишь светящуюся точку, она горит на довольно большом расстоянии от тебя. Потом начинаешь подниматься и одновременно опускаться, двигаясь по направлению к этой точке. И наконец она поглощает тебя целиком и все становится белым.

Не знаю. Я никакого туннеля не видела. Но я точно падала, соскользнув с гладкого плеча Левиафана, и все действительно в конце концов сделалось белым.

Прихожу в себя.

Сначала я совершенно дезориентирована, а потом все выстраивается у меня в голове, правда как-то странно — не в порядке убывания или возрастания значимости фактов.

Я понимаю, что больше нет крови. Я была вся в крови, а теперь — ни единой капельки.

У меня очень сильно болит плечо, — похоже, я именно на него упала с Левиафана.

Озера больше нет.

И Левиафана нет!

Библиотека... библиотека изменилась. Я сажусь и осматриваюсь. Ряды книг нескончаемо тянутся вдаль, но теперь я могу видеть высокий сводчатый потолок со

светильниками, висящими через равные промежутки. Коридоры, некоторые из которых идут вниз, некоторые — вверх, устланы коврами дорожками с восточным орнаментом. Ряды шкафов прерываются иногда маленькими островками — три кожаных кресла, диванчик, столик, настольная лампа.

Я смотрю туда, где раньше было озеро. Медленно встаю и иду к одному из книжных шкафов, который находится как раз в том месте, где был берег. Я дотрагиваюсь до книжного шкафа и обнаруживаю, что он очень устойчивый и тяжелый. Достаю книгу с полки, перелистываю ее. Потом другую. Книги настоящие.

Значит, Левиафан...

Умом я постигаю его огромность, но моя память сохраняет нечто высотой всего лишь футов двадцати. И даже такие размеры неправдоподобны. Неужели я взобралась на эту машину и ударила ножом?..

Тут я вижу нож ищейки. Он лежит на ковре.

Потом я вспоминаю о своих спутниках.

Осматриваюсь. Никого нет. Ни Саскии, ни Джексона. И Либрариуса нет, но я вижу груды одежды там, где, как я помню, он лежал, прежде чем весь мир стал белым.

Я подхожу и дотрагиваюсь до ткани ногой. Да, это его одежда. И веревки, которыми я его связала.

Думаю, он все-таки распался на части.

Не то чтобы я сильно сожалела об этом, но что тогда стало с Саскией и Джексонном? И если они тоже распались, то где же их одежда? И почему я все еще здесь?

Здесь так тихо, что любой звук, который я издаю, кажется очень громким — шарканье моих ног по ковру, мое дыхание. Не знаю, почему меня это беспокоит. Непохоже, что сейчас кто-нибудь придет и цыкнет на меня. Потом я слышу голоса. Кто-то — и не один — приближается. Через секунду я соображаю, откуда они идут.

Я прикидываю, надо ли мне прятаться, но потом соображаю, что уже поздно об этом раздумывать и к тому же нет необходимости, — я их узнаю. Это Кристи, жестянщик и еще трое людей, которых я уже видела, когда жестянщик передавал мне нож. Они, похоже, не меньше меня ошарашены и застывают как вкопанные.

Должно быть, вид у меня еще тот, думаю я, но тут же вспоминаю, что больше не измазана в крови.

Неужели все это действительно случилось? Было ли вообще это озеро и был ли Левиафан? И правда ли, что я его убила?

Я вспоминаю, как кровь фонтаном била из его горла, и судорога сводит мой желудок.

Потом я еще кое-что вспоминаю — это странное ощущение, которое разлилось у меня внутри, когда Левиафан умирал. Что-то во мне сдвинулось тогда. Что-то изменилось. Но я точно не знаю что. Просто я чувствую себя другой. Теперь я ощущаю каждую клеточку своего тела, кожи, крови, костного мозга.

Кристи и другие приближаются ко мне. Они останавливаются снова футах в шести от меня.

— Кристиана... — говорит Кристи и на некоторое время замолкает. — Можно тебя так называть?

Я не могу удержаться от улыбки. Даже среди всего происходящего ему необходимо закрепить свое право собственности на меня. Он всегда хотел дать мне имя, но я не позволяла ему положить меня в нужную коробочку и приклеить этикетку. Наверное, ему жестянщик сказал. Впрочем, это больше не имеет значения.

Может быть, я и родилась его тенью, но по восприятию мира, по опыту я — самостоятельная личность с тех пор, как семилетней девочкой-сорванцом попала под опеку шарика с руками и ногами. Он не в силах положить меня в коробочку, разве что в собственную черепную коробку. Но это не изменит моей внутренней сущности. Он не может знать меня лучше, чем я знаю его. Если, конечно, не принимать во внимание того, что мы сказали друг другу, и того доверия, которое обязаны испытывать друг к другу, чтобы

общаться.

Так что я сама сейчас вольна выбрать коробочку, в которую он меня поместит.

— Конечно, — отвечаю я, — можешь так меня называть.

— Ты в порядке?

Я киваю:

— А вы, ребята?

Теперь его очередь кивать.

— Вы еще кого-нибудь видели? — спрашиваю я.

Они качают головой. Мы достигли больших успехов в невербальном общении. Но их можно понять. Мы все переживаем нечто столь удивительное, что сознание с этим едва справляется. Даже не знаю, может ли справиться вообще.

— Кто еще тут был? — спрашивает жестянщик.

Услышав его голос, я припоминаю и имя. Боджо — уменьшительное от Боррибл Джонс. Он еще рассказывал забавную историю о том, почему отец его так назвал.

— Со мной была Саския, — говорю я. — И еще один парень, по имени Джексон.

Кристи и еще один из них, незнакомый мне, одновременно восклицают: «Саския? Джексон? Джексон Харт?»

Я киваю обоим, и мы тут же быстро выясняем, как и почему здесь оказались Джексон и мы с Саскией.

Я сурово смотрю на Аарона, пытаюсь разглядеть в нем то чудовище, которое представляла себе по рассказам Саскии, но на нем маска вполне приличного человека, и она никак не хочет сползать с него.

Кристи закуривает, руки у него слегка дрожат. Как ему, должно быть, трудно — быть так близко от нее и снова ее потерять. Он, похоже, очень расстроен, но я не знаю, как его утешить. Мне нечего ему сказать.

Рауль спрашивает о каком-то своем друге, но единственное, что я могу ответить, — что никогда его не видела. Он мог быть, например, среди призраков, которых я встретила с самого начала, — среди тех, с голосами, похожими на радиопомехи.

Эта Сюзи — замечательная. У нее та же энергетика, что у Саскии, но только... Не знаю, как сказать. Она более... рисковая. Помню, Саския рассказывала мне, как трудно ей было поначалу приспособиться к этому миру со всеми его сложностями. Вот чем отличается от нее Сюзи. Она еще не вписалась в человеческую жизнь так, как Саския.

Боджо — человек опытный, как и я, но ему еще не доводилось видеть всего, что видела я. И делать то, что делала я.

— Итак, этот библиотекарь, — говорит Боджо, — называл себя Либрариусом?

Я киваю.

— Это он виноват во всех бедах?

— Во всех, кроме вируса. Хотя, честно говоря, он вряд ли хотел, чтобы дело зашло так далеко.

— Ты веришь, что все произошло так, как он сказал?

Я киваю. Я предпочитаю не рассказывать о том, как собиралась выбивать из него информацию. Тут гордиться нечем. Я имею в виду не мои угрозы, а то, что я была вполне готова сделать ему больно.

— А дух Вордвуда? — продолжает Боджо. — Это правда был Левиафан?

— И есть, — отвечаю я.

Слова вырываются у меня помимо воли, я даже не успеваю понять, что, собственно, говорю. Но, сказав, понимаю, что все правильно. Я не знаю, откуда я это знаю. Просто знаю, и все.

— Когда твои друзья... — я смотрю на Кристи и теперь уже взвешиваю каждое слово, — когда они создавали сайт «Вордвуд», то либо что-то привлекло туда Левиафана, либо в самом сайте потом образовалось нечто, что воззвало к нему. И он пришел. Оттуда, где существуют левиафаны.

— Подобно божествам Изабель, — говорит он. Когда я киваю, он объясняет остальным: — Одна наша подруга... у нее есть такой дар — персонажи ее картин оживают.

— Вы имеете в виду Изабель Коплей? — спрашивает Аарон.

Кристи кивает.

— Значит, эти ее абстракции?..

— Нет, это было до них, — отвечает Кристи. — Тогда она рисовала всякую всячину вроде того, что делает Джилли. Фантастические существа, портреты.

— Так что же, они ожили и сошли с полотен? — спрашивает Аарон. Он заранее поднимает руку, защищаясь, прежде чем Кристи успевает ответить. — Да нет, я не спорю. После того, что я увидел в последнее время, меня уже ничто не удивило бы.

— Они не сошли с полотен, — говорит Кристи. — Просто в окончательных вариантах ее картин поселялись духи.

Они были как бы отдельны от картин Изабель и тем не менее каким-то образом с ними связаны.

— Каким же образом? — спрашивает Аарон.

— Помнишь тот большой пожар на острове, когда сгорела и ее мастерская? Когда она потеряла свою студию и все свои картины?

— Да.

— Духи тоже погибли, когда сгорели рисунки, — говорит Кристи. — Все погибли, кроме тех, чьих изображений в мастерской не было.

Выражение лица, которое появляется у Аарона, заставляет меня еще раз усомниться в оценках Саскии. Такая готовность к пониманию, такое сочувствие — вовсе не то, чего мы ожидаем от законченного подлеца.

— Господи! — восклицает он. — Значит, она перешла на абстрактную живопись...

— Чтобы больше не чувствовать себя ответственной за жизнь и смерть духов, — договаривает Кристи.

— Понимаю, — говорю я. — Значит, если Холли и ее друзья действительно привлекли на сайт Левиафана, то все, что произошло в Сети, повлияло и на него.

— Но вы говорили, что Левиафан не может принимать никакого физического обличья, — замечает Рауль.

— Я тоже полагала, что не может, — говорю я. — И возможно, так и есть. Посмотрите, что с ним произошло, когда Либрариус втиснул его в это тело.

— Но если он и является Вордвудом...

— Но ведь это же не физически, правда? Мы-то тоже находимся тут, но представляем собой всего лишь информацию в цифровой форме.

— Наверное, — отвечает Рауль, хотя, похоже, его не убедили.

А может быть, он просто не знает, что и думать. Я, честно говоря, не знаю.

— Кто знает, — говорю я спустя несколько секунд. — Вообще-то, в Мире Духов я нагляделась всякого и знаю, что существует нечто... или нет — так вопрос не стоит. Если это перед тобой — ты в это веришь. И начинаешь об этом думать. Мы столько не знаем даже о нашем Условном Мире, о том, из которого пришли сюда. А уж когда речь заходит о Мире Духов — тут количество того, что мы не знаем, сразу надо умножать на тысячу.

Все замолкают, чтобы переварить это. Я думаю о Мамбо и о том, как быстро перестает казаться странным, что твой друг — шарик с руками и ногами. И мне до сих пор это не кажется странным. Она не какой-нибудь уродец. Она просто Мамбо.

— Значит, он... он все еще здесь? — спрашивает Боджо, возвращая нас к Левиафану.

— Я его чувствую, — отвечаю я. — А вы разве нет?

Все, кроме Сюзи, качают головой.

— Я что-то чувствую, — говорит она. — Но это не то, что было раньше.

— Возможно, это потому, что Либрариус был среди тех, кто дал тебе внешнюю оболочку и послал тебя в мир.

— Наверное, — говорит она.

Но в ее голосе слышна неуверенность. Возможно, потому, что ей не хочется, чтобы все обстояло именно так. Я ее понимаю. Будь у меня выбор, я бы, разумеется, предпочла считать своим «папой» Левиафана, а не какого-то уродца — духа по имени Либрариус.

— Мы можем поговорить с ним? — спрашивает Кристи. — С духом Вордвуда? Можем спросить его, что стало с теми людьми, которые пропали?

В действительности он хочет спросить: как нам найти Саскию? И я хочу задать тот же самый вопрос. Только вот...

— Не знаю, — отвечаю я ему.

— Может, надо связаться через модем? — спрашивает Рауль. — Ведь раньше это делалось так, — объясняет он, когда все недоуменно на него смотрят.

— Ну, кто захватил с собой случайно ноутбук? — спрашивает Сюзи.

Она, разумеется, шутит. Как ты здесь подключишься к серверу? Куда воткнешь вилку? Без спутниковой связи в Сеть не выйти, а я что-то сомневаюсь, что какие-нибудь спутники летают в небесах над этой библиотекой.

— Может быть, есть какой-нибудь ритуал, который сработает не хуже модема? — спрашивает Боджо.

Он смотрит на меня, как будто я это знаю, но я только пожимаю плечами.

— Возможно, — говорю я. — А может быть, мы просто должны открыть ему свои мысли.

Я вижу, как Аарон качает головой.

— Что? — спрашиваю я его.

Ничего, говорит он. Только если вы собираетесь играть во всю эту ерунду, то я — пас. Не обижайтесь.

Я улыбаюсь:

— Я понимаю, о чем вы.

— Вы ведь, кажется...

— Тень, — заканчиваю я за него. — Но ведь это не я, а Кристи возводит всю эту «ерунду», как вы выражаетесь, на пьедестал. А я просто живу с этим изо дня в день.

Я уже собираюсь распространить сказанное, но отвлекаюсь. Поднимаю голову. Кажется, я что-то услышала, но не поняла толком что. Потом соображаю, что все еще слышу, — просто это не только и не столько звук — скорее, ощущение. Какое-то давление внутри. Чем больше я на этом сосредоточиваюсь, тем меньше понимаю. Это что-то во мне самой и хочет выбраться наружу или, наоборот, хочет пробраться внутрь меня.

Я смотрю на остальных. Время, похоже, остановилось. Все застыли на месте — Кристи с поднятой рукой: он хотел убрать прядь волос со лба. Аарон, повернувшись к Сюзи, собирался что-то сказать ей. Глаза Сюзи прикрыты, она только что моргнула. Боджо и Рауля мне не видно. И тут я понимаю, что и сама потеряла способность двигаться. Мне видно только то, что прямо передо мной. А слышен только этот давящий звук, который, собственно говоря, и не является звуком.

Очень странно.

Почему-то паники я не чувствую. Я почти уверена, что все это — проделки Левиафана, духа Вордвуда. Либрариус сказал, что до того, как Левиафан вселился в тело, которое я недавно убила, он был везде, он заполнял собой все это место. Может быть, сейчас он пытается вступить со мной в контакт.

«Привет, — говорю я мысленно, как общалась с Саскией, когда та жила во мне. — Кто тут?»

Никакого ответа.

Но давление нарастает.

Говорят, самый большой по размерам орган нашего организма — это кожа. Мне это всегда казалось слишком смелой концепцией, потому что все-таки кожу мы не воспринимаем как отдельный орган, как, например, сердце или печень. Но теперь я этому верю. Я чувствую каждую клеточку и пору своей кожи и всю ее вместе как мембрану,

дрожащую в унисон с каким-то звуком, которого я, собственно, даже не слышу.

Довольно жуткое ощущение. Как будто пришел в знакомое место, а там все изменилось — не так, как это бывает в Пограничных Мирах, где действуют другие, нежели в Условном Мире, законы, где каждая вещь существует как результат соглашения сотен тысяч индивидуальностей.

Мне кажется, я подключаюсь к чему-то, пробившись сквозь помехи.

Или, наоборот, это что-то настраивается на мою волну.

Я вспоминаю о сдвиге, который произошел во мне перед тем, как Левиафан умер и меня ослепило белое сияние. Что-то тогда во мне изменилось, но я до сих пор не знаю что. Я смогла лишь почувствовать, что перемена произошла, и, возможно, то, что происходит со мной сейчас, — результат той очень тонкой трансформации, такой тонкой, что я могу ощутить лишь результаты.

Но я вовсе не хочу изменяться. Я не хочу быть никем другим. Меня пугает сама мысль об этом. Помню, я неоднократно слышала от людей, что они хотели бы быть кем-то другим, и сейчас иногда слышу, но мне всегда хотелось быть только собой. Со собой, со всеми моими несовершенствами, проступками, ободранными коленками, огорчениями и тому подобным. Я знаю, что совершила несколько нехороших поступков и навлекла на себя больше неприятностей, чем могла бы, но все эти ошибки и приключения в конце концов и сформировали меня.

И я себе нравлюсь такая, какая я есть. Или была. А то я уже и не знаю, какая я сейчас, потому что во мне появился кто-то еще. Не так, как в случае с Саскией — явное чужое присутствие. Во мне поселилось что-то, что не является мной и в то же время является, как ни странно это звучит. Да, очень странно, но тем не менее это так.

В какой-то момент...

Через секунду? Минуту? Час?

Я обнаруживаю, как...

...мое внимание? мой взгляд?

...обращается внутрь меня.

Я больше ничего не вижу. Я чувствую, что плыву, но не на поверхности. Я погружена... нет, не знаю.

Может быть, это такой густой воздух? Или нечто вроде геля?

Единственное, что я понимаю, — там спокойно. Мирно и спокойно. Я могла бы вечно вот так плыть, не заботясь больше о том, кто я такая, и о том, изменилась я или нет.

Но потом во мне вновь проявляет себя этот звук не звук — скорее, давление, некая пульсация, ощущаемая обеими сторонами моей кожи, и на этот раз я чувствую обратную связь. Нет, не так, как мы разговариваем друг с другом, — не словами и не фразами. Я просто получаю информацию, которой у меня раньше не было, всю сразу: «сброс данных», как вероятно, сказал бы Джексон, — и я понимаю, что...

Левиафан тоже изменился.

Он был травмирован вирусом, или что там еще такое сделал с ним Либрариус. В общем, не важно, как именно это случилось. Важно, что Левиафан... Не знаю, как это выразить. Он расширяется. Вот почему я чувствую это давление. Дух Левиафана растет и давит на все, что есть в Вордвуде. Он нуждается в нас, по крайней мере в одном из нас, чтобы обеспечить себе пребывание здесь и выход за пределы Вордвуда, чтобы распространиться, рассеяться, а не быть стиснутым.

Иначе он просто взорвется, как Черная Дыра, и весь Мир Духов засосет в воронку, которая образуется в результате взрыва. И когда туда засосет весь Мир Духов, наш мир, Условный Мир, тоже потихоньку начнет затягивать в эту воронку.

Причина — следствие.

Итак, Левиафану нужно уменьшить давление через контакты вне Вордвуда, а сам он этого сделать не может, потому что не имеет связи ни с нашим миром, ни с Миром Духов. Но мы, оказавшиеся здесь сейчас... мы эту связь имеем.

Я думаю о Либрариусе. Все сходится. Нужен кто-то вроде Либрариуса: дух-привратник, осуществляющий связь между мирами. Просто Либрариус планировал осуществлять ее не так, как надо было Левиафану. Либрариусу для подпитки нужно было внимание и вложения со стороны тех, кто за пределами Вордвуда. А Левиафану, наоборот, нужно распространить, отдать себя за пределы Вордвуда.

Через кого-нибудь из нас.

«Но я не дух-привратник, — мысленно произношу я. — И никто из нас не дух-привратник».

Я получаю ответ, не словами, но я понимаю его:

«Не обязательно родиться духом-привратником. Можно им стать».

Он имеет в виду, что им может стать кто-нибудь из нас.

Я перебираю всех в уме.

Кристи не может остаться здесь — он хочет быть с Саскией. Он готов на все, лишь бы спасти ее и быть с ней. Мы не можем требовать от него такой жертвы.

То же самое — Рауль, который здесь только из-за своего любимого Бенни.

Сюзи тоже не может — у нее еще нет достаточно прочных связей с Условным Миром и вообще никаких связей с Миром Духов.

Что до Аарона, то если не знать всего, то можно подумать, что он весьма достойный человек. И все же не могу забыть то, что мне о нем рассказала Саския. Можно ли доверить ему нечто настолько важное?

Остаемся я и Боджо.

Понятно, на кого падает выбор. Боджо, в общем-то, посторонний. Он дал себя втянуть во все это только потому, что ему нравится Холли и он хотел помочь ей. Я тоже все это затеяла поначалу лишь для того, чтобы помочь Саскии разобраться в том, кто она такая, но потом влипла, как всегда влипаю. Когда разбила гроб Саскии. Когда нейтрализовала Либрариуса. Когда освободила Левиафана от физической оболочки.

Но самое существенное различие между мной и Боджо в том, что он не тень.

Он настоящий.

А я — нет, сколько бы я себя ни убеждала в обратном.

Подумай. Правда в том, что когда-то ты была маленькой семилетней девочкой, отделившейся от Кристи, и Мамбо пришла к тебе на помощь. Она научила тебя притворяться человеком.

Мне очень не хочется отказываться от своей индивидуальности, но правда — кто из нас теряет меньше всех? Кроме Сюзи, все остальные, по крайней мере, настоящие. А Сюзи, хоть и выглядит на двадцать с небольшим, слишком недавно родилась, чтобы быть полезной духу Вордвуда. Из нас двоих именно я умею поддерживать связь с Другими Мирами.

Как только я принимаю свое нелегкое решение, голова моя тут же наполняется директивами: как остальным выбраться из Вордвуда и что мне надо сделать, когда они уйдут. Как будто Левиафан прочел мои мысли. Это ли не жутко?

«Знаешь, — мысленно говорю я, — если мы вступаем в нормальные деловые отношения, надо установить какие-то границы. Я и так не в восторге оттого, что здесь застряну. По крайней мере, оставь мне хоть какую-то независимость. Потому что, знаешь, никому не понравится...»

Я не успеваю закончить. Так же внезапно, как внезапно оказалась обездвижена, я вновь обретаю власть над своим телом.

Немного щиплет в глазах, и я моргаю. Я вижу, как Боджо показывает «рожки» — поднимает большой палец руки и мизинец, а остальные сгибает. Это такой знак у жестянщиков против порчи. Остальные выглядят примерно как я — окаменевшими.

— Вау! — произносит Кристи.

Его писательский лексикон сужается до наркоманского минимума.

Аарон медленно наклоняет голову. Он обводит всех присутствующих взглядом и в конце концов останавливается на мне.

— Это был... это был он? — спрашивает Аарон. — Дух Вордвуда?

Сюзи отвечает раньше, чем я успеваю ответить:

— Думаю, да. Скорее всего. Но он что-то не похож на того духа, которого знаю я...

— Он был прямо у меня в голове, — говорит Рауль. — Да нет, он был просто частью меня, но в то же время и чем-то от меня отдельным.

Вот тут-то я понимаю, что все испытали то же самое, что и я. Что ж, хорошо. Так мне будет легче.

— Это был Левиафан, — говорю я. — И кажется, вы все уже поняли, что нужно делать?

Рауль кивает:

— Кто-то должен остаться, а иначе он... взорвется? Я правильно понял?

— Да, почти, — отвечаю я. Я смотрю на других. — А вы поняли, как отсюда выбраться?

Кристи наконец обретает дар речи:

— Мы откроем дверь в наш мир... — он начинает было проделывать пальцами необходимые движения, но останавливается, — представив себе то место, где хотим очутиться.

— А кто останется? — спрашивает Рауль.

— Это просто, — говорю я. — Это буду я.

На их лицах отражается облегчение оттого, что кто-то сам вызвался, которое тут же перерастает в чувство вины. Кристи первым начинает оспаривать мое решение:

— Почему это именно ты?

— Потому что я теряю меньше всех, — отвечаю я. — Я могу с таким же успехом существовать здесь, как в моем уголке в Пограничных Мирах. Пребывание здесь не слишком изменит мой образ жизни.

— Чушь! — отвечает Кристи. — Ты — свободный дух. Это тебя убьет.

Он прав. Может. Но я не собираюсь признавать этого. До тех пор пока они не уйдут и дело не будет сделано.

— Нет, остаться надо мне, — говорит Сюзи. — У меня не было жизни, которую я могла бы потерять, — реальной жизни, во всяком случае. Все воспоминания, которые у меня есть, были вложены в меня, кроме тех, которые касаются последних двух дней.

— В том-то и дело, — говорю я ей. — У тебя нет надежного якоря в Условном Мире. Несколько дней здесь, с Левиафаном, — и ты потеряешь всякую связь с реальной жизнью.

— Если только я не останусь вместе с ней, — возражает Аарон.

Она одаривает его ласковым взглядом. Не могу определить по лицу Кристи, доверяет он Аарону или нет, но я до сих пор не доверяю.

— Или я могу остаться один, — предлагает Аарон. — В конце концов, все, что произошло, — это моя вина.

— Верю, — отвечаю я ему, — но достаточно ли ты подготовлен для того, чтобы здесь остаться?

Он пожимает плечами:

— Тот же вопрос я мог бы задать тебе. О книгах я знаю много.

— Тут речь пойдет не о книгах.

— Понимаю. Но речь прежде всего пойдет о том, чтобы проводить здесь все время, а похоже, единственное развлечение здесь — это книги. Я всю жизнь занимался книгами, — он бросает взгляд на Кристи, — даже если мне самому не удалось написать ничего путного. — Снова поворачивается ко мне. — И вообще, не попробовав, никто из нас не может знать, справится ли он с чем-нибудь. Или тебе уже приходилось заниматься чем-то подобным?

— Нет, не приходилось.

Он кивает:

— Ну вот и отправляйся. Я остаюсь.

— Нет, — говорю я. — Остаюсь я, и это больше не обсуждается. Я уже сказала: я теряю меньше всех.

— А как насчет меня? — спрашивает Боджо.

Я качаю головой:

— У тебя есть к чему и к кому возвращаться — по крайней мере потенциально, и это больше, чем могло бы быть когда-нибудь у меня.

— Тебе не идет роль мученицы, — говорит Кристи.

— Я не играю никаких ролей. А теперь идите. Вы знаете, как уйти. Левиафан объяснил вам, так же как и мне.

Все надолго замолкают. Я перевожу взгляд с одного на другого, пытаюсь молча убедить их в своей правоте. Когда я дохожу до Кристи, то понимаю, что он готов снова завести этот разговор. Аарон не дает ему этого сделать.

— Все, — говорит он. — Она приняла решение. Кто мы такие, чтобы отговаривать ее от жертвы, которую она хочет принести? Ей и так трудно, не надо еще усложнять ей жизнь, предлагая свою поддержку.

Честное слово, я не вижу в нем подлости, о которой говорила Саския. Кто знает, может быть, он изменился. Как бы то ни было, я рада, что кто-то меня поддержал. Мало-помалу остальные смиряются.

Труднее всего Кристи, я это чувствую. Он разрывается между желанием вновь обрести Саскию и не позволить мне сделать то, что я намерена сделать. Между нами всегда существовало странное родство — нельзя же забывать, каким образом я появилась на свет. Он, возможно, думает, что он единственный, у кого есть тень, но это потому, что я никогда не делилась с ним. Я просто читала его дневники и наблюдала за ним издали, вместо того чтобы задавать ему прямые вопросы, как он мне.

— Ты всегда сможешь послать мне имейл в Вордвуд, — говорю ему я и улыбаюсь. — Только подумай, теперь ты наконец сможешь общаться со мной, когда сам захочешь. Разве это не перемена к лучшему?

— Но я тебя больше никогда не увижу.

— О, это же не навсегда!

Все понимают, что это неправда, и он тоже. В конце концов, все мы получили от Левиафана одно и то же телепатическое послание. Тот, кто остается, становится духом-привратником, и обратной дороги для него нет. Насколько я понимаю, перемены во мне начались еще тогда, когда меня ослепило белое сияние. Что-то произошло во мне уже тогда.

Итак, мы больше никогда не увидимся.

Но он не возражает мне — он знает, какой я бываю упрямой, если что-нибудь решу. Молчат и остальные.

— Передай от меня привет Саскии, — говорю я.

Он кивает:

— Спасибо, что сберегла ее.

— Я рада была ей помочь, — отвечаю я — и говорю чистую правду.

Потом мы прощаемся, они открывают дверь, ведущую в Условный Мир, — дверь, в которую можно только выйти. Я пытаюсь отвернуться, но чувствую, что мне нужно в последний раз увидеть это. Все, что мне видно, — это подвал. Стол. Лестница, ведущая наверх.

Я подаюсь вперед, когда они переступают порог, один за другим. И в тот самый момент, когда дверь уже начинает закрываться, меня вдруг что-то толкает сзади, и я, потеряв равновесие, тоже перелетаю через порог.

Дверь тихонько закрывается за мной.

И это тоже пройдет

Всегда ли мы были
Странниками
Или постепенно
Научились
Этому?

Саския Мэддинг.
Странники («Зеркала», 1995)

Кристиана

Мы приземляемся клубком, из которого торчат руки и ноги. Похоже, мне повезло, что я не внизу, но сейчас меня больше заботит, кто же толкнул меня и остался вместо меня в Вордвуде. У меня есть подозрения на этот счет.

Так как я упала последней, мне легче выбраться из общей кучи. Я быстро считаю людей по головам. Кристи. Рауль. Боджо. Сюзи.

Я была права в своих подозрениях. Что-то у меня внутри обрывается.

Это Аарон.

Неудивительно, что он с такой готовностью принял мою сторону, когда заспорили, кому оставаться. Он, должно быть, спланировал это в тот самый момент, когда Левиафан проник к нам в головы, чтобы объяснить нам, что делать. Вернее, что делать одному из нас.

И все-таки это оказалась не я.

Не знаю, что во мне сильнее: облегчение оттого, что я не осталась там, запертой с Левиафаном, или сочувствие Аарону.

Кристи и Рауль смотрят на меня в некотором замешательстве, но Боджо и Сюзи сразу все понимают.

— О господи, вот ведь дурость! — тихо говорит Сюзи, и совершенно ясно, что это относится не ко мне.

— Он сделал выбор, — говорю я.

Я как-то странно себя чувствую. Неужели и все остальные тоже? Неужели они все сейчас подумали, что все-таки это мне нужно было остаться там?

Кажется, Сюзи понимает мое состояние, потому что, глядя куда-то поверх моей головы, грустно улыбается.

— Он хотел как лучше, — говорит она. — Но, судя по тому, что я успела о нем узнать, он пока не очень умеет вести себя как «хороший парень». И я не уверена, что он достаточно силен, чтобы справиться с тем, что взял на себя. В этом смысле он не похож на тебя.

Никогда не умела ни говорить комплименты, ни отвечать на них, так что предпочитаю промолчать. Но мне, безусловно, становится легче.

— Тебе будет трудно, — говорю я. — Ведь у вас с ним что-то начиналось, верно?

Она качает головой:

— Только самое начало я даже не знаю чего. Он нравится мне, очень нравится, но... мы встретились при таких обстоятельствах, которые помешали бы серьезным отношениям. Потом, когда прошла бы вся эта горячка и мы узнали бы друг друга поближе...

— Что помешало бы? То, что ты родилась в Вордвуде?

— Не говоря уже о том, что он подобрал меня на улице, когда я просила милостыню.

— Какая разница! — говорит Кристи. — Если люди нравятся друг другу...

Сюзи отворачивается, но я успеваю заметить, как влажно блестят ее глаза.

«Эх, Кристи, — с досадой подумала я. — Мы тут изо всех сил стараемся сделать вид, что между Аароном и Сюзи ничего не было, а ты!» Да нет, я уверена, что он вовсе не хотел сделать Сюзи больно. Он просто подумал о себе и Саскии, он хотел сказать, что все поправимо. Беда в том, что ничего уже нельзя поправить.

— Кто-нибудь знает, где мы находимся? — спрашиваю я.

Добавлять что-либо к тому, о чем мы только что говорили, значило бы только причинять Сюзи лишнюю боль, поэтому я предпочитаю сменить тему.

— Это подвал магазина Холли, — отвечает Боджо.

Я бывала раньше в этом магазине, но в подвале — никогда. Что-то такое есть в воздухе, чего я не могу точно определить. Какой-то намек на Другие Миры. И не только потому, что это место использовалось для перехода. Теперь я припоминаю, что подобное ощущение у меня бывало и наверху, когда мне случалось заходить в этот магазин. Я его списывала на то, что здесь так много книг. В книгах для меня всегда было нечто магическое. Они — всегда что-то вроде дверей в иные миры.

— Мне нужен телефон, — говорит Рауль. — Позвонить домой.

Эта фраза заставляет Кристи встрепнуться. Рауль хочет проверить, дома ли его любовник Бенни. Кристи необходимо узнать, вернулась ли Саския. Потому что никто из нас не знает, что случилось с теми людьми, которые исчезли несколько дней назад. Успели ли они вернуться, прежде чем белое пламя сожгло все в Вордвуде?

Мы поднимаемся наверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как открывается еще она дверь, уже в магазине. В нее входят Холли, Джорди, высокая женщина, одетая как скейтбордистка, и тоненькая девочка, похожая на веточку. Я узнаю эту женщину, я видела ее в Хинтерленде. Ее зовут Гэлфрея, но, кажется, здесь, в Условном Мире, она называет себя матушкой Крон.

Когда наши две компании встречаются, наступает полное замешательство, которое еще усугубляется, когда из задней двери появляются домовая и маленький рассел-терьер. Увидев домового, я наконец понимаю, почему мне здесь всегда мерещилось какое-то волшебство. Выходит, он живет у Холли в магазине.

Пока Холли старается успокоить свою собаку, я встречаюсь взглядом с Гэлфреей. Она кивает мне в ответ, и у нее выражение лица «как странно встретить тебя здесь», как, наверное, и у меня. Потом я тихо ускользаю в Пограничные Миры и оставляю их разбираться.

Я хочу домой, но прежде мне нужно заглянуть в квартиру Кристи и удостовериться, что с Саскией все в порядке.

Не знаю, почему, собственно, я решила, что Саския вернулась и сейчас в безопасности, в квартире, где они жили с Кристи. Просто я в этом уверена. Поэтому я переживаю момент паники, когда проскальзываю в квартиру из Пограничных Миров, как делала это всегда, и обнаруживаю, что ее там нет.

Я зову ее по имени. Сначала тихо. Потом громче.

Мое сердце бешено колотится. Я перехожу из комнаты в комнату.

Вздрагиваю от внезапного телефонного звонка. Это Кристи. Он звонит Саскии. Я не снимаю трубку. Что я могу ему сказать?

Снова вспоминаю ту вспышку белого пламени. Неужели она сожгла Саскию?

Потом вижу одежду, брошенную на кровать. Джинсы и футболка, в которых Саския была в Вордвуде.

Просто она вымылась, переоделась и пошла искать Кристи!

Какое облегчение! Сажусь на край кровати и дотрагиваюсь до одежды Саскии, чтобы убедиться, что это мне не кажется.

Интересно, догадалась ли она, что он в магазине Холли? Возможно, нет. Так куда она могла пойти? Наверное, к Джорди. Или к профессору, где все еще выздоравливает после аварии Джилли. Я решаю сначала зайти к Джорди — это по пути к дому профессора.

Я опять «срезаю угол» через Пограничные Миры и вновь выхожу в Условный Мир в небольшом переулке, напугав старого кота с порванным ухом. Он ретируется через дырку в заборе. Мое сердце вновь начинает учащенно биться, когда я вижу Саскию, поднимающуюся по ступенькам на крыльцо. Она вздрагивает, когда я окликаю ее. Потом ее лицо освещает широкая улыбка. Она видит меня и мчится меня обнять.

— Это все ты сделала! — говорит она, отпустив меня наконец. — Я так волновалась за тебя!

Я киваю:

— Я за тебя тоже волновалась.

— Я искала Кристи...

— Я так и поняла. Он в магазине у Холли.

Она сразу поворачивается к автобусной остановке, но я беру ее за руку и увлекаю за собой в переулок.

— Но мне правда надо поскорее его увидеть, — упирается она.

— Знаю, знаю. Я проведу тебя коротким путем.

Я провожу ее в Пограничные Миры и вынырываю в Условный Мир вместе с ней там, где оставила Холли и остальных несколько минут назад. Кристи висит на телефоне — снова и снова звонит домой. Все остальные все так же без умолку галдят. Кроме Боджо, который, прислонившись к входной двери, с полуулыбкой за всем этим наблюдает.

— Ты должна научить меня этому трюку, — говорит мне Саския.

— Всегда пожалуйста, — отвечаю я.

Она бросается к Кристи, который все надеется вызвонить ее по телефону, а я наконец-то отправляюсь домой.

Ну вот и все, что случилось, или, по крайней мере, все, что я запомнила и сумела узнать позже. Кое-что из вышеизложенного подтвердили в выпусках новостей. Многого по понятным причинам в новостях не было. Даже забавно, как мало люди запоминают. В траурных колонках газет все еще можно найти упоминания о пропавших людях, но никакого продолжения, которое, казалось бы, неизбежно должно последовать за таким громким делом. Если быть параноиком, то вполне можно предположить, что это какая-то акция правительства; а если знать то, что знаю я, то можно подумать, что все устроил Левиафан, который теперь, имея в своем распоряжении Аарона, снова наладил связь с внешним миром.

Но люди действительно не помнят. Как будто в реальности случился небольшой перерыв, а потом он кончился, и больше никто не хочет об этом думать. Нет, пожалуй, хотеть или не хотеть — это все-таки выбор. А в данном случае все ведут себя так, как будто вообще ничего не произошло.

Все исчезнувшие люди появились снова в тех же самых местах, откуда они исчезли. По крайней мере, насколько мне известно, все вернулись. Друзья Холли, по крайней мере, вернулись, но они помнят о происшедшем не больше, чем все остальные. Даже Джексон безнадежен. Я пошла повидаться с ним. И вот он стоит на пороге и смотрит на меня как на совершенно незнакомого человека. Впустить или не впустить к себе в дом — это он еще подумает, но узнать, что этой женщине надо, — можно.

Я бы просто повернулась и ушла, если бы не слабый намек на узнавание, который я заметила в его глазах.

— Вы правда меня не помните? — спрашиваю я.

Он качает головой:

— Ваше лицо вроде бы мне знакомо...

— А мне казалось, я должна была произвести на вас сильное впечатление.

— Простите, я...

— Я пошутила, — говорю я.

С чувством юмора у него по-прежнему неважно.

— Это было очень давно. Мы с вами встретились в библиотеке.

Он снова качает головой:

— Я и не припомню, когда в последний раз был в библиотеке. — Он молчит несколько секунд, потом пропускает меня в комнату. — Не хотите зайти?

— Нет, — отвечаю я. — Я просто хотела убедиться, что с вами все в порядке.

Он начинает нервничать:

— А почему со мной должно быть что-то не в порядке?

Интересно, а что это он так нервничает? Потом я вспоминаю о его проделке с банками, которая и позволила Аарону втянуть его во все это. Значит, про банки он помнит.

— Просто так, — говорю я. Уже уходя, я оглядываюсь и говорю ему: — Хочу дать один совет: в следующий раз, если кто-нибудь попытается шантажировать вас и заставит, например, послать куда-нибудь вирус, подумайте: может, лучше все-таки ответить за свои проступки или хотя бы вовремя принять лекарство.

— Что вам известно?

Я улыбаюсь. Значит, все-таки не «Что вы хотите этим сказать?», а «Что вам известно?».

— Ничего, что пошло бы от меня куда-нибудь дальше. Просто запомните мой совет.

— Но он...

Джексон вовремя останавливает себя.

— Не волнуйтесь за Аарона, — говорю я. — Он теперь вне вашей жизни. Просто постарайтесь больше ни во что не влипнуть.

— Да кто вы такая?

Я пожимаю плечами:

— Может быть, ваша совесть.

— А вы не имеете отношения к тем людям, которых я обнаружил у себя в квартире, когда...

— Когда что?

Я вижу замешательство на его лице и его старание скрыть это замешательство.

— Я хотел сказать: когда я вернулся, — говорит он. — Но это неправильно, потому что я нигде не был и ниоткуда не возвращался...

— Не ломайте голову, — советую я. — И постарайтесь найти себе хобби получше, чем взламывать банковские компьютеры и засылать вирусы.

— Подождите секунду...

Но я ухожу вниз по лестнице, прочь из его жизни.

У Кристи насчет этой всеобщей забывчивости есть своя теория. Разумеется, у бедняжки Кристи на все найдутся теории, но в этой, пожалуй, есть некоторый смысл. Уже не помню, как получилось, что мы об этом заговорили. Я вообще не собиралась заговаривать с ним в то утро. Занавески задернуты, в их квартире тихо и сумрачно. Я незаметно туда проскальзываю. Думала, они оба еще спят, — просто пришла постоять у их кровати, как и полагается тени, убедиться, что с ними все в порядке. Я не вижу Кристи, лежащего на диване в гостиной, пока до меня не доносится его голос из темноты.

— Я хотел еще раз поблагодарить тебя за то, что ты спасла мою девочку, — говорит он. — Я так волновался.

Он называет Саскию своей девочкой. А она его — своим мальчиком. Я подозреваю, что они и в восемьдесят лет будут так друг друга называть. Во всяком случае надеюсь.

— Не стоит благодарности, — отвечаю я. Я сажусь на стул с гнутой спинкой, так что мы с Кристи теперь можем видеть друг друга, и ему для этого не надо вставать с дивана. — Она мне нравится, и я тоже не хотела бы, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое.

— Правда? То есть, я имел в виду, она тебе правда нравится?

— А почему бы и нет?

— Ну, потому что ты — моя тень. Поэтому я и думал, что она тебе не понравится.

— То есть потому, что я должна быть полной твоей противоположностью?

Он молча кивает.

— Боже мой, как ты не понимаешь! — с досадой говорю я. — С тех пор как нам было семь лет, прошло немало времени. У тебя была возможность снова приобрести дурные привычки, а у меня — научиться чему-то хорошему.

— Значит, ты считаешь, что мы теперь больше похожи, чем отличаемся друг от друга?

Мне хочется ответить: «Нет. Потому что ты настоящий, а я — нет». Но сейчас мне что-

то не хочется говорить об этом. И еще мне не хочется, чтобы он подумал, что мне себя жалко.

— Я думаю, мы как близнецы, — отвечаю я. — Каждый из нас — отдельная личность, но мы все же связаны одновременным рождением. Каждый из нас понимает, что думает и ощущает другой. Мы чувствуем друг друга, как бы далеко друг от друга ни находились.

И это правда.

Он улыбается:

— Я никогда понятия не имею, что ты думаешь.

— Это потому, что я чертовски загадочная! — смеюсь я.

— Кристиана Три, — говорит он и тоже смеется. — Значит, ты мисс Дерево.

Когда я вопросительно поднимаю брови, он объясняет:

— Саския мне сказала.

— Она раскрыла тебе все мои тайны или хоть что-то оставила мне?

— Она была очень сдержанна. Говорит, что это не ее тайны и она не вправе их выдавать.

— Я предпочла бы, чтобы люди вообще не думали обо мне, — отвечаю я не совсем впопад.

— Почему?

Я пожимаю плечами:

— Жизнь как-то проще, когда она анонимна, когда никто от тебя ничего не ждет.

— Тебя не так просто забыть, — говорит он. — Вот Боджо, например, видел тебя всего однажды, но сразу запомнил.

— Может быть, я тогда совершила что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Да? — улыбается Кристи.

— Не знаю. Возможно, и нет. Я знаю, что люди лучше запоминают меня именно тогда, когда я веду себя в точности как они. А те, при ком я внезапно улетучивалась в Пограничные Миры, увидев меня еще раз, как правило, не узнают. — Я на некоторое время задумываюсь. — Я напоминаю им всю эту историю с исчезнувшими людьми.

— Это защитный механизм сознания, — говорит Кристи. — Он закрепился на видовом уровне. Иногда он срабатывает у отдельных личностей, иногда все общество заставляет себя что-то забыть.

— Это согласуется с твоей теорией Условного Мира?

Он кивает:

— Мир Как Он Есть существует для большинства людей потому, что они договорились думать обо всех исключениях как о чем-то невозможном.

— Так кто же это решает?

— Уж конечно, не один человек, — говорит он. — Это нечто, что вплетается в ткань общества в целом. И разумеется, бывают вариации. Вот почему существуют религиозные секты. Они все договорились о разных концепциях того, каким является этот мир. Эта их договоренность о разных взглядах на Мир Такой Как Он Есть — отправная точка их верований. Это то, что их сближает между собой.

— Итак, никто не помнит, что эти люди исчезли, потому что это противоречит представлениям о том, каким должен быть этот мир.

Это не вопрос, но Кристи отвечает на это своим собственным вопросом:

— У тебя есть лучшее объяснение?

— Кроме надежно спрятанной огромной круговой поруки?

Он кивает.

— Вообще-то, нет, — говорю я. — Но почему, например, ты помнишь?

О себе я не спрашиваю, потому что заранее знаю ответ: я не принадлежу к Условному Миру. Учитывая мое происхождение, мой образ жизни, меня пришлось бы лечить, если бы я не признавала этого.

— Есть разные причины тому, почему люди помнят, — отвечает он. — Кто-то, подобно

Джилли, просто изначально ждет от мира больше, чем видно невооруженным глазом, поэтому она никогда не удивляется, если что-то выходит за установленные рамки. Холли не забудет, потому что в ее жизни теперь слишком много волшебного. Хотя бы то, что у нее партнер по бизнесу — домовый. Что касается меня, раньше я помнил, потому что писал. Но это ненадежно. Между словами на бумаге и тем, что они описывают, — огромная дистанция. К тому же часто вмешивается разум и пытается убедить меня в том, что ничего этого не было.

— Но в твоих книгах...

— По какой-то причине в те часто анекдотичные свидетельства, которые я собираю для своих книг, мне верится даже больше, чем в то, что я испытал сам. Например, как много мне потребовалось времени, чтобы осознать, что ты существуешь.

— Но я тебе совсем не помогала.

Он улыбается:

— Это правда. Но мы ведь и ожидаем от сверхъестественного, чтобы оно было таинственным и говорило с нами загадками.

— А теперь? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

— У меня все чаще бывает возможность, что называется, потрогать сверхъестественное руками. Я уже не могу чему-то не поверить, что бы мне ни нашептывал голос разума, будь он проклят.

Тут я начинаю хихикать, и он не понимает, в чем дело.

— Что?

— «Потрогать руками», — повторяю я и смеюсь уже в голос. Он все еще тупо смотрит на меня, ничего не понимая, и тогда я сквозь смех выдавливаю: — Ты и Саския, — после чего разражаюсь громким хохотом.

— О господи!

Ему приходится ждать, пока я снова возьму себя в руки.

Сама не знаю, с чего это я веду себя так легкомысленно. Должно быть, это от облегчения: вот нас занесло бог весть куда, а мы все-таки выжили, и даже не только выжили, а еще и умудрились исправить то, что, казалось, было непоправимо испорчено. Так ли уж часто это бывает в этом, да и в любом другом мире?

Наконец я успокаиваюсь понемногу, хотя, признаться, смех еще бурлит у меня в крови, только и ожидая малейшего повода, какой-нибудь глупости, чтобы вырваться наружу. Мне хотелось бы, чтобы Кристи хоть раз расслабился. Но он, хоть и улыбается, все-таки не так свободен, как я. Может быть, ему моя шутка просто не кажется смешной, но думаю, тут все-таки больше его вечного самоконтроля. Как странно: мы ведь с ним одного возраста, но мне иногда кажется, что наши отношения больше напоминают отношения родителя и ребенка, чем ровесников. Вот сейчас, например, он смотрит на меня как строгий отец на легкомысленную дочь.

Я откашливаюсь и пытаюсь принять серьезный вид.

— Так с Саскией все в порядке? — спрашиваю я.

Он кивает:

— Должно быть. Она спит, а я вот не могу. Думал, посижу над гранками, которые прислал Алан, но ни на чем не могу сосредоточиться.

— Не могу не чувствовать себя виноватой, — говорю я. — Если бы я не уговорила ее попробовать вступить в контакт с духом Вордвуда, ничего этого не случилось бы.

Кристи качает головой:

— Все случилось гораздо раньше.

— Наверное. Но, может быть, нас бы это не затронуло.

— Возможно. Но подумай, что тогда стало бы с исчезнувшими людьми.

Я соглашаюсь:

— Не говоря уже о Левиафане.

Кристи на секунду закрывает глаза. Когда он открывает их снова, я вижу в его взгляде острое любопытство.

— Я только мельком успел его увидеть, — говорит он, — перед этой вспышкой. Но он показался мне огромным.

— Как гора. Не могу себе представить, как бы он выглядел, если бы встал.

Кристи понимающе кивает:

— Не припомню, чтобы мне случилось видеть что-то настолько другое.

— Мне тоже, — соглашаюсь я.

— Даже при том, что ты живешь в Пограничных Мирах, и после того, что ты сделала?

— Да.

— Нужно быть очень смелой, чтобы сделать то, что ты сделала.

— Или достаточно глупой. Все могло кончиться совсем не так. Я действовала чисто инстинктивно, но в той ситуации, похоже, только так и можно было.

Мы на некоторое время замолкаем — Кристи лежит на диване, я развалилась на стуле. Он закуривает и мне тоже предлагает сигарету. Я отказываюсь. Кажется, мне пора уходить, а ему — возвращаться обратно в постель, но я пока не хочу оставаться одна. А он, похоже, тоже не торопится подниматься с дивана.

— Ну а как все остальные? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

— Странно, но Джорди — лучше всех. Если учесть, что он всегда был скептиком, я полагал, что он-то быстрее всех предпочтет забыть всю эту историю, но, похоже, новый опыт... не знаю, как бы лучше это назвать, смягчил его. Он все предвкушал, как будет это пересказывать Джилли. — Кристи замолкает, чтобы потом прибавить: — Похоже, между ним и матушкой Крон что-то есть.

Я приподнимаю брови. Всем известно, что самая долговременная привязанность Джорди — это Джилли. Всем, кроме Джорди и Джилли. Но у одного из них всегда случались серьезные взаимоотношения с кем-то в то самое время, когда другой был свободен. Сейчас роман был у Джилли. Так что совсем неплохо, что Джорди заинтересовался Гэлфреей, особенно если и она к нему неравнодушна.

— Насколько это взаимно? — спрашиваю я.

— Ну, когда Холли спросила ее, какую плату она хотела бы получить за то, что провела их через границу, она сказала, что хочет, чтобы Джорди поиграл на одном из их сборищ, — улыбается Кристи. — А еще добавила, что она почтет это за честь и большое одолжение.

Я понимающе киваю. Насколько я знаю Гэлфрею, она могла бы предложить такое только потенциальному любовнику.

— Кажется, все потихоньку разбиваются на пары, — говорю я.

— Такое бывает после тяжелых испытаний. Когда все позади, ощущаешь, что тебе просто необходимо к кому-то прислониться, чтобы почувствовать, что все нормально, что ты снова на твердой земле.

Возможно, тем же объясняется и мой сегодняшний приход.

— А как Холли? — спрашиваю я.

Кристи качает головой:

— Лучше спроси у нее самой. Хотя, когда мы все ушли, Боджо остался.

Через некоторое время я выпрямляюсь на стуле, опускаю на пол ноги, которые до этого были поджаты. Кристи тоже садится как следует.

— Мне пора домой, — говорю я.

— Домой?

— У меня есть дом.

— Никогда в этом не сомневался. Просто...

Я улыбаюсь:

— Просто тебе хочется знать, где он и какой.

— Саския рассказывала, что это нечто вроде комнаты на лугу.
— Да, — подтверждаю я. — Но сама она там не была. Она видела его, находясь у меня в голове. — После секундного колебания я прибавляю: — Если тебе нечем заняться, то могу показать тебе свой дом.

— Ты хочешь сказать, прямо сейчас?

— Почему бы и нет?

— Я... — он поглядывает на закрытую дверь спальни, — я бы с радостью, но слишком мало времени прошло. Я знаю, что сейчас Саския спит, но я хотел бы быть рядом, когда она проснется. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы поставить стул около кровати и смотреть, как она спит.

Интересно, что чувствуешь, когда кто-то испытывает к тебе нечто подобное?

— Ничего, — успокаиваю я, — как-нибудь в другой раз.

Я тянусь к столику за блокнотом и ручкой. Пишу свой номер телефона и кладу блокнот обратно.

— Позвони, когда будешь готов, — говорю я.

— У тебя есть телефон?

— Сотовый.

— И он там работает?

Я киваю:

— Мне, надо сказать, пришлось поторговаться, чтобы приобрести постоянно действующее заклинание для перезарядки батареек. Только не заставляй меня объяснять, через какой спутник устанавливается связь. В общем, он работает.

— Постоянно действующее заклинание...

— Не заводи опять свою любимую песню про то, что ты сомневаешься в магии, — говорю я. — Особенно после всего, через что мы недавно прошли.

— Не буду, не буду. Просто как-то не ожидаешь, что магия может использоваться для чего-то столь прозаичного, как телефон.

— Вот тебе самая свежая информация, — говорю я. — В основном волшебство и служит для того, чтобы усовершенствовать обыденное.

Я встаю, он тоже. Он уже собирается протянуть мне руку, но вместо этого я обнимаю его. Никогда не позволяла себе с ним никаких нежностей по целому ряду причин. Во-первых, хочу сохранить свой ореол таинственности, во-вторых, прекрасно знаю, что он не из сентиментальных. И, кроме того, я всегда помню предостережение Мамбо: никогда не вступать в физический контакт с человеком, чьей тенью ты когда-то была.

Но ничего не происходит — просто он обнимает меня в ответ.

— Не будь мне чужой, — шепчет он мне на ухо.

— Никогда и не была, — отвечаю я.

И улетаю в Пограничные Миры, оставив его обнимать воздух.

Холли

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем все они ушли из магазина. Не то чтобы Холли не хотела их всех видеть — это были ее друзья, в конце концов. По крайней мере большинство. А те, кто не был — матушка Крон и Хэзл, друг Бенни Рауль, — были ей интересны, так что она с легкостью могла бы с ними подружиться. Но сейчас Холли устала, и множество людей, перебивающих друг друга, звонящих по телефону, требующих ее внимания, пересказывающих те места истории, которые она и так знала, — все это сейчас было слишком для нее.

Ей нужно было отдохнуть от приключений, а не переживать их вновь и вновь.

Наконец с ней в магазине остались только Дик и Боджо. Она держала на руках Снippet. Собачка задремала. Боджо стоял, прислонясь к письменному столу. Он был красив, как всегда. Дик, казалось, спал стоя. Но как только Кристи закрыл дверь за собой и

остальными и они направились к его машине, домовой тут же очнулся. Он оценивающе посмотрел сначала на Холли, потом на Боджо.

— Старому домовому пора спать, — заявил он.

Холли это очень удивило, потому что ей казалось, что Дик вообще никогда не спит. Если он удалялся к себе в комнату, то лишь для того, чтобы читать до утра, когда он снова мог заняться делами в магазине, если, конечно, не вытирал пыль и не сортировал книги среди ночи, что тоже случалось. Но сейчас Холли поняла, что это был за оценивающий взгляд, и вспыхнула.

— Я рад, что вы вернулись, госпожа Холли, — сказал Дик.

У него в глазах появилось выражение ласкового понимания, которое напомнило Холли, что, хотя Дик и выглядит как ребенок, на самом деле он гораздо старше ее. И возможно, гораздо опытнее. Она вспомнила, как в торговом центре человечки не больше Дика ростом танцевали рядом с крошечными феями. И прикасались они друг к другу вовсе не невинно.

Дик уже отвернулся от нее.

— Спокойной ночи, господин Боррибл, — сказал он.

Он кивнул Боджо, коснулся пальцем своего лба и пошел вверх по лестнице в свою комнату. Когда хлопнула дверь, Боджо и Холли подняли друг на друга глаза.

Холли очень много хотелось сказать ему, но думать она могла только о том, как он красив.

— Ну вот, — сказал Боджо через некоторое время.

Холли кивнула.

«Говори же», — убеждала она себя.

Но слишком стеснялась.

— Надо бы сходить посмотреть, не натворили ли чего эльфы в доме Мэран, — сказал жестянщик. — Мне ведь поручено присматривать за ее квартирой.

Но он даже не пошевелился, чтобы идти.

«Ты мог бы остаться ненадолго и поцеловать меня», — подумала Холли.

Но голос у нее пропал начисто.

— Так что я немного волновался, — сказал жестянщик. — У вас есть мотоцикл?

Холли сначала только молча покачала головой, но потом от удивления у нее прорезался голос:

— Мотоцикл? А зачем?

— Рыжеволосая девушка в черной кожаной куртке на мотоцикле — чего еще мог бы желать жестянщик?

Холли покраснела до ушей, но ей все-таки удалось улыбнуться и сказать спокойным голосом:

— Волосы уже есть. Что до кожаной одежды, то это осуществимо. Хотя я предпочла бы кожаменитель. Совсем как кожа, только не надо убивать животных.

— Это хорошо, что не надо убивать.

Она кивнула.

— А как насчет мотоцикла? — спросил он.

— Может быть, сойдет велосипед?

Некоторое время он пристально смотрел на нее, потом улыбнулся.

— Будь у меня сама девушка, — сказал он, — остальное меня бы уже не так волновало. Остальное образовалось бы.

Холли показалось, что у нее внутри где-то очень глубоко что-то растаяло. Сердце ее часто забило.

«Эй, придержи коней, — сказала она себе. — Обдумай все».

Конечно, между ними сразу возникло взаимное притяжение, с той самой секунды, как он вошел в магазин, отозвавшись на ее сообщение на автоответчике Мэран. И потом, она не могла припомнить, когда в последний раз ею интересовался такой красивый мужчина, если, конечно, такое вообще когда-нибудь бывало.

Но ей также было известно, что опасность часто заставляет людей сближаться, а что может быть ближе секса?

И потом, ведь он жестяник. Кочевой человек. Он может уйти неизвестно куда — совершенно неизвестно куда — в любой момент. Хоть завтра утром. А если не завтра, то на следующей неделе. В следующем месяце.

«А как же то, что ты чувствуешь сейчас, в настоящий момент?» — спросило ее сердце.

Она взяла его руки в свои и опустила голову.

— Только ничего не обещай, — сказала она, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее.

Он помедлил, его чудесные глаза с длинными ресницами были теперь так близко.

— Я всегда держу слово, — сказал он.

— Я знаю. Ты уже говорил. Но я не хочу, чтобы ты был связан чем-нибудь, кроме того, что чувствуешь. Мы ведь даже не знаем друг друга.

— Мы знаем все, что важно знать.

Холли улыбнулась:

— Нет, мы знаем только, что сейчас хотим быть вместе. И больше ничего.

— Так какого мужчину ты ищешь? — спросил он.

— Я ищу того, кто будет рядом со мной, — ответила она.

— Но я и...

Холли быстро приложила палец к его губам.

— Нет, — сказала она. — Никаких обещаний, никаких планов.

Он отнял ее палец.

— Но... — начал он.

На этот раз она заставила его замолчать, прижавшись губами к его губам.

Сюзи

Они были очень добры и хотели как лучше. Ей предложили жилье — свободную комнату в квартире Кристи и Саскии. И это ощущение, что тебя не любят просто потому, что ты не из этого мира, кажется, стало не таким сильным, по крайней мере в этой компании. Но Сюзи все-таки хотелось уйти и остаться одной.

Ей было о чем подумать.

У нее хватало воспоминаний — не только последних дней, которые, как она теперь знала, были настоящие. Но была еще и целая жизнь других воспоминаний — тех, которые в нее вложили, когда создавали ее. Проанализировав их — грубый муж, семья, которая отвернулась от нее, — Сюзи поняла, что все это из какого-то романа, из недр Вордсвуда. Что-то слезливое, сентиментальное, но все же интересное. Беллетристика.

Но воспоминания продолжали казаться настоящими. А ведь ничего не было. Жизни не было. Она «родилась» уже взрослой — такой, какая она сейчас.

Она не знала, как с этим быть. И, не зная, как ей быть с самой собой, она не могла сейчас общаться с другими людьми, как бы доброжелательны они к ней ни были.

С Аароном все обстояло бы иначе. Хоть она и сказала ему, что между ними не может быть серьезных отношений, они могли бы сложиться, если бы у нее было время понять, кто она и, следовательно, кем они могут стать друг для друга.

Но такого шанса больше не было.

У нее больше не было никого, кроме себя самой.

И это стало особенно ясно, когда она услышала кусочек разговора Рауля с его любовником, Бенни.

— ...Что я тут делаю? — говорил Рауль. Потом он засмеялся. — Да, я знаю. Не правда ли, очень трогательно... Но я лечу домой. Первым рейсом, утром.

Он ничего не помнил — ничего из того, что произошло. Как и друзья Холли, которые вдруг оказались в квартире Джексона Харта. Послушав, как Холли разговаривает по телефону с Эсти, Сюзи приняла решение. Она поднялась наверх и взяла ноутбук Аарона.

Потом попрощалась и вышла из магазина. Они все протестовали, особенно Саския, которая волшебным образом появилась прямо из воздуха.

— Я знаю, как это бывает трудно, — сказала она.

Сюзи верила, что Саския желает ей добра. К тому же между ними существовало определенное родство. То есть у них было одно и то же происхождение. Но Сюзи хотела узнать у Саскии только одно:

— Вы можете показать мне, как пересекать границы миров? Вы это только что проделали.

Саския покачала головой:

— Понятия не имею, как это делается. Меня привела Кристиана.

А Кристиана к тому времени уже улетучилась обратно в Другие Миры.

— Я тоже сначала пыталась проделать это самостоятельно, — продолжала Саския. — Однако поверьте, это очень трудно.

Сюзи кивнула:

— Верю. И все-таки мне кажется, что я должна сделать это сама.

— Если потребуется помощь, позвоните нам, ладно?

Она нашла клочок бумаги на письменном столе и написала на нем свой номер.

— Обязательно, — пообещала Сюзи.

Это было очень щедро со стороны Саскии, учитывая, что она относилась к Аарону крайне плохо и прекрасно знала об отношениях Аарона и Сюзи.

— Честное слово! — подтвердила она, увидев, что Саския смотрит на нее недоверчиво. — Обязательно позвоню.

Наконец-то она смогла уйти от этих людей, преисполненных самых добрых намерений, выйти из магазина на тихую улицу. Было раннее утро, она точно не знала, сколько сейчас времени, но небо еще оставалось темным, и машин было мало. Она быстро прошла по Уильямсон-стрит до автобусной остановки. Она не была уверена, есть ли здесь метро, но в любом случае в него бы не спустилась. Она знала только один способ добраться до Аарона — автобусом.

Ей нужно было забрать из квартиры свою холщовую сумку, но она могла и пожить там некоторое время. Почему бы и нет? Ведь теперь там никто не живет. Аарон, во всяком случае, больше не живет, это точно. Конечно, близился конец месяца, но хозяин квартиры не явится за арендной платой по крайней мере еще несколько дней. Может быть, у нее есть неделя в запасе. Все, что ей нужно, — это тихое пристанище на какое-то время, пока она не разберется, что делать со своей жизнью.

Сидя на скамейке в ожидании автобуса, она закрыла глаза и попробовала снова установить связь с Вордвудом. Но не смогла. Как будто ее никогда там и не было.

Она снова вспомнила о Рауле, который там, в магазине, никак не мог сообразить, как же он оказался в Ньюфорде. Не говоря уже о других друзьях Холли, которые вообще вдруг очнулись в чужой квартире, в незнакомом городе и у которых не было никаких зацепок, чтобы понять, как они там очутились.

У этих людей имелось прошлое, вполне настоящее, кроме последних двух дней. Их они не помнили совершенно.

У нее же, напротив, только ближайшее прошлое было настоящим, а все остальное — ложью.

Но кто скажет нам точно, что реальность, а что — нет? Вдруг эти воспоминания о последних двух днях — фальшивые? Что, если она действительно однажды ушла от Дэррила, решив, что с нее хватит? Что, если у нее на самом деле есть сестра, которая возненавидела ее за это?

Как можно знать наверняка?

Она открыла глаза и посмотрела через дорогу.

Вполне вероятно, что и люди, зародившиеся и выношенные в материнском чреве, тоже ни в чем не уверены до конца.

Пришел автобус, и Сюзи села в него, найдя свободное место среди заспанных пригородных жителей. Откинувшись на спинку сиденья, она попыталась вспомнить, нет ли в квартире Аарона пожарной лестницы. Сигнализации, по крайней мере, точно нет.

Кристи

Все взвесив, мы, не сговариваясь, отправились за моей машиной. Не знаю, что стало бы с Раулем, если бы мы провели его коротким путем через Другие Миры. Он уже успел забыть все, что произошло за минувшие два дня. Он даже перестал замечать Дика — домовый исчез из его поля зрения и сознания вместе с прочим волшебством. Хэзл тоже перестала для него существовать, а матушку Крон он воспринимал теперь просто как некую скейтбордистку, которой где-то между двадцатью и тридцатью. Он даже не спросил, откуда вдруг появилась в магазине Саския.

Саския.

У меня защемило сердце, когда я увидел ее. Живая. Невредимая. Я обнял ее и долго-долго не хотел отпускать. Мы бы до сих пор так и стояли, если бы она сама слегка не похлопала меня по спине.

— Мне пора сделать вдох, — прошептала она мне на ухо.

Я отпустил ее, но ни на чем не мог сосредоточиться, пока Джорди не сказал что-то о том, что не мешало бы взять машину из торгового центра.

Я помню, что мы старались убедить Сюзи остаться ночевать у Холли или в гостевой комнате у нас с Саскией. Помню, что Эсти и другие звонили нам из квартиры Джексона, совершенно сбитые с толку: они не понимали, как там очутились. Потом Сюзи ушла. Рауль заказал по телефону билет на самолет, так что через пару часов ему надо было быть в аэропорту. Холли назвала Эсти отель, в котором остановились она и другие. Она сказала им, что они, разумеется, могут приехать к ней, но все предпочли поскорее убраться восвояси.

— Они съезжают в отель, чтобы забрать вещи, — сказала Холли, положив трубку, — возьмут билеты на ближайший самолет и — домой.

Вот тут-то Джорди и вспоминает, что нам надо забрать машину, и я понимаю, что действительно надо. Я еле держусь на ногах.

Отпускаю руку Саскии ровно на столько времени, сколько требуется, чтобы обнять на прощание Холли и пожать руку Боджо.

— Вас подвезти? — спрашиваю я его.

Он качает головой:

— Мне тут рядом. Я присматриваю за квартирой Келледи.

— Но ведь это...

И всю дорогу до торгового центра я собирался договорить: «Да это ведь всего в нескольких милях отсюда!» Но Саския вовремя толкнула меня в бок, и я не договорил. Холли и Боджо. Они глаз не сводят друг с друга, с тех пор как мы вернулись.

— Да, неплохая работенка, — говорю я Боджо. — У них хороший дом.

Я бросаю взгляд на Саскию и вижу, что она довольна моей догадливостью. Она берет меня под руку и слегка подталкивает к двери, где уже ждут Джорди и другие. Она, наверное, все еще боится, что я упрусь и начну уговаривать Боджо.

Я киваю на прощание Дику, и мы выходим на свежий утренний воздух, оставив их в магазине втроем.

Мы идем к автобусной остановке на Уильямсон-стрит.

— А вам нормально будет в автобусе? — спрашивает Джорди у матушки Крон.

Это он волнуется насчет железа, которое феи плохо переносят, во всяком случае в старых сказках. Но я думаю, фея, обитающая в городе, уже должна была привыкнуть к металлам.

— Все будет хорошо, — говорит матушка Крон.

— Вы не любите автобусов? — интересуется Рауль.

— Просто еще не привыкла к ним, — отвечает она вполне искренне. — Там, откуда я, их нет.

— А где же это?

— Это там, где нет автобусов, — отвечает она и улыбается Раулю, ясно давая понять своей улыбкой, что не желает больше говорить на эту тему. Она же не сумасшедшая.

Рауль пожимает плечами.

— Думаю, мне бы там понравилось, — говорит он. — Терпеть не могу общественный транспорт.

Тут подходит автобус, избавляя нас от необходимости продолжать разговор. Хэзл, невидимая для Рауля и для водителя тоже, карабкается внутрь сразу же, как только открывают двери. Я начинаю рыться в карманах в поисках мелочи, но Джорди быстро находит несколько жетонов и платит за всех.

Когда мы наконец добираемся до нашей развалюхи, я отдаю ключи от машины Саскии. Я понимаю, что слишком устал, чтобы вести машину, а она, несмотря на все, что ей пришлось пережить, в гораздо лучшей форме. Рауль и матушка Крон садятся на заднее сиденье.

Матушка Крон берет Джорди за левую руку и проводит пальцем по мозолям от скрипки на его пальцах.

— Я действительно имела в виду то, что сказала вашей подруге Холли, — говорит она, и ее глаза и улыбка многое обещают. — Приходите к нам поиграть вашу музыку — в любое время. Постучитесь в ту дверь, которую показал вам Дик. Обычно наши сборища начинаются после полуночи.

— Обязательно приду, — отвечает Джорди. — Пригласить и других музыкантов?

— Главное, чтобы вы сами пришли, — говорит она.

Она подается вперед и говорит еще что-то, чего я уже не слышу, потом целует его в лоб и слегка подталкивает к машине. Хэзл сидит на капоте и строит нам рожи через стекло. Она соскакивает, когда Саския включает зажигание.

Часа через два, забросив Рауля в аэропорт, мы возвращаемся в город, борясь с нарастающим движением. Саския останавливает машину около дома Джилли, где сейчас обитает Джорди. Я облокачиваюсь на спинку сиденья, чтобы взглянуть на него еще раз поближе, прежде чем мы расстанемся.

— Как ты после всего этого? — спрашиваю я.

Он кивает мне.

— Я побывал на балу фей, — говорит он с улыбкой, — и меня пригласили приходить еще.

— Значит, ты больше не станешь кричать, что некоторых вещей просто не может быть, да?

— А с чего бы мне кричать что-либо подобное?

— Так и напишу в своей книге, — отвечаю я.

— Что ты думаешь о матушке Крон? — спрашивает он.

— Мне кажется, ей нужно придумать другое имя, — говорю я.

— У нее есть другое имя, — говорит Джорди.

— Какое?

— Не думаю, что имею право разглашать это. Ты спроси ее сам, когда увидишь в следующий раз.

— Я смотрю, она ничуть не лучше остальных — тоже сплошные тайны и загадки.

Саския бросает на меня взгляд, по которому я понимаю, что она слегка устала ждать.

— Мне кажется, она довольно мила, — говорит она Джорди. — Немножко жутковатая, но славная.

— Она все-таки пророчица.

— Это вполне объясняет некоторую жуть. — Кажется, Саския хочет сказать что-то

еще, но потом только ерошит ему волосы и добавляет: — Будь осторожен.

— Из-за сияния фей? — спрашивает он.

Он все еще улыбается. Саския отвечает ему улыбкой.

— Из-за всего, — говорит она. — Спасибо, что пошел разыскивать меня.

— Слушай, ты мне как сестра. Я не мог не пойти тебя разыскивать.

Он наклоняется и целует ее в щеку. Потом, слегка ткнув меня в плечо, выходит из машины. Саския отъезжает от дома. Мы наконец одни.

Мы почти не говорим на обратном пути. Но, кажется, нам и не нужно разговаривать.

Мы меняемся ролями. Обычно это я засыпаю сразу после занятий любовью, но сегодня утром я лежу без сна, а она, напротив, быстро засыпает. Я долго лежу рядом, поражаясь своему счастью, тому, что она меня любит. Но в конце концов все-таки встаю.

Я себе места не нахожу, но не хочу ее тревожить. Слоняюсь по квартире, уже собираюсь поработать над гранками, которые прислал Алан, но вдруг просто ложусь на диван и думаю обо всех странностях, что наполняли мою жизнь в последние несколько дней.

Я все еще лежу без сна, когда появляется моя тень. Я улыбаюсь, видя, как она проскальзывает в квартиру. Теперь я знаю, как ее зовут. Кристиана.

Сюзи

Все для Сюзи сложилось так, как будто постарались некие высшие силы. Не Господь Бог, конечно, но веб-мастер «Вордвуда» уж точно проявил заинтересованность. Ей очень хотелось назвать его Аароном. Но Аароном его звали прежде.

Теперь он был просто анонимным веб-мастером.

Ей не понадобилось взламывать квартиру Аарона. Окно в ванной оказалось открытым. Лишь затянута тонкой сеткой от комаров. Окно было слишком мало для обычного человека, но ей удалось выдавить раму с сеткой и протиснуться внутрь. Если ты маленькая, в этом есть свои преимущества.

Она порылась в ящиках на кухне, потом в кленовом шкафу в прихожей. Один из ящиков вознаградила Сюзи за усилия набором запасных ключей от квартиры. Это было несомненной удачей. В следующий раз она сможет войти в квартиру через дверь, а не лазить в окно.

Имея ключи, она вышла, вернулась в переулок и взяла спрятанный ноутбук. В квартире она поставила его на стол из красного дерева, где он и стоял у Аарона. Она долго искала, куда воткнуть вилку, чтобы подключить компьютер, пока наконец не сообразила, что сзади открывается панель и там — розетки, к одной из которых подошла вилка от телефона. Несколько больше времени ей потребовалось, чтобы войти в Интернет. Что проделывал Аарон в прошлый раз — она не запомнила, а сама не настолько разбиралась в компьютерах, чтобы догадаться. В конце концов она просто открыла «Эксплорер» и кликнула «да» в ответ на вопрос, хочет ли она работать онлайн.

Войдя, она сразу набрала URL «Вордвуда» в окошечке в верхней части экрана. После небольшой паузы открылось окно с лесом — скорее просто картинка, чем видеоизображение, которое появлялось раньше. Не было никаких опций, чтобы выбрать, и, куда бы она ни передвигала курсор, стрелка не желала превращаться в «руку» с указующим пальцем.

Некоторое время она молча смотрела на экран, потом вернула курсор в окошечко с адресом и набрала адрес своей электронной почты.

Кроме обычного спама, было только одно сообщение. У нее учащенно забилось сердце, когда она увидела обратный адрес: webmaster@thewordwood.com. Но радость испарилось, едва она прочитала текст. Это был сухой, деловой перечень всего, что для нее сделано.

Квартира переведена на ее имя. Квартирная плата обеспечивалась, даже если бы она

решила переехать куда-нибудь в другое место.

На ее имя открыт счет в банке. Кредитная карточка уже выслана почтой. Если она нуждается в деньгах прямо сейчас, можно пойти в банк и ей выдадут деньги «на предъявителя». В ящике тумбочки в спальне, слева от кровати, было некоторое количество наличными.

Она изумилась, увидев сумму, которая была положена в банк на ее имя. Откуда все эти деньги? И, как будто Аарон предугадал, что ей станет жутковато, в следующем параграфе указывались источники средств: проценты, накопившиеся на сотнях счетов. На каждом в отдельности — гроши, но все вместе составляло кругленькую сумму.

Имейл заканчивался выражением надежды на то, что она будет счастлива в своей новой жизни, и был подписан просто «веб-мастер».

Все равно что получить письмо от своего адвоката. Только факты, мэм.

Первым ее побуждением было уйти от всего этого. Но здравый смысл возобладал. Да, она чувствовала себя в некотором роде содержанкой, но, с другой стороны, ничто не привязывало ее к этому месту. И так ли уж ей хотелось снова идти на улицу?

Ты ведь на самом деле никогда не жила на улице. Все это были только имплантированные тебе воспоминания.

Да, это правда. Но из этого не следует, что жизнь на улице безопасна и проста.

Она перечитала имейл и вздохнула, вспомнив их с Аароном разговор о том, что, возможно, они — ангелы-хранители друг друга.

Он-то уж точно сейчас выступает в роли ее ангела-хранителя.

Ее далекий и недоступный ангел-хранитель.

Потому что в письме не было ни капли тепла. Наверное, она должна утешаться тем, что первое, что он сделал, как только установил связь «Вордвуда» с внешним миром, — это обеспечил ее благосостояние. Но почему он не мог добавить ничего личного?

Хоть что-нибудь. Хоть самую малость.

Потому что Аарону нужно теперь раз и навсегда отсечь все человеческие привязанности, поняла она. Только так он сможет выжить там.

Ей показалось, что она поняла.

Но это было слабое утешение. Она осталась на свете одна.

В последующие дни она избегала всех, кто имел какое-либо отношение к исчезновению Аарона. Она, главным образом, сидела дома. Читала, смотрела телевизор. Иногда просто пододвигала стул к окну и смотрела в окно. Никто не знал, что она здесь, — никто, кроме веб-мастера «Вордвуда», так что никто и не пытался вступить с ней в контакт.

Но потом ей пришлось выходить чаще и дальше, чем на угол, в магазин за продуктами.

Да, она знала, что ее прошлое — поддельное, но она была человеком активным, не склонным к рефлексии, что бы там ни внушали ей вложенные в голову воспоминания. Дух Вордвуда создал, должно быть, контекст, в котором она послушно терпела оскорбления и побои Дэррила, пока наконец не решилась за себя постоять, но ведь это была не она. Или если это была она — если именно такой он ее задумал, — что ж, значит, этот план провалился.

Или она изменила этот план.

Ей не нужно было искать работу. Аарон обеспечил ее так, что вопрос о необходимости работать просто ради заработка не стоял. Да у нее и не было особого желания заниматься каким-то определенным делом. Пока, во всяком случае. Может быть, потом. Но сейчас ей хотелось для начала получше узнать Условный Мир. Накопить запас настоящих, своих собственных воспоминаний.

И она стала посещать музеи и картинные галереи. Еще она бывала в кафе, специально чтобы посмотреть, как люди общаются. Попробовала ходить по магазинам, но ей так немного было нужно, притом что в квартире Аарона было все необходимое. Она купила кое-что из одежды, но, приобретя несколько новых мешковатых брюк и футболок, миленькую

джинсовую куртку, белье и даже пару платьев, она поняла, что не готова к другим покупкам. Целый карман мелочи она раздала нищим и бродягам, мимо которых проходила на улице.

Она открыла для себя библиотеки и нашла, что посещать их очень интересно: как из-за возможности понаблюдать за людьми, так и собственно ради книг. У Аарона целая комната была отведена под библиотеку, но в ней Сюзи обнаружила по преимуществу беллетристику, тогда как ее больше интересовала документальная литература. Как все устроено. Как развивалась история. Как люди, знаменитые и не очень, прожили свои жизни.

Во время одного из походов в Публичную библиотеку Кроуси, проходя мимо компьютерного зала, она заметила знакомое лицо. Она остановилась в дверях, глядя на Кристиану. Ее пальцы бойко сновали по клавиатуре. Сюзи уже собиралась уйти, но в этот момент Кристиана оторвалась от компьютера и подняла глаза. Их взгляды встретились.

Сюзи кивнула. Кристиана улыбнулась в ответ, но, кажется, почувствовала, что Сюзи готова улизнуть, и потому не стала вставать ей навстречу. Так что Сюзи самой пришлось подойти к ней. Она выдвинула стул из-за соседнего стола и села рядом с таинственной тенью Кристи. Она и сама не понимала, зачем это делает. Она даже не была уверена в том, что ей нравится эта женщина. Кристиана была одним из двух кандидатов на право остаться в Вордвуде. Она и должна была там остаться.

— Итак, как вам Условный Мир? — спросила Кристиана.

Сюзи пожала плечами:

— Интересно.

— Забавно, как изменилось значение слова, — усмехнулась Кристиана.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, раньше люди говорили, что что-то им интересно, когда это что-то действительно привлекало их внимание. Это должно было быть нечто замечательное. Привлекательное. По крайней мере, из ряда вон выходящее. А теперь это просто вежливый способ уйти от разговора и обычно означает, что вам вовсе не интересно.

Сюзи стало неловко.

— Так все-таки что из двух? — спросила Кристиана.

— И то и другое, — призналась Сюзи. — Много привлекает меня, но в то же время я чувствую себя отдельной от всего этого.

— Чем вы занимались?

— В основном просто наблюдала людей.

Кристиана понимающе кивнула.

— А что в этом плохого? — вскинулась Сюзи.

— Абсолютно ничего. Просто когда меня учили казаться настоящей, прежде всего мне советовали общаться с людьми.

— Но мне не надо учиться быть настоящей.

— Я и не говорила, что надо.

Сюзи улыбнулась:

— Но имели это в виду.

— Да, наверное, имела. Я подумала, что вы наверняка испытываете те же проблемы с самоидентификацией, что и мы с Саскией.

— Вы считаете, что вы — ненастоящая?

— Не знаю. Я родилась тенью, отброшенной семилетним мальчиком. Насколько я, по-вашему, настоящая? — Кристиана неожиданно улыбнулась, но улыбка вышла невеселая. — Очень забавно. До тех пор пока мы не столкнулись с Саскией и не поговорили, что, в сущности, и привело к этой истории с Вордвудом, я никогда всерьез не задавалась вопросом, откуда я взялась. Это ведь тоже кое-что обо мне говорит.

— А теперь задалась?

Кристиана кивнула:

— У меня нет корней.

— Может быть, я не очень умею общаться с миром вообще, — сказала Сюзи, — но в

одном я уверена: не важно, откуда каждый из нас появился и даже кто как выглядит. Единственное, что имеет значение, — кто мы сейчас.

Кристиана довольно долго молчала. Ее взгляд соскользнул с лица Сюзи, и та не знала, направлен ли он теперь внутрь себя, или она просто оглядывает библиотеку.

— Это неплохая позиция, — сказала наконец Кристиана, снова переводя взгляд на Сюзи. — Делается акцент на личность как таковую, а не на то, откуда она такая взялась. Это подходит моему независимому характеру, наделенному вдобавок здравым смыслом. Как могут твои гены или твое прошлое конкурировать с тем, что ты есть сегодня?

Сюзи восприняла вопрос как риторический и не стала обдумывать ответ.

— Но вы правы насчет того, что мне надо побольше общаться с людьми, — сказала она. — Есть что-то неправильное и странное в том, чтобы жить как в коконе. В книгах и картинных галереях так много можно почерпнуть!

Кристиана кивнула:

— Как вы зарабатываете на жизнь? У вас уже есть где жить?

— Я живу в квартире Аарона. Он так устроил, что все, что принадлежало ему, перешло ко мне, кроме того, он открыл счет на мое имя и положил на него кучу денег.

— Возможно, несправедливо нажитых, — сказала Кристиана, но в ее голосе была улыбка, и она давала Сюзи понять, что к этим словам не следует относиться серьезно.

— Ну разве что наполовину несправедливо, — улыбнулась в ответ Сюзи.

— У вас есть от него вести?

Сюзи услышала в этом вопросе больше чем простой интерес.

— Только имейл в первый день, — сказала она. — Очень деловое послание, подписанное «Веб-мастер».

— Сурово.

Сюзи кивнула.

— А вы больше не встречали таких же, как вы... разведчиков, заброшенных Вордвудом? — спросила Кристиана.

Сюзи улыбнулась ее минутному замешательству. Она, наверное, хотела сказать «шпионов».

— Нет, — ответила она. — Я больше не чувствую их присутствия, как не чувствую и духа Вордвуда, но, вообще-то, я не искала.

Тут она поняла, что все это действительно ей больше не интересно. Все это — в прошлой жизни. А ей хотелось сосредоточиться на новой. На том, что было сейчас.

Кристиана смотрела на монитор.

— Даже забавно: еще неделю назад мы были целиком поглощены всем этим.

— Чем?

— «Вордвудом». Интернетом.

— Но теперь нам больше нечего об этом волноваться, — сказала Сюзи.

Кристиана кивнула.

Сюзи подумала, что, пожалуй, ей нравится сидеть так и общаться с кем-то еще, помимо своего внутреннего голоса. И Кристиана ей нравилась, даже притом, что она должна была бы остаться в Вордвуде, но не осталась.

— Не хотите перекусить? — вдруг спросила она, сама себе удивляясь.

Кристиана притворилась, что раздумывает.

— Но только если вы заплатите за мой ланч из своих «несправедливых доходов». Так я буду чувствовать себя настоящим пиратом.

— А это нужно, чтобы?..

— Это нужно, чтобы я наконец с полным правом купила попугая. И кто знает, вдруг к его лапке будет привязана карта местности, где зарыты сокровища?

— Но тогда вам придется сменить имя на что-нибудь вроде «Джон Сильвер».

— Наверное. Кстати, вам никогда не приходило в голову, что, может быть, его так звали потому, что он все время ходил в исподнем?

Обе захихикали. Когда на них зашикала женщина за соседним компьютером, они только еще больше развеселились и поскорее поднялись и ушли, поддерживая друг друга и давясь смехом.

Кристиана

Итак, я продолжаю сталкиваться с последствиями нашего путешествия в Вордвуд.

Я обрела новую подругу — Сюзи. Мне нравятся замечания о людях, которые она отпускает, когда мы бываем на концертах или в кафе или просто ходим по улицам. Она умеет быть и серьезной, и забавной и никогда не откажется от нового приключения. В этом смысле она больше похожа на моих друзей из Пограничных Миров, чем большинство людей, которых я встречаю в Условном Мире.

В тот первый наш ланч она попросила меня научить ее перемещаться в Другие Миры. Я поняла, зачем ей это нужно, но не стала отговаривать. Она хотела поговорить с Аароном. Мне тоже этого хотелось, но попасть назад в Вордвуд не казалось мне решением проблемы.

Но почему я должна учить ее?

Отчасти потому, что рано или поздно кто-нибудь да научит. Во-вторых, потому, что я просто не верила в то, что ей удастся проникнуть в Вордвуд. Даже если Аарон, то есть то, что осталось от Аарона, захочет впустить ее, сомневаюсь, что Левиафан позволит ему это.

Поэтому я научила ее перемещаться в Пограничные Миры, вызывая их на периферии своего зрения. Это очень просто, правда. То, что мы обычно наблюдаем, — это лишь малая часть того, что вокруг нас происходит.

Попробуйте как-нибудь. Вытяните руки вперед и образуйте указательными и большими пальцами окружность размером с блюдо. Вот это и есть то, что вы видите обычно. Все остальное, все, что за пределами этого кольца, ваш мозг черпает из воспоминаний о том, что видели ваши глаза, сканируя окружающее. Вот почему так легко обнаружить Пограничные Миры на периферии зрения. Все, что надо сделать, — это убедить свой мозг, что они там, а потом сделать шаг в сторону — в них.

Это, конечно, не то, что происходит, когда вы замечаете что-то периферическим зрением — например, что кто-то к вам подходит или что на вас едет машина и надо отскочить на тротуар. Но вообще-то, это работает. И я точно знаю, что Пограничные Миры всегда здесь, они ждут нас.

С Другими Мирами сложнее, по крайней мере сложнее попасть туда из нашего мира. Но если вы уже в Пограничных — тогда легче. Мембрана, занавес, то, что лежит с краю как нашего мира, так и Царства Духов, гораздо тоньше, если смотреть на нее из удобной точки в Пограничных Мирах.

Сначала Сюзи пришлось попотеть, но через некоторое время она уже перемещалась из мира в мир, как настоящий профессионал.

— Мне здесь нравится, — сказала она в первое утро, когда появилась у меня на лугу.

Она вежливо остановилась на самом краешке и несколько раз кашлянула, ожидая, пока я ее приглашу.

Я улыбнулась и поманила ее к себе.

— Да, — подтвердила я, когда она присела на край моей постели. — Тут никогда не надоедает.

Мы с Кристи теперь общаемся как брат и сестра. Теперь он не ставит меня на пьедестал, а я стараюсь держаться с ним проще и откровеннее и не чувствовать себя его маленькой тенью. И все же есть вещи, которые я никогда ему не скажу. Например, имя Гэлфрей. В этом смысле я совершенно согласна с Джорди: когда речь идет о волшебниках и волшебницах, имя — это все. Так обстоят дела в Пограничных Мирах, и в Других Мирах тоже. Доверить кому-нибудь свое имя — это подарок, это все равно что сказать: «Я тебе доверяю».

Как я узнала ее имя? Это другая, длинная история, в которой присутствуют виски и Макси — взрывоопасная смесь, и сейчас не время ее рассказывать. Хорошенького понемножку, как говорит Мамбо.

Итак, как я уже сказала, стараюсь поближе сойтись с Кристи. Мы даже устраивали нечто вроде семейных обедов — Кристи, Саския, Джорди и я. Мне они понравились больше, чем я ожидала. Не было этого тягостного напряжения, когда разговор не клеится. Мы просто сидим и болтаем, поглощая какое-нибудь новое вкусное блюдо, изобретенное Джорди и Саскией. Ни я, ни Кристи не способны ни на что большее, чем вскипятить воду или поджарить тост. Правда, из нас получается неплохая команда посудомоек.

Когда Боджо в городе, я частенько захожу к Холли и разговариваю с ним, хотя большую часть времени общаюсь с Диком. Мы с ним сидим за полночь, когда все остальные уже спят, и беседуем о каких-нибудь старых книгах. Его очень радует, что я знакома с большей частью персонажей, которые начали свою жизнь на страницах этих забытых почти всеми историй. Думаю, мне удастся убедить Дика отправиться со мной на следующую вечеринку в Хинтерленд. А это целое событие для домового-домоседа.

И для других тоже...

Джексона я больше не видела. Думаю, если он меня вспомнит, это только создаст ему новые проблемы. Это нарушит его безмятежную жизнь.

Для некоторых людей ничего страшного в этом не было бы, но Джексон производит на меня впечатление человека, который хотел бы вести жизнь упорядоченную и спокойную, а знакомство со мной как раз внесло бы в его существование элементы хаоса. Вспомните, что произошло с Саскией, стоило ей посидеть со мной в кафе.

С другими создателями «Вордвуда» я даже не встречалась, но Холли говорит, что с ними и с Раулем все нормально. Я спросила ее, не получал ли кто из них вестей от Аарона, но они даже не поняли, кто это такой, и, кроме того, никто из них больше не имел никаких дел с этим сайтом. Когда Холли попробовала выяснить у них почему, вразумительного ответа никто не дал, а она не настаивала.

Мне понравился Рауль, может быть, именно потому, что он голубой. Он смотрел на меня как на индивидуальность, а не оценивал мою привлекательность, как большинство мужчин. Просто удивительно, каким облегчением может быть отсутствие сексуальной энергии в этом перегруженном ею мире, где даже детские мультфильмы, кажется, рекламируют секс. Хотя должна признаться, что не согласилась бы отказаться от него надолго. И вовсе не воспринимаю Рауля как образец целомудрия. Просто у него другая ориентация. Впрочем, если бы я была мужчиной, он, возможно, смотрел бы на меня совсем иначе.

Единственным человеком, которого я никогда не встречала до того, как началась вся эта история с Вордвудом, был Роберт Лонни. Но Кристи и Джорди так много о нем говорили, что я, где бы ни была — в Пограничных Мирах или просто шатаясь по городу, — все пыталась поймать эту его музыку.

— Ты ее сразу узнаешь, когда услышишь, — говорит Кристи, когда я прошу его описать мне ее. — Поверь мне.

Он прав.

Однажды вечером на Пальм-стрит прохожу мимо бара и слышу блюз. Вещь знакомая, но никогда раньше не слышала, чтобы ее так исполняли. Я сразу понимаю, кто это, и застываю на месте. Заведение уже несколько часов как закрыто. Внутри темно, и дверь заперта (как будто это может меня остановить!). Привлеченная музыкой, я делаю шаг в Пограничные Миры, потом обратно в этот мир и в результате этого несложного перемещения оказываюсь внутри.

Гитара немедленно смолкает.

Я вижу красивого чернокожего человека, сидящего за столиком. У него гитара на коленях и большой револьвер в руке. Дуло нацелено прямо на меня. Мы несколько долгих мгновений смотрим друг на друга, потом он наконец опускает руку и кладет оружие на стол.

— Либо они теперь делают ищеек очень хорошенькими, специально чтобы нам было труднее сопротивляться, — говорит он, снова начиная перебирать струны гитары, — либо у вас есть какие-то другие причины, чтобы пробраться сюда ночью.

— Могу я сесть? — спрашиваю я.

Он улыбается:

— Я не знаю. А правда, можете ли?

Я не поправляю себя и не спрашиваю: «Можно мне сесть?» Просто воспринимаю его улыбку как знак согласия, вытаскиваю стул из-под ближайшего стола и сажусь за его столик.

— Я дружу с Кристи и Джорди, — говорю я. — Я им как сестра.

Он приподнимает бровь, и его указательный палец цепляет басовую струну. Это звучит как удивленный вопрос.

— Как кто? — спрашивает он.

— Я — тень Кристи.

— По-моему, вы вполне реальны.

Я пожимаю плечами:

— Он отбросил меня довольно давно, когда мне было всего семь.

— И как вы себя чувствуете в связи с этим?

— Не знаю. Большую часть времени я об этом даже не задумывалась, но в последнее время... — Я еще раз пожимаю плечами. — Даже не знаю.

Роберт медленно кивает.

— Я знал несколько теней, — говорит он. — Первая, которая приходит на ум, была тенью одного типа, который закончил на виселице за то, что убил бог знает сколько людей. В мои времена его просто линчевали бы.

— Кто же это был?

— Самая преступная мать из всех, каких я имел несчастье знать.

— Я имею в виду тень, — говорю я.

— Я про нее и говорю.

— Но...

— Вы ведь не думаете, в самом деле, что навсегда связаны с тем, кто вас отбросил, не так ли? Что вы всегда должны оставаться его полной противоположностью?

Тот же аргумент я использовала, беседуя с Кристи. Однако теперь, когда он исходил от третьего лица, у него как будто прибавилось веса.

— Нет, конечно.

Он кивает:

— Из моего скромного опыта следует, что тени управляются со своей жизнью не хуже тех людей, которые их отбросили, и даже лучше, чем думают многие — те, кто очень любит приплетать генетику, когда запутывается в жизни.

— Я бы предпочла считать, что не все для меня было предопределено заранее.

— Каждый сам выбирает себе дорогу в этом мире, — говорит он.

И замолкает. По крайней мере, перестает говорить. Его пальцы извлекают волшебство из старой гитары, а я просто сижу и слушаю, пока утро не начинает стучаться в окна бара.

Одно не дает мне покоя: Аарон в Вордвуде.

Чем он там занят?

Я понимаю, что нехорошо мне быть такой любопытной, — ведь на его месте могла быть я сама. Точнее, должна была быть. Но в этом любопытстве присутствует изрядная доля искреннего беспокойства, потому что тот Аарон, которого я успела узнать, совсем не походил на Аарона, которого знали Саския и все остальные.

Кристи считает, что с Аароном произошла метаморфоза. Он думает, что она связана с Сюзи, что ей каким-то образом удалось проникнуть в глубины его души, куда никто раньше не проникал. Что лишь одного ее примера оказалось достаточно, чтобы он изменил свою жизнь и свое отношение к людям. Что ее появление в его жизни стало настоящим благословением, хотя мы ни в коей мере не вправе умалять его собственные старания исправиться.

Сюзи, в общем, того же мнения, что и Кристи, только она считает, что переменами Аарон обязан себе самому. Что просто ему было нужно, чтобы кто-то поверил в него. Разглядел за непривлекательным фасадом, который он предъявлял миру, его истинную сущность.

Саския не согласна. Ей хотелось бы быть более снисходительной, но, видимо, в свое время Аарон нанес ей слишком глубокую рану.

Что до меня, то я еще не определилась. Мне надо бы сначала с ним поговорить. Так что я продолжаю посылать ему имейлы на адрес «Вордвуда». Я подключаюсь с компьютера Кристи, когда их с Саскией нет дома или когда они спят. Еще я стала завсегдатаем интернет-кафе: захожу туда каждый день выпить капучино и посидеть в Интернете. Иногда я проскальзываю в Публичную библиотеку Кроуси и пользуюсь их машинами, особенно ночью, когда все расходится по домам, но иногда и днем тоже.

Макси говорит, что мне пора завести компьютер. Скорее всего, есть способ сделать так, чтобы он работал и в Пограничных Мирах, ведь работает же там мой сотовый телефон. Но я не очень хочу иметь собственную машину. Не будь у меня этой моей маленькой заботы, компьютер интересовал бы меня не больше, чем жучки, которые разбегаются врассыпную, когда отвалишь большой камень. Впрочем, нет, неправда. Я люблю наблюдать за букашками.

Так что я продолжаю пользоваться чужими компьютерами и однажды все-таки получаю ответ.

Кому: MsTree@yahoo.com

Дата: 26 сентября 2000 г., вторник, 15:04:21 — 0400

От: Webmaster@thewordwood.com

Тема: Как ты там?

Привет, Кристиана!

Очень давно собирался написать тебе. Конечно, я должен был сделать это раньше, но... видишь ли, это сложно. Около месяца мне потребовалось на то, чтобы приспособиться к новой странной реальности, в которой я оказался.

Должен тебе сказать... нет, не так... Скорее, я должен просто поделиться этим с кем угодно, кроме Сюзи, а ты единственная, кто предпринимает попытки связаться со мной. Я бы, конечно, сказал Сюзи, но не подберу нужных слов. И потом, я знаю, что она мне ответит: ты сам выбрал свой путь, или еще что-нибудь такое же бодрое и позитивное. Но я не уверен, что она понимает все до конца. Не уверен, что и ты поймешь меня до конца, но это будет не так больно. А может быть, ты и поймешь. Ты была внутри Левиафана. Не как другие, а как я сейчас. Мы с тобой проникли глубже. Остальные не могли бы проникнуть так глубоко, иначе они нашли бы больше аргументов, чтобы остаться и делать сейчас то, что делаю я.

Вероятно, все это кажется тебе довольно бессвязным. Даже забавно, как много дел я теперь могу делать одновременно. Ты не согласишься. Но в Вордвуде иначе нельзя. Надо получать и отправлять почту, размещать новые поступления, следить, чтобы не проникали вирусы. Когда дело доходит до чего-нибудь личного... ну, в общем, личного, боюсь, осталось мало.

Но я должен тебе сказать: Либрариус солгал. Он не пришел в Вордвуд извне, воспользовавшись появлением вируса. Он хотел отделить себя от всепроникающего духа Левиафана. Либрариус все время находился там, как я

сейчас. Он исполнял обязанности веб-мастера.

Боюсь, что рано или поздно я тоже сдамся, как сдался он.

Да, я понимаю, что разница есть. Я кое-что знаю заранее. И я намерен исполнять то, что я делаю, с большим старанием, чем что-либо, что мне доводилось делать в жизни. Но я пробыл здесь всего месяц, а уже точно знаю, как себя чувствовал Либрариус. Здесь не бывает ни минуты передышки. Ни секунды, которую можно было бы потратить на себя.

Я больше не чувствую себя настоящим. Черт, но ведь я же и есть ненастоящий, нереальный, верно? Я теперь всего-навсего интерактивное программное обеспечение, осуществляющее связь между Левиафаном и внешним миром. В общем, я пытаюсь донести до тебя, что все то же самое может случиться со мной. Может грянуть какой-нибудь новый кризис вроде вируса, который послал Джексон, и, несмотря на весь мой опыт и старания избежать этого, я тоже могу захотеть воспользоваться этим и попытаться освободиться от Левиафана.

Не сегодня. Не завтра. Может быть, я выдержу еще год. Не забывай, что Либрариус пробыл здесь несколько лет, до того как сорвался.

Вот и я боюсь, что не выдержу.

Не знаю, хватит ли у меня сил удержаться. Не знаю, хватит ли на это сил хоть у кого-нибудь.

Аарон

<http://www.thewordwood.com/>

Читая его письмо, я подумала, что, пожалуй, не у него одного кризис. У меня тоже. Кризис личности, что довольно забавно, если вспомнить, как все начиналось. Или, по крайней мере, как все начиналось у нас с Саскией: у нее был кризис, а я убедила ее вступить в контакт с Вордвудом, потому что мне показалось, что это лучший способ раз и навсегда ответить на вопрос, настоящая она или нет.

Но с тех пор, как мы вернулись из Вордвуда, я только и делаю, что кругами хожу около этого самого вопроса.

Нет, не так. Я носила этот вопрос в себе с тех пор, как отделилась от Кристи. Просто встреча с Саскией... и то, что она некоторое время провела у меня в голове, и то, что мне довелось пережить в связи с Левиафаном, — все это вновь поставило вопрос ребром, и теперь я не знаю, как с ним разобраться.

Я все еще сижу у экрана, когда вдруг кто-то усаживается рядом. Я поворачиваю голову и вижу, что это она, Саския, с ее золотистыми волосами и голубыми, как море, глазами, такая естественная и прекрасная.

Я даю ей прочитать имейл Аарона.

— Ты должна выбросить это из головы, — говорит она, дочитав до конца и повернувшись ко мне. — Мы тут ничего не можем поделать.

— Да, я знаю. Просто... как-то волнуясь.

Она наклоняет голову и внимательно на меня смотрит.

— А что тебя больше волнует? — спрашивает она. — Что сама ситуация вызывает беспокойство или что лично ты беспокоишься об этом?

Откуда она так хорошо меня знает? Как сказал Кристи, я — изначально свободный дух. Никаких забот, никаких волнений. Происходит что-то неприятное? Тра-ля-ля! И я отправлюсь туда, где ничего неприятного не происходит.

— Что ты успела вытянуть из меня, пока была у меня в голове? — спрашиваю я.

— Только то, что ты физически ощущала, — отвечает она. — Я не могла читать в твоих мыслях или знать, что ты чувствуешь, если ты не делилась этим со мной.

— Что ж, уже легче.

— Но ты уходишь от вопроса. Что все-таки волнует тебя больше?

— И то и другое, — приходится признаться мне.

— Что ж, это хорошо, что ты об этом беспокоишься, — говорит она, — и все-таки надо оставить все как есть.

— Но...

— Что ты собираешься делать? Найти способ вернуться в Вордвуд и занять его место?

— Возможно, это не такая уж плохая идея.

Она качает головой:

— И то, чего боится Аарон, тебя не пугает, потому что ты?..

— Тень?

— О, пожалуйста, прекрати! Куда подевался твой свободолюбивый нрав?

Она протягивает руку и нажимает клавишу «Delete». Другой имейл выскакивает на место письма Аарона: какой-то спам сообщает нам, что мы, оказывается, остро нуждаемся в том, чтобы мужские пенисы были побольше. Ах вот оно что. Всегда найдется кто-то полагающий, что он знает тебя лучше, чем ты сам себя знаешь.

Мы улыбаемся друг другу. Я оплачиваю счет, и мы оставляем компьютер другому пользователю. Саския заказывает еще по капучино, и мы садимся за столик у окна.

— Сколько мы ни путешествовали, — говорю я, — в конечном счете мы так ничего и не выяснили, верно ведь?

Саския улыбается:

— Ты тоже это заметила?

— Так ты с этим примирилась?

— В смысле, не знать, кто я такая?

Я киваю.

— Пожалуй, да, — говорит она. — Я решила, что это, в общем, не имеет значения. По крайней мере, что это не должно иметь значения. Может быть, это подход типа «зелен виноград». Или знаешь, как иногда бедные люди говорят, что за деньги счастья не купишь. Именно потому и говорят, что у них нет денег. Но вообще-то, если смотреть в корень, не важно, откуда мы взялись или даже кто как выглядит. Единственное, что имеет значение, — кто мы сейчас.

— То же самое — слово в слово — мне сказала Сюзи.

— Ты с ней виделась?

— И продолжаю видеться. Я со многими сейчас общаюсь в Условном Мире.

— Так ты становишься светской дамочкой!

— Я всегда такая была.

— Только не здесь. Не в этом мире.

— Это мир Кристи.

— Разве это только его мир? — спрашивает она. — Разве здесь недостаточно места для вас обоих?

— Думаю, места хватит всем.

Мне становится немного легче, когда я произношу эту фразу. Как будто произнести слова — значит сделать их правдой. Может быть, это та перемена, которая произошла во мне, когда Левиафан покинул свое физическое тело. Может быть, я наконец привыкаю к мысли, что и у меня есть свое место в этом мире, что у меня здесь могут быть серьезные длительные отношения, что я здесь не просто проездом.

Я улыбаюсь ей и снова повторяю те же слова, наслаждаясь тем, как они легко слетают с губ:

— Думаю, места хватит всем.